МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

3

ФИЛИП ФАРМЕР

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

WORLDS OF PHILIP FARMER

3

THE WORLD OF TIERS

THE LAVALITE WORLD

RED ORC'S RAGE

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

ЛАВАЛИТОВЫЙ МИР
ГНЕВ РЫЖЕГО ОРКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Серия основана в 1996 году

Миры Филипа Фармера. Т. 3 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 415 с.

Включенные в эту книгу романы «Лавалитовый мир» и «Гнев Рыжего Орка» продолжают замечательный сериал Ф. Х. Фармера «Многоярусный мир». В первом из них рассказывается о приключениях Кикахи и его спутницы Ананы на нестабильной планете, созданной властителем Уртоной.

А второй роман, «Гнев Рыжего Орка», относит нас на двести веков в прошлое, во времена юности жестокого властителя, увиденные глазами обычного американского подростка Джима Гримсона.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-140-5

The Lavalite World
Copyright © 1977 by Philip José Farmer
Red Orc's Rage
Copyright © 1991 by Philip José Farmer
© Издательство «Полярис»,
перевод, составление, оформление, название серии, 1996

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В третий том собрания фантастических произведений Филипа Хосе Фармера вошли романы «Лавалитовый мир» и «Гнев Рыжего Орка», продолжающие знаменитый сериал «Многоярусный мир».

В первой из этих книг читатели снова встретятся с полюбившимися им землянином Кикахой-Ловкачом и властительницей Ананой Светлой, героями предыдущих романов сериала. Продолжаются их приключения, начавшиеся в романах «Личный космос» и «За стенами Терры». Случайно попав в смертельно опасный Лавалитовый мир, созданный некогда от скуки властителем Уртоной и заброшенный им, отважная пара вынуждена не только сражаться с безумной природой планеты, бурлящей, точно котел, раскалывающейся на части и вновь соединяющейся, но и обороняться от козней своих невольных спутников — Рыжего Орка, создателя и властелина Земли, его соперника Уртоны и нанятого Уртоной неудачливого киллера Маккея. Непомерная гордыня и изощренное коварство властителей-тоанов заставляют их продолжать борьбу за обладание «карманными» вселенными, даже когда путешественникам грозит смертельная опасность. Кикахе и Анане приходится сталкиваться с дикими племенами аборигенов и спускаться с луны на воздушном шаре, скакать на лосях-великанах и спасаться от живых пушек, вступать в бой с плотоядными деревьями и гигантскими птицами, терпеть ужасы плена и разгадывать тайны межмировых врат, прежде чем они смогут вернуться в мирный и родной Многоярусный мир.

А во втором романе — «Гнев Рыжего Орка» — автор переносит нас на многие века в прошлое, сталкивая с Рыжим Орком в юности. Однако не злоключения молодого властителя на Антеме, Нежеланном мире, куда занесла юношу злая воля его отца Лоса, садиста и убийцы, и в мире Пещер безумного властителя Зазела составляют костяк романа, а история простого американского парня Джима Гримсона, который вместе с другими неуравновешенными подростками проходит курс ролевой психотерапии, основанной на

сериале «Многоярусный мир». В пику всему миру он выбирает своим воплощением Рыжего Орка, своенравного и гордого, проходя вместе с ним по всем дорогам «карманных» миров. Но с каждым сеансом Джим все отчетливее понимает, что мир Орка, где обитают чудовища и пресыщенные полубоги устраивают охоту на простых смертных, так же — если не более — реален, как и его родной городок Янгстаун в штате Огайо, как дерзкие выходки в школе и пьянство безработного отца. И с каждым разом все сложнее оказывается оторваться от сильного и жестокого Орка, изгнать его из своей жизни — в сущности, серой и скучной. Орк способен решить свои семейные проблемы, кастрировав жестокого отца и женившись на собственной матери Энитармон. Но что делать Джиму Гримсону?..

ЛАВАЛИТОВЫЙ МИР

Посвящается Роджеру Желязны — ткачу золотых историй

С благодарностью Д. Т. Эдсону, автору саг о Дасти Фоге, за то, что он благосклонно позволил мне объединить техасских Фогов с британскими Фоггами.

Филип Хосе Фармер

ГЛАВА 1

Кикаха был проворен, как Протей.

Лишь немногие могли бы сравниться с ним в столь быстрой адаптации к переменам. Но ландшафты Земли и других планет «карманных» вселенных отличались относительной стабильностью. Их горы, холмы и равнины, моря, озера и реки почти не меняли своих форм и расположения.

Впрочем, и там случались небольшие частичные преобразования, вызванные наводнениями, землетрясениями, сходами лавин и приливными волнами. Однако по временны́м меркам отдельных людей, да и целых народов, эти изменения происходили медленно и незаметно.

Гора могла передвигаться и оседать, но сотни тысяч поколений, живших у ее подножия, не знали об этом. И только для Бога или геолога ее движения казались такими же стремительными, как бросок мыши к норе.

Однако здесь все было по-другому.

Здесь нервничал даже невозмутимый и уверенный в себе Кикаха, который реагировал на перемены быстрее, чем зеркало отражало образ. Тем не менее он не собирался показывать это кому-либо еще и по-прежнему сохранял безрассудно хладнокровный вид. Иначе остальные просто сошли бы с ума.

ГЛАВА 2

«Ночью» они отошли ко сну. Кикаха нес вахту первым. Уртона, Орк, Анана и Маккей растянулись на жесткой ржаво-красной траве и вскоре заснули. Лагерь располагался в небольшой долине, которую окружали низкие холмы. Здесь, в низине, росла только трава, но на вершинах холмов виднелись контуры деревьев. Каждое из них достигало в высоту не

менее десяти футов, и хотя дул слабый ветерок, они раскачивались взад и вперед, словно под мощным ураганом.

Начиная дежурство, Кикаха видел на холмах лишь несколько деревьев, однако со временем их становилось все больше и больше. Они окружали пришельцев с Земли, пока не образовали плотное кольцо. И Кикаха догадывался, сколько их собралось по другую сторону холмов. Он знал, что деревья ожидали «рассвета». А потом, если люди не пойдут к ним сами, деревья начнут спускаться в долину.

Небо казалось темно-красным однообразным полотном, на котором чернели пятна паривших облаков. Огромная красноватая масса, по виду раз в шесть превышавшая размеры земной луны, исчезла с неба пару дней назад. Она должна была вернуться, хотя он и не знал, когда это произойдет.

Кикаха сел и помассировал ноги. Они еще немного болели после той неприятности, которая случилась двенадцать «дней» назад. Боль в груди почти исчезла. Он выздоравливал, но пока не чувствовал себя настолько подвижным и сильным, как ему бы того хотелось.

Впрочем, Кикахе во многом помогала гравитация, которая была здесь значительно слабее, чем на Земле.

Он прилег на жесткую траву. Теперь его не страшили ни люди, ни звери. Любому врагу пришлось бы сначала пробраться через лес из деревьев-убийц. Только слоны и гигантские мусоиды* обладали достаточной массой и размерами, чтобы сделать это. Они поедали деревья, и Кикаха не возражал бы, если бы их стадо прошло сейчас где-нибудь рядом. На таком расстоянии он не мог определить, к какому виду относились эти растения. Однако в лавалитовом мире встречались столь грозные и опасные деревья, что от них убегали даже большие звери.

И все же странно, что чертовы растения обнаружили их маленький отряд. Обоняние деревьев было великолепным, но Кикаха сомневался, что слабый ветер мог перенести запах людей через холмы. Визуальная способность растений ограничивалась сотней ярдов. Их многофасеточные глаза, расположенные кольцами на макушках стволов, довольно четко различали подвижные объекты. Тем не менее на таком расстоянии и в «ночной» период суток они просто не могли ничего увидеть.

---

* Здесь: животное, похожее на лося (moose (*англ.*) — лось). — *Здесь и далее примеч. пер.*

Возможно, один или несколько их разведчиков взобрались на холм и поймали пару молекул человеческого запаха. Впрочем, удивляться тут нечему. От путешественников действительно сильно пахло. То малое количество воды, которое удавалось находить, они использовали только для питья. И если завтра отряд не встретит какой-нибудь водоем, людям придется пить свою мочу. Говорят, что ее можно использовать дважды, прежде чем она станет ядовитой.

И еще им требовалась пища. Выбора не оставалось — либо Кикаха подстрелит какое-то животное, либо они, ослабев от голода, свалятся с ног.

Он провел ладонью по стволу ручного лучемета. Заряда аккумулятора хватит лишь на несколько мощных выстрелов, а потом оружие можно будет выбросить. До сих пор ему и Анане удавалось обходиться стрелами и топором, но только лучемет позволял им держать в подчинении троих коварных спутников. И только это оружие могло защитить их от крупных и опасных зверей. Кикаха знал, что на «рассвете» ему придется пойти на охоту. Без еды им больше не прожить и дня. Кроме того, напившись крови, они могли бы утолить жажду.

Однако прежде предстояло пройти через лес. Чтобы проложить тропу между стволами, возможно, потребуется весь заряд батареи. И скорее всего ее даже не хватит. На другой стороне холма их могло поджидать не меньше тысячи деревьев-убийц.

Облака сгущались, предвещая долгожданный дождь. Если он хлынет с такой силой, о которой рассказывал Уртона, чаша долины заполнится водой за несколько минут. Следовательно, предстоит либо потоп, либо атака деревьев. Ну хоть какой-то выбор!

Кикаха по-прежнему лежал на спине. Время от времени до него доносились шуршание, треск и слабое поскрипывание деревьев. Почва дрожала и двигалась. Она казалась такой же теплой, как человеческое тело. Ее жар струился по спине и ногам. Под густым ковром травы и плотным сплетением корней распространялась энергия преобразований. Земля медленно перемещалась, и Кикаха не знал, какую форму примет очередная мутация грунта.

Он просто ждал. Одним из его достоинств являлось невозмутимое терпение. Кикаха мог сравниться в выдержке с волком или с леопардом. Он мог часами лежать в траве, оценивая ситуацию и наблюдая за жертвой. А когда наступал миг действия, Кикаха становился неудержимым. К сожалению,

раненая нога и слабость осложняли его положение, и там, где он прежде походил на динамит, теперь осталась лишь горстка черного пороха.

Кикаха сел и осмотрелся. Вокруг стелилась красноватая мгла. На холмах покачивалась стена деревьев, а рядом, кто на спинах, кто на боку, лежали остальные члены отряда. Маккей храпел. Анана что-то шептала на языке властителей, который был древнее, чем его родная планета. Увидев открытые глаза Уртоны, Кикаха вздрогнул. Неужели тот намеревался застать караульного врасплох и овладеть лучеметом?

Нет, он тоже спал, но его рот и глаза были открыты. Приблизившись к нему, Кикаха услышал тихий невнятный шепот. Глаза Уртоны выглядели пустыми и остекленевшими.

Кикаха облизал пересохшие губы и тяжело сглотнул. Потом поднес запястье к глазам и взглянул на часы, которые позаимствовал у Ананы. Стоило нажать на маленький бугорок, как на поверхности циферблата появлялись четыре ярких символа. В нумерологии властителей они служили цифрами и соответствовали 15.12 по земному времени. Конечно, здесь это ничего не означало. Планету без солнца окружало лишь небо без звезд, излучавшее и свет, и тепло. Лавалитовый мир не имел ничего постоянного — в том числе и неизменного вращения на каком-либо плане бытия. Большая красноватая масса, медленно перемещавшаяся по небосводу, с каждым днем становилась все больше и больше. На самом деле это была не луна, а временный спутник, который падал на планету.

Мир без теней. Мир без севера, юга, востока и запада. На часах Ананы имелся компас, но здесь для него не было применения. Огромное небесное тело не обладало железоникелевой корой и электромагнитным полем и не располагало северным и южным полюсами. Вернее сказать, оно не являлось планетой.

Вскоре почва начала подниматься. Кикаха не мог определить это по медленным и незаметным движениям. Однако холмы положительно становились ниже.

А часы ему все же пригодились. Их единственная полезная функция заключалась в том, что они показывали хоть какое-то время. И только благодаря им Кикаха мог узнать, когда закончится его вахта, продолжавшаяся более четверти «ночи».

Наступил момент будить Анану, но едва Кикаха приблизился к ней на двенадцать шагов, как она села и сонно потянулась. Анана знала, что ей следовало заступать на

дежурство, и, засыпая, установила на нужный срок свои внутренние биологические часы. Прекрасно развитое чувство времени разбудило ее не хуже будильника.

Анана по-прежнему выглядела прекрасной, но она начинала худеть. Скулы выдавались вперед. Щеки запали, вокруг больших темно-синих глаз появились тени усталости. Губы потрескались от недостатка влаги, а некогда белая и мягкая кожа стала грязной и грубой на вид. Несмотря на то что за прошедшие двенадцать дней путешественникам часто приходилось потеть, на ее шее все еще виднелись следы сажи и копоти.

— Ты и сам выглядишь неважно, — сказала она в ответ на печальный взгляд Кикахи.

В ее бархатном и нежном контральто чувствовались хриплые надсадные нотки.

Анана встала. В ее прекрасной фигуре стройность и изящество удивительным образом сочетались с полной грудью и широкими плечами. Она лишь на два дюйма уступала в росте Кикахе, но без труда обгоняла его на дистанции в пятьдесят ярдов. Что же касается силы, то Анана могла бы на равных сразиться с любым мужчиной ее веса, и в этом не было ничего странного. За десять тысяч лет она хорошо потрудилась над своим физическим развитием.

Вытащив из заднего кармана расклешенных и слегка рваных штанов гребень, Анана расчесала длинные и черные как смоль волосы.

— Ну вот. Теперь лучше? — с усмешкой спросила она.

Ее белым красивым зубам позавидовал бы любой землянин. Всего лишь тридцать лет назад она в сотый раз обновила зубные корни.

— Довольно неплохо для старой дамы, которая умирает от голода и жажды, — ответил он. — И знаешь, если бы обстоятельства позволяли... — Его улыбка погасла, и, взмахнув рукой, он указал на вершины холмов: — К сожалению, у нас слишком много гостей.

В «ночном» полумраке Кикаха не увидел, как побледнело ее лицо. Однако в голосе Ананы появилась звонкая напряженность:

— Если бы на них росли фрукты, мы могли бы поесть.

Он не стал рассуждать о том, кто кого съест, посчитав за лучшее не говорить об этом.

Анана взяла лучемет, похожий на обычный шестизарядный револьвер. Вместо патронов в обойме находились батареи, и теперь только одна из них имела заряд. В стволе

содержался механизм, регулировавший мощность луча так, что тот мог рассечь дерево, вызвать легкий ожог или нанести «оглушающий» удар.

Кикаха вернулся туда, где лежали его лук и колчан со стрелами. В этом мире ему только дважды удалось воспользоваться своим мастерством стрелка. Пугливые животные не подпускали людей на расстояние выстрела. А те две случайные жертвы оказались небольшими газелями, и, конечно же, их не хватило для того, чтобы наполнить животы пятерых человек, голодавших уже двенадцать дней. Однажды Анана заметила сонного зайца и, метнув топор, оглушила его. Но из-за пригорка выскочил длинноногий бабуин и, схватив зверька, умчался к поросшему травой оврагу.

Кикаха поднял оружие, и они отошли шагов на триста от спавших спутников. Положив голову на колени Ананы, он тут же заснул. Рукоятка его ножа торчала из земли у самой ладони, и в случае нападения он успел бы вытащить клинок за долю секунды. В распоряжении Ананы имелись лучемет, метательный топор и короткий нож.

В тот момент Кикаху тревожили не столько деревья, сколько остальные члены отряда: именно поэтому он старался держаться подальше от них.

Когда дежурство Ананы закончилось, она разбудила Маккея, вернулась к Кикахе и легла рядом. Она знала, что никто из спутников не посмеет подкрасться к ним во время сна. Анана с самого начала предупредила всех, что на ее часах есть устройство, которое подает сигнал тревоги при любом приближении достаточно крупного существа. И хотя она обманывала, такие устройства действительно использовались многими властителями. Поэтому, даже сомневаясь в ее словах, Уртона и Орк не решались на пробную вылазку.

Анана сказала, что убьет каждого, кто попытается напасть на нее и Кикаху во время сна. И все знали: она, не задумываясь, выполнит обещание.

ГЛАВА 3

Кикаха проснулся, потея от жары. Яркий свет «дня» щекотал ресницы и веки. Небо стало огненно-красным; облака разбежались, унеся драгоценную влагу. Долина исчезла. Холмы сравнялись. На их месте простиралась равнина, и теперь отряд находился на небольшом возвышении.

Это удивило Кикаху. Он не ожидал, что изменения будут такими скорыми. Однако Уртона сказал, что метаморфозы

ландшафта иногда начинают ускоряться. Его мир был лишен постоянства и предсказуемости. Здесь человек либо сходил с ума, либо переставал чему-либо удивляться.

Деревья по-прежнему сжимали кольцо. Их численность достигла нескольких тысяч, и разведчики медленно продвигались к возникшему холму. Стволы походили на цилиндры, покрытые гладкой зеленоватой корой. Около вершины располагались большие круглые глаза. Почти у корней находилось отверстие — вернее, пасть. Внутри виднелись гибкие сплетения и два ряда острых акульих зубов. По словам Уртоны, растения наполовину состояли из протеина. Властитель заимствовал строение их пищеварительной системы у животных, однако задний проход, или конечный сегмент пищевода, располагался рядом с глоткой, то есть во рту.

А Уртона действительно это знал — ведь он же их и придумал.

— Деревья не подвержены болезням, поэтому я не видел причины для вывода фекалий через какое-то другое место, — рассказывал он.

— Я представляю, как пахнет из этих ртов, — съязвил Кикаха. — Наверное, поэтому их никто и не целует, правда?

Он, Анана и Маккей засмеялись. Уртона и Рыжий Орк сморщились от отвращения. Их чувство юмора давно атрофировалось. А может, они его никогда не имели.

Из макушки каждого дерева поднималась двухфутовая поросль тонких стеблей, покрытых широкими зелеными листьями, по форме напоминавшими сердечки. Ствол в двух местах опоясывали кольца из шести коротких ветвей, каждая из которых достигала в длину трех футов. Листья на них были большими и круглыми. Между ветками располагались щупальца, которые гибкостью и подвижностью напоминали осьминожьи. Они не превышали в длину двенадцати футов, однако пара щупалец у основания ствола казалась несколько длиннее.

Нижние щупальца помогали дереву сохранять равновесие. Ствол двигался вперед на двух коротких ногах, которые оканчивались большими беспалыми ступнями, покрытыми корой. Когда дерево принимало сидячее положение (что случалось довольно редко), нижние щупальца зарывались в почву, обрастали корнями и высасывали из земли питательную влагу. Если дерево вновь переходило на кочевой образ жизни, корни без труда обрывались, и щупальца вытягивались из земли.

Кикаха спросил Уртону, зачем тот создал в биолабораториях таких неповоротливых и неестественных монстров.

— Мне так захотелось, вот я и сделал, — ответил он.

Однако теперь Уртона скорее всего жалел об этом. Он разбудил остальных. Все с ужасом осматривали странных и жутких существ.

— Как они общаются друг с другом? — спросил Кикаха.

— С помощью феромонов и других летучих веществ, которые выделяют Их около тридцати видов, и дерево, улавливая запахи, воспринимает различные сигналы. Мозг этих существ сходен по размерам с мозгом динозавра, но они не думают, а реагируют на инстинктивном уровне. Деревья-убийцы во многом напоминают роботов. И еще у них развит стадный инстинкт.

— А существуют такие феромоны, которые вызывали бы у них страх?

— Да. Но тебе не удастся их напугать: в этой ситуации для них нет ничего страшного.

— Тогда остается только сожалеть о том, что ты не прихватил с собой пузырек с нужными феромонами, — сказал Кикаха.

— Обычно я носил его с собой, — угрюмо ответил Уртона.

Ближайший разведчик остановился в тридцати шагах. Кикаха взглянул на Анану, стоявшую в шестидесяти футах от остальной группы людей. Ее лучемет был готов разрешить любую проблему.

Кикаха направился к разведчику и замер в десяти шагах от него. Дерево зашевелило зеленоватыми щупальцами. Несколько монстров медленно двинулись на помощь собрату. Кикаха решил, что при таких ногах максимальная скорость передвижения могла составлять милю в час, не больше, хотя на самом деле не знал, на что способны эти существа. Уртона так и не вспомнил, насколько они быстры.

Приближаясь к дереву, он чувствовал, как вибрировала под ногами земля. Скорость преобразований возрастала. В воздухе стало теплее. Между острыми травинками появлялось пространство. Выпиравший грунт выглядел черным и жирным. Если бы подвижки почвы прекратились, то голые проталины на склонах холма заросли бы травой в течение трех дней.

Около тысячи растений по-прежнему сжимали кольцо, но двигались все медленнее и медленнее. Стволы клонились вперед, переступая короткими негнущимися ногами. Щупальца вытягивались в стороны, с трудом поддерживая равновесие.

Рассматривая с близкого расстояния плотоядное дерево, Кикаха увидел около дюжины яблочно-красных шаров, которые свисали с ветвей, и жестом подозвал Уртону.

— Эти плоды съедобны?

— Птицы их едят, — ответил властитель. — Честно говоря, я не помню. Да и зачем мне было делать их ядовитыми для человека?

— Насколько я тебя знаю, ты мог бы сделать это просто ради смеха, — проворчал Кикаха.

Он повернулся и позвал Энджюса Маккея. Негр робко двинулся вперед, опасаясь скорее дерева, а не Кикахи.

Маккей был ниже Кикахи всего лишь на дюйм, но фунтов на тридцать тяжелее. Причем этот добавочный вес не имел к жиру никакого отношения. От прежней одежды на нем остались только черные джинсы, носки и ботинки. Он выбросил и рубашку, и кожаную куртку, но Кикаха попросил его оставить мотоциклетный шлем, чтобы собирать в него дождевую воду.

Завоевав в Детройте славу профессионального преступника, Маккей переехал в Лос-Анджелес и стал одним из наемных убийц Уртоны. Он даже не догадывался, что Уртона являлся властителем, и ничего не знал о делах того, кого называл мистером Каллистером. Его волновали только деньги, а босс платил хорошо. Кроме того, ему нравилось, что мистер Каллистер проводил операции, выходившие за рамки бизнеса других банд, и имел огромное влияние на чиновников из департамента полиции.

В тот день, который теперь казался оставшимся в далеком прошлом, у него выдался свободный вечерок. В районе Уотта он знал неплохой бар, где обычно любил надираться до чертиков. Подцепив смазливую и крикливую деваху, Маккей отвез ее в Голливуд — в свою квартиру. Они с порога прыгнули в кровать, а чуть позже он уснул. Посреди ночи его разбудил телефонный звонок. Звонил мистер Каллистер. Судя по возбужденному голосу, у него возникли какие-то проблемы. Что бы там такое ни произошло, босс не хотел говорить об этом по телефону и приказал Маккею явиться немедленно, прихватив с собой автоматический пистолет сорок пятого калибра.

Звонок протрезвил негра как холодный душ. Раз уж Каллистер в открытую говорил по телефону об оружии, значит, действительно находился в серьезном затруднении. А потом начались первые неприятности. Женщина ушла, прихватив с собой не только бумажник с кредитными карточками и пятьюстами баксов, но и ключи от машины. Выглянув из окна, Маккей обнаружил, что автомобиль тоже исчез.

Не будь такой спешки, он бы просто рассмеялся. Эта старая кошелка ободрала его, как какого-то лоха! Таких

фокусов он не прощал. Маккей мог бы найти ее в течение дня и вернуть карточки и деньги — если они все еще были у нее. А о машине и говорить не стоит. И он не стал бы убивать эту глупую дешевку, а просто избил бы до потери памяти, преподав хороший урок. Маккей уважал свой бизнес, а такие, как он, убивали только за деньги или, на худой конец, защищая свою жизнь.

Надев костюм мотоциклиста и оседлав железного «коня», он помчался в ночь, готовый обставить любых толстозадых копов, которые увяжутся за ним. А Каллистер ждал его. Телохранители босса куда-то пропали. Однако Маккей не стал совать нос в чужие дела: хозяин не любил лишних вопросов. Чуть позже Каллистер сам все рассказал: ребята попали в автомобильную аварию, догоняя его врагов — мужчину и женщину. Они не погибли, но получили серьезные ранения, и босс уже не мог воспользоваться их услугами.

Потом Каллистер описал приметы парочки, за которой организовал погоню, но и словом не обмолвился о том, чем они ему насолили.

Какое-то время Каллистер размышлял, покусывая губу. Это был крупный красивый хонки*, с желтоватыми вьющимися волосами и странными ярко-зелеными глазами, чем-то похожий на известного актера — кажется, Пола Ньюмена. Он быстрым шагом подошел к кабинету, вытащил из кармана небольшую коробочку размером с сахарный кубик и положил ее на дверной замок. Дверь открылась.

Босс вынес из кабинета какой-то прибор. Маккей никогда не видел ничего подобного, но это было оружие. Устройство имело приклад, к которому крепился короткий толстый ствол, и походило на обрез.

— Я передумал, — сказал Каллистер. — Оставь пистолет здесь и возьми эту штуку. Мы можем оказаться в такой ситуации, когда громкий выстрел все испортит. Сейчас я покажу тебе ее в деле.

По ходу демонстрации Маккей ощутил небольшое оцепенение. Однако это было лишь первое звено в цепи событий, которые по прихоти судьбы втянули его в историю, напоминавшую сюжет фантастического фильма. Если бы Маккей догадывался о том, что случится дальше, он бы смылся оттуда в течение двух секунд. Но кто на грешной Земле мог бы

---

* Презрительная кличка представителей белой расы, довольно распространенная среди американских негров; мягко выражаясь, «белый мусор» или нечто в этом роде.

предвидеть, что через пять минут перед ним откроются врата в иные миры.

Демонстрируя лучемет, Каллистер разрезал кресло пополам, и у Маккея едва не отпала челюсть. Потом босс заставил его надеть бронежилет, который только казался стальным, но по весу и гибкости ничем не отличался от обычной плотной ткани.

Облачившись в такую же броню, Каллистер произнес какое-то слово на незнакомом языке. На стене засветилось большое круглое пятно, затем сияние исчезло, и Маккей увидел пейзаж другого мира.

— Проходи через врата, — сказал Каллистер, махнув оружием, замаскированным под револьвер.

Маккей понял, что, если он не подчинится приказу, его убьют. И он вошел во врата. Каллистер последовал за ним. Маккей догадывался, что босс использовал его вместо щита, но, зная, как вести себя в подобных ситуациях, не сказал ни слова. Любой протест мог бы привести к тому, что хозяин рассек бы его лучом.

Они миновали еще одни врата и оказались в следующем мире, или, точнее, в каком-то другом измерении. А потом начали происходить странные вещи. Пока Каллистер подкрадывался к своим врагам, Маккей обошел поляну с другой стороны. И вдруг весь ад сорвался с цепи. Черт бы побрал этого большого рыжеволосого парня! Маккей даже глазам не поверил, увидев в его руках лук и стрелы.

Парень прятался за деревом. Маккей выстрелил и срезал лучом несколько ветвей, чтобы припугнуть этого Робин Гуда. Каллистер хотел взять Кикаху живым — вот же имечко, просто с ума сойти! Парень выпустил стрелу. В принципе Маккей мог бы догадаться, куда она нацелена. Такое он видел только в фильмах. Стрела просвистела в воздухе и попала ему в плечо. Если бы не жилет, наконечник пробил бы его насквозь. Удар сбил Маккея с ног. Лучемет отлетел в сторону, и при падении сработал спусковой механизм. Луч рассек поляну широкой полосой огня.

А потом огромный волк — каких Маккей еще никогда не видел — наскочил на луч и разлетелся на части. Маккею повезло: если бы ствол лучемета указывал в другую сторону, то разрезало бы его. От удара плечо и рука одеревенели, но он быстро пришел в себя, вскочил и, пригибаясь, побежал к ближайшему дереву. Ах, как он жалел, что мистер Каллистер приказал ему оставить автоматический пистолет. И теперь сам черт не загнал бы его на поляну за упавшим лучеметом. К тому же этот Кикаха мог выстрелить еще раз.

Все, что происходило на поляне, было выше его понимания на пятьдесят морских саженей.

Большую часть событий Маккей не видел. Он подбежал к огромной глыбе размером с дом и, цепляясь за выступы, вскарабкался наверх. Оказавшись на вершине валуна, он понял, что загнал себя в ловушку. Но в момент паники, убегая от врагов, Маккей считал вполне логичным искать спасения на валуне. Решив, что искать его здесь никто не будет, он распластался на камне и стал ждать развязки событий. Если бы победил босс, Маккей спустился бы вниз и сказал, что забрался на глыбу из стратегических соображений. Оттуда открывался обзор всей территории. Вот он и полез туда, чтобы подсказывать хозяину расположение врагов.

А его лучемет продолжал стрелять, расплавив наполовину камень, который находился в пятидесяти шагах.

Привстав, Маккей увидел, как Каллистер побежал к парочке и какому-то высокому мужчине. Поначалу босс, видимо, держал ситуацию под контролем. Но потом этот рыжий Кикаха, лежавший на земле, что-то сказал своей подруге, и та поднесла к губам какую-то забавную трубу. Услышав мелодию, босс внезапно остановился, выкрикнул проклятие и бросился наутек, словно макака, которой прищемили хвост.

Уже в следующее мгновение они оказались в другом мире. Если дела и прежде шли плохо, то теперь стали хуже во сто крат. Хотя, конечно, имелись и положительные стороны. К примеру, Маккей остался живым. Тем не менее бывали моменты, когда он начинал жалеть об этом.

И вот через двенадцать «дней» он оказался здесь. Объяснения Кикахи помогли ему кое в чем разобраться. Однако Маккей по-прежнему сомневался в том, что Анане, Рыжему Орку и Каллистеру, которого остальные называли Уртоной, исполнилось по несколько тысяч лет. И не мог поверить, что они пришли из другого мира — мира, который Кикаха назвал «карманной» вселенной. По его словам, это искусственное пространство чем-то походило на четвертое измерение, о котором так любили болтать в фантастических фильмах.

Короче, эти ребята называли себя властителями и утверждали, что являются творцами Земли. Послушать их, так они создали и солнце, и планеты, и звезды, которые, к слову сказать, были вовсе не звездами, а каким-то подобием. И так уж получалось, что они мнили себя владыками этой чертовой вселенной.

А еще Кикаха говорил, что предки всех народов Земли были выращены в биолабораториях властителей. У Маккея от таких слов мозги подпрыгивали, как пробка на морской

волне, но теперь он знал, что существовало множество искусственных вселенных, физические законы которых могли отличаться от земных в каком угодно диапазоне.

Около десяти тысяч лет назад властители расселились по собственным мирам. Каждый создал себе крохотную вселенную и правил там, как хотел. Они превратились в ненавистных врагов и считали своих сородичей ослами.

Вот почему Уртона и Орк, родные дяди Ананы, пытались убить ее и друг друга.

Однако самым странным был Кикаха. Он родился в 1918 году в небольшом городке Индианы, и родители назвали его Полом Янусом Финнеганом. После второй мировой войны он поступил в университет, но через год бросил учебу и ввязался в дела властителей. Сначала он жил в каком-то многоярусном мире, который напоминал по форме вавилонскую башню или ту развалину в Пизе, которая вот-вот упадет на головы туристам. Индейцы, обитавшие на одном из уровней планеты, прозвали парня Кикахой. Во всяком случае, он так рассказывал.

А почему индейцы? Да потому что властитель того мира Ядавин заселил планету людьми, похищенными с Земли.

Тут сам черт не разобрал бы, что к чему. Покинув родную планету, этот Ядавин поселился в своей личной вселенной. Однако потом попал на Землю и напрочь забыл о своем прошлом. И тогда... Вот же дьявол! У Маккея и без того голова шла кругом, а порою и винтом. Но он знал, что когда-нибудь на досуге разберется во всем — если только не сойдет с ума и доживет до лучших времен.

ГЛАВА 4

— Знаешь, Энджюс, я еще в детстве любил сбивать яблоки с деревьев, — сказал Кикаха. — К тому же свежие фрукты нам сейчас не повредят. Одним словом, мне требуется твоя помощь. Из-за щупалец к деревьям близко не подберешься, но в их обороне есть одно слабое место. Как многие люди, они постоянно держат рты открытыми.

Я собираюсь пустить в пасть этого дерева стрелу. Выстрел, конечно, его не убьет, но ранит наверняка. И я надеюсь, дерево дрогнет. Лук бьет чертовски сильно. Как только тварь получит удар, ты должен пробежать мимо и бросить топор в одну из ветвей. Попытайся сбить несколько яблок, а потом я отвлеку дерево от упавших фруктов.

Он отдал Маккею легкий топор Ананы.

— А как насчет их? — сказал Маккей, указывая на три дерева, которые находились всего в двадцати шагах от намеченной жертвы.

Плотоядные монстры приближались медленно, но верно.

— Думаю, мы доберемся и до их яблок. Без фруктов нам не выжить, Энджюс. Они насытят нас и утолят жажду.

— Можешь мне это не объяснять, — проворчал Маккей.

— А я, как дерево — не могу держать рот закрытым, — с улыбкой ответил Кикаха.

Он натянул тетиву, прицелился и выстрелил. Стрела вошла в глубь О-образного прохода. В этот момент дерево подняло пару щупалец для очередного шага и слегка отклонилось назад, чтобы удержаться на эластичных подпорках. Стрела, вонзившись в пасть, нарушила слабое равновесие, и тварь упала навзничь. Щупальца замолотили по земле, но им было не под силу поднять тяжелый ствол. Ветви по бокам дерева мешали твари занять более выгодное положение.

Радостно закричав, Кикаха положил руку на плечо Маккея.

— Даже не надо бросать топор. Яблоки и так посыпались. Классный выстрел!

Три ближайших дерева на какое-то время замерли, а затем снова двинулись вверх по склону. Из открытых ртов не раздавалось ни звука, но Кикаха и Маккей видели, как бугристые глаза перекатывались и вращались, указывая на какой-то тип общения. По словам Уртоны, деревья-убийцы не имели разума, но объединяли свои усилия на инстинктивном уровне и в этом напоминали пчел или муравьев. Твари приближались к упавшему сородичу, чтобы помочь ему подняться.

Кикаха побежал к поверженному монстру. Маккей, немного отстав, выглядывал из-за его спины. Оба властителя стояли на безопасном расстоянии — шагах в шестидесяти. Анана с лучеметом в руке следила за каждым движением своих спутников.

Еще в начале пути Уртона приказал Маккею расправиться с Кикахой и Ананой при первом удобном случае. Но если бы негр сейчас раскроил рыжему череп, его пристрелила бы Анана. К тому же Маккей начинал подумывать о том, чтобы примкнуть к Анане и Кикахе, поскольку эти ребята знали, как выжить в таком аду. И еще Кикаха был единственным, кто обращался с ним по-человечески. В принципе властители не имели антипатии к другому цвету кожи, но относились к землянам, как к нигерам, и грызлись между собой не хуже бешеных псов.

Маккей сделал несколько шагов и остановился вне пределов досягаемости метавшихся щупалец. Подняв восемь яблок, четыре он сунул в карманы штанов.

Потом взглянул на Кикаху и не поверил своим глазам. Оседлав упавшее дерево, этот ненормальный доставал стрелу из дыры. Кикаха вырвал застрявшее древко, с острия которого капала белая липкая жидкость. И тут вокруг его талии обвилось щупальце. Вместо того чтобы вырваться и убежать, он изо всех сил воткнул в пасть правую ногу, а затем резко на ней развернулся.

Дерево вздрогнуло от боли, и в следующий миг Кикаха полетел к Маккею, отброшенный прочь конвульсивным движением щупальца.

Маккей мог увернуться, но он подхватил Кикаху, и оба покатились по траве, задохнувшись от удара о землю. Около минуты Кикаха лежал на Маккее, затем перекатился в сторону и поднялся на ноги.

— Ты как? — спросил он, склоняясь над негром.

— Кости вроде бы целы, — ответил тот, поднимаясь на четвереньки.

— Спасибо. Если бы не ты, я сломал бы себе спину. Впрочем, вряд ли — я довольно гибкий. И знаешь, парень, у этих щупалец еще та силенка!

К ним подбежала Анана.

— Ты не ушибся, милый?

— Нет. Меня выручил Черный Энджюс, и с ним, кажется, тоже все в порядке.

— Черный Энджюс? — переспросил Маккей. — Ах ты, сукин сын!

— Это игра слов*, — со смехом ответил Кикаха. — Ты бы знал, если бы вырос на ферме. Только без обид, Маккей.

Кикаха осмотрелся. Три разедчика застыли на месте. Склоны набухавшего холма становились все более крутыми, и деревьям с трудом удавалось сохранять равновесие. Полчища монстров замерли у подножия.

— Нам не следует уходить с холма, — сказал Кикаха. — Тут мы, по крайней мере, в безопасности.

Однако земля вздымалась все выше. Конус холма превращался в столб. При такой скорости преобразований люди вскоре могли скатиться вниз — прямо в пасти деревьев-убийц. Через какие-то пятнадцать минут откос с наклоном в сорок пять градусов станет вертикальной стеной.

---

* Мука грубого помола и в то же время, искаженно, — «черная тоска».

— Мы попали в эпицентр изменений! — закричал Кикаха. — Если мутация почвы не остановится, нам придет конец...

Щупальца поверженного дерева безжизненно обвисли. Очевидно, удар ноги оказался сильным. Из пасти сочилась белая жидкость.

Кикаха поднял топор, который выронил Маккей, и, подбежав к дереву, начал срубать короткие ветви. Древесина оказалась мягкой: два-три удара — и ветвь падала на землю. Чтобы отделить более прочные щупальца, Кикахе пришлось удвоить усилия. Он отбросил топор и, приподняв конец ствола, развернул его так, чтобы дерево могло скатиться с холма.

— Зачем ты надрываешься? — с удивлением спросила Анана.

— Подожди немного, — ответил Кикаха. — Я думаю, то, что ты увидишь, придаст нам новые силы. Одну секунду. Потерпи — всему свое время.

Он подошел к середине ствола и толкнул его ногой. Дерево медленно покатилось вниз, набрало скорость и, подскочив на небольшом бугорке, полетело в группу монстров, которые с трудом удерживались на склоне. Те повалились назад, покатились под откос, ломая ветви и подпрыгивая на выступах. Некоторые взлетали в воздух, словно пушечные ядра.

Эффект нарастал в геометрической прогрессии. Когда все закончилось, в овраге у подножия холма образовалась куча наваленных друг на друга стволов. Деревьев было не меньше пятисот, и ни одно из них не могло подняться самостоятельно. Картина напоминала бурелом или последствия обвала.

— Прямо какое-то столботворение! — воскликнул Кикаха.

Поваленные деревья уже не тянули в стороны тысячи осьминожьих щупалец. И ни один лес не спешил на помощь поверженным собратьям.

— Боевые деревья на марше, — прокомментировал Кикаха.

Анана и Маккей не поняли шутки, но усталость и тревога поубавили их интерес к словам Кикахи. Во всяком случае, они не стали спрашивать объяснений.

Холм набухал, и люди, цепляясь за траву, с трудом удерживались на вершине. Трое разведчиков скатились на «спинах» в кучу упавших стволов.

— Я спускаюсь к подножию, — заявил Кикаха.

Он лег на спину и заскользил вниз. Остальные последовали его примеру. Основательно натерев зады, люди стали тормозить каблуками и наконец, не выдержав, перевернулись

на животы. На штанах у каждого появилось по нескольку дыр.

— Ты видела воду? — спросил Кикаха, указывая вправо.

— Кажется, да, — ответила Анана. — Но я подумала, что это мираж.

— Нет. Перед тем как спуститься, я видел там большой водоем. До него миль пятнадцать. Хотя ты сама знаешь, как обманчиво здесь расстояние.

Внизу, на протяжении двухсот футов, корчилось и извивалось сплетение живых стволов. Чтобы миновать зону «лесопова́ла», людям приходилось спускаться под углом к крутому склону. Шлем Маккея, лук и колчан Кикахи, лучемет и топор Ананы затрудняли движения, но люди упорно стремились вперед. Одолев в прыжке последние десять футов, они приземлились кто на ноги, а кто и на четвереньки.

Деревья не обращали на них внимания. Видимо, инстинкт спасения собратьев доминировал над потребностью убивать и поедать. Тем не менее пробраться через нагромождение стволов люди не могли.

Кикаха взглянул вверх. Склон холма, источая жар, превратился в вертикальный откос. Вершина пузырилась буграми и начинала нависать широким козырьком.

— Какое-то время трава и корни удержат эту массу от падения, — сказал он. — Но вскоре она рухнет, и мы все окажемся погребенными.

Деревья двигались к упавшим собратьям сплошной стеной. Их ветви сплетались друг с другом и шелестели листвой. Колонна существ сдвигалась немного вправо, избегая встречи с людьми. Но тех смущали и пугали сотни вытянутых щупалец.

Через пять минут вершина холма начала походить на шляпку гриба. Огромные куски земли вот-вот могли оторваться и упасть.

— Знаешь, Кикаха, нравится тебе это или нет, но нам придется воспользоваться лучеметом, — сказала Анана.

— Ты научилась читать мои мысли? Я только надеюсь, что нам не понадобится выкосить весь лес. Возможно, деревья неплохо горят.

— Да вы просто спятили! — закричал Уртона. — Мы же сгорим заживо!

— У тебя есть другие предложения?

— Да. Я считаю, что нужно установить лучемет на максимальную мощность и прорубить тропу

— На это уйдет весь заряд, — возразила Анана. — А когда мы окажемся посреди леса, деревья могут наброситься на нас. И тогда нам уже ничто не поможет.

— Подпали парочку, — попросил ее Кикаха. — Только выбери деревья подальше от нас.

Анана подкрутила диск на нижней части рукоятки и прицелилась в дерево, которое медленно двигалось в пяти ярдах справа от нее. Через несколько секунд кора задымилась, и еще через десять — по стволу поползли языки огня. Существо, казалось, ничего не замечало и все так же продвигалось вперевалку к ложбине. Однако деревья, следовавшие за ним, остановились. Они, очевидно, уловили запах дыма, и инстинкт выживания погнал их прочь.

Анана подожгла еще три дерева. Внезапно на землю упали несколько существ, не пожелавших идти за горящими сородичами. Остальная часть колонны продолжала движение, и деревья, упираясь ветками в передние ряды, сбивали друг друга наземь.

Наконец задние ряды остановились. Тысячи щупалец затрепетали, извиваясь, как змеи. А потом, словно боевой отряд, услышавший беззвучный сигнал трубы, деревья развернулись и стали отходить. Колонна, набирая скорость, поползла в противоположном направлении.

Горевшие деревья замерли на месте. Судя по неистовым взмахам щупалец, они почуяли беду. Стволы лизало пламя. Пожухлые листья отлетали от пылавших стеблей. Фасеточные глаза оплавились и, шипя, потекли по стволу.

Одно из деревьев упало. Оно лежало, как святочное полено, и источало тошнотворный запах горелой плоти. Секундой позже рухнули и два его собрата по несчастью. Их ноги продолжали двигаться, корябая землю широкими круглыми ступнями.

Однако авангард колонны по-прежнему не знал, что происходило сзади. Ветер относил от них дым и феромоны паники. Деревья двигались к завалу, пока не оказались на краю ложбины. Передние попытались поднять упавших, но не смогли этого сделать — попросту было негде развернуться.

— Сожги их всех! — закричал Рыжий Орк. К его воплю присоединился голос Уртоны.

— А какая от этого будет польза? — спросил Кикаха, с отвращением оглядев двух братьев. — Они не могут визжать, как вы, но тоже чувствуют боль. Разве не так, Уртона?

— Не больше, чем кузнечик, — ответил властитель.

— А ты был когда-нибудь кузнечиком? — спросила Анана.

В массе отступавших деревьев образовался проход около двадцати футов шириной, куда и бросился Кикаха. Остальные помчались следом. Внезапно раздался крик Маккея:

— Она падает!

Объяснять, что такое «она», не понадобилось. Люди бежали изо всех сил. Кикаха, возглавлявший отряд, довольно быстро остался позади. При спуске со склона у него разболелась нога. Отбитые легкие тоже давали себя знать. Анана схватила его за руку и потащила за собой.

Позади раздался грохот. Мимо пролетел гигантский ком жирной земли с пятнами рыжевато-ржавой травы, совсем близко шлепнулся наземь и при ударе разлетелся на куски. На Анану и Кикаху обрушилась волна мелкого крошева, где пыль, маслянистая земля и острые травинки превратились в сплошную массу. К счастью, удар оказался мягким — пластичный грунт поглотил почти всю энергию упавшей массы.

Они поднялись на ноги и обогнули кучу земли, под которой мог бы разместиться гараж для одной машины. Кикаха быстро оглянулся. Основная часть грунта упала позади. Из-под земли торчали обломанные ветви, щупальца и сучившие в воздухе ступни.

Опасность миновала. Кикаха остановился, и Анана устало прижалась к нему.

В сорока футах от них стояли Орк, Маккей и Уртона и разглядывали огромную кучу грунта, возникшую у основания холма. Вскоре с вершины рухнула новая лавина.

Сотня деревьев, оставшихся в живых, по-прежнему удирала прочь со скоростью, на которую были способны эти неуклюжие создания.

— Мы должны отсечь несколько деревьев из задних рядов, — сказал Кикаха. — Надо собрать как можно больше яблок. Они нам пригодятся, пока мы будем добираться до водоема.

От пережитых волнений путешественников бил озноб, но ситуация требовала действий. И они ринулись в погоню за деревьями. Анана метала топор, Маккей — шлем. Добытых фруктов оказалось больше, чем они могли унести. Каждый съел не меньше дюжины плодов.

Утолив голод и жажду, люди отправились к воде. Кикаха надеялся, что запомнил верное направление. В мире без солнца, где ландшафт менялся на глазах, заблудиться ничего не стоило. Гора, которую принимали за ориентир, становилась долиной в течение одного дня.

Анана шла рядом с Кикахой.

— Давай немного отстанем, — шепнула она.

Кикаха замедлил шаг и подождал, пока остальные не опередили их ярдов на сорок.

— Ты что-то хотела сказать?

Она подняла лучемет и показала нижнюю часть рукоятки. На регуляторе мощности мигал красный огонек. Она повернула диск, и огонек погас.

— Заряда хватит только на один хороший выстрел. Если цель будет находиться на расстоянии шестидесяти футов, лучемет проработает всего три секунды. Конечно, заряд можно немного сэкономить, переведя мощность в режим слабого ожога или «оглушения».

— Не думаю, что, узнав об этом, твои родственники попытаются нас убить, — сказал Кикаха. — Они нуждаются в нашей помощи — во всяком случае пока. Но когда мы найдем дворец Уртоны, нам придется держать ухо востро. Сейчас меня беспокоит только то, что без лучемета мы, возможно, не справимся с другими проблемами. — Он замолчал и посмотрел через плечо Ананы. — Например, с ними.

Она оглянулась.

На вершине хребта, который находился в двух милях, вырисовывались очертания длинного каравана. В розовой дымке Анана разглядела фигуры людей и крупных животных.

— Местные, — произнес Кикаха.

ГЛАВА 5

Трое мужчин с тревогой смотрели на приближавшуюся парочку.

— Какого черта вы там шушукаетесь? — визгливо крикнул Рыжий Орк.

Кикаха засмеялся.

— Довольно забавно путешествовать с такими параноиками, как вы. Мы обсуждали их. — Он махнул рукой в сторону горного хребта.

Увидев караван, Маккей застонал.

— Что же теперь будет?

— Уртона, твои аборигены враждебно относятся к пришельцам? — спросила Анана.

— Не знаю, — ответил властитель. — Мне только известно, что у них племенной уклад жизни. Обычно я использовал для прогулок флайер и, наблюдая за ними, никогда не видел, чтобы два племени встречались друг с другом без конфликтов. Однако территориальных споров у них нет. В этом мире такое просто невозможно.

Анана с улыбкой взглянула на Уртону.

— Слушай, дядя, а как они отнесутся к нам, если мы представим им тебя как властителя этого мира? Ведь именно ты обрек этих людей на адские муки, выкрав их предков с Земли.

Уртона побледнел.

— Они привыкли к лавалитовому миру. Откуда им знать, что где-то есть места получше.

— В мире Ядавина люди живут тысячу лет. А что ты скажешь о своих подданных?

— Жизнь туземцев длится около сотни лет, но зато они не страдают от болезней.

— Я думаю, они заметили нас, — произнес Кикаха. — В любом случае нам предстоит идти в том же направлении.

Они вновь отправились в путь, время от времени посматривая на гряду. Через два часа караван скрылся за горой. Гряда не меняла формы почти весь день. Очевидно, это была одна из тех областей, где топологические мутации шли не так быстро.

Наступила еще одна «ночь». Ярко-красное небо покрылось темными горизонтальными полосами разной ширины, каждая из которых имела собственный оттенок. Полосы начали расширяться и темнеть, а затем слились друг с другом, и тусклокрасное небо стало похоже на огромный кусок воспаленной плоти.

Люди находились на плоской равнине, края которой скрывались за горизонтом. Горы исчезли, то ли осев как пена, то ли скрывшись в розовой мгле. Вокруг бурлила жизнь. Неподалеку, на безопасном расстоянии, паслись сотни или тысячи животных: антилопы разных размеров и видов, газели, стадо слонов без бивней и несколько гигантских мусоидов.

Уртона сказал, что по соседству могут бродить крупные хищники кошачьей породы и дикие собаки. Но на голой равнине кошкам трудно ловить добычу, и они, очевидно, ушли в другие места. Из хищников люди увидели только маленьких гепардов, от которых убегали лишь страусоподобные птицы.

Кикаха стал медленно подбираться к антилопам, надеясь, что животные подпустят его на расстояние выстрела. Однако те испуганно разбегались в стороны.

Внезапно издалека донесся безумный стук копыт, и среди животных началась паника. Тишина взорвалась топотом удиравшего стада. Пыли не было; маслянистая почва сохраняла влагу, хотя встречались места, где в ходе быстрых мутаций подземный жар превращал поверхность земли в сухую корку

Кикаха замер на месте. Мимо него проносились тысячи бегущих и прыгающих животных. Когда их лавина начала редеть, он сразил стрелой пятнистую газель. Анана, стоявшая в двухстах ярдах, закричала и побежала навстречу. А потом Кикаха увидел тех, кто так ее встревожил. Послышался торопливый топот, и из сумеречной дымки появилась группа длинноногих бабуинов. Их задние и передние конечности имели одинаковую длину, поэтому «руки» ничем не отличались от «ног».

Это были крупные животные, и их вожак, возможно, тянул на все сто фунтов. Они промчались мимо людей с открытыми ртами. С длинных и острых клыков стекала слюна. Стая насчитывала около сотни обезьян. Детеныши сидели на спинах матерей, цепляясь за длинные волосы.

Когда последний бабуин исчез во мгле, Кикаха облегченно вздохнул. Уртона сказал, что в любое другое время обезьяны без колебаний напали бы на их отряд. К счастью, наметив жертву, они уже не меняли решения, и теперь их занимала только охота на антилоп. Но если бабуины упустят добычу, они могут вернуться, чтобы поужинать людьми.

Кикаха разделал ножом газель.

— Меня тошнит от сырого мяса, — заворчал Орк. — Я очень голоден, но от одного вида этих кровавых кусков мой желудок выворачивается наружу!

Кикаха усмехнулся и предложил ему сочившуюся кровью лопатку.

— Что ж, если хочешь, можешь стать вегетарианцем. Орехи для «крепких орешков», фрукты для «фруктов», а ягодки — тебе. Только не перепутай их с дерьмом бабуинов.

На лице Маккея появилась гримаса отвращения.

— Мне не нравится ни то ни другое. Такое впечатление, что это мясо живое. Я его глотаю, а оно ползет обратно.

— Попробуй одну из этих почек, — сказал Кикаха. — Они очень вкусные и мягкие. Или тебе предложить яичко?

— Ты просто отвратителен, — возмутилась Анана. — Сидишь тут, остришь, а у самого с подбородка стекает кровь...

Однако взяла предложенный кусок и безропотно стала жевать.

— Неплохо, правда? — с улыбкой спросил Кикаха. — Голод меняет вкусы не хуже моды.

Какое-то время все молча ели. Насытившись, Кикаха встал, попросил у Ананы топор и стал отрубать рога газели: тонкие прямые наросты длиной фута два. Отделив их от черепа, Кикаха сунул рога за пояс.

— Теперь остается найти подходящие ветви, — сказал он. — Из этих штучек мы сделаем наконечники для копий.

В темноте послышался злобный клекот. Люди вскочили на ноги и стали озираться. Клекот стал громче, и из темно-красной мглы проступили очертания гигантской фигуры. Огромная птица напоминала моа. Во всяком случае, Кикаха назвал ее именем этой вымирающей новозеландской птицы. Достигая в высоту двенадцати футов, она имела рудиментарные крылья, длинные толстые ноги с двумя когтями и мощный клюв, похожий на кривую турецкую саблю.

Кикаха бросил в ее сторону две ноги и голову газели. При слабой гравитации куски упали очень далеко. На Земле это показалось бы просто невероятным. Заметив летевший в нее череп, птица отскочила футов на сорок, но затем, осмотрев людей круглым блестящим глазом, вприпрыжку побежала к подачке. Еще раз убедившись в том, что люди не представляют опасности, она подхватила клювом кровавые куски и убежала.

Кикаха поднял переднюю ногу газели и предложил спутникам прихватить с собой запас мяса.

— Будет чем перекусить перед сном. Много не берите — на такой жаре мясо быстро испортится.

— Эх, парень, сейчас бы воды, — пожаловался Маккей. — Хочется не столько пить, сколько смыть с себя эту кровь.

— Потерпи немного, — ответил Кикаха. — Где-то там, впереди, водоем. К счастью, мухи здесь по ночам не летают. Но если мы не доберемся до воды к утру, нас покроет облако насекомых.

Они снова отправились в путь. По расчетам Ананы, отряд удалился от холма на десять миль. До водоема оставалось около двух часов ходьбы, если только расстояние правильно оценили. На исходе третьего часа, так и не обнаружив никакой воды, Кикаха попытался успокоить спутников.

— Возможно, она дальше, чем мы думали, — говорил он. — Или нас немного повело в сторону.

Равнина начала опадать в направлении движения путешественников. После первого часа они шли по широкой ложбине, глубина которой не превышала четырех футов. К концу второго часа края углубления оказались на уровне их голов, а когда они остановились передохнуть, овраг сузился до полумили и углубился на двенадцать футов.

Откосы ложбины становились все круче, но по ним еще можно было забраться наверх — во всяком случае пока.

Кикаха заметил, что вся живность и ходячие растения стремятся выбраться из оврага.

— Думаю, нам лучше вытащить свои задницы на равнину, — сказал он. — Мне что-то здесь не нравится, и я больше не хочу оставаться в этой яме.

— Мы только потеряем время и удлиним путь, — возразил Уртона. — Я устал, и мне не по душе твоя затея.

— Хорошо, оставайся здесь, — ответил Кикаха. — Пойдем, Анана.

Буквально через миг он почувствовал под ногами влагу. Другие, с криками вскочив с земли, тревожно озирались. По дну оврага струилась вода, которая в сумраке выглядела черной. Не прошло и нескольких секунд, как она добралась до их лодыжек.

— Ничего себе! — закричал Кикаха. — Ложбина соединилась с морем. Бежим отсюда ко всем чертям!

До ближайшего откоса было шагов шестьсот—семьсот. Кикаха отбросил ногу антилопы и побежал к пологому склону. За спиной у него болтались колчан и лук, на плече висел футляр с инструментом. Остальные снова оказались впереди. Анана, в который уже раз, схватила Кикаху за руку и потащила за собой. Когда они одолели полпути, уровень воды поднялся до колен. Бежать становилось труднее, но они упорно продвигались вперед. Взглянув влево, Кикаха увидел огромную, стремительно приближающуюся волну. Черный блестящий гребень раза в два превышал человеческий рост.

Первым по склону поднялся Уртона. Упав на колени, он протянул Маккею руку и вытащил его на край откоса. Рыжий Орк попытался схватить негра за ногу, но не дотянулся, соскользнул вниз и с яростным криком вновь начал карабкаться по склону. Маккей бросился было на помощь, но Уртона велел ему не суетиться, и негр покорно сел рядом.

Тем не менее Орк выбрался из оврага. К тому времени вода дошла Кикахе и Анане до пояса. Добравшись до склона, они начали взбираться наверх, но Кикаха поскользнулся и упал на спину. С трудом поднявшись на ноги, он почувствовал, как задрожала земля. Уши заполнил звук, предвещавший приближение огромной массы воды.

Кикаха подтолкнул Анану наверх и, подпрыгнув, уцепился за траву. Анана схватила его за запястье и потянула к себе. Нащупав опору, Кикаха перевел дух и начал карабкаться по склону. Трое мужчин, стоя на коленях у края оврага, наблюдали за муками своих спутников. Кикаха выругался и велел им помочь Анане.

Орк пожал плечами. Его брат злорадно усмехнулся. Внезапно Уртона подскочил к Орку и толкнул его в спину. Тот упал и откатился от края обрыва. Маккей склонился к Анане и выхватил у нее из-за пояса лучемет. Сделав последний рывок, она выбралась на край, и в этот момент негр столкнул ее вниз. С пронзительным криком Анана упала в воду.

Уртона протянул руку к Кикахе и закричал:

— Рог Шамбаримена! Отдай его мне!

Внезапная смена событий ошеломила Кикаху. Он ожидал вероломства властителей, но не так скоро.

— Пошел ты к черту, Уртона!

В этот напряженный момент Кикаха не мог обернуться и посмотреть на Анану. Однако слышал где-то рядом ее напряженное дыхание. По всей вероятности, она снова карабкалась на откос. Рыжий Орк куда-то исчез.

Кикаха сорвал с плеча ремень, к которому крепился футляр. Уртона победно усмехнулся, но улыбка сползла с его лица, когда Кикаха отвел руку за спину и футляр повис над водой.

— Вытащи Анану на берег! Живо! Или я брошу рог!

— Пристрели его, Маккей! — закричал Уртона.

— Вот же дьявол! Послушай, босс! Ты мне так и не сказал, как действует эта штука!

— Ты просто глупая скотина!

Уртона повернулся к негру, намереваясь вырвать у него оружие. Понадеявшись на Анану, Кикаха швырнул футляр вниз, а сам, перекатившись через край, рванулся к Маккею и Уртоне. Негр наотмашь ударил его лучеметом по голове. Кикаха покачнулся и упал.

Несколько секунд он вообще ничего не соображал и даже не чувствовал рук и ног. Но вибрация почвы вернула ему частичку сознания. Кикаха не знал, отчего тряслась земля — скорее всего от приближения гигантской волны, если только это ему не показалось. От удара по голове и не такое могло померещиться.

«Да и черт с ним! Там же Анана...»

Не успел он подняться на ноги, как кто-то ударил его в челюсть, и через миг Кикаха оказался в воде.

Холодная пучина поглотила остатки его ошеломления. Кикаху подбрасывало вверх, затягивало вниз и кружило в водоворотах. Сражаясь за глоток воздуха, он отчаянно пытался вырваться на поверхность. Рука скользнула по твердому выступу дна, потом поток вынес его на поверхность и закружил колесом на гребне вала. Верх и низ смешались в

беспрерывной круговерти, и вскоре мощное течение вновь прижало его ко дну и потащило вперед.

Кикаха понял, что ему пришел конец. Легкие пронзила боль. В голове шумело, и он больше не мог задерживать дыхание. Но рот все же раскрылся, и в этот момент Кикаху вытолкнуло наверх, и он успел несколько раз вздохнуть.

Течение вновь затянуло Кикаху на дно, а потом что-то ударило его по голове.

ГЛАВА 6

Он медленно открыл глаза. Небо начинало покрываться горизонтальными полосами, где темно-красные оттенки чередовались с огненно-алыми лентами. Наступал «рассвет».

Кикаха лежал на мелководье. Перекатившись на бок, он встал на четвереньки. Голова раскалывалась от боли. Ребра ныли так, будто он выстоял на ринге двенадцать раундов против профессионального боксера. Кикаха осторожно поднялся на ноги и осмотрелся. Он находился на берегу канала. Очевидно, его выбросило сюда волной, и он остался лежать в огромной луже вместе с дюжиной трупов больших и малых животных. Как видно, им тоже не удалось вовремя выбраться из оврага.

Поодаль виднелась скала — вернее, круглая гранитная глыба размером с дом. Она напомнила ему тот валун, который перенесся с ним из вселенной Ананы. В лавалитовом мире не было таких скалистых пластов, какие встречались на Земле, однако здесь то и дело встречались глыбы и камни, которые Уртона ради забавы разбросал по всей планете.

Анана считала, что в некоторых из них властитель спрятал замаскированные врата. Скорее всего, они активировались определенным словом или прикосновением к особому участку камня. Врата могли перенести человека не только во дворец Уртоны, блуждавшего по просторам лавалитового мира, но и в другую «карманную» вселенную. Сам Уртона на вопросы о вратах отвечал презрительным молчанием.

Будь у него сейчас рог Шамбаримена, Кикаха проверил бы эту скалу за пару минут. Потребовалось бы только протрубить семь нот в определенной последовательности. Но рога не было. Если Анана не выбралась вместе с ним на край склона, значит, инструмент унесло потоком. В лучшем случае чудесный рог находился теперь у Уртоны.

В миле от глыбы виднелась коническая гора с глубокой впадиной, похожей на кратер. На Земле она могла бы ока-

заться вулканом, но на этой планете таких просто не существовало. Гора довольно долго не меняла форму.

Чуть дальше вдоль канала тянулись высокие холмы. Равнина вокруг них менялась на глазах, а значит, мутации почвы в этом районе проходили с ускорением.

Лук и колчан исчезли. Очевидно, Кикаха потерял их, когда поток тащил его по дну. Однако пояс с ножнами остался, а вместе с ними и охотничий нож. Рубашку сорвало, майка превратилась в лохмотья. На штанах зияли дыры. Ботинки разваливались на части.

Кикаха выругался и побрел по берегу у самой воды, высматривая тела своих спутников. Никого не обнаружив, он немного воспрянул духом: появилась слабая надежда, что Анана еще жива. Если жив он, то и она могла уцелеть.

Воодушевленный, Кикаха попытался насвистеть какой-то мотив, но мелодия получилась слишком уж тоскливой. Он с трудом отрезал ногу антилопы и снял с нее кожу. С трудом, потому что ему досаждал рой больших черных мух, облепивших труп. Укус даже одной мухи был достаточно болезненным, но после сотни укусов у человека возникало ощущение, будто кожу сдирают наждачной бумагой. Каждый раз, когда Кикаха двигал рукой, поворачивал голову или менял положение, мухи с жужжанием поднимались в воздух. А потом снова садились на него и ползали по телу, выбирая лакомый кусочек.

Наконец Кикаха отправился в путь, взвалив на плечо отрезанную ногу антилопы. Половина мух осталась на трупе животного, остальные последовали за ним, найдя освежеванную ногу более съедобной. И ему то и дело приходилось колотить себя по лицу, сгоняя надоедливых насекомых. Не в силах больше сдерживать гнев, Кикаха проклял Уртону. Создавая свой мир и разрабатывая его экосистемы, властитель мог бы обойтись без мух.

Впрочем, подобный упрек не раз выражали и жители Земли.

Сражаясь с потоком, Кикаха вдоволь наглотался воды, однако вскоре жажда снова напомнила о себе. Встав на колени, он обеими руками зачерпнул прохладную влагу. По словам Уртоны, на его планете даже океанская вода была пресной и пригодной для питья. Кикаха съел немного мяса, пожалев о том, что не может сбалансировать диету фруктами и овощами.

На следующий день он повстречал группу подвижных растений. Стволы, покрытые красными, белыми и синими спиральными полосами, достигали в высоту шести футов.

С ветвей свисали какие-то оранжевые фрукты. В отличие от деревьев, которые Кикаха встречал накануне, ноги этих растений имели коленный сустав, а вместо щупалец они обладали своим собственным методом защиты.

К счастью, приближаясь к ним, он вел себя осторожно. У каждого растения посреди ствола располагалось несколько отверстий. Едва Кикаха направился к деревцу, которое отстало от группы, как оно тут же развернулось и нацелилось в него одним из своих отверстий. Отсутствие глаз компенсировалось острым слухом. Или, возможно, растение имело какое-то акустическое устройство, напоминавшее эхолот летучих мышей.

Каким бы ни был этот биологический механизм, деревце медленно разворачивалось, не позволяя человеку подойти к стволу с другой стороны. Кикаха приблизился еще на несколько шагов и остановился. В отверстии появилось что-то темное и пульсирующее, а затем оттуда высунулась черно-красная масса плоти. В ее центре торчала короткая трубка из хряща или кости, которая слишком уж походила на оружие.

Кикаха бросился на землю, отбив ребра и поцарапав щеку. Раздался хлопок. Что-то пролетело над его головой. Он перекатился в сторону, вскочил и побежал за снарядом. Через десять секунд Кикаха держал в руке оперенный костяной дротик, острие которого без труда вонзилось бы в тело. На игольчатом конце поблескивал тонкий слой зеленоватого вещества.

Вряд ли пневматический самострел использовался только для обороны. А значит, растения охотились на зверей и питались мясом

Сохраняя безопасную дистанцию, Кикаха обошел растения стороной. Деревце, выпустившее дротик, с громким чмоканием втягивало в себя воздух. Остальные поворачивались, нацеливая на человека свои смертоносные дупла.

Деревья не имели ни глаз, ни щупалец. Но они «видели» человека и, вероятно, знали какой-то способ поглощать мясо жертвы. Кикаха решил посмотреть, что случится дальше. И ему не пришлось долго ждать.

Растения двинулись к трупам антилоп, лежавшим на берегу канала. Широко расставив «ноги», плотоядные хищники садились на тела животных и замирали в неподвижных позах. Присмотревшись, Кикаха понял, как они ели. Из нижней части ствола растения выдвигалась пара подвижных губ, которые без всяких усилий вырывали из туши большие куски мяса. Скорее всего, на губах располагались крошечные, но острые зубы.

Уртона ничего не говорил об этом виде плотоядных деревьев. Возможно, он промолчал в надежде на то, что Кикаха и Анана проявят неосторожность и погибнут от смазанных ядом дротиков.

Пора было отправляться в путь. Кикаха вновь почувствовал себя достаточно сильным для долгого перехода. Но сначала требовалось найти какое-то оружие. Вернее, не найти, а собрать. Для этого он подбежал к растениям поближе и упал на землю. Подобный маневр был не только смертельно опасен, но и причинял физическую боль, но выбирать не приходилось. Отыскав в траве дюжину дротиков, Кикаха оторвал от брюк небольшой лоскут и завернул в него ядовитые снаряды. Сунув сверток в задний карман и беспечно помахав на прощание деревьям, он зашагал по берегу канала

Животных становилось все больше. Они чуяли воду и сбегались к ней отовсюду. Кикаха сделал крюк, обходя стадо из тридцати слонов. Толстокожие гиганты всасывали воду хоботами, а затем струей направляли ее себе во рты. Детеныши обливали друг друга водой и резвились на берегу Крупная слониха — возможно, вожак — проводила чужака настороженным взглядом, но не стала отгонять его от стада.

Эти животные отличались от африканских слонов не только отсутствием бивней, но и несколько иной комплекцией: их ноги были более длинными, а тела — менее массивными.

Через полчаса Кикаха встретил еще одно стадо слонов, которое паслось в «роще» дротиковых растений. Толстокожие создания лениво бродили под градом крошечных стрел и, по-видимому, совершенно их не замечали. Скорее всего, яд дротиков на них не действовал. Взрослые слоны сбивали деревья с «ног», а потом отдирали от стволов короткие ветви и совали хоботами в огромные пасти. Мощные челюсти размалывали покрытые корою тела. Желтые зубы перетирали плоть и древесину. Еда доставляла слонам поистине экстатическое наслаждение. А затем растительно-протеиновая пища исчезала в гигантских глотках.

Детеныши-сосунки довольствовались упавшими кусками.

Некоторые из растений черепашьим шагом отходили от стада слонов, и их никто не преследовал. Но по воле случая они стали добычей гигантских мусоидов, которые тоже были невосприимчивы к яду дротиков. Самцы с синими гривами и голубыми хвостами напоминали безрогих канадских лосей. Они поедали растения не хуже слонов.

Оказавшись неподалеку от «лосей», Кикаха заметил одну интересную особенность. Добравшись до органа, который

содержал дротики, они отбрасывали его в сторону. Все остальное, в том числе и мясистые «ноги», шло в раздутые животы.

Кикаха улучил момент и подхватил одну из кожистых сумок. Вскрыв ее, он обнаружил внутри дюжину дротиков — каждый находился внутри маленькой трубки. Он сунул сумку за пояс и отправился дальше.

Несколько раз его путь пересекали стаи рыжевато-красных саблезубых кошек, не уступавших по размерам африканским львам. Они замечали Кикаху, но не интересовались им. Их даже не прельщала близость многих парнокопытных. Очевидно, в тот момент они нуждались только в воде.

Мимо Кикахи пробежала стая диких собак. Их красные языки вываливались из пастей, а глаза изумрудно-зеленого цвета злобно мерцали. Животные достигали в холке двух с половиной футов, немного походили на гепардов, но пятнистые шкуры придавали им сходство с леопардами.

Однажды он натолкнулся на семейство животных, которые выглядели так, будто к торсам больших кенгуру прикрепили головы гигантских кроликов. Судя по острым плоским зубам, они были грызунами. На животах самок, как у всех сумчатых животных, располагались покрытые шерстью карманы, откуда высовывались мордочки юных «кенгуроликов».

Изучая местную фауну, Кикаха не забывал посматривать и на воду. Однажды ему показалось, что посреди канала плывет человеческое тело. Сердце Кикахи громко забилось. Однако, приглядевшись, он понял, что это какой-то безволосый водяной зверек. Его раздвоенный хвост походил на пару человеческих ног. Внезапно он исчез под водой и через несколько секунд вновь появился на поверхности, сжимая зубами рыбу, которая извивалась под его длинными усами. Добыча, издававшая визгливые булькающие звуки, выглядела довольно странно: четыре толстые короткие ножки, рыбья голова и вертикальный плавник, доходивший до хвоста.

Уртона рассказывал, что все рыбы этого мира являлись амфибиями. Исключение составляли обитатели побережья и морских островов, поскольку области морей и океанов не подвергались пространственным метаморфозам. Остальным представителям животного и растительного царств приходилось перемещаться с места на место, иначе им грозило бы вымирание. Это правило не касалось только травы. Трава оставалась неподвижной.

Через час из-за горизонта появилась одна из причин, порождавших в лавалитовом мире непрерывную миграцию. Красноватый спутник медленно поднимался вверх, заполняя

собой половину небосвода. Временная луна находилась не прямо над головой, поэтому Кикаха мог видеть ее очертания. Небесное тело походило на две выпуклые линзы, сложенные вместе, поэтому контур представлял собой удлиненный овал. Спутник медленно вращался вдоль продольной оси и за два часа поворачивался не больше чем на два градуса.

В конце концов Кикахе надоело смотреть на луну.

Уртона говорил, что это довольно небольшой осколок. Маленькие луны возникали после каждых двенадцати крупных расколов. И хотя спутник выглядел огромным, на самом деле он был невелик — около сотни километров в длину. Он казался таким большим потому, что находился очень близко от поверхности.

Из школьных занятий и многочисленных книг Кикаха вынес кое-какие сведения о физических законах небесных тел. И знал, что ни один объект подобной массы не мог парить так медленно вблизи от планеты. Во вселенной Земли он давно бы упал со своей орбиты.

Однако понятия Кикахи о возможном и невозможном претерпели большие изменения, после того как много лет назад он прошел через врата в мир Ядавина. Теперь же, во вселенной Уртоны, ему еще раз пришлось расширить диапазон своих знаний. Технология властителей позволяла создавать стабильные структуры с различными пространственно-временными законами. Их ученые не знали ограничений в преобразованиях энергии и материи.

Когда-нибудь и жители Земли достигнут таких же высот науки — если только доживут до этого времени. Они тоже начнут создавать внутри своей вселенной пузыри пространственно-материальных матриц, а затем творить миниатюрные «карманные» миры. Однако до той поры им предстояло развенчать иллюзию бесконечного пространства и перенести глубокое потрясение, обнаружив за пределами Солнечной системы конечный рубеж своей вселенной.

Кикаха еще раз взглянул на луну. Когда же она упадет на планету? На его вопросы Уртона ответил, что не помнит формулы планетарных расщеплений. Возможно, он действительно забыл ее. Луна появлялась на небе почти ежедневно, а это, по словам Уртоны, говорило о том, что они находились недалеко от полюса — просто полюса, поскольку сторон света здесь не существовало. Дело в том, что каждая луна вращалась вокруг планеты по спиральной орбите, которая относила ее к одному из двух полюсов.

Кикаху тревожила эта огромная штука, парившая в небе. Судя по ее размерам, она вот-вот должна была упасть. Орбита

луны могла найти свое завершение уже на следующем витке А падать она будет очень быстро. Уртона рассказывал о случае, когда луна, оказавшись в двенадцати тысячах футов от поверхности, начала снижаться со скоростью полфута в секунду. Центробежная сила замедлила падение, и в последний момент не возникло ни взрыва, ни ударной волны. Столкновение с планетой больше походило на «присоединение», чем на удар.

Тем не менее энергия поглощалась не только землей, но и воздухом. Падающее тело создавало вихри, которые могли зажарить любую живую тварь в пятидесяти милях от зоны столкновения. Кроме того, удар вызывал мощное землетрясение.

Между тем на луне обитали животные, птицы, рыбы и растения — те флора и фауна, которые в момент расщепления находились на территории отделившегося куска планеты. Те из них, которые при столкновении окажутся на нижней части спутника, будут погребены под землей. Счастливчики, попавшие на верхнюю часть, получат пятидесятипроцентный шанс на выживание — если только не будут находиться вблизи от краев.

Уртона говорил, что отколовшиеся куски никогда не падали рядом с океанами. Там располагались относительно стабильные зоны, где изменение прибрежных территорий происходило очень медленно.

Кикаха надеялся, что где-то рядом находился один из пяти океанов.

Мимо него проносились птицы и крылатые млекопитающие. По численности они превосходили всех других представителей животного царства. Небо темнело от пролетавших стай, которые насчитывали по несколько сотен тысяч птиц. Большую часть видов и пород Уртона заимствовал с Земли. Некоторых птиц Кикаха видел только в мире Ядавина. Но встречались и совершенно незнакомые, причем такие странные и гротескные, что в их родословной явно не обошлось без уродцев из лабораторий Уртоны.

Несмотря на различия в происхождении, их компанию объединял неумолкавший гвалт — прямо как на птичьих базарах Земли. Воздух звенел от свиста, щебета, трелей, карканья, уханья и пронзительных криков. Многие из них ловили рыб, ныряя в воду с высоты или лениво плавая на поверхности. Другие гонялись на мелководье за тварями, похожими на лягушек. Некоторые гордо восседали на слонах и гигантских «лосях», склевывая с их спин жуков и паразитов. Мелкие пичуги доставали пищу из зубов огромных кроко-

дилов. Сотни птиц сидели на ветвях различных растений, поедая фрукты и семена. Деревья против этого не возражали. Но иногда вес птиц оказывался слишком большим. Растение теряло равновесие и падало на землю, а стая, испуганная резким шумом, взмывала ввысь, как дым над горящей рощей.

Деревья с щупальцами спешили поднять беспомощных собратьев. Остальные виды оставляли упавших на волю судьбы. Чуть позже поваленными растениями лакомились слоны и мусоиды.

Прошло около трех часов, и небесное тело, умчавшись вдаль, превратилось в крохотную точку. Луна была единственным телом, которое отбрасывало тень на поверхность планеты, но и она казалась бледным призраком в сравнении с тенями на Земле. Тем не менее ее физическая бледность с лихвой компенсировалась эмоциональным мраком беспокойства и паники. И никакая тень в родном мире Кикахи не вызывала подобных чувств. Такие ощущения на Земле порождали лишь извержение вулкана, разрушительное землетрясение или ревущий ураган.

Пока луна пересекала небосвод, Кикаха следил за поведением птиц и животных. Они не проявляли признаков тревоги, а это значило, что спутник не представлял для них угрозы — вернее, не представлял до определенного времени.

Неужели Уртона наделил их неким инстинктом, который подсказывал им, в какое место упадет обломок? Очевидно, в слиянии и расщеплении небесных тел имелся какой-то порядок. Но многие существа создавались в других мирах, и вряд ли Уртона вносил в их психику свои поправки Без длительного эволюционного процесса в условиях этой планеты у них не могли развиться подобные инстинкты.

Хотя, возможно, завезенные существа наблюдали за представителями местной фауны и подражали их поведению. Кикаха решил расспросить об этом Уртону при первой же встрече — прямо перед тем, как его убить.

Отогнав мух, он отрезал несколько ломтиков от ноги антилопы и не спеша пообедал. Мясо стало жестким, поэтому, насытившись, Кикаха выбросил остатки. На них тут же набросились несколько алых ворон. Но едва они обступили добычу, их пир прервали два больших пурпурных орла с зелеными крыльями и желтыми лапами.

Взглянув на птиц, Кикаха заинтересовался, где они высиживают яйца. В этом мире ни одно гнездо не гарантировало безопасности. Расщелина на склоне холма могла закрыться за несколько дней, а гора — превратиться в равнину.

Кикаха знал, что со временем получит полное представление о зоологии лавалитового мира — если, конечно, останется жив.

Весь «день» он продолжал идти по берегу у самой кромки воды. В начале «сумерек» канал начал расширяться. Увидев птиц, клевавших что-то в густой траве, Кикаха нашел там несколько опавших плодов, по вкусу напоминавших папайю.

Посреди «ночи» мимо него проскакали какие-то маленькие кенгуролики, которых преследовала пара длинноногих бабуинов. Кикаха метнул нож в зазевавшегося кенгуролика, и животное упало. Бабуины остановились, решив заявить свои права на эту легкую добычу. Вытащив нож из шеи трупа, Кикаха угрожающе двинулся на приматов. Те затявкали и показали ему ужасные клыки. Одна из обезьян попыталась обойти человека сзади, вторая сделала ложный выпад.

Кикахе не хотелось вступать в схватку. Отрезав ноги кенгуролика, он оставил тушу бабуинам и поспешил уйти. Приматов это вполне устроило.

Найти безопасное место для сна так и не удалось. Вокруг рыскали голодные хищники, и, кроме того, Кикаху всю «ночь» тревожила угроза разлива. Дважды он просыпался в воде, погруженный в нее на несколько дюймов. С каждым разом Кикаха все дальше и дальше отходил от канала. Наконец он подошел к подножию ближайшей горы. Та была лишь небольшим холмом, когда он впервые увидел ее. На откосе виднелось несколько больших камней. Кикаха лег чуть выше одного из них, решив использовать валун вместо будильника. Он надеялся, что камень покатится вниз, если пологий склон станет слишком крутым. К тому же ночные хищники резвились только в долине. Большие коты, собаки и бабуины гонялись внизу за парнокопытными и прыгающими животными.

Он часто просыпался от рева, лая и рычания, которые доносились со стороны канала. Но вблизи царила тишина. Впрочем, большую часть криков Кикаха скорее всего слышал в своих кошмарных снах.

Перед «рассветом» он вскочил от страшного грохота. Сердце бешено заколотилось. Неужели землетрясение? Нет, земля не дрожала. И тут Кикаха увидел, как камень пополз вниз. И не только этот камень. Около полудюжины валунов покатились по крутому склону, подскакивая на буграх. Набрав скорость, они с плеском запрыгали по мелководью.

К тому времени всю поверхность долины покрывала вода, бурлящая от обилия жизни. Миллионы рыбообразных амфибий устремились на нерест.

Кикаха с радостью вздремнул бы еще часок, но он вот-вот мог скатиться вниз. Склон горы становился отвесным.

Спустившись к подножию и зайдя по колено в плес, он согнулся и напился воды. Несмотря на обилие рыб и амфибий, она по-прежнему оставалась свежей. Одна из птиц, похожих на фламинго, преследовала хвост какого-то зверька, ловко удиравшего от нее под водой. Птица замерла на месте и сердито закричала, когда Кикаха, не обращая на нее внимания, вонзил нож в добычу и вытащил из воды небольшое существо — нечто среднее между сомиком и крохотным тюленем. От покрытого тиной зверька приятно пахло форелью.

Подождав немного, Кикаха понял, что уровень воды стабилизировался — во всяком случае пока. Он искупался, позавтракал «тюленем», а затем снова побрел по воде вдоль подножия горы. Небольшой подъем вывел его на сухой перешеек.

После «полудня» ландшафт изменился. Один край равнины опустился примерно на десять градусов, и вода хлынула в низину. Через три часа почва начала наклоняться в другую сторону. Кикаха доел остатки «тюленя» и бросил кости в мокрую траву. К ним тут же слетелись алые вороны, чтобы за трапезой обсудить последние новости.

Луна больше не появлялась. Кикаха надеялся, что она упадет где-нибудь подальше. После столкновения спутник превратится в огромную горную цепь, превосходящую по размерам Гималаи. Уртона говорил, что полное слияние с планетой завершается через несколько месяцев, после чего место стыковки определить уже невозможно.

Еще через какое-то время от другого конца планеты оторвется новый обломок. И на этот раз кусочек будет побольше. Его размеры составят одну шестнадцатую часть всей планеты.

Боже, помоги тем, кто окажется тогда на нем. Боже, помоги им, когда этот кусок начнет падать на материнскую планету.

Одна шестнадцатая часть лавалитового мира! Клиноподобная масса, тонкий конец которой будет выдран из центра планеты. По грубым меркам, свыше 67 700 000 000 кубических километров.

Кикаха содрогнулся, представив себе катаклизмы, землетрясения и потрясающую дыру. А после этого начнется процесс восстановления. Края колоссального отверстия стянутся. Подвижки земных слоев заполнят гигантскую бездну. Хотя последствия подобных преобразований просто не поддавались воображению. Даже странно, что на планете сохранилась жизнь — причем в таком изобилии.

Перед наступлением «сумерек» он вошел в широкий проход между двумя монолитными горами, не менявшими форму в течение всего дня. Канал пролегал по центру ущелья, и края берегов лишь на несколько дюймов возвышались над поверхностью воды. Между отвесными склонами и каналом тянулись узкие полоски суши, на каждой из которых уместилась бы шеренга из десяти человек. Кикаха шел вдоль берега, время от времени посматривая на откос горы справа.

Отвесная стена медленно забирала влево, и вслед за ней плавно поворачивало русло канала. Кикахе не хотелось останавливаться здесь на «ночь», поскольку на таком узком пространстве ему бы не удалось уклониться от встречи с большими хищниками. А если бы здесь пронеслось стадо антилоп или более крупных животных, они растоптали бы его копытами.

Проходя мимо больших кошек и диких собак, он замедлял шаг и прижимался к отвесному склону. К счастью, те не обращали на человека внимания или, попросту, боялись его. Возможно, они уже сталкивались прежде с людьми и теперь старались держаться от них подальше. Как видно, местные «гомо сапиенс» представляли для зверей серьезную угрозу. Впрочем, хищники могли считать Кикаху странным существом, от которого лучше держаться на безопасной дистанции.

В любом случае, застав его спящим на земле, они бы не устояли перед соблазном отведать человеческого мясца. Поэтому, преодолевая усталость, Кикаха продолжал идти. Перед «рассветом» он едва не валился с ног. Мышцы болели. Желудок громко урчал, требуя пищи.

Наконец ущелье закончилось. Перед Кикахой простиралась огромная равнина, и канал, рассекая ее на две части, тянулся к далеким коническим горам, видневшимся у самого горизонта. Повсюду паслись стада животных и мелькали стаи птиц. То здесь, то там вразвалку передвигались рощи шагающих растений. Прямо-таки мирная идиллия на лоне природы. Кикаха не заметил ни одного хищника. Если они тут и были, то вели себя достаточно тихо.

Взглянув на далекие горы, Кикаха прикинул длину канала. Он полагал, что поток отнес его не больше чем на десять миль, но, оказалось, речь могла идти о сорока—пятидесяти милях.

Он представил, как земля внезапно треснула по прямой линии, словно ее рассек топор какого-то колосса. Вода хлынула из моря в образовавшийся ров. Гигантский вал понес Кикаху к дальнему концу канала и там выбросил на берег. Ему еще повезло, что на дне не оказалось больших камней. Он тысячу раз мог утонуть в шальном водовороте.

Хотя о везении и удаче говорить не приходилось. Это просто чудо, что он остался живым.

Кикаха спустился по пологому склону на равнину, но, не пройдя и сотни ярдов, резко остановился. Его встревожил стук копыт. Обернувшись, он увидел около двух десятков мусоидов, которые, выскочив из-за выступа горы, неслись к нему. На «лосях» сидели всадники, вооруженные длинными копьями.

Едва Кикаха повернулся, как они прокричали свой клич и пустили животных в галоп.

Бежать не имело смысла. Оставалось только стоять и ждать. Этот сет был явно не в его пользу. Да и на теннис это мало походило.

ГЛАВА 7

Мусоиды относились к какому-то мелкому виду. Они лишь раза в три превосходили по размерам породистую лошадь. В остальном животные ничем не отличались от своих диких сородичей и имели тот же окрас — чалые, черные, каштановые и пегие. Сбруя состояла из поводьев, уздечек и кожаных седел со стременами.

Обнаженные до пояса воины носили широкие кожаные штаны. В длинных волосах у некоторых торчали прямые разноцветные перья. Однако, судя по светлой коже и бородатым лицам, они не имели к индейцам никакого отношения. Когда воины приблизились, Кикаха разглядел на их телах племенные шрамы и боевую раскраску.

Многие копья представляли собой заостренные шесты, просушенные для прочности на огне. Другие имели наконечники из кусков кремня и сланца или насадки из рогов антилоп и львиных клыков. По-видимому, о луке и стрелах в этом мире еще не знали. Основным вооружением являлись каменные топоры и тяжелые боевые бумеранги. На ремнях, привязанных к седлам, висели круглые, покрытые кожей щиты. Однако туземцы считали, что разберутся с незнакомцем без их помощи. И они были правы.

Несколько воинов остановили своих животных прямо перед Кикахой. Другие разъехались и окружили его со всех сторон.

Вождь — седой коренастый мужчина — направил мусоида к Кикахе. «Лось» покорно двинулся к незнакомцу, но, судя по его округлившимся выпуклым глазам, идея хозяина ему не нравилась.

Из-за выступа горы в сопровождении вооруженных верховых выезжал караван. Женщины, дети и собаки следовали за мусоидами, которые тянули волокуши, нагруженные шкурами, деревянными шестами и небогатой утварью.

Вождь обратился к пленнику на незнакомом диалекте. Не ожидая, что его поймут, Кикаха тем не менее произнес фразы на двадцати различных языках; в том числе английском, французском, немецком, тишкветмоакском, хроваком и микенском, на диалектах верхнегерманской Дракландии и степных полуконей Лакоты, на языках властителей и хамшемов. Потом добавил несколько известных ему фраз на латыни, греческом, итальянском и испанском. Но вождь бесстрастно покачал головой.

Этого и следовало ожидать. Однако Кикаха надеялся, что их предки попали сюда с Земли. Жаль, что туземцы не говорили на каком-нибудь известном языке.

Впрочем, встреча имела и положительную сторону — его пока не убили. Хотя, возможно, его хотели сначала подвергнуть пыткам. Зная, как обращаются с пленными на уровне Америндии, Кикаха не испытывал особого оптимизма.

Вождь взмахнул оперенным копьем и что-то сказал сопровождавшим его воинам. Двое из них спешились и осторожно приблизились к Кикахе. Тот с улыбкой вытянул перед собой руки, показывая пустые ладони.

Однако его улыбка не успокоила туземцев. Нацелив копья в грудь пленника, они медленно подошли к нему.

Будь Кикаха покрепче, он попытался бы добраться до ближнего «лося» с пустым седлом. Но и тогда ему пришлось бы прорываться через кольцо из двадцати воинов. Бывали случаи, когда он сражался и с бóльшим числом противников, но тогда в его мышцах играла сила и голод не подводил живот. Не то что теперь. После болезни и бессонной ночи он чувствовал себя уставшим и слабым.

Оба воина уступали ему в росте — первый был около пяти футов шести дюймов, второй — на пару дюймов выше. Этот юноша перебросил копье в левую руку и вытянул правую вперед.

Кикаха понял, что туземец требовал его нож. Пожав плечами, он медленно вытащил клинок из ножен.

Конечно, Кикаха мог бы метнуть нож в горло первого воина. Но рядом стоял второй. Хотя, если сбить его с ног, вырвать из рук копье и побежать... Кикаха решил, что ему лучше забыть об этом.

Воин взял нож и показал его остальным. Судя по лицам туземцев, они впервые видели оружие из металла. Вождь

что-то сказал, и юноша, подбежав к нему, с почтением отдал клинок. Седобородый мужчина повертел его в руках, осторожно потрогал пальцем острое лезвие, а потом провел ножом по кожаному ремню, на котором крепился его боевой щит.

Лезвие без труда разрезало сухую кожу, и когда щит упал на землю, среди туземцев послышались удивленные возгласы.

Вождь задал Кикахе какой-то вопрос. Вероятно, ему хотелось узнать, где пленник добыл такую вещь. Кикаха никогда не отказывался от лжи во имя спасения и указал на горы, к которым направлялся до встречи с туземцами.

Вождь задумчиво посмотрел на нож и отдал несколько приказов. Два спешившихся воина связали руки Кикахи кожаным ремнем. Отряд дозорных двинулся дальше, а вождь и двое его помощников спустились со своих «лосей». Через пятнадцать минут к ним подъехали первые волокуши каравана.

Объясняя племени ситуацию, вождь то и дело махал копьем в сторону далеких гор. Когда возбужденные голоса переросли в галдеж, он приказал всем замолчать и принялся отдавать распоряжения. К тому времени Кикаха подсчитал количество людей — тридцать мужчин, сорок женщин и двадцать детей. Итого, включая дозорных, девяносто человек.

Дети были разных возрастов — от грудных младенцев до почти возмужавших юношей и женственных девиц. Что касается женщин, то в общей массе брюнеток Кикаха заметил лишь несколько шатенок. Почти у всех были светло-коричневые глаза, хотя встречались карие и даже голубые. Некоторые из женщин выглядели довольно привлекательно. Все, от мала до велика, носили только короткие юбки из дубленой кожи. Дети ходили голышом, и их тела покрывал слой грязи. Впрочем, то же относилось и к взрослым. От них пахло так, словно они не видели воды месяц или два.

Тем не менее несколько «лосей» везли волокуши с большими кожаными мехами, в которых булькала вода. На остальных повозках лежали кучи шкур, корзины с сушеными фруктами, ветви деревьев и оружие. Кикаха не увидел ни тентов, ни навесов. А значит, во время дождей люди беспомощно терпели непогоду, как гнев и кару небес.

Племя устроило небольшой привал. Женщины начали доить «лосих» и кормить уставших мусоидов. Кикаху окружили несколько воинов. Пока одни целились в пленника копьями, другие срывали с него одежду. Вождь забрал себе порванные джинсы и ботинки, готовые вот-вот развалиться на части. Осматривая трофеи, старик восторженно кряхтел, а потом попытался натянуть на себя джинсы, но его широкие ягодицы и выпиравший живот в них просто не умещались. Он решил

проблему, надрезав пояс штанов в нескольких местах. Ботинки, наоборот, оказались большими, однако вождь, не задумываясь, напялил их на ноги.

Найдя в заднем кармане пакет с отравленными дротиками, он раздал их воинам, чьи копья не имели кремневых наконечников. Те прикрепили дротики к своему оружию и стали забавляться, замахиваясь друг на друга копьями. Особенно им нравилось, когда напуганные люди отпрыгивали в разные стороны.

Кикахе оставили только дырявые жокейские трусы.

Чуть позже из стада вывели большую «лосиху». Животное оседлали, и Кикахе велели взобраться на нее. Устроившись в седле, он ухватился за поводья связанными руками. Вождь отдал приказ, и к лодыжкам пленника привязали кожаный ремень, протянутый под животом мусоида. Караван тронулся в путь. Пожилая женщина — единственная старуха, которую Кикаха увидел среди туземцев — заиграла странную мелодию на флейте из длинной кости.

Они ехали около часа. Добравшись до канала, племя устроило стоянку — если так можно назвать простую и незатейливую процедуру привала. Кикаха по-прежнему сидел на «лосихе», забытый всеми, кроме одного охранника. Все остальные блаженствовали и купались.

Кикаха заподозрил, что его решили оставить в седле до самой «ночи». На него набросился рой голубых мух, и когда охранник наконец развязал ремень на его ногах, Кикаха чувствовал себя, как йог, неудачно переспавший на гвоздях. Он неловко спустился на землю и взглянул на худенького юношу, которому вождь поручил охрану. Тот стоял, опираясь на копье, и ждал, когда его сменят. Парню тоже хотелось искупаться.

Кикаха жестом показал, что хочет пить. Охранник кивнул. Кикаха подошел к краю канала и встал на колени, чтобы зачерпнуть воды. И в следующий момент полетел в воду, сброшенный вниз оскорбительным пинком.

Когда Кикаха поднялся, все вокруг катались по земле от хохота. Он зашел в воду по грудь и осмотрел противоположный берег. До него было не больше трехсот футов, и он мог бы доплыть туда даже со связанными руками. Однако его преследователи тоже умели плавать, да и их мусоиды неплохо держались на воде. Будь на том берегу роща или гора, он попытался бы бежать. Но равнина тянулась по меньшей мере мили на две. Преследователи могли бы догнать беглеца задолго до того, как он добрался бы до ближайших холмов.

Кикаха неохотно выбрался на берег и, подойдя к наглому юнцу, смерил его холодным взглядом. Тот захохотал, что-то произнес, и все снова согнулись пополам от смеха. Люди везде одинаковы: им нравится оскорблять тех, кто не может ответить.

Кикаха решил заняться изучением языка. Он указал на копье и поинтересовался его названием. Юноша сначала не понял вопроса, но, сообразив, о чем просит пленник, назвал копье словом «габол».

Как выяснилось позже, это слово не являлось общим названием. Оно означало копье, заостренный конец которого прокаливали для прочности на огне. Древко с каменным наконечником называлось «барос», с рогом антилопы — «ява», с львиным клыком — «градос».

Изучая язык туземцев, Кикаха обнаружил, что у них не было таких понятий, как человечество, раса или народ. Свое племя они называли словом «люди». Остальные племена являлись «врагами». Дети, независимо от пола, назывались «бесформенными». Взрослые мужчины определялись тремя терминами: один означал воина, убившего врага из другого племени; второй — юношу, который еще не прославил себя, пролив кровь; а третий термин предназначался для бесплодного мужчины. Последний мог быть героем, погубившим множество врагов, но все равно оставался бесплодным «таиру». Но и он мог стать «виру» — настоящим воином. Для этого ему требовалось выкрасть себе ребенка из другого племени.

Женщины тоже делились на три категории. Те, кто рожали детей, причислялись к высшему классу. Стерильные женщины, убившие не меньше двух врагов, относились к рангу пониже. Последнее место отводилось тем, кто не имел на своем счету ни рожденных детей, ни убитых врагов. Таких называли «шонками» — это слово первоначально предназначалось для каких-то мелких грызунов.

Два «дня» и две «ночи» караван неторопливо двигался вдоль берега. Не считая далеких конических гор, канал оставался единственным элементом ландшафта, который не подвергался изменениям. Иногда он расширялся и мельчал, иногда становился узким и глубоким. Но его русло по-прежнему тянулось вперед, насколько хватало глаз.

Когда племя устраивало привал или двигалось со скоростью мили в час, мужчины уезжали на охоту. Довольно часто их сопровождали молодые женщины. В отличие от туземцев, живших в Многоярусном мире, женщины этого племени не утруждали себя делами по хозяйству. И не тратили сил на

рукоделие, сбор трав и приготовление еды. Детей обычно сгоняли вместе, и их воспитанием занимались по очереди. Время от времени женщины вырезали бумеранги или древки для копий. Иными словами, они не знали, что такое домашнее хозяйство. Сильные и молодые особы принимали участие в охоте и набегах на другие племена.

Охота шла удачно, и воины привозили убитых антилоп, газелей, страусов и даже «моа». Один раз отряд убил молодого слона, который отбился от стада. Племя тут же двинулось в путь и, проехав две мили по равнине, расположилось станом у трупа животного. Мужчины разделывали тушу до костей, и все жадно поедали мясо, пока их животы не стали напоминать шары.

Мясо срезали кремневыми ножами. Позже Кикаха узнал, что эти камни встречались очень редко. Их россыпи появлялись на поверхности в процессе расщепления и отрыва гигантских кусков планеты. Из всех подземных даров местные туземцы использовали только камни и твердые минералы.

Мясной рацион разнообразили фрукты и орехи различных деревьев. Их обычно сбивали бумерангами. Охотники останавливались на безопасном расстоянии от щупалец и дротиков, а затем метали свое грозное оружие. И в этом искусстве им не было равных.

Кикаха имел врожденную склонность к изучению языков, богатый опыт лингвиста и хорошую память. Ему потребовалось чуть больше недели, чтобы научиться основам племенной речи. И хотя технология туземцев являлась примитивной даже в сравнении с пещерными людьми ледникового периода, говорили они на довольно сложном языке. Несмотря на небольшой запас слов этого диалекта, Кикаха сначала не улавливал оттенков смысла, которые передавались едва различимыми гласными звуками. Кроме того, он заметил особенность, с которой никогда прежде не встречался. При построении фразы последний согласный звук слова влиял на изменение первого согласного звука последнего слова. Но как и во всех живых языках, каждое правило имело множество исключений. И если учесть комбинации исключений и правила, то речь туземцев становилась для чужака настоящим камнем преткновения.

Кикаха вспомнил, что когда-то читал о сходном изменении согласных в языке кельтов. Однако сам не мог судить об этом сходстве.

Иногда ему казалось, что люди племени, называвшие себя «тана», действительно могли быть потомками древних кельтов. Но в таком случае ни один современный кельт не понял

бы их языка. За многие тысячелетия речь претерпела значительные изменения. Например, самец-мусоид, используемый для езды, назывался «хикву». Но имело ли это слово какую-то связь с латинским «эквус»? Ту статью Кикаха читал очень давно, но, кажется, там говорилось, что слово «эквус» имело отношение к греческому «гиппос» и похожему слову на кельтском языке.

Об остальном оставалось только догадываться. Впрочем, от его предположений ничего не зависело, и он интересовался этим из чистого любопытства. Почему, к примеру, племя, перенесенное сюда с Земли, называло мусоида лошадью? Очевидно, потому, что слово «хикву» функционально напоминало им именно ее, а не какое-то другое животное, встречавшееся прежде.

В течение дня Кикаха либо ехал верхом на «мерке» — ездовой «лосихе», — либо лениво бродил вокруг лагеря и неустанно разыскивал знаки, которые могла оставить Анана. Слабое знание языка не позволяло ему задавать вопросы. Хотя, возможно, кто-то из туземцев видел светлокожих чужеземцев и странного черного человека.

На десятый день они проехали через проход между двумя высокими и неизменяющимися горами. Там, за пологим склоном и широким побережьем, начинался океан.

Склоны гор по эту сторону покрывали леса с настоящими — неподвижными деревьями. Увидев их, Кикаха едва сдержал восторженный крик. Высота деревьев достигала сотни футов, и многие из них напоминали сосны и дубы. Ближе к воде располагались ореховые и фруктовые рощи.

Кикаха не понимал, почему туземцы не ведут оседлый образ жизни. Почему скитаются по изменяющимся землям вдали от гор, окружающих море.

Пока караван спускался по склону, небо закрыли облака, и загремел гром. Тана остановились на полпути к подножию. Вождь Вергенгет собрал совет. Выслушав мнение нескольких воинов, он приказал поворачивать назад и возвращаться в долину по ту сторону гор.

Кикаха окликнул Люкио — молодую женщину, которая нравилась ему и фигурой и характером:

— Почему мы возвращаемся?

Люкио побледнела от страха. Ее глаза округлились, как у испуганной лошади.

— Мы приехали слишком рано. Гнев Властителя еще не утих.

В тот же миг блеснула первая молния. Дерево в двухстах футах раскололось посередине. Одна половина упала, другая осталась стоять.

Вождь выкрикивал приказы и торопил людей, но те не нуждались в понуканиях. Вскоре отступление превратилось в паническое бегство. Мусоиды помчались неудержимым галопом. Седоки неистово натягивали поводья. Волокуши подпрыгивали на кочках, теряя груз. Кикаха и Люкио остались вдвоем. Вернее, втроем. Под деревом, сжавшись в комочек, плакала шестилетняя девочка. Она лишь на минуту отошла от родителей, и тех унесли обезумевшие животные.

Несмотря на связанные запястья, Кикаха взял девочку на руки и быстро зашагал к проходу в горах. Люкио бежала впереди. В блеске молний и яростном шуме бури ее фигура казалась маленькой и беззащитной. Позади раздался оглушительный раскат грома. Ребенок обвил руками шею Кикахи и прижался лицом к его плечу.

Кикаха выругался. Ему еще никогда не доводилось попадать в такую жуткую грозу. Тем не менее сейчас он мог убежать от туземцев. У него впервые появилась возможность снова обрести свободу... но тогда пришлось бы бросить ребенка на произвол судьбы.

Из черных туч хлынул ливень, хлеставший по телу, словно плеть. Вода лилась как из ведра. Кикаха ускорил шаг и опустил голову. В зареве частых молний проступала фигура Люкио темным пятном. Женщина бежала впереди, подгоняемая страхом. Будь Кикаха покрепче и без ноши на руках, он бы вряд ли догнал ее теперь. Люкио бежала, как олимпийский чемпион.

Внезапно она поскользнулась на мокрой траве, упала и проехала на животе несколько футов. Едва Люкио поднялась на ноги, как послышалось громкое шипение и оглушительный треск. Кикаху ослепила яркая вспышка. Несколько секунд он вообще ничего не видел. А молнии продолжали свой огненный танец, хотя уже и не так близко. Прозрев, он увидел, что Люкио снова лежит на земле. И не двигается.

Приблизившись к ней, Кикаха почувствовал запах горелой плоти. Девочка сильнее прижалась к его груди. Он опустил ее на землю и осмотрел почерневшее тело Люкио. Она была мертва. Кикаха схватил ребенка и побежал по склону холма. На фоне мелькавших вспышек он вдруг заметил гигантскую призрачную фигуру.

«Вот это да! — подумал он, замедляя шаг. — Такого не увидишь и в кошмарном сне. Не удивительно, что все племя бежало в панике, забыв о маленьком ребенке».

Фигура приблизилась, и Кикаха обнаружил, что это два существа, а вернее, Вергенгет на своем хикву. Вождю удалось укротить испуганного «лося», и он вернулся за отставшими. Победа над собственным страхом далась ему тяжелой ценой. Он весь дрожал от напряжения и с трудом удерживал мусоида от панического бегства. Бедное животное, очевидно, решило, что хозяин сошел с ума, потому что только безумец мог вернуться в этот ревущий ад наполненного смертью побережья.

В тот миг Кикаха понял, почему Вергенгет стал вождем.

Седая мокрая борода старика прилипла к груди. Ноздри яростно раздувались, а зрачки вращались, как у бешеного пса. Он прикусил губу с такой силой, что появилась кровь. Кикаха окликнул его и указал на труп. Вергенгет кивнул, давая понять, что он все уже увидел.

Вождь усадил ребенка в седло перед собой. Кикаха подумал, что туземец бросит его здесь. Да и зачем было рисковать своей шкурой и жизнью девочки из-за какого-то чужеземца?

Однако Вергенгет наклонился, протянул руку и помог Кикахе взобраться на хикву. Потом развернул мусоида к ущелью и пустил его в галоп. Животное помчалось вперед, как выпущенная из лука стрела. Несмотря на тяжелый груз, «лось» скакал все быстрее и быстрее, и вскоре они добрались до ущелья. Дождь остался позади. Гром и молнии по-прежнему бушевали, но уже на безопасном расстоянии.

ГЛАВА 8

Вергенгет передал девочку рыдавшей матери. Расстроенный отец поцеловал дочь, но на его лице застыло выражение висельника. Он стыдился своей трусости и того, что позволил страху овладеть собой.

— Мы останемся здесь, пока ярость Властителя не утихнет, — сказал вождь.

Кикаха спустился с животного. Следом за ним на землю спрыгнул Вергенгет. Какой-то миг Кикахе хотелось выхватить нож из-за пояса вождя. Он мог бы убежать в грозу, и никто из туземцев не отважился бы броситься в погоню. Он спрятался бы в густых лесах побережья, и если бы молнии обошли его стороной, люди племени уже никогда не нашли бы следов своего странного пленника.

Да, Кикаха мог убежать. Но кое-что удерживало его от решительных действий. И истина состояла в том, что ему не хотелось оставаться одному.

Большую часть жизни Кикаха был одинок — причем не из-за отсутствия таких качеств, как общительность и дружелюбие. Нет, он без труда сходился с людьми: сначала с детьми с соседних ферм, затем с ровесниками в сельской школе, а позже с другими студентами в колледже. Благодаря любопытству, атлетическим способностям и склонности к языкам он становился душой и лидером любой компании.

И еще Пол Финнеган любил читать. Он относился к породе тех ненасытных читателей, которые, выбирая между вечеринкой и книгой, всегда останавливались на последнем варианте. Ему просто не хватало времени. Сын фермера с детства обречен трудиться, и именно с тех пор Пол решил, что не будет фермером. Он тянулся к знаниям, настойчиво добиваясь хороших оценок в школе. Юный Финнеган мечтал о путешествиях по экзотическим странам. Ему хотелось стать зоологом или хранителем краеведческого музея. Он грезил о сказочных местах в глубинах Африки, Малайзии и Южной Америки. Но для этого требовалась степень магистра или доктора наук. И чтобы добиться ее, нужны были высшие баллы в школе и колледже. К тому же мальчику нравилось учиться.

Он читал все, что попадало в руки.

Одноклассники смеялись над ним, называя зубрилой и «букварем». Они шутили над ним без злобы и грубых насмешек, уважая его находчивость и быстрые кулаки. Но они не понимали этого странного и страстного желания учиться.

Если бы кто-то из посторонних людей наблюдал за Полом в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет, он вряд ли заметил бы легкую отстраненность юноши от своих сверстников. Перед его взором предстал бы прекрасный спортсмен, краса и гордость школы, отличный ученик с репутацией крутого парня, который изъездил на мотоцикле все окрестные дороги и переспал на сене со всеми девчонками в округе. В отличие от сверстников Пол с отвращением относился к спиртному, но, однажды выпив, попал за решетку за неподчинение дорожной полиции. Это событие буквально сломило его родителей. Мать плакала, отец топал ногами от бессилия и ярости. А Пол без особого труда сбежал из тюрьмы, навестил знакомых и снова добровольно вернулся в заключение, до глубины души удивив надзирателей и полицейских.

Его приятели восприняли это как подвиг. Подружки ужасались и восхищались. Учителя тревожились и недоуменно разводили руками. Но судья, заставший Пола за чтением «Заката и падения Римской империи» незабвенного Гиббона, посчитал юношу пылким и одаренным романтиком, на которого повлияло окружение плохих товарищей. Обвинение сняли, но судья назначил Полу неофициальный испытательный срок. Юный Финнеган поклялся вести себя, как добропорядочный гражданин, и был верен данному слову на протяжении всего испытательного срока.

С тех пор Пол редко покидал ферму, стараясь не испытывать судьбу в лихих забавах друзей, хотя их баловство в основном объяснялось стремлением подражать своему отчаянному вожаку. Обиженные родители почти не разговаривали с ним. Он работал, учился и изредка охотился в лесу. Ему понравилось одиночество. Он предавался уединению так же беззаветно, как прежде общался с друзьями.

А потом, то ли от неосознанного желания наказать Пола за прежние проступки, то ли стараясь удержать его на пути истинном, чета Финнеганов открыла ему потрясающую тайну.

Он оказался приемным ребенком.

Новость ошеломила его. Как и многие дети, Пол прошел возрастной период, когда родители кажутся чужими и враждебно настроенными людьми. Он не стал цепляться за эти детские фантазии, возникавшие обычно после обид, ссор с отцом и других недоразумений. Но когда все его предчувствия оказались горькой правдой, он не мог поверить своим ушам.

По словам приемных родителей, настоящей матерью Пола была англичанка с причудливым именем Филея Джейн Фогг-Фог. При других обстоятельствах он посчитал бы это забавным. Но в тот момент Пол не находил здесь ничего смешного.

Родители Филеи Джейн вышли из рода английских мелкопоместных дворян, а ее прапрадед женился на парсиянке. Парсы, насколько он знал, бежали из Персии под натиском мусульман и позже осели в Индии. То есть он на одну восьмую был индусом — не индейцем, среди которых его приемные родители имели нескольких предков, а настоящим азиатским индусом, пусть даже и с небольшими оговорками. Дело в том, что парсы обычно не вступали в брак с индусами.

Странная фамилия возникла по прихоти его бабушки Роксаны Фогг, которая вышла замуж за дальнего родственника, проживавшего в Америке. В начале семнадцатого века одна из ветвей Фоггов эмигрировала в Виргинию. На заре девятнадцатого века многие их потомки переехали в Техас,

территория которого в то время принадлежала Мексике. Вот тогда от фамилии и отпала вторая «г». Дедушка Пола, Гардин Блез Фог, родился в независимом государстве — Республике Техас.

В двадцатилетнем возрасте Роксана Фогг вышла замуж за состоятельного англичанина. Когда ей исполнилось тридцать восемь, ее муж умер, оставив после себя двух детей. Через два года Роксана отправилась в Техас, чтобы присмотреть для сына какое-нибудь хорошее ранчо, которым тот мог бы владеть, достигнув совершеннолетия. Там она встретила некоторых родственников, среди которых оказался вольный стрелок Дикого Запада и герой Гражданской войны Дастин Эдвард Марсден Фог по прозвищу «Дасти».

А потом она познакомилась с Гардином Блезом Фогом — прекрасным человеком, несколькими годами моложе ее. Они полюбили друг друга, и он вызвался сопровождать ее обратно в Англию. Несмотря на его варварское происхождение, Роксана получила единодушное одобрение семьи. Впрочем, у ее родных не оставалось выбора. Она заявила, что все равно выйдет за него замуж. К тому же Блез считался очень богатым судовладельцем. В скором времени он поселился в Лондоне, где открыл британский филиал своей компании. В возрасте сорока трех лет, удивив многих, в том числе и себя, Роксана родила девочку, которую назвали Филея Джейн.

Филея Джейн родилась в 1880 году. В канун двадцатого века она вышла замуж за английского врача — доктора Реджинальда Сина, который через десять лет скончался при таинственных обстоятельствах, не оставив после себя потомства. Вплоть до 1916 года Филея жила одна. На одном из званых вечеров она встретила Парка Джозефа Финнегана — очень красивого и статного мужчину из Индианы. Фоггам он не понравился сразу по трем причинам: во-первых, своим ирландским происхождением; во-вторых, тем, что не принадлежал к членам епископальной церкви; а в-третьих, его часто видели по вечерам в игорных заведениях в компании дам сомнительного поведения.

Тем не менее Филея и Парк поженились. Они поселились в Терре-Хоте, хотя, по мнению ее родственников, люди в тех местах по-прежнему страдали от набегов краснокожих.

Филея с трудом привыкла к провинциальному хужеровскому городку. Но первые шесть месяцев супружеской жизни считала себя самой счастливой женщиной в мире, поскольку стала хозяйкой большого богатого дома, ни в чем не зная недостатка.

Но вскоре ее жизнь превратилась в ад. Финнеган вновь увлекся женщинами, картами и вином. Игра в покер довела его до полного банкротства. И когда Филея Джейн в свои тридцать восемь лет объявила о беременности, он оставил ее, сказав, что уезжает на Запад за большими деньгами. С тех пор она больше ничего не слышала о муже.

Будучи слишком гордой, чтобы вернуться униженной в Англию, Филея нанялась экономкой к одному из дальних родственников мужа. Она считала это ужасным падением, но работала без жалоб, по-британски гордо поджимая верхнюю губу.

Когда Полу исполнилось шесть месяцев, в руках у Филеи Джейн взорвался примус. Она потеряла сознание, начался пожар, и младенец погиб бы вместе с матерью, если бы один отчаянный парень не бросился в пламя и не вынес ребенка из горевшего дома.

Родственник, у которого они жили, скончался через несколько дней от сердечного приступа. Мальчика хотели отдать в приют для сирот, но его решил усыновить Ральф Финнеган — фермер из Кентукки и двоюродный брат Парка. Приемная мать дала малышу второе имя, и его стали называть Полом Янусом Финнеганом.

Рассказ о тайне рождения произвел на юношу огромное впечатление. С тех пор он начал страдать от одиночества — или, вернее, от чувства, что его предали и бросили. Вызнав у приемных родителей все, что им было известно о матери, он больше никогда не говорил о ней. А когда Пола спрашивали о семье, он рассказывал о мужчине и женщине, которые вырастили его и воспитали.

Примерно через два года после этого события мистер Финнеган заболел и, промучившись шесть месяцев, умер от рака. Пол очень горевал о приемном отце, но беда не приходит одна. Через три месяца после похорон его приемная мать умерла от той же болезни. Проклятая опухоль извела ее болью. Пол едва успевал вести хозяйство, учиться и заботиться о больной. Она умерла во время приступа — за день до того, как он закончил среднюю школу.

К горю прибавилось чувство вины. Юноша считал, что рак у приемных родителей был каким-то таинственным образом связан с его арестом. Возможно, причиной их болезни стал стыд за его проступок. С точки зрения современной науки эта идея казалась абсолютно неправдоподобной. Но вина почти всегда имеет в своей основе нерациональный мотив. Бывали времена, когда Пол чувствовал себя виноватым даже в отказе

отца от его настоящей матери и, следовательно, в ее последующей смерти.

Ему по-прежнему хотелось изучать зоологию или антропологию — он не менял своей мечты. Однако поступление в колледж пришлось отложить. Чтобы оплатить расходы на медицинскую помощь, оказанную приемным родителям, Пол заложил ферму и начал подрабатывать в Терре-Хоте механиком в ремонтной мастерской. Несмотря на безденежье и изнурительную работу, у него иногда оставалось время, чтобы развеяться и сбросить внутреннее напряжение. В такие вечера он заходил в бар Фишера, где его старые друзья любили просаживать деньги. Они усаживали девчонок позади себя на мотоциклы и с ревом гоняли по ночным дорогам, а потом заканчивали веселье на Индейском лугу, упиваясь пивом, устраивая драки и занимаясь любовью.

Одна из девушек упорно хотела стать его женой, и Полу с огромным трудом удалось от нее отвязаться. Он не желал проводить остаток жизни с женщиной, которая не разделяла его интеллектуальных интересов. Потом она забеременела, но, к счастью, не от него. Бедняжка решила начать новую жизнь и уехала в Чикаго. Вскоре после этого их компания распалась.

Пол снова остался один. Но ему по-прежнему нравилось гонять на «моторе» по сельским дорогам или скакать на лошади через луга. Так он находил выход своим чувствам.

К тому времени его навестил дядюшка, который работал в цирке: прекрасно бросал ножи, жонглировал и выполнял акробатические прыжки. Пол многому от него научился и увлекся метанием ножей. В минуты печали или горьких раздумий он выходил на задний двор и бросал ножи в цель из разных положений. Пол знал, что эта безвредная форма садизма понемногу рассеет вину, подавленность и обиду, которые по воле судьбы выпали на его долю.

Вот так незаметно пролетело пять лет, и ему внезапно исполнилось двадцать три. Ферму выкупить не удалось, и Пол продал ее, почти ничего на этом не заработав. Но он больше не хотел работать на ферме. К тому времени стало ясно, что поступление в колледж придется отложить на неопределенный срок. Тем не менее Пол по-прежнему мечтал освоить специальность антрополога — он решил остановить свой выбор именно на ней. Однако через год-второй Соединенным Штатам предстояло вступить в войну.

Пол поступил на военную службу в кавалерию, поскольку любил лошадей. Однако, к великому разочарованию юноши, вместо поводьев в его руки вложили рычаги, и Пол стал

водителем танка. Потом он закончил трехмесячные курсы и сделался кандидатом в офицеры. Не имея за плечами колледжа, Пол все же сдал вступительные экзамены и успешно прошел обучение. И тут Перл-Харбор втянул страну в конфликт, и вскоре Пол Финнеган в составе Восьмой армии оказался на поле боя.

Однажды при прорыве сил Паттона, в период временного затишья Пол решил побродить по развалинам небольшого музея в немецком городке. Среди руин и битого кирпича он нашел любопытный предмет — серебристый полумесяц из какого-то странного сплава. Металл оказался настолько крепким, что удары молотка не оставили на нем следов, а ацетиленовая горелка не могла его расплавить. Пол прибавил этот полумесяц к своим сувенирам.

Уволившись из армии, он вернулся в родной городок, чтобы решить некоторые имущественные вопросы. Пол не собирался задерживаться там слишком долго. Однако через несколько дней его пригласили в адвокатскую контору, и мистер Табб, к огромному удивлению Финнегана, вручил ему чек на сумму в десять тысяч долларов.

— Это от вашего отца, — сообщил адвокат.

— Моего отца? — воскликнул Пол. — У него не было даже горшка, куда складывать деньги! Вы и сами знаете это.

— Я имел в виду не вашего приемного отца, — ответил мистер Табб. — Речь идет о настоящем родителе.

— Тогда скажите, где он живет. Я хочу прикончить этого подонка.

— Мне бы искренне не хотелось, чтобы вы попали туда, где он сейчас, — сказал толстый старина Табб. — Ваш отец находится в шести футах под землей — похоронен на церковном кладбище в Орегоне. Перед смертью он ушел в религию, моля о новой жизни. Впрочем, вы наверняка встречали таких ядущих огонь и алкающих серу аллилуйщиков. Тем не менее надо воздать ему должное — у старой бестии осталось немного совести. И он завещал вам все свое состояние.

Какой-то миг Пол хотел порвать этот чек в клочья. Но потом сказал себе, что старый Парк Финнеган действительно обязан ему многим. И хотя такая сумма не могла искупить вины отца, ее вполне хватало на то, чтобы получить докторскую степень.

— Я беру этот чек, — сказал он. — А банк примет его, если на нем окажется мой плевок?

— По закону банк должен принять чек даже в том случае, если вы подотрете им задницу. Ну что, сынок? По глоточку бурбона?

Поступив в университет Индианы, Пол снял в аренду небольшую удобную квартиру за пределами студенческого городка. Как-то раз он рассказал своему приятелю о таинственном полумесяце, найденном в Германии. Парень написал статью в городскую газету, и синдикат разнес эту историю по всей стране. Тем не менее ни один университетский физик не проявил к находке никакого интереса.

Через три дня после публикации к Полу приехал человек, который представился ему как мистер Ваннакс. Он довольно бегло говорил по-английски, но легкий акцент выдавал в нем иностранца. Ваннакс попросил показать ему полумесяц — Пол выполнил просьбу. Мужчина пришел в крайнее возбуждение и предложил за вещь десять тысяч долларов. Финнеган заподозрил неладное. На всякий случай он увеличил сумму до ста тысяч, и Ваннакс, немного вспылив, пообещал принести деньги через двадцать четыре часа. Юноша понял, что владеет чем-то особенным — но чем именно, конечно же, не знал.

— Давайте увеличим сумму до трехсот тысяч долларов, и я отдам вам полумесяц, — сказал Пол. — А поскольку деньги действительно большие, мы можем отложить расчет на пару суток, чтобы вы успели собрать необходимую наличность.

— Но вы говорили, что мы остановимся на сотне тысяч!

Ваннакс начал буянить, и Полу пришлось выставить его за порог. Той же ночью странный покупатель пробрался в квартиру Финнегана и попытался похитить бесценную находку. Пол застал его на месте преступления в тот момент, когда злодей раскладывал на полу два серебристых полумесяца. Концы половинок сошлись, и получился идеальный круг.

Однако какими бы ни были планы незнакомца, Пол внес в них свои коррективы. Нацелив на грабителя пистолет, он заставил его отойти подальше от полумесяцев. Ваннакс попятился и словно в бреду начал предлагать Финнегану полмиллиона долларов. Подходя к преступнику, Пол случайно вступил в круг. Ваннакс в ужасе закричал, но было поздно. Внезапно и вор, и квартира исчезли. А еще через миг Финнеган оказался в другом мире.

Пол стоял в кругу из двух полумесяцев, похожих на те, которые только что переступил. Однако находились они в огромном величественном дворце, как будто возникшем из арабских сказок «Тысяча и одной ночи». Дворец венчал вершину мира, в который перенесся Финнеган. Именно здесь располагалась обитель властителя, создавшего вселенную Многоярусного мира.

Пол понял, что круг из полумесяцев служил «вратами», или проходом, в так называемое четвертое измерение. Лучшего термина ему придумать не удалось. Позже выяснилось, что Ваннакс был властителем, который по вине обстоятельств застрял на Земле. У него имелся один полумесяц, но для создания врат и перехода в следующую «карманную» вселенную требовалась вторая половинка.

А потом оказалось, что кроме Пола во дворец пробрались существа, называемые гворлами. Их послал сюда властитель другого мира, которому хотелось овладеть чудесным рогом Шамбаримена. Это устройство было сделано десять тысяч лет назад, когда мода на искусственные вселенные только начинала зарождаться. Используя его как вид звуковой отмычки, человек мог открыть любые врата, существовавшие между мирами.

Но тогда Пол об этом не знал. Прячась от страшных существ, он увидел, как один гворл, протрубив простую мелодию, открыл тем самым врата на нижний ярус планеты. Пол столкнул чудовище в бассейн и, схватив инструмент, проскочил через врата на уровень Атлантиды.

С тех пор прошло много лет. Он перебирался с яруса на ярус, а за ним по пятам гнались неутомимые гворлы. Со временем Пол обрел известность во многих областях планеты. На уровне Дракландии его знали как барона Хорста фон Хорстманна. На уровне Америндии он заслужил прозвище Кикахи, которое ценил превыше остальных своих имен. Пол Янус Финнеган остался в далеком прошлом. Воспоминания о родной вселенной потускнели, и он никогда не пытался вернуться на Землю. Его жизнь наполнилась тревогой и опасностью, но Финнеган полюбил новый мир всем сердцем.

А в это время на Земле отставной профессор Роберт Вольф из Финикса, штат Аризона, решил купить себе новый дом. Осматривая подвальные помещения, он внезапно обнаружил в стенном шкафу открывшийся проход в другую вселенную. Заглянув в отверстие, Вольф увидел Кикаху в окружении страшных гворлов, которые в конце концов настигли беглеца. Кикаха не мог пройти через врата, но бросил Вольфу рог, чтобы инструмент не попал в лапы мерзких чудовищ.

Не будь этого рога, профессор списал бы все на бред, галлюцинации и болезнь разума. Но серебристый инструмент являлся физическим доказательством того, что проход между мирами действительно существовал.

Вольф давно считал, что жизнь у него не сложилась. И наверное, поэтому без колебаний протрубил в рог, подобрал нужную мелодию и прошел через врата в Многоярусный

мир. Они вывели его на самый нижний уровень планеты, который сначала показался ему райским садом. Шло время, и Вольф молодел, постепенно возвращаясь к тому физическому состоянию, которое имел в двадцатипятилетнем возрасте.

А потом он встретил и полюбил женщину, которую звали Хрисеидой. Преследуя гворлов, Вольф отправился на следующий уровень и отыскал по пути Кикаху. После многочисленных и опасных авантюр они добрались до дворца на вершине мира, и в конце концов Роберт Вольф оказался Ядавином — властителем и творцом этой маленькой, но чудесной вселенной.

Позже Вольф и Хрисеида пережили серию приключений, во время которых встретили других властителей. Роберт прошел через несколько «карманных» миров, преодолевая хитроумные ловушки, предназначенные для уничтожения его сородичей.

А тем временем Кикаха сражался со Звонарями — существами с искусственным интеллектом, которые внедряли свой разум в тела людей. Кикаха спас от гибели прекрасную властительницу Анану, и они полюбили друг друга.

Преследуя последнего уцелевшего Звонаря, Анана и Кикаха прошли через врата на Землю, и родной мир показался Полу еще более отвратительным, чем он его помнил. Перенаселенные города задыхались от собственных испражнений. За те двадцать лет, которые Финнеган провел в Многоярусном мире, Земля изменилась в худшую сторону.

Рыжий Орк, тайный владыка двух Земель, решил наказать Кикаху и Анану за то, что они вторглись в его владения. По воле обстоятельств властитель Уртона, также оказавшийся на Земле, стал их кровным врагом. Ему удалось захватить в плен Вольфа и Хрисеиду, но позже они сбежали от него и укрылись в лавалитовом мире.

Закрыв глаза, Кикаха представил, как его друзья бредут теперь по изменяющейся поверхности этой странной планеты. Они надеялись на его помощь, а он, потеряв Анану и рог Шамбаримена, влачил свои дни в плену у дикарей. Чтобы вырваться из кошмара лавалитового мира, Кикахе следовало найти дворец властителя и активировать врата. Но прежде предстояло отыскать Анану — живую или мертвую.

Кроме того, он ни за что не покинул бы этот мир, не узнав о судьбе Вольфа и Хрисеиды. Кикаха мог быть очень плохим врагом, но он всегда оставался хорошим другом.

Более двадцати лет независимый и уверенный в себе Кикаха скитался по уровням Многоярусного мира. Его считали великим воином свободного племени хроваков, и он

часто называл этих индейцев своим народом. Но они погибли от рук беспощадных Звонарей, и теперь из близких людей у него осталась только Анана. Под его влиянием надменная и непокорная властительница превратилась в прекрасную душевную женщину.

Будь на то его воля, он променял бы жизнь вечного скитальца на тихое уютное гнездо. Они с Ананой могли бы поселиться среди людей, где их уважали бы и, возможно, любили. Они обзавелись бы хозяйством и усыновили нескольких детей. Какое счастье жить в собственном доме и в кругу своей семьи!

А теперь он лишился любимой женщины. И потерял то единственное средство, которое могло бы увести его из этого ужасного мира.

Вот почему Кикаха, всегда полагавшийся только на самого себя — Кикаха, который и в аду мог бы устроиться со всеми удобствами, — страдал теперь от чувства одиночества.

И именно поэтому он решил примкнуть к тем жалким бедолагам, которые взяли его в плен. Он вновь хотел стать своим среди своих.

Конечно, они могли убить его и принести в жертву по правилам одного из ритуалов. Но боль одиночества тревожила Кикаху сильнее, чем возможные пытки и смерть.

ГЛАВА 9

На жалком и ограниченном тана он рассказал Вергенгету о своем желании стать одним из них. Вождя не удивили его слова. Он улыбнулся, и Кикаха заметил, что старый туземец доволен.

— Ты мог бы убежать от нас. Да и сейчас еще можешь, — сказал Вергенгет. — Я видел это намерение в твоих глазах. Но потом твое лицо закрылось, как сжатый кулак.

Теперь я скажу тебе, Кикаха, почему ты жил среди нас так долго. Обычно мы убиваем врагов без промедления. Но если пленник или пленница показывают себя в бою отважными воинами, мы в виде исключения подвергаем их пыткам. Однако бывали случаи, когда племя принимало человека в свои ряды, если он не входил в число наших заклятых врагов. Смерть — великий охотник. Она бьет часто и метко, и наши дети не успевают подрастать, чтобы прийти на смену погибшим воинам. Племя тана становится все меньше и меньше. Поэтому я буду рад увидеть тебя в рядах наших воинов. Ты показал свою смелость, и все мы благодарны тебе за спасение девочки, ибо жизнь детей для нас бесценна.

Кикаха почувствовал себя уже не так одиноко.

Через несколько часов буря утихла. Группа воинов отправилась к побережью и отыскала обгоревшее тело Люкио. Останки привезли в лагерь, и траурная церемония заняла у племени целый день. Женщины с воплями и завываниями омыли тело и расчесали волосы. С наступлением «сумерек» труп положили на кучу шкур. Четверо молодых мужчин подняли на плечи погребальные носилки и направились к небольшому холму, который находился в миле от стана. Там тело Люкио опустили на землю, и шаман Ошуллаин, запев монотонную песню, начал танец последнего прощания. Он размахивал трехзубым посохом, склонялся в ритуальных поклонах и пел печальную песню о женщине-птице, которая улетала вдаль. А потом все племя, за исключением нескольких верховых дозорных, отправилось обратно в лагерь.

На полпути Кикаха оглянулся. К трупу уже спускались стервятники, а с холма мчалась стая длинноногих бабуинов, которые намеревались отбить у птиц добычу. В четверти мили виднелся прайд безгривых львов. Огромные кошки мелкой рысью бежали к бабуинам. У тела Люкио собиралась чертовски неприятная компания. Обезьяны превосходили львов по численности, и между животными намечалась жестокая схватка.

По пути к стану шаман пропел короткую поэму, которую только что сочинил в честь Люкио. Эта песня должна была увековечить память о погибшей женщине в сердцах ее соплеменников. Какое-то время она будет на устах у каждого, а потом ее перестанут петь. Через неделю о Люкио забудут все, кроме ее ребенка и родителей. А вскоре насущные дела отвлекут и их от горя, и память об этой женщине угаснет без следа.

В ходу оставались лишь песни о великих героях, смерть которых служила примером для юных поколений. Об остальных туземцы забывали.

Весь следующий день караван стоял на границе прибрежных земель, ожидая какого-нибудь предвестия или знака. Вергенгет объяснил Кикахе, что сезон бурь всегда заканчивается вовремя. Однако на этот раз Властитель по какой-то причине продлил его, и племя получило жестокий урок за небрежную поспешность.

— Возможно, в тот день нам следовало принести Властителю жертву, — ворчал туземец, — и он удержал бы тогда свои молнии на небесах.

Кикаха не вмешивался в рассуждения вождя и, как обычно, уклонялся от споров на религиозные темы. Неверное слово

могло обидеть туземца и заставить его отказаться от данных обещаний.

Вскоре вождь созвал людей и выступил перед ними с речью. Кикаха понял только половину слов, а об остальном догадался по тону и жестам. Великий Властитель забрал Люкио, но взамен одарил племя воином по имени Кикаха, говорил вождь. Тана чем-то рассердили Творца. Или, возможно, Люкио провинилась перед ним и вызвала его гнев. В любом случае Властитель больше на них не сердится. Поразив женщину молнией, он излил свой гнев и простил племя. А чтобы доказать народу тана свое благоволение, Властитель послал им великого воина Кикаху. И теперь племя обязано принять этот щедрый дар и возрадоваться милости Создателя.

Внезапно против Кикахи выступил Тоини — тот юноша, который столкнул связанного пленника в канал. По мнению Тоини, Властитель послал им Кикаху, чтобы племя тана принесло его в жертву. И только эта жертва могла бы успокоить гнев Властителя. Вот почему он поразил молнией Люкио.

Кикаха не понимал, почему Тоини настроен против него. Единственным объяснением была спонтанная антипатия. Некоторым людям требуется только миг, чтобы с первой минуты знакомства между ними возникла беспричинная и обоюдная неприязнь.

Речь юноши не вызвала большого восторга, но повлекла за собой довольно долгий спор. Во время перебранки вождь угрюмо молчал. Очевидно, слова Тоини пробудили в нем какие-то сомнения.

Почувствовав, что публичное мнение может склониться в нежелательную сторону, Кикаха попросил у вождя разрешения обратиться к народу. Вергенгет призвал людей к молчанию.

Зная, что высота дает оратору психологическое преимущество, Кикаха взобрался на хикву.

— Я не хотел ничего говорить об этом, пока вы не примете меня в племя, — начал он, — но теперь мне ясно, что надо рассказать всю правду.

Он замолчал и осмотрел лица людей, словно сомневаясь в том, что с ними следует делиться своим знанием.

— Увидев среди вас людей, не понимающих воли Властителя, я понял, что вы должны услышать мой рассказ сейчас, а не потом.

Кикаха знал, что уже овладел вниманием собравшихся. Авторитетный вид и серьезный тон придавали вес каждому

его слову, и люди думали, что он хочет поведать им о чем-то действительно важном.

— Незадолго до того как я увидел вас, мне повстречался один человек. Он приближался ко мне, паря над землей по воздуху. Он скользил на высоте в два моих роста, и под его ногами не было никакой опоры.

Многие из туземцев открыли рты. Глаза людей расширились, и только у Тоини они стали узкими, как щелочки.

— Я еще никогда не видел такого высокого человека. Его белую и чистую кожу можно сравнить только со свежим молоком, а красные волосы — с огнем пылающего дерева. Вокруг него сияло зарево, словно молния служила ему одеждой. И я не стал убегать от него, ибо не скрыться от этих глаз. Я не стал нападать на него, ибо нельзя поднять на такого человека ни руки, ни копья.

Приблизившись ко мне, он остановился и медленно опустился на землю. О люди тана, я храбрый человек, но он испугал меня. Я чувствовал благоговейный трепет. И, пав на колени, ждал, когда он заговорит со мной. Ни один из смертных не может парить по воздуху. Поэтому я знал, что это не простой человек.

Он подошел ко мне и сказал: «Не бойся, Кикаха. Я не причиню тебе вреда. В моих глазах ты достоин благословения и милости. Поднимись и посмотри на меня».

Я подчинился, но мой страх стал еще сильнее. Мы виделись впервые, а он знал мое имя. Я не мог понять, кто этот незнакомец, летавший по воздуху, как птица. Я не мог понять, кем был этот человек, чей голос проникал в глубины моего сердца.

Несколько женщин в толпе заплакали. Многие шептали молитвы. Они знали, кем был этот незнакомец, — вернее, думали, что знают.

— А потом человек сказал: «Я властитель этого мира, Кикаха». И мне с трудом удалось ответить ему: «О владыка! Я догадывался об этом!»

И сказал он: «Знай же, Кикаха! В скором времени ты станешь пленником тана. Если встретят они тебя добром, то будут достойными в моих глазах, ибо задумал я свершить через них великое чудо. Ты же, Кикаха, будешь моим слугой — тем оружием, которым я исполню задуманное.

Если тана убьют тебя или предадут пыткам, я буду знать, что они не достойны моей милости. И тогда сотру их всех с лица земли. А в знак того, что око мое над ними, и в доказательство силы моей я поражу одного из них смертью

огненной. Если же это их не убедит, то убью еще одного — того, кто будет противиться твоему вхождению в племя».

Слушая речь недруга, Тоини злобно усмехался. Кикаха знал, что мальчишка ждет случая, чтобы обвинить его во лжи. Но когда люди начали потихоньку отодвигаться от юноши, Тоини побледнел, задрожал и, заскулив, застучал зубами.

Кикахе не верил только шаман. Очевидно, он догадывался, что пленник лжет, спасая свою шкуру. Тем не менее, как человек, умудренный опытом, он не спешил высказывать свое мнение и ждал дальнейшего развития событий.

— Тогда я сказал ему: «Благодарю тебя, Властитель, за честь и за то, что ты избрал меня своим слугой и оружием. Могу ли я спросить о деле, которое ты мне уготовил?».

И ответил он: «Я открою тебе это в нужное время, Кикаха. А пока давай посмотрим, как тана отнесутся к тебе. Если поступят они так, как я того хочу, отправлю их в путь к великой славе. И преуспеют они и разрастутся числом, как ни одно другое племя. Но если тана обойдутся с тобой дурно, я уничтожу и мужчин, и женщин, и детей, и животных их, и даже костей не останется, которые могли бы глодать поедатели падали».

После таких слов он повернулся, взмыл в воздух и исчез за изгибом горы. А еще через миг появились вы. Об остальном вам уже известно.

Эффект, произведенный этой ложью, оказался таким, что Кикаха едва и сам не поверил своим словам. Люди тянулись к нему со всех сторон, стремясь прикоснуться к его ногам, дабы почерпнуть ту силу, которую он получил в момент общения с Властителем, и просили Кикаху считать их его сестрами и братьями. А когда шаман Ошуллаин протиснулся сквозь толпу и, приобщаясь к силе Властителя, прижал к лицу босую ногу Кикахи, тот понял, что одержал победу.

— А скажи, Кикаха, — громко спросил вождь, — не говорил ли Властитель, что ты будешь теперь вести наше племя?

Старый Вергенгет, как видно, тревожился о своем положении.

— Нет, — ответил Кикаха. — Властитель этого не говорил. Мне кажется, что по его замыслу я должен стать воином вашего племени. Если бы Властитель хотел сделать меня вождем, он бы так и сказал.

Вождь довольно улыбнулся.

— А что будет с беднягой Тоини? Ведь он сказал, что тебя надо пожертвовать Властителю?

— Я думаю, он знает, что вел себя недостойно, — ответил Кикаха. — Не так ли, Тоини?

Юноша упал на колени и, рыдая, запричитал:

— Прости меня, Кикаха! Я не знал, что делал!

— Ты прощен, — ответил Кикаха. — А теперь, о вождь, скажи, что мы будем делать?

Вергенгет решил, что, раз уж Властитель больше не сердится, племя может без страха войти в страну прибрежных земель. Кикаха надеялся, что сезон бурь действительно подошел к концу. Если они попадут еще в одну грозу, племя не простит обмана, и люди разорвут его на части.

Однако Кикаха чувствовал себя в полной безопасности. В самом худшем случае он мог придумать очередную ложь и объяснить туземцам причины немилости Властителя. Но если племя не поверит, то Кикахе на самом деле придет конец.

А вдруг они встретят Уртону — настоящего властителя этой вселенной?

Что бы ни случилось, Кикаха решил действовать по обстоятельствам. Если удастся отыскать весточку от Ананы или свидетельство того, что она пришла на побережье, он тут же уйдет от тана. Главное, чтобы она была жива. Кикаха не сомневался, что Анана направится сюда. Они оба знали, где искать друг друга.

Уртона и Маккей тоже пойдут на побережье — здесь много воды, и земля относительно стабильна. А там, где будут они, Кикаха найдет и рог Шамбаримена.

Интересно, куда подевался Орк? Неужели он захлебнулся в водовороте? Или его выбросило на берег на безопасном расстоянии от Уртоны и Маккея?

Караван спустился с горы и приблизился к морю. Напоив «лосей», люди купались и предавались приятному безделью. Кое-кто из женщин и детей отправились в лес собирать орехи и ягоды. Мужчины бродили среди волн, тыча копьями в юрких рыб, однако везло немногим.

На обед Кикаха получил кусок сырой рыбы и с аппетитом съел его, предварительно обследовав на наличие червей. А потом тана собрали караван и отправились в путь по белой полосе песчаного пляжа. Они вышли на берег с правой стороны канала и поэтому повернули направо. Чтобы пересечь канал у самого устья, им пришлось бы проплыть не меньше четверти мили. Конечно же, ни у кого из туземцев такого желания не возникало.

В пути они видели множество деревьев, поваленных молниями. То здесь, то там валялись группы животных, покры-

тые чешуйчатыми амфибиями. Маленькие существа скалили на людей зубы. С их мордочек стекала кровь, хвосты молотили по сторонам, отгоняя соперников. Вокруг слышалось хрюканье, чавканье и хруст костей. Возле туш собирались полчища птиц, и от гомона то и дело закладывало уши.

Когда племя наткнулось на сраженных молнией слониху и слоненка, люди отогнали морских, земных и воздушных тварей, а затем устроили «праздник живота». Кикаха тоже отрезал несколько больших кусков, но не стал торопиться с едой. С наступлением «ночи» он собрал кучу ветвей, а затем соорудил лучковую дрель, с помощью которой собирался добыть огонь. Вокруг него собралась толпа любопытных. Вскоре трение породило дым. Кикаха подбросил сухой травы, и на ветках заплясали язычки огня.

Попросив у кого-то кремневый нож, он нарезал мясо небольшими кусками. Потом поджарил вырезку, немного остудил ее и с аппетитом принялся за еду. Вождь и шаман охотно согласились разделить с ним трапезу. Жареное мясо вызвало у них подозрение, но привлекательный аромат рассеял страх перед неизвестным.

— Это Властитель научил тебя вызывать большой жар? — спросил Ошуллаин.

— Нет. Там, откуда я пришел, люди считают огонь обычным делом... Мы называли этот жар огнем. Вашим предкам он тоже был известен, но потом вы забыли о нем.

Я думаю, что перед тем, как найти страну прибрежных земель, племя тана обитало среди переменчивых гор и равнин. За многие поколения ужас перед ходячими деревьями заставил людей забыть об огне*. Но я не могу понять, почему вы не открыли этот способ заново, когда нашли страну с простыми и добрыми деревьями.

Он не стал говорить о том, что огонь умели разводить и более примитивные племена. Вергенгет мог счесть это оскорблением. А обижать вождя сейчас не стоило.

Кикаха подумал об Уртоне. Каким же садистом был властитель! Если он решил создать себе мир и поместить туда людей, зачем ему понадобилось лишать их возможности развиваться? Потенциал «гомо сапиенс» не мог проявить себя на планете без металлов. Непрерывная мутация почвы, необходимость постоянно перемещаться в поисках пищи и воды низводили людей почти до животного уровня.

---

* Ранее Фармер рассказывал о том, что туземцы укрепляли концы копий, высушивая их над огнем.

Тем не менее они остались людьми. У них имелась культура — причем более развитая, чем он ожидал. Освоившись с языком, Кикаха постиг богатство эпоса и обычаев племени.

— Ночью огонь помогает отгонять прочь больших зверей, — сказал он. — Если хотите, я научу вас поддерживать его долгое время.

Вождь опустил голову и задумался. Кроме еды он теперь переваривал новую идею. И она, очевидно, вызывала у него какие-то опасения. Помолчав, он посмотрел в глаза Кикахе:

— Если ты действительно любимец Властителя и наше племя стало твоим, я могу доверять тебе, верно? Скажи, ты не причинишь нам зла?

Кикаха заверил его, что не посмеет нанести тана вред... если только Властитель не прикажет.

Вождь поднялся с корточек и отдал необходимые указания. Вскоре по периметру лагеря запылала дюжина больших костров. Однако никто из туземцев не спал. Большие кошки и дикие собаки рыскали вокруг стана, сверкая глазами в отраженном свете. Кроме того, тана боялись, что костры набросятся на них, когда они пойдут спать. Кикаха решил подать пример. Он растянулся на земле и закрыл глаза. Его притворный храп свидетельствовал о том, что он не боится ни огня, ни животных. Чуть позже заснули дети, а потом и взрослые понемногу поверили в свою безопасность.

Утром Кикаха показал женщинам, как готовить жареную пищу. Половина племени с энтузиазмом приняла новый способ. Остальные по-прежнему питались сырым мясом. Однако Кикаха знал, что вскоре племя привыкнет к огню и по старинке будут жить лишь несколько консерваторов.

Впрочем, он немного жалел, что познакомил их с приготовлением пищи на огне. Когда сезон бурь начнется опять, племя снова уйдет с побережья, и там, за горами, нехватка дров заставит их отказаться от огня. Люди вновь станут питаться сырым мясом. Сердца их наполнятся досадой, и тогда с обидой и гневом тана начнут проклинать судьбу.

Как видно, игры в Прометея не всегда приносят пользу.

Впрочем, это их проблема. Кикаха не собирался покидать побережье вместе с племенем.

«Утром» караван двинулся в путь. Вергенгет подгонял людей, и все понимали, что осталось преодолеть последний отрезок пути. Вождь нервничал, опасаясь встречи с другими племенами. Ему не хотелось сталкиваться с врагами на морском берегу.

К концу «дня» путешественники достигли цели. В полумиле от моря располагался высокий холм. Метаморфозы почвы в этих местах происходили очень медленно, поэтому холм в течение многих лет почти не менял формы.

На вершине виднелась куча бревен, оставшихся от прошлогодней ограды. Мутации холма покорежили возведенный племенем частокол. Лоза, скреплявшая столбы, перетерлась. Но люди не унывали. Все племя принялось за работу, выкапывая палками и каменными лопатками новые ямы. Бревна снова установили по кругу, и к концу третьего дня деревянная ограда была восстановлена. Вдоль стен туземцы соорудили множество низких навесов, под которыми они спали и спасались от проливных дождей.

С наступлением «сумерек» племя укрывалось за стенами крепости. Днем тана охотились, ловили рыбу, собирали ягоды, орехи и фрукты. Двое дозорных вели наблюдение за окрестностями, предупреждая сородичей о появлении опасных зверей и еще более опасных людей.

Однако прежде чем предаться безделью и обрасти понемногу жирком, туземцы решили произвести праздничную церемонию и принять Кикаху в племя.

Такая великая честь требовала от посвящаемого больших усилий. После долгого танца, многочисленных песен и поэм, исполняемых под бой барабанов и визг костяной флейты, вождь вырезал кремневым ножом на груди Кикахи священный символ племени. И тот, как подобало великому воину, не издал при этом ни звука.

Затем ему пришлось пройти сквозь строй мужчин, которые тыкали и били его длинными палками. А потом он боролся с Мекдиллонгом — самым сильным из воинов тана. К тому времени Кикаха полностью оправился от ран. И он знал сотню приемов, о которых Мекдиллонг даже не подозревал. Чтобы подзадорить племя, Кикаха сражался вполсилы. Всем казалось, что Мекдиллонг вот-вот одержит победу. Но, устав барахтаться на земле, Кикаха провел бросок через бедро, и бедняга Мек скорчился на боку, хватая ртом воздух.

Худшей частью испытания оказалась проверка его мужских достоинств. Импотентов изгоняли из племени, и те скитались в одиночестве, пока не погибали от тоски или когтей жестоких хищников. Но поскольку Кикаха не принадлежал к тана, его бы попросту убили. Впрочем, вряд ли — ведь он являлся посланцем самого Властителя. Однако вождь сказал, что любимец Создателя не может потерпеть неудачу в таком простом деле.

Кикаха не стал оспаривать логику вождя. Тем не менее ему не понравился этот обычай. Не каждый мужчина оказался бы на высоте, узнав, что в случае неудачи его ожидает изгнание или смерть. А нервозность и страх порождают импотенцию.

Хорошо, что тана не требовали публичной проверки, как это практиковалось в других племенах. Кикахе позволили уйти под навес, увитый ветвями с густой листвой. Он выбрал для испытания самую симпатичную женщину в племени, и она вышла от него через несколько часов, усталая и очень довольная. Немного передохнув, красавица объявила, что с проверкой претендент справился превосходно.

С удовольствием использовав предоставленную возможность, Кикаха почувствовал угрызения совести, хотя знал, что Анана не стала бы раздувать большой скандал из-за такой незначительной измены. К тому же он находился в почти безвыходном положении, и его буквально вынудили к этому.

А потом Кикаха решил, что Анане лучше не знать об этом... если только она еще жива.

Испытания подошли к концу. Вождь и шаман пропели по очереди священную песню посвящения, а затем начался всеобщий праздник. Люди объедались до такого состояния, что не могли двигаться.

Отправляясь спать, Вергенгет сказал, что Кикаха должен взять себе жену из числа избранных для этого женщин. Пять девушек племени, достигших брачного возраста, заявили о своем желании получить его в мужья. Теоретически женщина могла отвергнуть притязания любого поклонника. Однако в реальности все происходило немного иначе. Потребность в воспроизводстве племени вынуждала женщин выходить замуж сразу после достижения зрелости. Если девушке везло и за ней увивались несколько поклонников, она имела неоспоримое право выбора. Но обычно ей доставался тот, кто просил ее руки.

Такое же давление оказывалось и на мужчин. Даже если юноше не нравилась ни одна из доступных женщин, ему все равно приходилось выбирать себе жену из предложенных кандидаток. Эти жесткие меры позволяли поддерживать численность племени на должном уровне.

Две из пяти невест выглядели довольно мило. Одна из них, красивая и озорная бесстыдница, буквально сочилась соком переполнявшей ее страсти. Всем своим видом она давала понять, что если кого и надо брать в жены, так только ее. Конечно, она ожидала чего-то лучшего, но раз уж вождь

просит... Хотя, по словам Вергенгета, все пять девушек пылали к Кикахе безудержной любовью.

Будь его воля, Кикаха выбрал бы себе женщину, с помощью которой ему пришлось доказывать свою мужскую стать. Но ему одолжили ее лишь на время церемонии, и, если бы Кикаха осмелился искать повторной встречи, муж этой женщины стал бы его заклятым врагом.

Однако уже сейчас женщина Шима начинала создавать проблемы. Она сказала Кикахе, что хочет еще раз вкусить его любви. Но им не удалось бы сделать это незаметно. Уйди они в лес, половина племени прибежала бы следом, чтобы в нужный момент помочь советом и подбодрить задорным хохотом.

Впрочем, он бывал и не в таких переделках.

Кикаха задумался. Посреди стана на высоких столбах возвышалась смотровая площадка, на которой мелькала фигура дозорного. Еще один наблюдатель сидел на вершине гигантского дерева. Остальные тана храпели под своими навесами. В этот миг Кикаха мог бы открыть ворота и убежать в лес. Пока дозорные разбудят племя, он углубится в чащу, и тогда им уже никогда не поймать его — особенно после такого обжорства.

Кикахе не терпелось отправиться на поиски Ананы, но в то же время ему хотелось остаться с этими наивными и простодушными людьми. Он страшился одиночества, и тоска по родному крову уже который раз одерживала верх. Кикаха знал, что это момент слабости. Но бывало и так, что момент затягивался на года.

По логике ему следовало дожидаться ее прихода. Отправившись на поиски, он мог пойти в неверном направлении. А значит, ему пришлось бы обойти это море вокруг. Судя по рассказам туземцев, оно могло быть таким же большим, как озеро Мичиган или Средиземное море. Более того, если Анана отправится в том же направлении, она все время будет оставаться позади него. И главное, он не знал, жива ли она теперь...

Кикаха решил немного подождать и получше изучить ближайшие окрестности. Кроме того, он надеялся, что следующие несколько дней подскажут ему дальнейший план действий.

Зевнув, Кикаха направился к навесу. Рядом послышалось тихое хихиканье. Обернувшись, он увидел Шилу и Гвин — двух красавиц, предоставленных ему на выбор. Их обычно впалые животы выпячивались от обильной пищи, но стройные фигурки свидетельствовали о воздержании и умеренности

будущих невест. Впрочем, сейчас им полагалось спать в своих постельках.

Шила улыбнулась и смущенно подошла к Кикахе.

— Гвин и я знаем, что ты женишься на одной из нас.

— И откуда вам это известно? — с усмешкой спросил он у девушки.

— Мы самые красивые и желанные. Нам подумалось, что возможно... — Она снова хихикнула и прикрыла ладонью лицо. — Мы решили дать тебе возможность узнать нас поближе. И тогда ты выберешь ту, кто окажется лучше.

— Вы, наверное, смеетесь надо мной, — ответил Кикаха. — У меня был трудный день — все эти обряды, полдня на ложе с Шимой, потом праздник...

— О-о! Мы думаем, ты справишься. Ты великий виру. И в любом случае никогда не вредно попробовать, правда?

— Я не знаю, можно ли так, — уступил Кикаха и обнял обеих девушек за талии. — Под моим навесом нас заметят. Куда мы можем пойти?

Ранним утром его сон нарушили громкие крики. Кикаха приподнялся на локте и осмотрелся. Обе девушки все еще спали. Он выполз из-под навеса и вскочил на ноги. Вокруг сновали встревоженные туземцы. Многие из них протирали глаза и спрашивали друг друга о причине суматохи. Человек на смотровой площадке что-то кричал, указывая в направлении моря. Дозорный на дереве тоже кричал и махал руками.

Щурясь от сна, вождь толкнул в бок Кикаху.

— О чем говорит Опвел?

Кикаха ответил, что из-за криков не слышит слов дозорного. Вергенгет поднял вверх правую руку, и через минуту в лагере воцарилась тишина. Охрипший Опвел передал им весть дозорного с дерева:

— По берегу бегут мужчина и женщина. Их преследуют воины из племени таонов. Они скоро настигнут двух беглецов.

— Скажи, у этой женщины длинные волосы цвета воронова крыла? — прокричал Кикаха.

— Да!

— А волосы мужчины желтые или рыжие?

— Олин говорит, что мужчина чернокожий. У него курчавые волосы, которых мы еще никогда не видели.

— Анана! Анана и Маккей! — со стоном произнес Кикаха и бросился к воротам. — Анана!

Вергенгет прорычал приказ, и двое мужчин схватили Кикаху. Вождь гневно толкнул его в грудь и, задыхаясь от ярости, закричал:

— Ты сошел с ума! Тебе не устоять одному против многих! Таоны убьют тебя!

— Отпусти! — взмолился Кикаха. — Там моя женщина! Я должен ей помочь!

— Не глупи, — укорял его Вергенгет. — У тебя нет ни одного шанса.

— Значит, ты предлагаешь мне сидеть здесь и смотреть, как ее будут убивать?

Вождь повернулся и что-то прокричал Опвелу. Тот передал его слова Олину, а чуть позже сообщил ответ:

— Олин говорит, что насчитал двадцать воинов.

Вождь потер ладони и улыбнулся:

— Это хорошо. Нас больше, чем их.

Он начал отдавать приказы. Люди хватали оружие, седлали «лосей» и вели животных к воротам. Кикаха вскочил на своего мусоида и, как только створки открылись, помчался вниз по склону. За ним неслись Вергенгет и остальные воины.

ГЛАВА 10

Свалившись в канал, Анана снова начала карабкаться вверх. Вода доходила ей до груди, но она цеплялась за траву, перебирала ногами по скользким выступам и упорно взбиралась по склону.

Где-то над ней послышались крики, и что-то больно ударило ее по спине. Она едва не сорвалась вниз и, обернувшись, увидела футляр, в котором хранился рог Шамбаримена.

Сбоку неотвратимо надвигалась чёрная стена воды. У Ананы оставалось в запасе каких-то десять—двенадцать секунд, но ее ужасала мысль о потере рога. Без него им не выбраться из этого ужасного мира, и вместе с инструментом пропала бы их последняя надежда.

Она соскользнула в воду и поплыла за футляром, который относило течением. Сделав несколько гребков, Анана поравнялась с ним, ухватилась за ремень и поплыла к берегу. Уровень воды поднялся еще больше, и она уже не могла нащупать ногами дно. Ей удалось ухватиться за пучок травы. Зажав зубами кожаную ручку футляра, Анана быстро карабкалась по откосу.

Земля дрожала от огромной массы воды, которая мчалась на нее гигантским валом. Но Анана не теряла времени на ахи и вздохи. Футляр мешал двигаться и оттягивал голову назад, и все же она упорно взбиралась по скользкому склону.

Цепляясь за край откоса, Анана заметила мелькнувшее в воздухе тело. Рев воды заполнил пространство, и она не услышала ни всплеска, ни крика. Но кто же упал? Неужели Кикаха? Она тревожилась только о нем.

А потом все утонуло в реве и оглушительном грохоте. Анана подтянулась на руках, занесла ногу, пытаясь выбраться на берег, и тут ее накрыло волной. Поток подбросил Анану, вырвал траву из побелевших пальцев и потащил в бурлящую пучину.

Тем не менее ей удалось удержать футляр. Анану несло вперед, но довольно далеко от передней линии волны. Ее несколько раз затягивало под воду, но тут же выбрасывало на поверхность. Футляр помогал держаться на плаву, и она почти не тратила сил.

Через несколько минут ее вынесло на берег. Какой-то миг ей казалось, что она вот-вот соскользнет обратно в воду, но Анане удалось проползти вперед и откатиться подальше от края откоса.

Она отбросила футляр и, дрожа, поднялась на ноги.

В полумиле от нее виднелись три фигуры. Анана узнала Уртону, Маккея и Орка.

Кикахи среди них не было. Значит, его-то и столкнули в поток. Теперь Анане стало ясно, почему он бросил ей рог. Она догадалась, что Кикаха поклялся утопить инструмент в канале, если ей не помогут выбраться на берег.

И тогда злодеи накинулись на него. Он швырнул ей футляр, а сам упал в поток. И вряд ли это случилось по его собственной воле. Они столкнули Кикаху в воду — оглушили и сбросили.

Анана осмотрела канал, но не заметила ничего похожего на тело.

Либо Кикаху затянуло под воду, либо он уже утонул.

Что бы там ни произошло, она не могла поверить в смерть Кикахи, который прошел через столько бед, который так яростно сражался за жизнь, хитрил и выкручивался из любой неприятности... Но каждый мужчина и каждая женщина когда-нибудь умирают.

Нет, она не могла отказаться от надежды. Скорее всего, он воевал теперь с потоком, и где-то там, за розовой дымкой, его все дальше и дальше уносило от опечаленной Ананы.

Она решила пройти до конца канала и найти Кикаху — живым или мертвым.

Внезапно Рыжий Орк побежал в сторону моря, то есть в противоположном направлении. Маккей погнался за ним, но остановился. Возможно, он понял, что долговязого власти-

теля не догнать, или его заставил вернуться Уртона. Как бы там ни было, оба зашагали к Анане. Увидев в ее руках футляр, Уртона задумал овладеть заветным рогом.

Анана побежала. Через какое-то время она начала задыхаться, но вскоре пришло второе дыхание. Она понимала, что не сумеет сбить со следа преследователей здесь, у канала. Конечно, у них не хватит сил, чтобы догнать и схватить ее прямо сейчас, но они будут преследовать свою жертву до тех пор, пока та не свалится с ног от усталости. И тогда они убьют ее и завладеют рогом.

Анана знала, что не уступает мужчинам в выносливости. И не сомневалась, что они устанут гораздо быстрее ее. Но Уртона мог наверстать упущенное за счет сна и застать ее где-нибудь спящей.

Нет, пока она будет оставаться у канала, от погони не оторваться. Анана решила пересечь равнину и направиться к горам. А потом можно было вернуться обратно к каналу.

При таких переменчивых ориентирах заблудиться ничего не стоило, но Анана нашла риск оправданным.

Она повернула и побежала через равнину. Мужчины помчались наперерез, быстро сокращая разрыв в расстоянии.

Да, об этом она не подумала.

Ей захотелось увеличить скорость, но, преодолев страх, Анана не стала растрачивать силы. Пока она будет оставаться за пределами действия лучемета, с ней не случится ничего плохого.

Атмосфера планеты не позволяла точно оценить расстояние. Почти полное отсутствие пыли делало воздух кристально чистым, а отсутствие теней смягчало контуры объектов. Анана полагала, что до ближайшей горы не больше пяти миль. Та быстро меняла форму, но была еще достаточно высока, чтобы не ссохнуться в пригорок, когда Анана доберется до нее.

На пути к горе располагались рощи подвижных деревьев. Их небольшие группы не представляли серьезного препятствия. Вокруг паслись стада газелей и антилоп. В полумиле слева к одной из рощ направлялось семейство слонов. С другой стороны виднелись гигантские мусоиды. В четверти мили от Ананы к антилопам подкрадывалась парочка львов. В качестве прикрытия они использовали рощу шагающих растений.

Высоко в небе парил «моа». Вряд ли это существо выслеживало дичь, но линия его полета пролегала вблизи Ананы. Впрочем, теперь он понесся к другой стороне горы.

Анана оглянулась. Мужчины бежали к ней под небольшим углом. Возможно, они надеялись, что она запаникует и растратит силы в отчаянном броске.

Анана перешла на быстрый шаг. В таком темпе она могла двигаться довольно долго. За многие тысячи лет жизни она редко теряла спортивную форму. Ее выносливость и закаленные легкие могли бы удивить бывалых марафонцев. Анана доводила до совершенства любой физический потенциал, которым обладала. Однако теперь ей стало ясно, что предел есть даже у нее.

Одна миля.

Две мили.

Тело покрывал соленый пот. Дышалось уже не так легко, но она знала, что сил еще хватает. Ноги двигались быстро и плавно. Анана чувствовала, что доберется до горы и, возможно, даже одолеет обратную дорогу.

Несмотря на выносливость и ловкость, ее дядя часто предавался лени. Тот жир, который он поднакопил на Земле, давно иссяк от тягот лавалитового мира и нехватки пищи. Кроме того, Анана сомневалась, что Уртона поддерживал себя на Земле в хорошей физической форме.

Негр имел мощное сложение, однако и он не привык бегать на дальние дистанции. Бросив беглый взгляд через плечо, Анана увидела, что он намного отстал от Уртоны. Впрочем, ее дядю подгонял достойный стимул. Он знал, какое сокровище племянница держала в руках.

Футляр и его содержимое весили около четырех фунтов. Анана решила избавиться от лишнего груза. Замедлив шаг, она открыла защелки, вытащила рог и выбросила футляр. Это позволило ей увеличить скорость. За десять минут Уртона потерял пятьдесят ярдов. Маккей все больше отставал от своего хозяина.

Еще одна миля.

У Ананы появилось желание выбросить нож и метательный топор. Но она тут же отогнала эти мысли. Рано или поздно погоня прекратится, и тогда ей понадобится оружие. К тому же пара мужчин — почти ничто в сравнении с крупными хищниками. Смешно идти против льва с ножом и топором, но вряд ли зверю захочется связываться с опасным противником, когда рядом пасутся стада безвредных антилоп.

Анана пробежала еще полмили и оглянулась. Уртона и Маккей превратились в крохотные фигурки. Замедлив темп, они упорно продолжали погоню, хотя оба понимали, что беглянку им не догнать. Анана знала, что они не остановятся, пока видят ее.

Львы исчезли за группой деревьев, которые медленно двигались к каналу. Встречный ветер нес молекулы воды, которые оседали на чувствительных сенсорах растений. Добравшись до берега, деревья выстроятся в ряд, опустят щупальца в воду и будут засасывать бодрящую жидкость.

Анана приблизилась к антилопам, и те перестали пастись. Их головы приподнялись, черные глазки заблестели. Еще мгновение, и они все как один помчались прочь. Отбежав на полсотни ярдов, животные успокоились и начали щипать траву. Очевидно, такое расстояние их устраивало.

Когда Анана оказалась в центре стада, антилопы запаниковали и бросились бежать. Повсюду мелькали высокие рога с загнутыми кончиками. Анана остановилась, а потом присела. Большие и пестрые черно-коричневые тела перепрыгивали через нее и с шумом проносились мимо. Но панику вызвала не она. Антилопы считали ее неопасной. Они просто предпочитали держаться подальше от человека.

Рядом промчалась коричневато-желтая молодая антилопа. Внезапно из-за деревьев выпрыгнул лев и бросился вдогонку за животным. Львица бежала параллельно. Она уступала самцу по размерам, но была значительно быстрее. Лев отогнал антилопу от стада. Та повернулась влево, но, увидев вторую кошку, метнулась в сторону. Уходя от новой опасности, она все больше теряла свое преимущество.

Рычание самца заставило антилопу еще раз изменить направление. Лев отвлек внимание животного, и к жертве помчалась львица. Анана знала, что охота не продлится долго. Пройдет несколько секунд, и кошки убьют свою жертву. Если же их силы иссякнут, антилопа вернется в стадо. Однако это казалось почти невозможным. Будь у нее хоть капелька ума, она бежала бы по прямой. Но зверь постоянно петлял, и львица приближалась все больше и больше. Вскоре, конвульсивно взмахнув копытами, животное погибло. Самка, упоенная победой, вцепилась в шею поверженной добычи.

Лев взревел и побежал трусцой. Его бока раздувались, стекала слюна с клыков, зеленые глаза сверкали. Самка с рычанием отступила, и он начал потрошить труп. Львица устроилась по другую сторону тела, время от времени вырывая из туши большие куски.

Стадо остановилось. Антилопы вновь щипали траву, понимая, что пока бояться нечего. Судьба молодого животного их абсолютно не волновала.

Львы пировали в сорока шагах от Ананы, не обращая на нее никакого внимания, и она, сделав небольшой крюк, обошла хищников стороной.

Навстречу двигалась небольшая роща. Таких деревьев Анана еще не видела. Стволы высотой футов двенадцать, словно вывеску парикмахера, украшали белые и красные спиральные полосы. С коротких толстых ветвей свисали широкие зеленые листья, формой напоминающие сердечки. Помимо щупалец деревья имели круглые многофасеточные «глаза». Но, в отличие от других растений, этих зеленых, как изумруды, очей было очень мало — всего по четыре штуки на каждом стволе.

Львы, подкрадываясь к антилопам, скрывались за деревьями без всякой опаски. Возможно, растения не питались плотью и не представляли угрозы. Или это объяснялось каким-то древесно-львиным симбиозом. Неужели Уртона внедрил в них инстинктивный механизм, благодаря которому растения игнорировали львов и считали врагами только людей? Впрочем, это вполне соответствовало бы нраву дядюшки. Любой кочевник, увидев зверей посреди рощи, посчитал бы, что тоже может бродить среди деревьев. И погиб бы, войдя в шагающий лес.

На какой-то миг у Ананы возникло желание рискнуть. Вбежав в рощу, она могла бы поиграть с преследователями в прятки. Но от такой игры она в принципе ничего не выигрывала. К тому же деревья могли оказаться плотоядными.

Анана оглянулась. Двое мужчин приближались. Она перешла на легкий бег. Подбежав к роще, Анана обогнула ее слева. Ее немного смущало то обстоятельство, что Уртона и Маккей могли проскочить лесок напрямую.

«Нет, — решила Анана. — Они так не сделают. Вряд ли Уртона помнит все тонкости поведения животного и растительного мира. Кроме того, он подумает, что я спряталась среди деревьев. Им придется разделиться, чтобы перекрыть мне пути. Маккей побежит вокруг рощи с одной стороны, а Уртона — с другой. Осматривая ряды деревьев, преследователи потеряют массу времени, и когда доберутся до конца рощи, я уже буду у самой горы.

Значит, надо обогнуть лесок и под прикрытием деревьев еще больше увеличить разрыв. На какое-то время они потеряют меня из виду, и я получу неплохое преимущество».

Анана побежала к горе.

Однако ей пришлось замедлить темп. В полумиле от нее к роще приближалась стая из двадцати бабуинов. В эскорте шли самцы; многие самки несли на спинах детенышей. Анану пробрала холодная дрожь. Неужели они избрали ее добычей? Или их привлекло рычание львов, терзавших убитую антилопу?

Переложив рог в левую руку, Анана вытащила из-за пояса топор. Если она пойдет дальше, их пути пересекутся. Анана замерла на месте. Приматы молча двигались к роще, дружно топая широкими короткопалыми лапами, и напоминали группу солдат на марше.

Бабуины бегали не так быстро, как копытные животные равнин, но благодаря длинным и сильным лапам без труда догоняли детенышей антилоп или раненых животных. Приблизившись к стаду, они обычно растягивались в линию. Вожак бросался на добычу, а бешеные прыжки и лай других обезьян обращали стадо в паническое бегство. Бабуины прыгали на пробегавших мимо антилоп, ловко уворачиваясь от острых рогов и копыт. Тем временем основная часть стаи сжимала кольцо вокруг намеченной жертвы. Как правило, это был теленок или хромавшее животное. Несколько грузных и мощных самцов набрасывались на добычу. Антилопу валили на землю, и тогда к ней подступали остальные. Мамаши с детенышами во время охоты держались в стороне.

В двадцати шагах от Ананы вожак залаял, и стая замедлила движение. Неужели обезьяны решили, что с человеком легче справиться, чем с голодными львами?

Нет, они по-прежнему двигались к роще марширующих растений.

Анана подождала, пока последняя из обезьян не прошла мимо, и побежала к горе.

Внезапно позади послышались крики и шум. Анана замедлила бег и обернулась. С ее губ сорвалось проклятие. Из рощи выскочили Уртона и Маккей. Вопреки ее ожиданиям, они не стали обходить растения, а побежали напрямик. Как видно, Уртона помнил, что эти деревья не опасны для людей. Надеясь застать Анану врасплох, мужчины бежали изо всех сил.

Да, они действительно удивили ее. Но и им тоже пришлось поудивляться. Выскочив из-за деревьев, они нарвались на передние ряды бабуинов. Вожак стаи бросился на Уртону, а трое больших самцов метнулись к Маккею.

Дяде ничего не оставалось делать, как только применить лучемет. Вожак упал, рассеченный надвое с головы до ног. Две дымящиеся половинки разлетелись в стороны на несколько шагов. Если бы Уртона промедлил еще секунду, бабуин вцепился бы ему в горло.

Анана покачала головой. Дела становились все хуже и хуже.

ГЛАВА 11

Вскоре властителю пришлось еще раз потратить драгоценную энергию лучемета. Маккей оказался в кольце разъяренных обезьян. Негр пригнулся, готовясь к схватке, и крикнул Уртоне, чтобы тот стрелял немедленно. Властитель колебался — он не хотел прибегать к лучемету, поскольку берег заряд для племянницы. Но, видимо, Уртона побоялся продолжать погоню в одиночку. Три самца полетели кувырком, и обрубки их обгоревших тел упали прямо у ног Маккея. Черная кожа наемника стала серой.

Остальные бабуины грозно зарычали и подняли крик. Однако их ярость уступила место страху, и они не осмелились снова напасть на людей.

Анана повернулась и побежала к горе. Минут через десять она оглянулась и увидела, что преследователи остались почти на том же месте. Боясь повернуться спинами к обезьянам, они медленно отступали. А стая следовала за ними на безопасном расстоянии, ожидая случая, чтобы наброситься на них. Надеясь испугать бабуинов, Уртона с криком махал лучеметом и каждые несколько секунд делал ложный выпад, но обезьяны, отступив назад, рычали, лаяли и снова шли за людьми.

Анана усмехнулась. Появилась реальная возможность оставить их далеко позади.

Добежав до подножия крутого склона, она решила передохнуть. К тому времени бабуинам надоело преследовать людей. Уртона подстрелил еще одного самца, и эта потеря охладила пыл разъяренных животных. Собравшись вокруг упавшего сородича, они начали терзать обгоревшее тело. Часть стаи побежала к роще, где лежали еще четыре трупа. Наперерез им летел гигантский саблеклювый «моа», очевидно, тоже надеявшийся урвать свою долю. Предвкушая кровавый пир, в небе кружили стервятники.

Склон горы поднимался под углом в сорок пять градусов. Его поверхность покрывали огромные выступы, похожие на застывшие пузыри. Наметив путь между ними, Анана пригнулась и одолела первую сотню ярдов. Здесь не было ни кустов, ни деревьев, за которыми она могла бы спрятаться, поэтому карабкаться таким образом пришлось до самой вершины. Анана все еще надеялась найти какое-нибудь укрытие. Однако чем выше она поднималась, тем меньше ей верилось в успех. Впрочем, если она спустится вниз по противоположному склону и добежит до следующей горы, Уртона и Маккей потеряют ее из виду.

Пик возвышался над равниной на полторы тысячи футов. Достигнув вершины горы, Анана едва дышала. Ноги казались тяжелыми, будто их покрывала толстая корка цемента. Все тело дрожало от усталости. В груди горело. Впрочем, двое мужчин были в таком же — если не в худшем — состоянии.

Когда Анана начинала подниматься, вершина горы походила на острый конус сливочного мороженого. Теперь ее кончик оседал и превращался в плато, которое уже расширилось до шестидесяти футов в диаметре. От земли веяло жаром, что указывало на возраставшую скорость мутаций.

Уртона и Маккей взбирались по склону. Одолев четверть пути, они сели передохнуть. Прямо над ними быстро набухал бугор маслянистой земли. Через несколько минут их фигуры скрылись из поля зрения Ананы.

«Если этот протуберанец будет и дальше разрастаться, им придется обходить его, — подумала Анана. — А значит, они еще больше отстанут от меня».

Пользуясь возможностью, она решила осмотреть ближайшие окрестности. Но напрасно она напрягала зрение, пытаясь отыскать фигуру Кикахи. Канал тянулся через всю равнину, и даже с такой высоты она не видела ни конца его, ни начала. Милях в двадцати разрастались молодые горы. Они ограничивали обзор и не позволяли выяснить, насколько далеко уходила узкая полоска воды. Анана печально вздохнула.

А куда подевался Рыжий Орк? За перипетиями погони она совсем забыла про него. Но где бы он ни находился, Анана его не видела.

По другую сторону вздымались горные кряжи. Горбы вершин сменяли друг друга. Хребты соединялись, образуя сплошную цепь, но местами в них виднелись проходы. На одном из склонов выделялась зеленая полоса, которая резко контрастировала с рыжеватой травой. Полоска медленно сместилась вниз, и Анана узнала в ней армию мигрировавших деревьев. По ее подсчетам, они находились на расстоянии пяти-шести миль.

На склонах гор и в долинах виднелись темные рваные пятна. Это были стада антилоп и других травоядных животных, которые в лавалитовом мире обитали и на равнинах, и в горах. В случае необходимости они могли карабкаться по склонам не хуже горных козлов.

Переведя дух, Анана решила немного подождать и посмотреть, что предпримут ее преследователи. Подъем на вершину мог показаться им утомительным. Она могла бы попробовать сбить их со следа, спустившись по боковому

склону. Впрочем, Уртона не так глуп, чтобы не взять в расчет такую возможность.

Допустим, они разделятся и будут обходить гору с двух сторон, чтобы встретиться посередине. Тогда она выждет момент и спустится на равнину.

Однако, если они не предпримут каких-то действий в ближайшие полчаса, ей придется придумать что-нибудь другое. Плато расширялось и опускалось вниз — вернее, оседало. Если Анана упустит момент, то окажется на равнине.

Впрочем, нет. Процесс усадки займет день, а то и два. Дядя не станет ждать так долго. Он и его головорез должны что-то предпринять, иначе не видать им рога как своих ушей.

Анана почувствовала голод и жажду. Карабкаясь к вершине, она надеялась найти на другой стороне водоем. Но, судя по тому, что она видела, за водой придется возвращаться к каналу. Вряд ли эти клочья облаков превратятся в густые и черные дождевые тучи.

Анана ждала и наблюдала. Край плато, на котором она сидела, медленно нависал над склоном. Оставаться на нем становилось опасно — через час-другой он мог рухнуть под собственным весом. Вершина превращалась в блин, насаженный на кончик конуса. Любое промедление грозило плохими последствиями. Анана могла сорваться вниз вместе с огромным куском земли.

Однако такое положение дел давало ей преимущество. Комочек обещал упасть солидный, а мужчинам внизу наверняка не хотелось бы оказаться на пути стремительной лавины. Значит, они отступят на равнину. И если Анане очень повезет, их накроет комьями земли.

Она подбежала к противоположной стороне площадки, диаметр которой доходил уже до ста футов. Сбросив вниз рог и топор, Анана легла на край выступа, а затем повисла на руках. Ее ноги болтались в воздухе, и она знала, что придется падать. Но выбора не было. Анана разжала пальцы. Склон по-прежнему сохранял наклон в сорок пять градусов. Большую часть пути она проехала на спине. Анана хваталась за траву, но та обжигала руки. Штаны на ногах и ягодицах почти дымились. Ей казалось, что ткань вот-вот загорится. Но в конце концов Анане удалось остановиться.

Подобрав топор и рог, она начала спускаться. Одолев половину пути, Анана поскользнулась на траве, упала на спину и прокатилась несколько ярдов. И тут мимо пролетел огромный ком земли. Немного левее — и он бы раздавил женщину своей массой.

У самого подножия Анана бросилась бежать. По склону катились глыбы спресованного грунта. Одна из них пролетела над ее головой, подскочив на небольшой полукруглой выпуклости.

Сбежав с горы, Анана помчалась через небольшую долину, стараясь выбраться из опасной зоны. Позади катились комья земли.

Наступала «ночь». Анане очень хотелось пить. Ей казалось, что она умрет, если не доберется до воды в ближайшие полчаса. К тому же она безумно устала.

Анана решила вернуться к каналу. Другого выхода не оставалось. К счастью, «сумерки» сгущались, и на расстоянии в тысячу футов, а возможно, и в пятьсот, предметы сливались с красноватой мглой. Анана надеялась незаметно проскочить мимо своих преследователей. Те, вероятно, поджидали ее на другой стороне горы, но она не собиралась возвращаться старой дорогой. Вместо того чтобы побежать напрямик к воде, Анана сделала крюк и обошла стороной опасное место.

Обогнув подножие горы, она быстрым шагом направилась к каналу. Повсюду лежали глыбы земли размером с одноэтажный дом. Проходя мимо одной из них, Анана заметила какое-то движение. Взвизгнув, она отпрыгнула в сторону, молниеносно выхватила топор и метнула в длинное низкое существо.

Топор попал в цель и отскочил. Тварь поднялась на короткие изогнутые ноги, зашипела и побежала прочь. Однако удар оглушил животное. Зверь шатался и двигался с какой-то сонной медлительностью. Анана подобрала топор и, немного успокоившись, метнула его еще раз. Лезвие впилось в спину существа.

Вытащив из-за пояса нож, она подошла к своей добыче. Рептилия достигала в длину более двух футов и походила на ящерицу. Анана перерезала ей горло и, подняв зверя за хвост, напилась крови, хлеставшей из раны. Драгоценная жидкость стекала по подбородку, горлу и груди, но большая часть попала-таки в рот.

Сняв с «ящерицы» шкуру и отрезав часть тушки, Анана съела теплое мясо и почувствовала прилив сил. Пить хотелось по-прежнему, но она чувствовала, что может перетерпеть эту жажду. Анана вновь получила преимущество перед своими преследователями — если только тем тоже не удалось кого-нибудь убить.

Пока она шла через равнину, тьма сгущалась все сильнее. Прохладный ветер принес дождевые облака, и буквально через десять минут с небес хлынули потоки воды. Един-

ственным источником света были молнии, которые крестнакрест полосовали воздух. Какой-то миг Анане хотелось отступить к горе. Однако ситуация требовала решительных действий, и Анана упорно двигалась вперед, почти ослепнув от вспышек молний и оглохнув от раскатов грома. Время от времени она оглядывалась через плечо, но видела лишь животных, которые безумно метались по равнине и пытались скрыться от ослепительных стрел небесного охотника.

Приблизившись к каналу, Анана оказалась по колено в воде, где в любую секунду могла получить электрический удар. Но возвращаться не имело смысла.

Ближняя сторона канала опустилась на несколько дюймов. Вода вышла из берегов и хлынула на равнину. Рядом с Ананой плескались четырехногие рыбы и какие-то мелкие твари с белесыми щупальцами. Она пронзила ножом две небольшие амфибии, освежевала одну из них и съела. Отрезав другой голову и выпотрошив тушку, Анана прихватила ее с собой. Мясо могло пригодиться на завтрак и даже обед.

К тому времени буря начала затихать. Через двадцать минут облака разметало по небу. Стоя в воде, Анана размышляла, в какую сторону идти. Может быть, к дальнему концу канала в надежде найти Кикаху? Или отправиться к морю?

Насколько она знала, протяженность канала могла составлять около сотни миль. Кроме того, канал мог вскоре закрыться или расшириться, превратившись в озеро. Что касается Кикахи, то здесь имелось три варианта: он либо жив, либо ранен, либо мертв. Если Кикаха ранен, ему нужна помощь. Если умер, она найдет его кости и со скорбью смирится с печальной участью.

С другой стороны, можно отправиться к морю через горный проход и подождать его там. Если Кикаха жив, он рано или поздно придет туда.

Впрочем, дядя и негр тоже пойдут к морю. А значит, выждав удобный случай, она может устроить засаду и отобрать лучемет.

Внезапно Анана пригнулась и медленно повернула голову. Из темноты появились две фигуры. Они находились слишком далеко и на фоне красноватой мглы казались лишь темными пятнами. Но она не сомневалась, что это люди. Более того, они могли оказаться ее преследователями.

Если бы Анана отправилась на поиски Кикахи, то наткнулась бы на эту пару. И теперь у нее оставался один-единственный путь — к далеким горам, вернее, к морю.

Анана побежала по колено в воде. Время от времени она оглядывалась назад. Смутные очертания фигур маячили за спиной, но не приближались.

Прошло какое-то время, измеримое лишь нараставшей усталостью. Она подбежала к полноводному каналу, русло которого стало намного шире, нырнула в воду, переплыла на другую сторону и вскарабкалась на берег. Чуть позже послышался всплеск. Уртона и Маккей плыли следом. На миг ей показалось, что она никогда от них не отделается — даже в такой темноте.

Анана повернулась и побежала к горам. Теперь она двигалась волчьей рысью — сотня шагов бегом, сотня — быстрым шагом. Отсчет помогал идти и отвлекал от усталости. Очевидно, ее преследователи делали то же самое. Однако им не удавалось увеличить скорость и закончить эту затянувшуюся погоню.

Шлепая по воде, Анана двигалась по затопленной равнине. Одолев проход между двумя горами, Анана вышла на другую равнину. Через милю на ее пути возникло еще одно русло, соединявшееся с каналом. Метаморфозы почвы привели к появлению многочисленных изломов, которые протянулись от моря в глубины континента за большими округлыми горами. С высоты птичьего полета этот район походил на многоножку, где горы являлись телом, а русла каналов — длинными щупальцами.

Ширина протоки не превышала трехсот ярдов. Однако Анана так устала, что уже не могла плыть. Лежа на спине, она вяло двигала ногами и, чуть-чуть подгребая, удерживалась на поверхности.

У другого берега было неглубоко — по пояс. Переводя дух, Анана пристально вглядывалась в темноту. Она больше не видела и не слышала своих преследователей. Неужели они побежали в другом направлении? Если это так, ей следовало немного подождать, а затем вернуться к каналу.

Примерно через пять минут послышалось тяжелое дыхание двух мужчин. Анана присела, погрузившись в воду до носа. Во мраке «ночи» на противоположном берегу появились два темных пятна. Она слышала каждое их слово.

С трудом отдышавшись, дядя сказал:

— Как думаешь, мы оторвались от них?

«От них?» — с удивлением подумала Анана.

— Говори тише, — ответил Маккей, и они зашептались.

Какое-то время мужчины стояли на берегу и обсуждали ситуацию. Внезапно раздался крик. И этот крик исходил не от них. Потом послышался приглушенный топот, и за двумя мужчинами возникли две гигантские фигуры. Уртона и Маккей застыли на месте. В тот же миг полоски «рассвета» обесцветили багровое небо.

— Поплыли, хозяин! — закричал Маккей.

— Нет, — отозвался Уртона. — Я слишком устал. Мы прикончим их лучеметом.

Небо быстро светлело. Двое мужчин и фигуры за ними все отчетливее проступали из красноватой мглы, но Анана знала, что ее еще не заметили. Над водой остались только ее нос и глаза. Цепляясь одной рукой за подводную траву, в другой она держала заветный рог. Контуры гигантских фигур стали четче, и Анана увидела людей, сидевших на мусоидах. В руках туземцев были длинные копья.

Она услышала голос Уртоны, но слов не разобрала. Скорее всего, он прокричал какое-то проклятие. На берегу появился отряд всадников. Часть его скрылась из виду, перекрывая пешим путь к отступлению. Другие выстроились вдоль канала индейской колонной.

Уртона поднял лучемет, и два ближайших мусоида упали на землю с отрезанными ногами. Один из седоков свалился в канал. Второго воина Анана не видела.

Послышались крики. Ужасная расправа произвела на туземцев огромное впечатление, и они торопливо исчезли за бугром. Внезапно с другой стороны на Уртону и Маккея помчалась пара всадников. Они грозно размахивали копьями и что-то кричали на языке, которого Анана не понимала.

Один из воинов вырвался вперед и вдруг упал. Его голова отлетела в канал, а тело повалилось на землю, орошая берег кровью, хлеставшей из шеи. Через миг под вторым всадником рухнул «лось». Туземец покатился по земле. Маккей ударил его ребром ладони по шее и поднял упавшее копье.

И тут, издав крик отчаяния, Уртона швырнул лучемет на землю и кинулся к копью обезглавленного воина.

Батарея иссякла. Лучемет превратился в никчемную железку. Уртона и Маккей стояли в кольце врагов, и в исходе битвы можно было не сомневаться.

Атака началась с двух сторон. Четверо всадников помчались к Маккею и Уртоне. Те метнули в животных копья, и раненые мусоиды столкнули их в канал. Дикари спешились и попрыгали в воду за своими жертвами. Остальные туземцы подъехали к берегу и остановились, подбадривая соплеменников свистом и воплями.

Дядя и его помощник сражались на славу, однако неравенство сил давало себя знать. Вскоре их вытащили на берег, избили до беспамятства и связали кожаными ремнями. Когда они пришли в себя, всадники погнали их вдоль канала, подталкивая в спины тупыми концами копий.

А потом из розовой дымки показались первые волокуши длинного каравана, который растянулся на берегу, и окрестности огласились криками людей и ревом животных. Туземцы спешились, чтобы погрузить на повозки мертвые тела людей и мусоидов. Трупы взвалили на поклажу и привязали к волокушам ремнями. Очевидно, их предполагалось использовать в качестве пищи. Насколько Анана знала, здесь не брезговали мертвечиной. Уртона говорил, что некоторые кочевые племена считали каннибализм вполне обычным делом.

Когда дядю и Маккея провели мимо Ананы, она почувствовала, как вокруг ее лодыжки обвилось что-то скользкое, и едва сдержала крик. Но когда в ногу вонзились острые зубы, ей стало ясно, что пора переходить к действиям. Нырнув под воду, Анана достала нож, изловчилась и несколько раз воткнула клинок в мягкое пупырчатое тело. Хватка ослабла, и зубы разжались. Однако через несколько секунд тварь набросилась на другую ногу Ананы.

С большой неохотой выпустив из рук инструмент и амфибию, Анана ощупью нашла то место, где щупальце соединялось с телом, и отхватила отросток ножом. Тварь тут же скрылась в синеватом омуте. Обе ноги Ананы казались сплошной открытой раной. И еще ей нужно было сделать вдох. Она медленно приподняла голову и осмотрелась. В нескольких футах от нее в воде билось большое пупырчатое тело, и темная кровь хлестала во все стороны.

Анана нырнула и, ощупав дно, нашла рог. К тому времени дикари заметили раненое существо. И конечно же, увидели голову Ананы. Две женщины закричали, указывая на нее руками. В Анану полетели копья. Некоторые из них падали совсем рядом*. Судя по всему, туземцы решили взять незнакомку в плен. Четверо воинов, спрыгнув в воду, поплыли к ней.

Анана забросила рог на берег и начала взбираться по крутому откосу. Дикари не могли преследовать ее на своих животных. Большие «лоси» не поднялись бы на такой крутой склон. Анана еще успела бы скрыться. Однако, выбравшись на берег, она увидела, насколько серьезны ее раны. Кровь

---

* А ширина канала триста ярдов, то есть 275 метров. Даже при слабой гравитации это слишком большое расстояние для прицельного метания копья.

текла по ногам, и Анана поняла, что с такими ранами ей далеко не убежать.

Тем не менее... Она сжала топор в одной руке, а нож — в другой. Первый мужчина, поднявшийся на склон, упал с расколотым черепом. Второй покатился вниз по откосу, лишившись двух пальцев. Двое других решили, что лучше отступить. Они нырнули в воду и, проплыв сотню ярдов в разные стороны, одновременно начали взбираться на берег. Анана могла атаковать только одного из них. Тот, на кого она набросилась, снова спустился к воде, а второй в это время помчался к ней, размахивая копьем.

Через канал к месту схватки плыли еще с десяток воинов. Половина из них выбралась на берег ниже по течению на безопасном расстоянии в пару сотен ярдов. Другие заходили ей в тыл с противоположного направления. Бежать Анана не могла — давала себя знать потеря крови. В какой-то миле от нее начинались горы. Но у нее недостало бы сил уйти от погони.

Пожав плечами, Анана сорвала с себя потрепанную рубацку, разорвала на полосы и перевязала раны. Она надеялась, что щупальца твари не были ядовитыми.

Рог и топор она оставила на траве, а нож положила во внутренний карман на правой штанине. Анана специально пришила его перед путешествием на Землю — всего лишь месяц назад, хотя иногда ей казалось, что с тех пор прошло не меньше года.

Потом она села на землю и, скрестив руки на груди, стала ждать приближения туземцев.

ГЛАВА 12

Тощие и смуглые дикари чем-то напоминали людей, обитавших на средиземноморском побережье. Тем не менее Анана не могла соотнести их язык с каким-нибудь из известных ей наречий. Очевидно, их предки говорили на диалекте, который угас после экспансии европейцев и семитов на берегах Средиземного моря.

Племя насчитывало девяносто человек: тридцать три мужчины, тридцать восемь женщин и двадцать детей. Сто двадцать мусоидов делились на ездовых и гужевых животных.

В отличие от других воинов вождь носил юбку из сыромятной кожи. Остальные мужчины довольствовались юбочками из перьев. Лица дикарей были украшены тонкими костяными палочками, вставленными в носовые перегородки. У многих на груди вместо ожерелий болтались высушенные

кисти человеческих рук. Седла украшали черепа людей и животных.

Анану связали и, едва не утопив, переправили на другую сторону канала. Когда пленницу бросили на землю, на нее тут же набросились женщины. Те, что помоложе, били ее руками и ногами, а более зрелые матроны сдирали с нее джинсы и ботинки. Через минуту избитая и совершенно голая Анана провалилась в черноту беспамятства.

К вождю шатаясь подошел мужчина, которого Анана лишила двух пальцев. Он морщился от боли и прижимал к груди изуродованную кисть. Предводитель выслушал его просьбу и покачал головой. Воин попытался настаивать, но вождь велел ему замолчать и успокоиться.

Уртона и Маккей сутулясь сидели на земле. Оба выглядели еще жальче, чем Анана.

Вождь забрал себе топор и рог. Его жена, отобрав у товарок одежду пленницы, влезла в потертые джинсы. К счастью, она не обратила внимания на нож во внутреннем кармане, Анана тешила себя надеждой, что дикарка не станет проверять увесистую выпуклость на штанине. Впрочем, зная, что человеческому любопытству нет предела, она уже смирилась с потерей.

Когда после долгих споров туземцы закончили раздел трофеев, вождь громко отдал какой-то приказ. Убитых воинов отвезли на волокушах за милю от лагеря. Оставив с пленниками надежную охрану, все племя ушло провожать погибших сородичей в последний путь. Церемония длилась полчаса. Мужчины выли. Женщины плакали. Шаман скакал под грохот тыквы, заполненной галькой и костями. А потом, пропев несколько заунывных песен, туземцы вернулись к каналу.

У Ананы немного отлегло от сердца. Эти люди не ели своих сородичей, а значит, не были каннибалами.

Жена одного из погибших воинов со свирепыми криками бросилась к пленнице. Растопырив пальцы, она вознамерилась было расцарапать незнакомке лицо. Но, лежа на спине, Анана ударила ее ногами в живот. Все племя зашлось от хохота, наслаждаясь криками и муками корчившейся женщины. Отдышавшись, вдова вскочила на ноги и попыталась возобновить атаку, но вождь велел двум воинам оттащить ее.

К тому времени наступил «день». Наскоро перекусив мясом животных, убитых Уртоной, несколько воинов отправились в дозор на равнину. Остальные неторопливо и обстоятельно набивали животы. Приправой к сырому мясу служили

орехи и ягоды, которые хранились в сумках из сыромятной кожи. Пленным не дали ни крошки. Впрочем, Анана не горевала об этом. Она ела несколько часов назад, а жестокие побои не прибавили ей аппетита. Безразличие дикарей даже немного порадовало ее. Если бы они собирались съесть своих пленников, то постарались бы их сначала откормить. Но на это потребовалось бы время, а время работало на нее.

Следующая мысль подпортила ей настроение. Возможно, туземцы решили приберечь их на ужин и потому удовольствовались пока мясом животных.

Утирая кровь с бороды и подбородка, к Анане подошел вождь. Его длинные волосы были собраны на макушке узлом, в котором торчали два красных пера. На грудь свисало ожерелье из человеческих пальцев. В пустой глазнице копошились мухи. Он остановился над ней, рыгнул и окриком созвал к себе все племя.

Когда дикарь снял юбку, Анане стало дурно. Племя вопило от восторга, подбадривая вождя и выкрикивая непристойности, которые Анана, к счастью, не понимала. А потом он сделал то, что она и предполагала. Понимая, что сопротивляться бесполезно, Анана неподвижно лежала на спине. Пока он кряхтел и тужился, в ее уме возникли шесть способов, которыми она могла его убить. Оставалось надеяться, что когда-нибудь у нее появится возможность воспользоваться одним из них.

Когда вождь встал и с довольным хохотом надел юбку, к пленнице подбежал шаман. Он тоже был не прочь поразвлечься. Но вождь оттолкнул его и что-то сердито прокричал. Возможно, он объявил ее своей собственностью. Анана облегченно вздохнула. Ей по горло хватило вождя, а шаман выглядел еще более грязным и омерзительным.

Чуть позже она встала и подошла к Уртоне. Тот отвернулся от нее с гримасой отвращения.

— Вот так, дядя, — сказала Анана. — Можешь радоваться, что ты не женщина.

— Я всегда гордился этим, — ответил тот. — Скажи, почему ты не бежала? Почему не боролась из последних сил? На твоем месте я бросился бы в канал и утонул, но не дался бы на поругание. — Он презрительно сплюнул и покачал головой. — Подумать только! Лебляббий обесчестил властительницу! Мне даже странно, что ты еще не умерла от стыда! — Уртона замолчал и криво усмехнулся. — Но ты, наверное, привыкла спариваться с лебляббиями. У тебя и чести не больше, чем у обезьяны.

Анана ударила его ногой в челюсть, и он пришел в себя лишь через две минуты. Излив свою ярость, она почувствовала себя немного лучше. Вот так бы она хотела ударить и вождя — причем не только в челюсть.

— Если бы не ты и не Орк, я бы не оказалась в этом бардаке, — сказала она стонущему дяде и, пропустив мимо ушей его проклятия, повернулась и ушла.

А потом племя двинулось в путь. Мясо вместе с грудами шкур сложили на волокуши. Караван вытянулся в линию. Впереди на гнедом мусоиде ехал вождь. Поскольку нападение слева было невозможно, весь эскорт выстроился справа.

За три часа до «сумерек» к каравану присоединились дозорные, которых утром послали на равнину. Анана не понимала их слов, но догадывалась, что, высматривая врагов, эти воины поднимались на одну из гор. Судя по их виду, они никого не заметили.

Почему же племя двигалось по «ночам»? Анана полагала, что причиной тому была сезонная миграция. Эти люди хотели первыми пробраться на побережье. Однако у других племен могли возникнуть похожие идеи. Естественно, начиналась конкуренция. Туземцы спешили, двигаясь к морю и днем и ночью. Кроме того, они боялись наткнуться на более сильных врагов, и это подгоняло их еще больше.

В «полдень», когда небо сияло ярче всего, караван остановился. Все, включая пленников, поели. Люди устало валились на траву и, прикрыв шкурами лица, пытались заснуть. Шесть воинов несли караул. Они проспали несколько часов на волокушах, но, заступив в дозор, выглядели так, будто и глаз не сомкнули.

Пленников связали так, чтобы они могли есть и пить без посторонней помощи. А когда племя отошло ко сну, их связали еще и по лодыжкам.

Анане дали юбку.

Она лежала рядом с дядей и Маккеем.

— Эти дикари, наверное, никогда не видели людей с черной кожей. Я уже устал от их взглядов, — жаловался Маккей. — Они щупают мои волосы и касаются плеч, словно это принесет им счастье. Будь моя воля, я показал бы им, какое счастье они могут получить от меня!

Уртона усмехнулся разбитым ртом. Удар древком копья лишил его двух зубов.

— Может быть, они и не видели черных, — зашепелявил он сквозь опухшие губы, — но на этой планете есть черно-

кожие племена. У меня тут собраны образцы всех земных рас.

— Интересно, что они сделали бы с тобой, узнав правду? — тихо прошептал Маккей. — Ведь это ты уготовил им такую собачью жизнь.

Уртона побледнел. Анана засмеялась и сказала:

— Когда я научусь говорить на их языке, они об этом узнают.

— Неужели ты выдашь дикарям своего родного дядю? — возмутился Уртона и, взглянув на нее, тихо добавил: — Впрочем, ты и не на такое способна. Только помни, девочка, я — единственный, кто может провести вас во дворец.

— Если только мы когда-нибудь найдем его, — добавила Анана. — Скажи, а эти дикари случайно не людоеды?

Увидев, как вздрогнул Уртона, она удовлетворенно закрыла глаза и попыталась заснуть. Буквально через несколько минут ее разбудил удар по ребрам. Вскочив, Анана увидела перед собой седовласую женщину — жену вождя, которая питала к пленнице особую неприязнь. А впрочем, такую ли уж и особую? Все женщины племени были готовы выцарапать Анане глаза. Хотя, возможно, они обращались так со всеми пленными женщинами.

Ни одна из туземок не согласилась обучать ее языку племени. И тогда Анана привлекла к этому молодого мускулистого парня, который не мог отвести от нее глаз. Окончательно очаровав его, Анана попросила юношу дать ей несколько уроков речи. Не прошло и нескольких минут, как она узнала, что его зовут Нарго.

Он охотно взялся за ее обучение. Анана шла пешком, а юноша ехал рядом с ней на «лосе» и перечислял названия предметов и имена людей, на которых она указывала. К концу «дня», когда караван остановился на очередной двухчасовой привал, Анана знала уже пятьдесят слов и могла составлять простые вопросы.

Ни Уртона, ни Маккей лингвистикой не интересовались. Они шли бок о бок, тихо переговариваясь. В их умах вырисовывались планы побега.

Наступили «сумерки», и племя вновь двинулось в путь. Вождь попросил Анану продемонстрировать, как действует рог. Она протрубила мелодию, которая открывала подпространственные врата — если только те находились где-нибудь рядом. Забрав у нее инструмент, вождь быстро освоился с кнопками и после нескольких неудач подобрал мелодию на слух. Он трубил ее не меньше получаса, пока шаман не

прервал эту забаву. Анана не знала, о чем они говорили. Но скорее всего шаман напомнил предводителю, что звуки могут привлечь внимание врагов. Вождь пристыженно сунул рог в седельную сумку.

К изумлению Ананы, женщина, носившая ее джинсы, до сих пор не нашла в штанине спрятанный нож. Впрочем, дикарка никогда не видела такой одежды и, наверное, думала, что штаны специально утяжелены на одну сторону.

На «рассвете» караван остановился на отдых. Дозорные заняли посты, остальные заснули. Мусоиды жадно поглощали ветви деревьев. Вязанки ветвей везли на волокушах и спинах гужевых «лосей». Но запасы фуража почти иссякли, а значит, скоро людям предстояло отправиться за свежим кормом. Для этого надо было найти рощу шагающих растений, убить около сотни деревьев и обрубить ветви.

Незадолго до обеда вдали показался горный хребет. Черная щель отмечала проход, который вел на побережье. Однако Анана знала, как обманчиво здесь расстояние. Путь к хребту мог занять два, а то и три дня. Но, видимо, племя знало, сколько еще оставалось идти. Они знали, что звери не дойдут до моря, если их голод не будет удовлетворен.

Двадцать взрослых мужчин и четверо юношей уехали на равнину. Им повезло: неподалеку от канала они встретили рощу, спешившую к воде. По подсчетам Ананы, там было не меньше тысячи деревьев. Всадники подождали, пока растения приблизятся к руслу на четверть мили, а затем, размахивая арканами, помчались вперед. Подъехав к деревьям, они образовали индейскую колонну и с гиканием закружили вокруг рощи, словно банда краснокожих, напавших на фургоны переселенцев.

Хвойные растения высотой не более десяти футов напоминали по форме рождественскую елку. В нижней части толстых массивных стволов виднелись бугристые наросты, а чуть выше середины располагались кольца с гроздьями глаз. Каждое дерево имело длинные и тонкие зеленоватые щупальца, росшие из центральной части ствола. При приближении туземцев роща остановилась, и четырехногие деревья, стоявшие по периметру, повернулись, обратив к противникам бугристые наросты.

Немного раньше Анана заметила, что стадо диких мусоидов не стало приближаться к хвойным растениям. Видимо, «лосям» что-то в них не нравилось. И когда всадники закружили в двадцати футах от рощи, она поняла причину этой антипатии. Из дуплистых стволов вырвались тучи смертоносных

снарядов. Несмотря на расстояние, она услышала звук пневматических хлопков.

Имея богатый опыт встреч с такими растениями, люди знали, на какой дистанции выпущенные дротики уже не представляли опасности. Они скакали вокруг рощи, постепенно приближаясь к деревьям с подветренной стороны.

Скорее всего, туземцам было известно, сколько снарядов имело каждое дерево. Они обменивались короткими фразами — очевидно, считая хлопки. Вождь стоял в стороне и тоже считал. Внезапно он прокричал какой-то приказ. Его слова передали по цепочке, и вскоре все воины имели необходимую информацию.

Всадники направили мусоидов к роще. А тем временем растения, словно вымуштрованные солдаты, готовились заменить отстрелявшихся сородичей деревьями с полным боекомплектом.

Однако роща промедлила с заменой рядов. Всадники подъезжали к деревьям почти вплотную и ловко бросали арканы из лыка. Кое-кто промахивался, но большинству удавалось зацепиться за ветвь или щупальце. «Лоси» отбегали, веревки натягивались, и петли сжимались. Пойманные растения падали. Подгоняемые седоками мусоиды вытаскивали деревья за пределы досягаемости дротиков. Концы арканов крепились к колышкам позади седел. Вся оснастка, за исключением единственного случая, выдержала рывок. Оборвалась только одна веревка, и растение осталось лежать в десяти шагах от шеренги деревьев. И его было уже не достать.

«Лоси» остановились, седоки попрыгали на землю и подошли к упавшим растениям. Стараясь держаться подальше от извивавшихся щупалец, они освободили арканы и снова залезли в седла.

Процедура повторилась еще несколько раз. После этого роще позволили уйти к каналу. Туземцы достали из сумок кремневые и сланцевые инструменты, а затем начали срезать зеленые щупальца. Животные, чувствуя себя теперь в полной безопасности, набросились на беспомощные растения. Они хватали щупальца зубами и отдирали от стволов. Тем временем хозяева, орудуя каменными ножами и топорами, обрубали ветви.

Все племя, включая женщин и детей, столпилось вокруг добычи. Одни собирали срубленные ветви, а другие — укладывали вязанки на волокуши и спины животных.

Позже, когда Анана немного освоилась с произношением слов, она спросила юного Нарго об отравленных дротиках. Он кивнул и с усмешкой ответил:

— От гвонав ты станешь такой же твердой, как дерево.

Анана не знала, что означает слово «гвонав». Возможно, Нарго говорил о разновидности яда или называл этим термином снаряд. Но она поняла, что под дротик лучше не попадать.

После того как растения лишились ветвей, мужчины осторожно собрали дротики. Снаряд представлял собой тонкую четырехдюймовую иглу. На одном конце располагалось пушистое оперение. На острие поблескивал слой голубовато-зеленого вещества.

Несколько дротиков привязали к копьям вместо наконечников. Остальные снаряды сложили в сумку из сыромятной кожи.

Заготовив фураж, караван отправился в путь. Анана оглянулась и увидела, что роща хвойных растений добралась до берега канала. Из нижней части каждого ствола высовывался толстый зеленовато-белый патрубок, через который дерево засасывало воду. Задние ряды охраняли пьющих сородичей.

— Ты, наверное, здорово повеселился, придумывая их, — сказала она Уртоне.

— Да, делать этих убийц было интереснее, чем смотреть на них со стороны, — ответил тот. — Говоря по правде, создание лавалитового мира развлекло меня больше, чем вся последующая жизнь на нем. Через четыре года мне стало скучно, и я решил завоевать другие вселенные. За все эти десять тысяч лет я возвращался сюда лишь несколько раз. Впрочем, ты и сама знаешь, как полезно иногда вспомнить старое.

— Когда ты возвращался сюда в последний раз?

— Кажется, пятьсот лет назад.

— Значит, все эти тысячелетия ты жил в каком-то другом мире? И он, похоже, был прекраснее да разнообразнее, чем твоя вселенная.

— Конечно, — с гордой улыбкой ответил Уртона. — Мне удалось захватить еще три мира, и я прикончил их создателей. Ты помнишь своих кузенов Бромиона и Антамона? А эту сучку Эфинту? Теперь они мертвы, и я, Уртона, управляю их мирами!

— Даже сейчас? — с усмешкой спросила Анана. — А эта дырявая шкура — твой трон? Дядя, опомнись! Пока ты лишь

пленник дикарей, и вместо почестей тебя ожидают смерть и пытки.

— Замолчи! — взревел Уртона. — Или я убью тебя! Как смеешь ты смеяться надо мной, дикарская подстилка! Я еще вернусь сюда и уничтожу этих жалких подонков! Я уничтожу их мир! Я не оставлю от него камня на камне!

ГЛАВА 13

Анана задумчиво покачала головой.

— А ведь я когда-то была такой же, как ты. Теперь мне стыдно вспоминать тот кусок жизни, но даже тогда я чувствовала, что веду себя недостойно и мерзко. Наверное, это во мне говорили остатки совести, и где-то под холодным слоем грубости и самодовольства мерцала искорка души. А потом эта искра разрослась в огромное пламя, и ее раздул леблябби по имени Кикаха. Конечно, жаль, что он не властитель. Но Кикаха оказался настоящим человеком, и в этом он выше тебя и меня. А возьми, к примеру, этих жалких звероподобных дикарей. Они таскают тебя за собой на веревке, и даже не знают, что пленили властителя своего унылого и безумного мира. Ты называл этих людей подонками, однако они человечнее тебя. Просто по прихоти своего властителя они немного отстали в развитии...

Уртона выругался и проворчал:

— О чем, во имя Ткача, ты говоришь?

Анане захотелось ударить его, но она сдержалась.

— Я вижу, тебе этого никогда не понять. Хотя кто знает? До меня ведь эта истина дошла. Правда, мне пришлось довольно долго прожить среди простых людей.

— Ты забываешь, что леблябби создали мы. Твой недоделанный Кикаха совсем задурил тебе мозги. Жаль, что распался наш Совет. На тебя бы быстро наложили проклятие, а то и убили бы в назидание другим.

Анана смерила его презрительным взглядом.

— Не задирай нос, дядя. Ты тоже потомок искусственных людей. Наших предков вырастили в биолабораториях — вспомни, что об этом говорил Шамбаримен. Мы, властители, были созданы существами, намного превосходившими нас в развитии. Затем нам удалось сделать то же самое, и теперь мы считаем себя выше любого леблябби. Но это иллюзия, Уртона!

Мы создали их по своему подобию. Так почему же они ниже нас? Эти существа такие же, как мы. Просто они еще

не знают, что живут в искусственных мирах, созданных нами. Вернее, сделанных, а не созданных. Мы не творцы и почти ничем не отличаемся от писателей-фантастов или художников. Они тоже создают миры, хотя и не могут выйти за рамки собственного знания. Они слагают свои вселенные из элементов известного, изменяя лишь порядок, числа и координаты. Но разве эта перестановка делает их творцами?

Мы называем себя создателями миров, но на самом деле ничем не лучше поэтов, писателей, художников и скульпторов. Нам никогда не стать богами. Хотя некоторые из нас уже причислили себя к их числу.

— Избавь меня от своих лекций, — проворчал Уртона. — Мне плевать на твои попытки оправдать свою животную похоть.

Анана пожала плечами:

— Ты безнадежен, Уртона. Но в каком-то смысле ты прав. Сейчас не время для споров. Мы должны подумать о побеге.

— Да, — подхватил Маккей. — Как бы нам отсюда удрать?

— Что бы мы ни придумали, сначала нам надо вернуть топор и рог, — сказала она. — В этом диком мире мы без них пропадем. Но топор и рог у вождя, поэтому нам придется забрать их у него силой.

Анана решила не говорить о ноже, спрятанном в джинсах. Уртона и Маккей заметили его исчезновение, но она сказала, что потеряла нож, убегая от них к горе.

Чуть позже караульный развязал путы на ногах пленников, и они побрели с караваном вдоль берега. Анана вернулась к занятиям с Нарго.

Когда племя приблизилось к ущелью, вождь приказал остановиться. Причина такого решения была ясна, и Анана не стала задавать лишних вопросов. Там, за двумя горами, небо казалось черным от туч, и на побережье царил настоящий ад, в котором яростно сверкали молнии. Отправиться туда мог только самоубийца. Буря не утихала весь «день» и всю «ночь». Это удивило Анану, и она начала расспрашивать юношу.

— В стране прибрежных земель Властитель посылает вниз свои молнии и гром, — стал рассказывать Нарго. — Его небесные стрелы валят деревья и убивают любое существо, которое по своей глупости посмело войти туда против воли Создателя.

Мы отправимся на побережье только после того, как гнев Властителя утихнет. Если бы не его молнии, наше племя

жило бы там все время. Прибрежные земли меняются очень медленно и почти незаметно. В море много рыбы, в лесах полным-полно птиц с вкусным мясом, и растения не ходят, а стоят. Ты только представь! Орехи на неподвижных деревьях и ягоды, под тяжестью которых ветви отвисают до земли. Бери, что хочешь, и ешь, сколько сможешь! А какая там охота! Дичь сама идет в руки — не то что на открытых равнинах.

Если бы мы жили там все время, наши тела стали бы жирными и сильными. Женщины рожали бы много детей, и наше племя превратилось бы в могучий народ. Но Властитель по своей великой мудрости постановил, что мы можем жить на побережье лишь малое время. А потом собираются облака, бьют молнии, и нет на той земле места для тех, кто хочет остаться живым.

Конечно, Анана не поняла всего, что сказал Нарго, но уловила смысл по фразам, которые успела усвоить.

Встретив Уртону, она спросила его, почему он сделал такой климат на побережье.

— Во-первых, для забавы, — ответил властитель. — Мне нравилось прилетать в своем дворце к одному из морей и наблюдать буйство молний во всей их разрушительной силе. Там, за непробиваемыми стеклами, нежась в покое и уюте, я получал непередаваемое наслаждение при виде того, как вокруг меня сверкают и трещат гигантские разряды. В такие минуты я начинал чувствовать себя богом.

А во-вторых, если бы не сезоны бурь и смертельные молнии, люди заселили бы все побережья. Конечно, я мог бы наслаждаться тогда территориальными войнами, но мне хватало этих зрелищ и в сезоны затишья. Поселившись однажды на берегах морей, люди уже никогда не вернулись бы в зоны мутаций и катаклизмов.

Насколько я помню, в лавалитовом мире имеется двенадцать областей относительного постоянства. Каждый океан и его прибрежные территории занимают около пяти миллионов квадратных миль. Поэтому на двести миллионов квадратных миль всей планеты приходится шестьдесят миллионов квадратных миль относительно стабильной топографии. Здесь не бывает отщеплений планетарных кусков, и они никогда не падают вблизи морей.

Из-за сезонов бурь на побережье можно жить лишь некоторое время. И если бы я их не предусмотрел, люди и животные заселили бы все берега.

Он замолчал, указывая на равнину. Обернувшись, Анана увидела, что все пространство заполнили стада животных — слонов, «лосей», антилоп и многих других больших и малых существ. Склоны гор темнели от птичьих стай. Небеса почернели от мириад летающих созданий.

— Они мигрируют из дальних и ближних мест, — сказал Уртона. — Им хочется насладиться покоем моря и неподвижных лесов. Они спешат туда, но знают, что с началом бурь им придется уйти с побережья.

Анане разрешили побродить вокруг лагеря, но когда она ушла слишком далеко, ее тут же заставили вернуться. Подойдя к вождю, она опустилась рядом с ним на корточки. Предводитель племени сидел на земле и колотил по ветке топором.

— Скажи, когда утихнет буря на побережье? — спросила Анана.

Его глаз удивленно округлился.

— Ты так быстро научилась нашему языку? Это хорошо. Теперь я могу задать тебе несколько вопросов.

— Но сначала ты должен ответить на мой вопрос, — возразила она. — Я спросила тебя первой.

Он недовольно нахмурился.

— Обычно молнии прекращались двумя днями раньше. Гнев Властителя утихал, и Создатель уходил в свой дворец до следующего сезона. Однако на сей раз его что-то очень рассердило, и Властитель никак не может успокоиться. Но я надеюсь, что скоро он устанет и удалится в свой чертог. У прохода собираются звери и птицы. Это очень опасно. Если начнется паника, нас могут раздавить бегущие стада. Спасаясь, людям придется прыгать в воду. А это плохо, потому что мы потеряем гревиггов и все свои припасы.

«Гревиггами» они называли нескольких мусоидов, в то время как слово «грегг» означало одного «лося».

— Почему твои воины не едут на охоту? — спросила она. — Вокруг так много животных, что их можно ловить голыми руками.

Вождь Тренн пожал плечами:

— Мы не глупцы. А теперь послушай мои вопросы. Из какого ты племени? И далеко ли оно от нас?

Анане стало интересно, поверит ли он ее словам, услышав правду. Впрочем, у племени вендов могли сохраниться какие-то предания о пришествии из другого мира.

— Мы появились оттуда... из другого места.

Она махнула рукой, указывая на красное небо, и мухи, встревоженные резким движением, взлетели вверх с недовольным жужжанием. Но тут же вернулись обратно, облепив ее тело, голову и руки. Анана отогнала их от лица. Вождь не обращал на насекомых никакого внимания, и они спокойно ползали по его телу и пустой глазнице. Возможно, он даже не осознавал их присутствия.

— Мы прошли через э-э-э...

Анана замолчала. Она не знала слова, которое означало бы врата. Скорее всего, туземцы даже не имели такого понятия.

— Мы прошли через проход между двумя... Я не знаю, как это сказать. Мы пришли с другой стороны неба... из другого мира, где небеса такого цвета, как эта птица.

Она указала на небольшую голубую пичугу, которая прыгала по берегу канала.

Глаз вождя расширился еще больше.

— О! Ты пришла из мира, где жили наши предки. Многие поколения назад Властитель изгнал их оттуда за то, что они согрешили. Но скажи, почему он отправил вас сюда? Чем вы так его рассердили?

Пока Анана думала, как ответить на этот вопрос, вождь окриком подозвал к себе шамана Шаканна. Маленький седобородый человек подбежал к ним, размахивая посохом, на конце которого вместе с перьями крепилась пустая тыква. Тренн быстро пояснил ему суть дела, но Анана поняла из его речи лишь несколько слов. Шаканн присел на корточки рядом с вождем.

Сначала Анана хотела сказать, что они попали в этот мир случайно. Но она не знала слова, которое означало бы на их языке случайность. Возможно, у них даже не было такого понятия. Судя по тому, что она узнала от Нарго, эти люди не верили в случайные события. В их мире все управлялось либо волей Властителя, либо силами ворожбы.

А потом на нее нашло вдохновение. Во всяком случае, она надеялась на это. Ложь грозила стать причиной больших неприятностей. Не зная теологии дикарей, Анана могла оскорбить их религиозные чувства, нарушить какое-то табу или высказаться против догмы. Но она пошла на риск.

— Мы прогневали Властителя, и он изгнал нас сюда. Прощаясь, Творец сказал, что мы можем вернуться, если приведем к нему какое-нибудь достойное племя — например, ваше. И мы хотим вернуться в его небесный мир — туда, где жили до изгнания ваши предки.

Наступило долгое молчание. На лице вождя проступила радостная улыбка. Шаман нахмурился и дернул себя за бороду.

— И вы, значит, выбрали наше племя, — наконец произнес Тренн. — Но если Властитель хочет вернуть нас в сембарт...

— В сембарт?

Вождь попытался объяснить этот термин, и Анана поняла, что слово «сембарт» можно перевести как «рай» или «сад Эдема» — а проще, место, где можно жить хорошо и беззаботно.

Конечно, Земля — не рай, но, будь такая возможность, Анана с радостью бы отправилась туда.

— Если Властитель пожелал вернуть нас в сембарт, почему он сам не прилетел к нам на летающем облаке? Он мог бы сказать одно слово, и вихрь света перенес бы нас к нему.

— Дело в том, что он решил испытать вас сначала, — ответила Анана. — Если вы покажете себя достойными его милости, я выведу вас из этого мира.

Тренн быстро заговорил с Шаканном, и она уловила смысл лишь половины его слов. Вождь сокрушался, что племя не приняло пленников как уважаемых гостей. По его мнению, следовало постараться изо всех сил, чтобы исправить ошибку.

Однако Шаканн предложил не торопиться. Он хотел задать Анане несколько вопросов.

— Если ты действительно посланница Властителя, то почему не прилетела к нам в его шелбетте?

«Шелбетт» в свою очередь означал вещь, которая летала. Легенды о древних временах гласили, что в прежние дни Властитель часто путешествовал по воздуху.

Быстро обдумав ответ, Анана сказала:

— Я делаю лишь то, что велит Властитель. Мы не смели спрашивать, почему он поступает так, а не эдак. Наверное, у него были какие-то причины не давать нам шелбетт. Возможно, он хотел узнать, какие вы на самом деле. Увидев нас в божественной повозке, вы приняли бы меня и моих спутников с почестями как посланцев Создателя. А ему хотелось знать, достойны ли вы жить в стране голубых небес.

— Пленять врагов, убивать их или брататься с ними достойно каждого воина. Неужели ты хочешь сказать, что мы относились к вам плохо? Любое племя поступило бы с вами точно так же.

— Властителю не важно, как вы отнеслись к нам сначала, — ответила Анана. — Он хочет знать, что вы будете

делать, услышав о его великом замысле. Только это определит ваше место пред очами его.

— Любое племя, поверив в твою историю, стало бы чествовать тебя и заботиться о твоих спутниках, как о детях. Но ведь люди могут обмануть вас. Они могут лишь притворяться хорошими из страха перед Властителем. Как же ты будешь судить об их достоинствах?

Анана вздохнула. Даже среди невежественных дикарей встречались смышленые люди, и шаман относился к их числу.

— Властитель наделил нас духовными дарами. Одним из них является способность смотреть в... — Она замолчала, не найдя нужного аналога слову «душа». — Смотреть внутрь человека и видеть, хорош он или плох. Поэтому мы знаем, когда люди говорят нам неправду.

— Очень хорошо, — сказал Шаканн. — Если ты действительно можешь чувствовать ложь, докажи мне свое умение. Я сейчас попрошу у вождя эту острую твердую штуку и расколю ею твой череп. Я очень хочу убить тебя! Скажи, мои слова лживы? Или я говорю правду?

Вождь запротестовал, но Шаканн перебил его:

— Подожди! Этот ворос должен решить я, твой жрец. Ты управляешь жизнью племени, но дела Властителя защищаю я.

Анана старалась выглядеть спокойной, чувствуя, как по ее лицу и телу струится пот.

Судя по выражению физиономии вождя, он не собирался отдавать шаману топор. Да и Шаканна сейчас терзали сомнения. Шаман мог быть шарлатаном и лицемером, хотя лично она так не считала, поскольку лицемерие обычно порождается цивилизацией. Как и все целители, ведьмы и колдуны, независимо от их титула и сана, Шаканн верил в свою религию. И сейчас его мучил вопрос — действительно ли она послана Властителем в их убогий и опасный мир? Если она солгала и он позволит этой лжи остаться безнаказанной, Властитель может разгневаться на него и подвергнуть жестокому наказанию.

Шаман находился в такой же отчаянной ситуации, как и Анана. Она видела это по его глазам.

Неужели он на самом деле задумал ее убить? Шаман должен знать, что, если она окажется посланницей Властителя, его тут же поразит небесная молния. Вряд ли он отважится на такой риск.

— Ты сам не знаешь, чего больше в твоих словах — правды или лжи. Ты еще не решил, что будешь делать.

Шаман улыбнулся, и она немного расслабилась.

— Ты права. Но я не уверен в твоей способности видеть мысли людей. Любой проницательный человек мог бы догадаться о моих чувствах. Я задам тебе еще несколько вопросов.

Ты говоришь, что вы пришли от Властителя, и твои слова подтверждает оружие, которое разрезало людей и гревиггов на половинки. Твой спутник мог бы уничтожить им все племя. Скажи, почему он отбросил его, убив лишь некоторых из нас?

— Потому что так велел Властитель. Используя смертельный луч, мой спутник хотел показать вам, что мы пришли из другого мира. Но Властитель запретил ему убивать все племя. Кого мы повели бы тогда в сембарт?

— Хороший ответ. Возможно, ты действительно та, за кого себя выдаешь... или просто очень хитрая женщина. Скажи, как вы проведете нас в сембарт?

— Я не говорила, что поведу вас туда. Я сказала, что могу повести. Все зависит от вас самих и людей вашего племени. Сначала вы должны освободить нас от пут и оказать гостеприимство, достойное посланцев Создателя. И все же я отвечу на твой вопрос, шаман. Мы поведем вас в обитель Властителя. Там внутри есть проход, через который можно войти в сембарт. Мы откроем его для вас, и вы увидите голубое небо.

Шаман поднял густые кустистые брови.

— Ты знаешь, где находится обитель Властителя?

Анана кивнула:

— Это далеко. Но во время путешествия мы должны подвергнуть ваше племя проверке.

— Когда-то очень давно мы видели обитель Властителя, — сказал вождь. — Она летела над равниной, и при виде ее мы падали на землю от страха. Она была большая, как гора, и ее покрывали острые выступы, похожие на толстые и длинные палки. Блестящие камни сияли на стенах множеством цветных огней. И мы убежали, испугавшись, что Властителя обидит наше любопытство и он покарает нас молнией.

— Для чего нужна вещь, которая играет музыку? — спросил Шаканн.

— Она должна провести нас в обитель Властителя — вернее, во дворец. Мы называем это дворцом.

— Двоссом?

— У тебя хорошо получается. А этот рог... должен находиться у меня. Ты рискуешь навлечь на себя гнев Властителя. Ему может не понравиться твоя жадность.

— Вот! — сказал вождь, бросая ей инструмент. — Мне чужого не надо.

— Ты нанес мне большую обиду, изнасиловав меня. Не знаю, простит ли тебя Властитель.

Вождь в изумлении вскинул руки вверх.

— Но я же не сделал ничего плохого! Обычай требует, чтобы мы объезжали всех плененных женщин. Так поступают все вожди!

Анана по-прежнему мечтала отомстить за свою поруганную честь. Она еще не знала, остановиться ли ей на кастрации или вдобавок к этому выколоть ему последний глаз. Но если так требовал обычай... Возможно, он действительно не хотел делать ей ничего плохого. Если бы не обида, она и сама могла бы догадаться об этом.

В принципе он ей действительно ничем не навредил. Кроме глубокого отвращения она не получила ни психического расстройства, ни венерической болезни. Беременности она могла тоже не опасаться.

— Ладно, — сказала Анана. — Я не буду держать на тебя зла.

Тренн поднял брови, как бы спрашивая: «А разве ты его на меня держала?» Однако благоразумно воздержался от замечаний.

— Что ты можешь рассказать о своих спутниках? — спросил шаман. — Они твои мужья? Я спрашиваю об этом по той причине, что некоторые племена при нехватке женщин разрешают им иметь по нескольку мужей.

— Нет. Эти двое находятся под моим началом.

Имея такую возможность, Анана не могла отказаться от главенства над своими спутниками. Уртона, конечно, будет рвать и метать. Но будет вынужден принять ее лидерство, потому что этого требовала история, которая могла спасти его жизнь. Он не посмеет разоблачить ее перед туземцами.

Анана вытянула руки, и Тренн, вытащив кремневый нож, разрезал кожаные путы. Она встала и велела позвать жену вождя. Тхикка подошла надменно и гордо, оттолкнув плечом Анану. Но когда муж объяснил ей ситуацию, грязное лицо женщины побелело от страха.

— Я не хочу обижать тебя, Тхикка, — сказала Анана. — Однако тебе придется отдать мне джинсы и ботинки.

Женщина не знала, что означают такие слова, поэтому Анана перешла на язык жестов. Когда жена вождя подчинилась, Анана велела ей отнести штаны к каналу и как следует выстирать их. Но, немного подумав, сказала:

— Подожди. Я сама сделаю это. Возможно, ты не знаешь, как стирать такие вещи.

Она испугалась, что женщина найдет нож.

Вождь созвал все племя и рассказал изумленным людям, кем оказались их бывшие пленники. Туземцы ахали и охали, кричали и воздевали руки к небу. А потом женщины, которые били Анану, упали на колени, моля о прощении, и она великодушно простила их.

С Уртоны и Маккея сняли веревки. Анана поведала им, как ей удалось добиться для них свободы. Но эта свобода имела кое-какие ограничения. Выделив гостям трех мусоидов, вождь приставил к ним своих людей, которые якобы охраняли их жизни и покой. Анана подозревала, что на этом настоял шаман.

— Мы можем убежать при первой же возможности, — сказала она дяде. — Но нам лучше остаться с ними, пока мы не найдем твой дворец. Отыскав его, мы как-нибудь перехитрим туземцев. Тем не менее я надеюсь, что поиски не затянутся. Мне бы не хотелось отвечать на вопросы, почему посланцы Властителя не могут найти такой большой дворец. — Она улыбнулась. — Ах да. Вы теперь находитесь в моем подчинении, поэтому попрошу вас вести себя соответственно. Мне кажется, шаман не совсем поверил в мой рассказ.

Уртона обиженно надулся.

— Похоже, это выгодная сделка, мисс Анана, — сказал Маккей. — Они перестанут бить нам морды. Мы будем ехать, а не идти. Трое их красоток уже признались, что хотят от меня детей. Я вижу, у них нет предубеждений к цвету кожи. Одним словом, мне это нравится.

ГЛАВА 14

Прошел еще один «день» и еще одна «ночь». Гром и молнии не утихали. Наблюдая через проход за адской бурей на побережье, Анана не понимала, как может там сохраниться что-то живое. Вождь рассказывал ей, что молнии валят лишь одну шестнадцатую часть всех деревьев и новая поросль быстро возмещает нанесенный урон. Мелкие животные пережидают ненастье в пещерах и норах, выползая оттуда только в период затишья.

А равнина к тому времени кишела зверьем, и от бесчисленных стад прибывающих животных ближайшие горы походили на пятнистых леопардов и полосатых зебр. Бабуины, дикие собаки, «моа» и большие кошки уже устали убивать.

На равнине не осталось места. Стада теснились друг к другу. Напуганные антилопы и слоны все чаще давили хищников копытами и ногами.

Воздух дрожал от криков животных и птиц. Уши закладывало от воя, рева, щебета, мычания, лая и свиста.

Берега канала возвышались над водой на десять—двенадцать футов. Местность плавно поднималась к проходу в горах, и там высота берегов достигала максимальной точки — примерно сотни футов. Вождь приказал всем спешиться и отправил женщин с детьми на другую сторону канала. Он предчувствовал беду. Ведь в случае паники стада могли помчаться в их сторону. Женщины и дети безропотно прыгали в воду и, доплыв до противоположного берега, с трудом забирались на крутой откос.

Мужчины остались с гревиггами, едва удерживая взбудораженных животных. Те мычали, вращали глазами и, скаля большие зубы, тревожно бегали по кругу. Туземцы успокаивали «лосей», но было ясно, что, если буря не утихнет, стада с равнины сметут их в воду или растопчут тысячами копыт. Воины нервничали не меньше животных. Они знали, что молнии не могут вырваться за пределы гор, но их тревожил тот «факт», что Властитель до сих пор не умерил свой гнев.

Анана переплыла канал вместе с женщинами и детьми. Ей не хотелось бросать своего грегга. Однако она решила не рисковать. На другую сторону перебрались лишь те животные, которым удалось подняться по крутому склону берега — бабуины, козы, небольшие антилопы и лисицы. Зато тут хватало птиц, большая часть которых носилась в воздухе. Чтобы перекричать их щебет и свист, людям приходилось орать во все горло.

Уртона и Маккей сидели на своих «лосях». Им, как и остальным мужчинам, полагалось удерживать животных. Уртона не находил себе места — и не потому, что им грозила нараставшая опасность. Завладев рогом, Анана могла скрыться в любую минуту. На той стороне канала остались только женщины и дети, а значит, она могла бежать без помех. При других обстоятельствах Уртона погнался бы за ней, но теперь он не одолел бы и четверти мили — все пространство от канала и до подножия гор занимали стада животных.

Вот-вот должно было что-то произойти. Любая мелочь могла вызвать лавину из сотен тысяч копыт. Однако Анана знала, как выручить племя из беды. В принципе, она не имела причин заботиться об этих воинах. Если бы их втоптали в

грязь копыта антилоп, она бы и глазом не моргнула. Еще два года назад ее не опечалила бы даже участь женщин и детей. Но теперь, каким-то необъяснимым образом, она чувствовала себя ответственной за их жизни. Более того, ей не хотелось, чтобы люди погибли.

Сунув рог за пояс, она переплыла канал и вскарабкалась на берег. Выкрикивая слова в ухо вождя, Анана изложила свой план. Она не просила, а требовала и вела себя как настоящая посланница Властителя. Если Тренн и обиделся на нее, то благоразумно решил не выставлять напоказ свое уязвленное самолюбие. Услышав приказ вождя, воины спустились с гревиггов. Возле «лосей» осталось несколько мужчин, остальные попрыгали с откоса в воду и поплыли на другую сторону.

Анана рассказала туземцам, что следует сделать. И даже помогла им рыть землю своим ножом. Несмотря на критическую ситуацию, вождь не захотел ронять свое достоинство, выполняя грязную работу, и бросил топор жене, приказав трудиться за двоих.

Остальные использовали кремневые и сланцевые орудия, а также концы заостренных палок. Густая трава мешала работать, ее корни переплетались глубоко под землей. Тем не менее дело быстро продвигалось. За полчаса туземцы прокопали на берегу желоб с наклоном в сорок пять градусов.

Затем мужчины вернулись назад, и мусоидов заставили спуститься с крутого откоса в воду. Воины плыли рядом с животными, направляя их к пологому подъему. Гревиггам хватило ума понять, для чего нужен этот желоб. Они взбирались по нему один за другим, торопливо карабкаясь на берег. Временами «лоси» съезжали вниз по мокрому грунту, но женщины подхватывали поводья и тянули животных вверх, а мужчины подгоняли мусоидов сзади.

К счастью, течение в канале было слабым, и гревиггов не сносило далеко от желоба.

А потом на другом берегу началась паника, и все, включая «лосей», затаили дыхание. Анана так и не узнала, что послужило причиной всеобщего бегства. Сквозь оглушительный гомон птиц до ее ушей донесся грохот бесчисленных копыт. Животные неслись по огромному кругу. Вскоре движение начало распадаться на отдельные спирали и потоки. Большая часть животных направилась к проходу. Остальные помчались к горам, которые замыкали долину с другой стороны. Пару дней назад эти горные хребты вновь восстановили свою коническую форму.

Первым через проход прошло стадо слонов. Сотни гигантов все больше и больше ускоряли бег, подгоняя друг друга диким ревом. Тех, кто оказался на краю канала, сталкивали в воду, и уцелевшие при падении животные настойчиво устремлялись к морю.

За слонами скакали антилопы. Их коричневые тела, черные ноги и красные головы с длинными прямыми рогами превратились в размытые пятна. Самые крупные из них достигали размеров скаковой лошади. Количество парнокопытных во много раз превосходило число слонов, и счет, возможно, шел на тысячи. Передние ряды ворвались в проход, но тут одно из животных упало. Антилопы поскакали через него, тоже падали, и куча тел росла на глазах. Звери все чаще и чаще валились в канал.

Анана ожидала, что колонна свернет вправо и помчится вдоль подножия горы. Однако антилопы по-прежнему бежали в проход, и куча тел в конце концов преградила им путь. Обезумевшие животные прыгали на упавших сородичей и пытались пробраться через блеявшую массу. Но та брыкалась, мотала рогами и извивалась сотней придавленных тел. Все новые и новые жертвы подминались задними рядами, а на тех в свою очередь накатывались волны других животных.

Вода в канале бурлила от упавших зверей. Живые и полуоглушенные антилопы плыли к морю. Мертвых сносило в другом направлении. А сверху валились новые сотни тел.

Анана окликнула вождя. Он ее не услышал. И немудрено — рев и топот животных заглушали гром по ту сторону прохода. Подбежав к нему, она крикнула ему в ухо:

— Через минуту канал заполнится телами! Звери ринутся на этот берег, и мы попадем под копыта!

Тренн кивнул, повернулся и замахал руками. Люди не слышали его криков, но прекрасно понимали жесты. Туземцы быстро прикрепили к упряжи пустые волокуши, навалили на них шкуры и пожитки, а затем вскочили на «лосей». Гревигги сходили с ума от страха. Они брыкались, поднимались на задние копыта и сбивали людей, которые пытались удерживать их. Обычно смирные и миролюбивые животные, они кусали теперь своих хозяев за руки и лица.

А в канал падало все больше и больше зверей. К тысячам антилоп прибавились слоны, бабуины, собаки и большие кошки. Несмотря на жестокий отпор, их теснили к берегу и сбрасывали в воду. Анана увидела огромную слониху, которая пыталась взобраться на крутой склон. На ее спине рас-

пластался лев, цеплявшийся когтями за толстые складки кожи.

К реву и крикам прибавилось хлопанье крыльев. Встревоженные птицы взмыли в небо и закружили над равниной, словно серый смерч. Среди них выделялись огромные существа, которых Анана видела впервые. Они напоминали кондоров, но размах их крыльев достигал двенадцати футов.

Многие птицы направились к горам. Стервятники и прочие пожиратели падали садились на трупы, плывущие по воде. Их стаи покрыли месиво тел, которое громоздилось в горном проходе. Они клевали мертвых и живых, отгоняя криками крылатых соперников, а те, кому негде было сесть, сгоняли более слабых ударами клювов.

Анана никогда прежде не видела такой сцены и надеялась, что больше не увидит. Впрочем, все к тому и шло. Взлетевшие птицы еще больше напугали мусоидов, и те понеслись галопом. Часть их поскакала на равнину, часть — к горам, а остальные направились к проходу. Мужчины и женщины висли на узде. Их подбрасывало в воздух и волочило по земле. Многие не выдерживали и откатывались в стороны. Всадники изо всех сил тянули поводья, но это не помогало. Волокуши подпрыгивали на кочках позади обезумевших животных, и убогий скарб валился на землю.

Анана взглянула на Уртону. Он что-то кричал. Его лицо покраснело. Натягивая поводья, властитель мчался к проходу. Маккей, отпустив своего «лося» на все четыре стороны, стоял и смотрел на нее. Очевидно, негр решил следовать ее примеру. Анана кивнула и побежала к горам. Бросив взгляд через плечо, она увидела, что Маккей ринулся следом. Возможно, дядя приказал ему не спускать с племянницы глаз. А может быть, он поверил в ее удачу и умение выходить из любых затруднений.

Неужели он надеялся отобрать у нее рог? Но чтобы сделать это, ему придется убить ее. Конечно, он больше и сильнее, но у нее имелся нож. Негр знал, как искусна она в обращении с ножом, не говоря уже о мастерстве во многих видах рукопашного боя.

К тому же, если Маккей попытается убить ее на виду у всего племени, он дискредитирует историю о том, что они посланы Властителем. А негр, конечно, не так глуп.

Ближайшая гора на этой стороне канала располагалась лишь в миле от берега. Ее четырехгранный монолит возвышался на две тысячи футов. Вокруг горы тянулся ров, глубина

которого местами доходила до трехсот, а ширина до шестисот пятидесяти футов.

Анана остановилась на краю ложбины и повернулась. Через пять минут к ней присоединился Маккей. Ему потребовалось несколько минут, чтобы отдышаться.

— Это прямо беда какая-то, правда?

Анана молча кивнула. Она редко обсуждала очевидные вещи.

— Почему ты побежал за мной?

— Потому что у тебя рог, а ведь только с ним можно выбраться из этого проклятого места. И потом я знаю, что если кто и выживет, так это ты. Мне тоже хочется жить, поэтому я решил держаться к тебе поближе.

— Неужели ты охладел к своему хозяину?

Он криво усмехнулся:

— С некоторых пор Уртона не платит мне деньги. И, похоже, не собирается платить. Босс сулит золотые горы, но я-то знаю, что, вырвавшись из этого мира, он тут же постарается отделаться от меня.

Анана задумалась. Доверять наемному убийце было бы глупо, но его помощь могла пригодиться.

— Я ничего не хочу обещать тебе, — сказала она. — Но если это будет в моих силах, я верну тебя на Землю, Маккей. Возможно, ты сам захочешь остаться в другом мире. Например, в Многоярусном мире Кикахи.

— Мне подойдет любая планета, лишь бы она оказалась поприятнее этой.

— Не торопись с выбором, пока не увидишь лучшее. Тем не менее я даю слово, что позабочусь о тебе. Однако до поры до времени ты должен притвориться, что верно служишь моему дяде.

— И рассказывать тебе о его планах и всяких штучках?

— Конечно.

Может быть, он и не обманывал ее. Но Анана подозревала, что Маккей ведет себя так по указке Уртоны.

К тому времени к ним присоединилась большая группа туземцев. Остальные — в основном мужчины — пытались поймать убежавших мусоидов. Несколько человек погибло. Многие получили ранения.

Животные на другой стороне канала успокоились. Те, кому посчастливилось уцелеть, рассеялись на широкой равнине. Места теперь хватало всем. Птицы слетались на трупы, как мухи на собачье дерьмо.

Анана пошла к каналу, племя последовало за ней. Кто-то радовался небывалому количеству мяса. Кто-то сожалел о том, что всего этого не съесть за два дня — ведь потом мясо испортится и станет горьким. Анана удивилась их внезапной разборчивости. Раньше они не были такими щепетильными и даже не пренебрегали трупами трехдневной давности.

На полпути к каналу Маккей остановился и сказал:

— Сюда едет вождь.

Анана взглянула в сторону горного прохода. По склону спускался Тренн. Его «лось» боялся возвращаться в долину, но вождь следил за животным. Анана с удивлением заметила, что черные тяжелые тучи над побережьем начали расходиться. Гром затихал. Молнии исчезли.

Через минуту на вершине подъема показались еще несколько всадников. Их мусоиды устало бежали трусцой. Когда она подошла к каналу, воины приблизились, и Анана узнала среди них Уртону. Увидев ее, он пустил своего грегга в галоп. Приблизившись, властитель поднял на дыбы покрытое пеной животное, а затем быстро спрыгнул на землю. Мусоид застонал, упал на колени и, повалившись на бок, умер.

На лице Уртоны застыло странное выражение. Он побледнел, и его зеленые глаза расширились.

— Анана! Анана! — закричал он. — Я видел его! Я видел его!

— Что ты видел? — спросила она.

Уртона дрожал от возбуждения.

— Мой дворец! Он там, на море! И он удаляется от берега!

ГЛАВА 15

Если бы Уртона мог попасть во дворец, он бы не возвратился за Ананой.

— Как быстро он движется? — спросила она.

— В автоматическом режиме его скорость равна километру в час.

— Я понимаю, что прошло много времени. Но возможно, ты знаешь, куда он направляется?

Он развел руками в стороны и пожал плечами.

Ситуация казалась безнадежной. Время работало против них. При наличии инструментов они могли бы построить лодку, но и тогда им вряд ли удалось бы догнать дворец. Хотя, возможно, он кружил по морю, каждый раз возвращаясь на одно и то же место.

— Нам и так повезло, что дворец оказался здесь, — сказал Уртона. — Тем не менее он может покинуть море, вылетев через один из проходов. Этот не подходит по ширине, но здесь много других ущелий.

Анана не доверяла объяснениям дяди. Прежде он утверждал, что дворец имел устройства, влиявшие на мутацию ландшафта. Приборы могли расширить любую расщелину до нужных размеров. Но с другой стороны, если бы Уртона знал, что дворец пройдет через этот проход, он не стал бы говорить племяннице о том, что видел его.

На этот раз они упустили шанс догнать дворец. Усилием воли Анана отбросила бесплодные сожаления, однако Уртона был взвинчен до предела. Он беспрерывно говорил о дворце и, наверное, видел его даже во сне. Чтобы еще больше завести дядю, Анана как бы невзначай высказала такую мысль:

— А вдруг Орк находился в это время на берегу? Он мог пробраться в твою обитель. Представляешь? Мы сидим здесь, а он уже проходит через врата в какой-то другой мир.

Светлая кожа Уртоны стала еще белее.

— Нет! Это ему не удастся! Такое просто невозможно! Во-первых, он не посмел бы выйти к побережью во время бури. Во-вторых, он просто не догнал бы дворец. Ему бы пришлось плыть за ним через все море. А в-третьих, он не знает кодового слова, которое открывает двери моей крепости.

Анана расхохоталась.

Уртона нахмурился:

— Ты сказала это, чтобы расстроить меня?

— Да, ты угадал. Но теперь, немного подумав, я убеждена, что Орк мог пробраться во дворец. В слепом отчаянии он не стал бы бояться молний.

В разговор вмешался Маккей:

— Не зная, что дворец находится там, он не пошел бы на риск. А как бы Орк узнал о нем, не оказавшись на побережье? Я думаю, он туда и носа бы не сунул в такую грозу.

— Орк мог увидеть его через проход, — быстро ответила Анана. — И ему хватило одного взгляда.

Сама она не верила в это, но в принципе такая возможность существовала. Оставив дядю наедине с Маккеем, Анана задумчиво отошла в сторону. Рыжий Орк действительно мог попасть во дворец. Ее стремление подразнить Уртону привело к обратному результату: теперь уже тревожилась она.

Через несколько минут буря затихла. Гром перестал греметь, и тучи исчезли, словно их всосало в гигантский пылесос. Шаман и вождь, о чем-то переговорив друг с другом, подошли к Анане.

— Посланница Властителя, у нас появились вопросы, — сказал Тренн. — Мы хотим знать, не возобновится ли гнев Создателя? И можем ли мы отправляться в страну прибрежных земель?

Она побоялась показать им свою неуверенность. Принятая роль требовала от нее осведомленности в планах Властителя. Любая ошибка могла привести к утрате доверия.

— Гнев Властителя прекратился, — сказала она. — Теперь вам не грозят ни молнии, ни гром.

Она знала, что, если буря начнется снова, ей придется бежать.

Однако племя тронулось в путь не сразу. Туземцы ловили разбежавшихся «лосей», собирали разбросанные пожитки, а затем провожали на небесные равнины погибших сородичей. Лишь через два часа караван направился к проходу в горах, и Анана вновь увидела мирные неподвижные деревья. Ее сердце наполнила звонкая радость. Густой лес и открытое море предлагали ей два готовых пути для бегства.

Венды спустились по длинному пологому склону, который заканчивался песчаным пляжем. Вождь повернул влево, и караван последовал за ним. По словам Нарго, через полдня они должны были добраться до места назначения. Их стойбище находилось в пятнадцати минутах ходьбы от берега моря.

— А вы не боитесь, что другие племена тоже пойдут через этот проход? — спросила Анана.

— О-о, мы будем видеть их несколько дней, — ответил юноша. — Они пойдут по берегу моря к своим стойбищам. Нам повезло, что у прохода не оказалось других племен, ведь буря затянулась дольше обычного.

— Вы нападаете на них, когда они проходят мимо вашего поселения?

— Только в том случае, если имеем численное превосходство.

Задав еще несколько вопросов, Анана выяснила туземные правила войны. Обычно племена избегали открытых и затяжных сражений. Боевые действия ограничивались набегами одиночек или небольших групп по трое—пять человек. Вылазки совершались в темный период суток, и в них принимали участие в основном молодые мужчины и женщины.

Похвала и честь доставались тому, кто убивал вражеского воина, но самым великим героем считался тот, кому удавалось выкрасть ребенка и принести его в свое племя для усыновления.

Сам Нарго тоже оказался усыновленным. Его похитили, едва он начал ходить. Нарго ничего не помнил о похищении, но иногда ему снились кошмары, в которых его отрывали от женщины без лица.

Караван приблизился к месту, которое, на взгляд Ананы, ничем не отличалось от любого другого побережья. Однако туземцы, узнав свои владения, громко завопили от радости. Тренн повел их через лес, и вскоре они пришли к холму, который главенствовал над окружающей территорией. На его склонах и вершине лежали бревна — все, что осталось от прошлогодней ограды.

Племя восстанавливало укрепления несколько дней. Мужчины ловили рыбу, женщины и дети собирали орехи, ягоды и фрукты. Люди отъедались и отсыпались после долгого путешествия. Анана начала набирать вес и в конце концов почувствовала себя отдохнувшей. Но вернув утраченные силы, совершенно потеряла покой.

Уртона тоже не находил себе места. Анана часто видела, как он о чем-то говорил с Маккеем. Она догадывалась о теме их бесед, и негр, докладывая ей о планах дяди, лишь подтверждал ее предположения.

— Твой дядя решил подмыть отсюда при первой возможности. Но он не хочет уходить без рога.

— Он собирается забрать его у меня сейчас, или когда мы найдем дворец?

— Уртона говорит, что у нас будет больше шансов на успех, если ты пойдешь с нами. Но он знает, как ты хитра, и боится, что тебе удастся прижать его к ногтю, когда мы найдем дворец. Уртона еще не принял окончательного решения. Однако он хочет уйти как можно быстрее. С каждой минутой дворец улетает все дальше.

Маккей замолчал. Вид у него был такой, словно он что-то жевал, не зная, выплюнуть это или проглотить. Через минуту на его лице появилась улыбка.

— Мне надо кое-что тебе рассказать. — Он замолчал и потер подбородок. — Помнишь, Уртона говорил тебе и Кикахе, что ваши друзья тоже попали в этот мир? Я имею в виду Вольфа и его женщину Хрисеиду. Так вот, он вам лгал. Им удалось бежать. И сейчас они находятся где-то на Земле.

Анана задумалась. Никто его не заставлял рассказывать эти новости. Почему же он это сделал? Возможно, Маккей хотел заверить ее в своей дружбе и таким образом доказывал, что больше не работает на Уртону. А если негр просто выполнял указание дяди? В принципе, Уртона мог извлечь выгоду из этой двойной игры.

В любом случае, она не могла доверять Маккею полностью.

Анана вздохнула. Все властители, включая ее, страдали своеобразной паранойей и часто не могли отличить реальность от надуманных историй. Их тотальное недоверие превращалось в психический недуг.

Она пожала плечами, решив, что будет вести себя так, словно поверила в добрые намерения негра. Выглянув из-за большого дерева, за которым они сидели, Анана тихо шепнула:

— Сюда идет мой дядя, и он разыскивает нас. Если Уртона увидит тебя со мной, это вызовет у него подозрение. Тебе лучше уйти.

Маккей метнулся в гущу кустов.

Наконец Уртона нашел племянницу.

— Привет, дядя, — поздоровалась Анана. — Почему ты не пошел ловить рыбу? Тебя же просил об этом вождь.

— Я сказал, что мне сегодня нельзя ловить рыбу. Дикарь побоялся настаивать, поскольку считает меня одним из посланников Властителя. Хотя, конечно, мой ответ ему не понравился. А где Маккей? Я ищу вас уже целый час.

Анана молча пожала плечами.

— Ладно, обойдемся и без него, — произнес Уртона, присаживаясь рядом с ней на корточки. — С этими дикарями мы потеряли много времени. Нам надо бежать, Анана. Бежать при первой же возможности.

— Нам? — спросила она, поднимая брови. — Ты думаешь, я с тобой куда-нибудь пойду?

Уртона начал сердиться.

— Неужели ты хочешь провести здесь остаток своей жизни?

— Конечно, не хочу. Но сначала мне надо выяснить судьбу Кикахи.

— Неужели этот леблябби так много значит для тебя?

— Да. Только не надо этих ухмылок. Если бы ты когда-нибудь испытывал любовь, тебе бы и в голову не пришло задавать мне такие вопросы.

Он взглянул на нее с недоверием:

— Так ты останешься здесь?

— Я задержусь лишь на время. Если Кикаха жив, он вскоре появится. Я подожду еще несколько дней, а потом отправлюсь искать его кости.

Уртона закусил нижнюю губу.

— Значит, ты не пойдешь с нами? — спросил он.

Анана промолчала, но властитель понял ее без слов.

Говорить было больше не о чем. Уртона поднялся.

— А ты не расскажешь вождю о том, что мы готовим побег?

— Не вижу в этом особого удовольствия, — ответила она. — Вот только... Как мне объяснить им ваш уход? Они считают вас посланцами Властителя, которые прибыли к вендам с особой миссией. Что же я им скажу после вашего трусливого побега?

Ее дядя снова прикусил губу. Он грыз ее уже десять тысяч лет. Она вспомнила, что еще ребенком заметила у него эту дурную привычку. Наконец Уртона улыбнулся:

— Скажешь, что Маккей и я отбыли с секретным поручением, цель которого ты не можешь раскрыть, поскольку это указание Властителя. И если ты скажешь им это, нам даже не придется бежать. Мы уйдем среди бела дня, и они не посмеют нам помешать.

— План хороший, — согласилась Анана. — Но вот только зачем мне все это? Я знаю, что ты сделаешь, если по какой-то случайности найдешь свой дворец. Ты прилетишь сюда и расправишься со мной. У тебя там есть несколько флаеров, и я уверена, что они оснащены прекрасным оружием.

Она попала в точку, и Уртона понял, что притворство ему не поможет.

— Поступай как знаешь, — сказал он. — Так или иначе я уйду от этих дикарей. Ты не посмеешь предупредить вождя о побеге, потому что тогда выплывет наружу твоя ложь. А месть за поруганную веру обычно бывает самой жестокой.

— Я не скажу ни слова, — заверила его Анана. — Но вот это ты не получишь.

Она подняла рог.

Уртона сощурился и поджал губы. Она знала, что дядя не уйдет без рога. Он охотился за инструментом по двум причинам, одна из которых была ей известна. О второй Анана только догадывалась.

Ни один властитель не упустил бы случая завладеть отмычкой, которая могла открыть любые врата вселенной.

К тому же с помощью рога Уртона мог попасть во дворец из каких-то особых мест на этой планете. Вполне возможно,

что врата располагались в огромных камнях, которые встречались на склонах гор. Конечно же, не во всех, а лишь в некоторых. На пути к побережью Анана испробовала инструмент на четырех больших валунах, но ни в одном из них врат не оказалось. Однако они могли находиться в других камнях.

Если ее догадка верна, Уртона тем более не уйдет без рога. Он побоится, что племянница найдет врата и проберется в его дворец.

Анана надеялась, что Уртона сообщит Маккею о дне побега. В деталях плана она не сомневалась: дядя попытается застать ее спящей, чтобы убить и забрать рог. Но предупредит ли ее Маккей? Она не могла рисковать и полагаться на переменчивый нрав наемника.

— Подожди, — окликнула она Уртону. — Я пойду с вами. Так у меня будет больше шансов найти Кикаху. Мне надоело сидеть на этом холме.

Он даже не стал притворяться, что обрадовался ее словам. Уртона почувствовал западню. Будь она и впрямь искренней и правдивой, он все равно заподозрил бы неладное. Но и она теперь старалась понять, сказал ли он ей правду или только малую ее часть.

На красивом лице Уртоны появилась улыбка. В этой тысячелетней и смертельно опасной игре властители нередко использовали хитрости, заведомо обреченные на провал. Обе стороны просчитывали партию на много шагов вперед, и поединки порою напоминали религиозный ритуал.

— Мы сделаем это сегодня ночью, — сказала Анана.

Уртона согласился. Он ушел на поиски Маккея и через пару минут отыскал его у тропы. Негр оказался неподалеку, потому что следил за ними и ждал сигнала Ананы. Переговорив друг с другом около пятнадцати минут, они ушли на берег ловить рыбу. Анана отправилась собирать орехи и ягоды. Вернувшись с двумя полными сумками, она осталась в стане, хотя все женщины снова пошли в лес. Ей удалось незаметно утащить три кожаных меха для воды и отнести их под свой навес. Все остальное она решила раздобыть под покровом «ночи».

Племя пировало и танцевало весь вечер. Шаман пел молитвы о постоянном процветании. Сказитель вспоминал истории о героях прошлых дней. Ближе к «ночи», набив животы, люди начали расходиться по своим навесам. На страже остались четверо дозорных: один — на вершине дерева у самого

моря; второй — на платформе в середине стойбища; и еще двое воинов, которые охраняли тропу на холм.

Уртона, Маккей и Анана объедаться не стали. Уйдя под свои навесы, они наполнили кожаные мешки копченой рыбой, мясом антилопы, фруктами и орехами. Воду в пустые мехи можно было набрать на берегу моря.

Когда над станом повисла тишина, Анана выползла из-под шаткого навеса. Сквозь приглушенный храп людей доносились крики ночных птиц и далекое львиное рычание. Взглянув на платформу, она не заметила там фигуры дозорного. Возможно, он тоже заснул. Полный желудок и дремота — две стороны одной монеты. Вроде хочется сделать доброе дело, а голова уже валится на грудь.

Уртона и Маккей тоже выползли из-под своих навесов. Анана махнула им рукой, потом встала и в «полуночной» мгле направилась к бревенчатой ограде, откуда могла рассмотреть платформу и дозорного. Тот лежал на спине. Очевидно, он решил прилечь на минутку и, сам того не заметив, заснул. А ведь ему полагалось стоять и осматривать окружающий лес, пока его не сменят.

Двое мужчин пробрались в загон, где стояли мусоиды, и без лишнего шума оседлали трех животных. Анана принесла мехи для воды и набитую продовольствием сумку и привязала их к небольшой кожаной полочке позади седла.

— Я хочу забрать свой топор, — шепнула она Уртоне.

Тот недовольно сморщился, но кивнул. Они уже обсуждали этот вопрос. Дядя считал, что о топоре лучше забыть, но Анана настаивала на своем. Пока мужчины вели животных к воротам, она прокралась к большому навесу вождя. Раздвинув сучья, прикрывавшие вход, Анана пролезла внутрь. Под навесом было темно, как в угольной шахте, но громкий храп Тренна, его жены и сына компенсировал отсутствие света и позволял ориентироваться в пространстве. Анана поползла на четвереньках к дальнему углу, наткнулась на женщину, а потом почувствовала под рукой волосатую ногу вождя. Она отшатнулась и стала ощупывать траву рядом с телом. Через несколько секунд ее пальцы коснулись холодного железа.

Анана выползла из-под навеса, сжимая в руке метательный топор. В какой-то миг ей захотелось убить Тренна и отомстить за свое унижение, однако она подавила это желание. Его предсмертный хрип мог разбудить туземцев. Кроме того, она обещала ему простить обиду, которая терзала ее память. И все же... На Анану вновь накатила тоска по крови, которая могла бы смыть позор. Ей опять захотелось убить

своего насильника. Но трезвый рассудок отмел этот нерациональный импульс.

Одностворчатые ворота были сделаны из заостренных жердей, к которым наискось и горизонтально крепились тонкие планки. Вместо запоров для соединения с бревенчатой стеной использовались многочисленные кожаные ремни. Несколько толстых полосок кожи служили замком. Анана развязала их, и двое мужчин тихо отворили ворота.

К счастью, беглецов еще никто не заметил. Однако дозорный мог проснуться в любую минуту. С другой стороны, он мог проспать на платформе всю ночь. В принципе, караульные менялись через два часа. Но в языке племени не существовало такого понятия, как «час», и каждый туземец оценивал время по внутреннему хронометру. Посчитав свой долг исполненным, дозорный обычно спускался на землю и будил человека, которому полагалось его менять.

Когда мусоиды прошли через ворота, беглецы бесшумно закрыли створку и вновь связали ремни замка. Потом все трое вскочили в седла и медленно поехали вниз по склону. «Лоси» фыркали, возмущаясь, что их разбудили посреди ночи. Беглецы остановились за сотню ярдов от того места, где, как они знали, находился первый часовой. Анана спешилась и нырнула в кусты. Прокравшись вдоль тропы, она увидела фигуру юноши, который сидел под деревом. С его губ срывался тихий храп.

Она подошла к нему и оглушила парня обухом. Он упал на бок, и храп его стал намного громче. Анана вернулась назад и сообщила спутникам, что можно продолжать путь. Поравнявшись с юношей, Уртона хотел перерезать ему горло. Однако Анана сказала, что в этом нет необходимости, поскольку тот потерял сознание надолго.

Второй дозорный, отгоняя сон, лениво прохаживался вдоль тропы. Он спускался с холма на пятьдесят шагов, разворачивался и вновь взбирался по двадцатиградусному откосу, напевая себе под нос какую-то песню о героических подвигах Ширкуна.

В ночной тишине его крик могли услышать другие туземцы. Поэтому Анана решила убрать дозорного с дороги. Она выждала момент, когда он повернулся к ней спиной, подбежала к воину и оглушила его обухом топора. Путь к морю был свободен.

Увидев светлую полоску белого песчаного пляжа, беглецы остановились. Последний дозорный сидел на вершине гигантского дерева, которое возвышалось на краю леса.

— Нам не добраться до него, — сказала Анана. — Но он может кричать, сколько хочет. Никто уже не передаст его сообщений дальше.

Они смело поскакали по песку, однако ожидаемого окрика не последовало. Дозорный либо задремал, либо принял их за авангард другого племени, которое спешило добраться до своего стойбища. Впрочем, он мог даже узнать посланцев Властителя. Но кто из туземцев посмел бы задавать им вопросы?

Проехав около мили, они остановили мусоидов, наполнили мехи водой и продолжили бег. Правда, неторопливую рысь «лосей» трудно было назвать бегом. Трое людей погрузились в свои мысли. Маленький отряд молча скакал вперед.

Анана считала, что венды им больше не опасны. К тому времени, когда один из оглушенных воинов придет в себя и поднимет тревогу, беглецы будут уже далеко. Угроза теперь исходила только от Уртоны и Маккея. Дядя не задумываясь убьет ее, чтобы завладеть рогом. Но пока они не найдут дворец, она может не беспокоиться. Без нее Уртоне не выжить в этих местах.

«Рассвет» разбросал по небу первые бледные полосы. Стало светлее, и всадники перешли на легкий галоп. Отряд останавливался только для того, чтобы справить нужду, попить воды и напоить животных. С наступлением «сумерек» они въехали в лес, нашли ложбину, окруженную деревьями, и проспали там большую часть «ночи». Анана несколько раз просыпалась от воя собак и рыка огромных кошек. Однако хищники не смели подходить к людям слишком близко. На «рассвете» отряд двинулся дальше. В «полдень» они выехали на пологий склон, который вел к проходу в горах.

Подстегнув «лося», Анана обогнала спутников на дюжину ярдов и резко развернула мусоида им навстречу, сжимая левой рукой рукоятку ножа. Если бы понадобилось, она могла бросить поводья и выхватить топор. Анана умела метать оружие обеими руками, и ее не смущали копья мужчин и тяжелые боевые бумеранги, торчавшие у них из-за поясов.

— Давайте прощаться, — сказала она. — Я собираюсь перебраться через горный проход и осмотреть долину. Мне надо найти Кикаху.

Уртона открыл рот, словно хотел возразить. Но потом улыбнулся и покачал головой:

— Сомневаюсь, что тебе это удастся. Взгляни туда.

Дядя указал рукой на склон горы.

Анана не собиралась поддаваться на эту уловку. Возможно, он пытался отвлечь ее, чтобы затем напасть. И все же, судя по тому, как расширились глаза Маккея, Уртона действительно увидел что-то достойное внимания. А если они сговорились заранее? Если Маккей только притворяется?

Она еще раз развернула животное и взглянула в сторону горного прохода.

По пологому склону до самого моря тянулась широкая полоса рыжевато-красной травы. Она напоминала тропу, но являлась природным образованием. И теперь на ее фоне четко выделялись крошечные фигурки всадников, выезжавших из прохода. За верховыми воинами следовали женщины, дети и множество гужевых животных.

На побережье спускалось еще одно племя.

ГЛАВА 16

— Пора удирать! — сказал Маккей.

— Успеется, — ответила Анана. — Я хочу посмотреть, нет ли среди них Кикахи. Возможно, они захватили его в плен.

Закусив губу, Уртона взглянул на негра, потом на племянницу. Но судя по всему, он решил, что сейчас не время убивать ее.

— Хорошо, — сказал Уртона. — Что ты собираешься делать? Поедешь к ним и скажешь, что должна проверить их повозки?

— Только без сарказма, дядя, — ответила Анана. — Мы спрячемся в лесу и понаблюдаем за ними.

Она направила грегга к деревьям. Мужчины поскакали за ней. Анана все время старалась держаться от них подальше. Подъехав к холму, с которого открывался вид на тропу, она остановилась. Уртона последовал было за ней, но она велела ему сохранять дистанцию. Он усмехнулся и остановил мусоида на склоне — чуть ниже ее. Какое-то время все трое сидели в седлах. Но потом, устав от долгого ожидания, Анана спешилась, мужчины сделали то же самое.

— Они будут здесь только через час, — сказал Уртона. — А что, если эти дикари повернут направо? Тогда мы окажемся между вендами и этим племенем. И они нас, в конце концов, поймают.

— Если Кикахи среди них не окажется, я подожду, когда они проедут мимо, потом отправлюсь на равнину по ту сторону гор и попробую его отыскать. Ваши намерения меня не волнуют. Можете уезжать прямо сейчас.

Маккей усмехнулся. Уртона заворчал. Все трое понимали, что, пока рог у Ананы, они неразлучны.

Гревигги хватали зубами кусты и побеги деревьев, жадно выдергивали их из земли и набивали пустые урчавшие желудки. Над животными и людьми роились большие зеленые мухи. Их было не так много, как на равнине, но и они умудрялись доводить Анану и двух мужчин до белого каления. В отличие от аборигенов беглецы по-прежнему реагировали на укусы насекомых. Они крутили головами, пожимали плечами, отмахивались и находились в непрерывном движении.

Внезапно стайка маленьких птах освободила их от этой напасти. Белогрудые голубые птицы, с широкими, почти утиными клювами, закружили вокруг, хватая насекомых на лету. Во время фантастических пируэтов и виражей они чудом не сталкивались с людьми и животными. Несколько раз их крылья касались лица Ананы. Через две минуты уцелевшие мухи куда-то умчались.

— Хорошо, что я придумал этих птиц, — проворчал Уртона. — Но если бы я знал, что окажусь в такой ситуации, мне бы и в голову не пришло создавать насекомых.

— Властитель мух, — хихикнула Анана. — И имя тебе Веельзебуб.

— Ты это о чем? — с удивлением спросил Уртона. Его лицо скривила усмешка. — Да-да, теперь я вспомнил.

Анана решила подняться на дерево, откуда тропа просматривалась как на ладони. Однако ей не хотелось предоставлять мужчинам какие-то преимущества. Уртона мог забрать ее грегга, и она осталась бы без средства передвижения. К тому же при спуске она оказалась бы беззащитной, и ее дядя наверняка не упустил бы такой шанс.

Наконец на тропе появилась первая группа верховых воинов. Анана так надеялась увидеть Кикаху, что буквально извелась от долгого ожидания. Она пристально рассматривала лица смуглых мужчин в оперенных головных уборах. Оружием и одеждой они ничем не отличались от вендов. На груди каждого воина болтались двойные ожерелья из верхних фаланг человеческих пальцев. Один из всадников держал поднятый шест с насаженным на него львиным черепом. Судя по отсутствию других штандартов, он и был вождем этого племени.

Тем не менее воины отличались от вендов более темной кожей, скуластыми широкими лицами и крупными крючковатыми носами. Их глаза имели слегка монгольский разрез.

Они во многом походили на американских индейцев, и если бы вождя одели в другую одежду и посадили на лошадь, он вполне сошел бы за Сидящего Буйвола.

Воины проскакали мимо, и за ними, в сопровождении вооруженного эскорта, потянулась цепочка каравана. Женщины и дети погоняли гужевых мусоидов, которые тащили тяжелые волокуши. Единственной одеждой женщин были длинные кожаные юбки, края которых доходили до лодыжек. Местные красавицы собирали черные волосы в высокие узлы на макушках. Многие носили ожерелья из раковин. У некоторых в корзинах, привязанных к спинам, сидели маленькие дети.

Внезапно Анана тихо вскрикнула, заметив светлокожего, высокого и ярко-рыжего мужчину, который ехал на грегге. Увидев его, она почувствовала, как ее сердце вздрогнуло.

— Это не Кикаха! — успокоил Анану Уртона. — Они взяли в плен Рыжего Орка!

От разочарования ей стало дурно.

Увидев расстроенное лицо племянницы, Уртона удовлетворенно рассмеялся. И тогда Анана решила убить его при первой же возможности. Если он получал наслаждение от страданий других людей, то ему недолго осталось жить на белом свете.

Однако через минуту Анана упрекнула себя за этот чисто эмоциональный импульс. Она нуждалась в нем так же, как он нуждался в ней. И все же она надеялась, что однажды настанет момент, когда он ей не будет нужен.

— Успокойся, милая, — сказал Уртона. — Это всего лишь мой брат и твой дядя под собственным соусом. Что-то у него сегодня удрученный вид. Ты не знаешь, что с ним сделают дикари? Наверное, будут пытать. Я бы с радостью пошел за ними и посмотрел на этот спектакль.

— Он не связан, — воскликнул Маккей. — Возможно, его, как и нас, приняли в племя.

Уртона пожал плечами:

— Жаль, конечно, но что тут поделаешь. В любом случае ему там не сладко. Он может провести с этими ублюдками всю оставшуюся жизнь. И мне даже начинает нравиться такое наказание — боль не очень сильна, зато ей не видно конца.

— Теперь мы знаем, что Кикахи с ними нет, — сказал Маккей. — Что будем делать дальше?

— Мы еще не видели их всех, — ответила Анана. — Возможно...

— Вряд ли одному племени удалось схватить их обоих, — нетерпеливо произнес Уртона. — Нам надо спешить, Анана. Если мы срежем угол через лес, то оставим их далеко позади.

— Я подожду, — ответила она.

Уртона возмущенно фыркнул и плюнул на землю.

— Меня тошнит от твоей болезненной страсти к леблябиям.

Анана даже не потрудилась ответить. Однако вскоре караван проехал мимо, и она печально вздохнула.

— Теперь ты готова идти? — с усмешкой спросил Уртона.

Она кивнула и, помолчав, задумчиво добавила:

— А ведь Орк может знать, где искать Кикаху.

— Что? Но ты же не хочешь... Анана, не сходи с ума!

— Я собираюсь пойти за ними и вытащить Орка из беды.

— И все это только из-за того, что он может что-то знать о твоем чертовом леблябии?

— Да!

Покрасневшее лицо Уртоны исказилось от ярости. Анана догадывалась, что помимо крушения надежд он испытывал сейчас страх и отвращение. Властитель не понимал ее любви. Он не понимал, как можно любить обычного землянина — потомка существ, выращенных в лабораториях. То, что его племянница связалась с таким ничтожеством, как Кикаха, наполняло его ужасом и отвращением. Уртону не пугал отказ Ананы следовать за ним, и он не боялся неожиданной атаки. Нет, его терзало предчувствие, что и он, возможно, будет совращен какой-то смазливой лебляббией. Анана знала, почему его пугала эта непонятная любовь. Он боялся самого себя.

Впрочем, в своих рассуждениях она часто доходила до абсурда. Надо же! Уртона и любовь...

Какие бы чувства ни бушевали в груди ее дяди, он, видимо, совсем лишился рассудка. Его лицо превратилось в багровую маску гнева. В глазах появилось что-то хищное, тигриное. Он взревел и бросился на племянницу, сжимая древко копья с отточенным кремневым наконечником.

Уртону отделяло от Ананы десять шагов. Но он упал, не одолев и пяти. Копье выпало из рук. Властитель повалился спиной в густую траву. Из его солнечного сплетения торчала рукоятка топора. В тот же миг Анана выхватила нож. Маккей застыл на месте, неуклюже переминаясь с ноги на ногу. Она по-прежнему не могла понять, на чьей же он стороне.

Судя по всему, его потрясла не столько сама стычка, сколько та быстрота, с которой она началась и закончилась.

Кому бы он ни симпатизировал поначалу, теперь его жизнь целиком зависела от Ананы. Конечно, Маккей мог бы найти дворец и без ее помощи. Но он не сумел бы пробраться внутрь. И даже чудом попав туда, он все равно остался бы на этой планете, потому что не знал, как активировать врата.

Увидев испуг на его лице, Анана поняла, что негр над этим еще не задумывался. Пока он гадал, убьет она его или оставит в живых.

— Я думаю, мы с тобой заодно, — сказала она. — Во всяком случае, цель у нас одна и та же.

Он начал успокаиваться, но за минуту до этого его кожа казалась голубовато-серой.

Анана подошла к дяде и вырвала топор из его груди. Лезвие вошло неглубоко, и из раны потекла кровь. Рот Уртоны открылся, глаза остекленели, кожа стала бледно-серой. Однако он еще дышал.

— Конец долгих и неприятных отношений, — констатировала Анана, вытирая лезвие о траву. — И все же...

— Что? — шепотом спросил Маккей.

— В детстве я очень любила его. Тогда он был совсем другим — добрым и милым. Мы все тогда были другими. Кто же знал, что долголетие, солипсизм и скука превратят нас в бездушных чудовищ. Мы обладали такими силами, которых вы, земляне, даже представить себе не можете...

Ее голос утих, словно погрузился в невообразимо далекое прошлое.

Маккей по-прежнему старался не делать лишних движений.

— А что будет с ним? — спросил он, указывая на неподвижную фигуру.

Анана посмотрела вниз. Рой мух кружил над Уртоной и покрывал его рану зеленой жужжащей массой. Через какое-то время запах свежей крови привлечет сюда хищников, и тело ее дяди растерзают на части. Возможно, тогда он будет еще жив.

Ей вспомнились вечера на их родной планете, когда Уртона подбрасывал ее в воздух, целовал в пухлые щечки или приносил подарки. В те дни он только приступал к созданию своего первого мира. И вот владыку нескольких вселенных постиг такой жалкий конец... Он лежал на спине, его кровью питались насекомые, а где-то рядом уже крутилась стая собак, готовых вонзить в умиравшую плоть клыки и когти.

— Может быть, лучше прекратить его страдания? — спросил Маккей.

— Пока он жив, у него есть надежда, — сказала она. — И у меня нет желания резать ему горло. Я оставлю рядом с ним оружие и грегга. Если у него хватит воли и сил, он сможет воспользоваться ими. Возможно, я потом пожалею об этом, но сейчас...

— Он мне тоже не нравится, — сказал Маккей. — И все же, на мой взгляд, нехорошо подвергать его таким мучениям.

— И это говорит человек, убивавший людей за деньги? — спросила она. — Скольких ты погубил, чтобы получить свое вознаграждение?

Маккей покачал головой:

— Все это осталось в прошлом. На Земле у жизни другая цена. Но даже там я не находил смысла в жестокости.

— Мы люди, и нами обычно управляют эмоции, а не разум, — сказала она. — Поехали. Нам пора.

Анана прошла мимо Маккея, намеренно подставляя себя. Она сомневалась, что он нападет на нее, и Маккей действительно отступил на шаг, словно боялся ненароком прикоснуться к властительнице.

Они сели в седла, проскакали через лес к побережью и, срезав угол, обогнали караван на целую милю. Анана ни разу не оглянулась.

Выехав из леса, они увидели на берегу только птиц, лисиц и амфибий, которые поедали мелких рыб, выброшенных на берег. Оба «лося» фыркали и раздували бока. Долгий путь без сна и пищи лишил их сил.

Они напоили животных и позволили им общипать несколько кустов.

— Надо вернуться в лес, — сказала Анана. — Оставим мусоидов на какой-нибудь поляне, а сами спрячемся за деревьями у пляжа. В какую бы сторону они ни свернули, мы пропустим их и поедем следом на безопасном расстоянии.

С приходом «сумерек» племя выехало на морской пляж. Люди с радостными криками вбегали в волны, ныряли, плескались и веселились. Потом мужчины начали ловить копьями рыбу, а чуть позже племя устроило большой пир.

Когда наступила «ночь», дикари углубились в лес неподалеку от того места, где спрятались Анана и Маккей. Те предусмотрительно отошли подальше в чащу. Увидев, что туземцы укладываются спать, Анана немного успокоилась. Вряд ли племя стало бы разбивать здесь постоянный лагерь, но до «рассвета» их караван будет оставаться под защитой леса. Берег моря таил в ночное время большую угрозу — там могли проходить другие племена.

Не сомневаясь в добрых намерениях своего спутника, Анана, тем не менее, выбрала для сна такое место, где ее бы никто не нашел. Вернее, Маккей мог бы найти ее при большом желании, но, чтобы добраться до нее, ему пришлось бы залезть на дерево. Срубив несколько ветвей, она уложила их на два больших сука и устроила себе уютное гнездышко.

Как и во все прошлые «ночи», поспать спокойно ей не удалось. Анану пугали крики животных и птиц. Дважды она просыпалась в холодном поту от кошмаров.

Сначала ей приснился дядя — голый и истекающий кровью. Стоя над ней, он протягивал к ее горлу скрюченные пальцы, и из раны на его груди вылетали большие зеленые мухи. Застонав от ужаса, Анана проснулась.

А потом ей приснился Кикаха. Она брела по мрачной менявшейся равнине этого мира. Взглянув на затопленную низину, Анана увидела его побелевший труп. Зарыдав, она склонилась над ним, и Кикаха открыл глаза. Он вскочил и с усмешкой закричал: «Пошутил! Пошутил!» Кикаха все время ускользал от нее, а она бежала за ним и просила остановиться. Потом они мчались на коне, но вороной жеребец под ними не скакал, а прыгал, как кенгуру. Проснувшись, Анана поймала себя на том, что по-прежнему двигала бедрами вперед и назад. Все внутри ее звенело от радости.

И она даже всплакнула, пожалев о том, что это только сон, а не явь.

Маккей спал там, где она его оставила. Стреноженные «лоси» объели все кусты на поляне. Анана склонилась над негром и коснулась его плеча. Он вынырнул из сна, как форель за стрекозой.

— Никогда больше не делай этого! — сказал он, нахмурив брови.

— Хорошо. Сейчас мы позавтракаем, а потом проведаем племя. Ты не слышал каких-нибудь криков или голосов? Возможно, они уже поднялись.

— Когда я сплю, то ничего не слышу, — угрюмо ответил Маккей.

Подкравшись к большой поляне, на которой вчера располагалась стоянка туземцев, они нашли лишь кал «лосей» да обглоданные кости. А когда оба всадника выехали на белый песок, то увидели справа от себя крохотные фигурки последних рядов каравана.

Подождав, пока племя не скрылось из виду, Анана и Маккей поскакали следом. Через некоторое время они подъехали к реке, бравшей начало в море. Она впадала в канал,

в который смыло волной Кикаху. Русло тянулось к горному проходу, и над водой все выше и выше вздымались крутые берега.

Анана и Маккей подогнали мусоидов к реке и переправились через нее. Добравшись до другого берега, они подплыли ближе к морю, выбрались и под уздцы вытянули «лосей» на песок. Далеко впереди виднелась цепочка каравана.

Анана оглядела пологий склон горы.

— Я хочу подняться к проходу и осмотреть равнину. Может быть, он там.

— Если Кикаха идет по следу вендов, его там не будет, — отозвался Маккей. — Скорее всего, он уже где-то на побережье.

— Я тоже так думаю. Но мне почему-то хочется подняться туда.

Анана направила мусоида вверх по склону и, проехав полпути, оглянулась. Маккей сидел на неподвижном грегге. Когда она оглянулась во второй раз, он медленно следовал за ней.

Оказавшись наверху, Анана остановила мусоида и осмотрела равнину. Ландшафт претерпел значительные изменения. Канал по-прежнему окружали относительно плоские участки земли, но через сто футов от каждого берега они резко обрывались вниз. Русло теперь пролегало по вершине хребта, по обеим сторонам которого зияли глубокие впадины. Каждая из них была с милю шириной. Вдоль краев громоздились горы всех размеров и форм. Одна из грибовидных вершин начала крошиться. По крутому склону покатились и запрыгали огромные глыбы. Некоторые из них, достигнув подножия, падали в ложбину.

Там, внизу, вдоль канала бежали несколько антилоп. Когда с грибовидной горы начали срываться комья земли, они помчались изо всех сил, но последним двум животным не повезло.

По другую сторону прохода тянулся пологий склон, рассеченный вдоль широким руслом. Неподалеку от Ананы белела куча больших и малых костей, которая ровной полосой тянулась вдоль всего пути к подножию горы.

Еще раз осмотрев этот дикий край, Анана тихо позвала:

— Кикаха, милый!

Она по-прежнему не могла поверить в его смерть.

Развернув мусоида, Анана махнула Маккею рукой, чтобы он остановился. Тот так и сделал, и она поскакала к нему. Внезапно земля задрожала. Грегг замер на месте как вко-

панный. Несмотря на все понукания, животное упрямо отказывалось идти вперед. Анана спешилась и попыталась повести его под уздцы. Однако «лось» упирался передними ногами. Взобравшись в седло, Анана решила немного подождать.

Склон горы, быстро меняя форму, оседал со скоростью около одного фута в минуту. Канал начал сужаться. Берега двинулись друг другу навстречу, дно поднялось, и вода полилась через края.

От земли поднимался жар.

Маккей сражался со своим «лосем». Мусоид стоял на месте и, терпеливо перенося удары древком, отказывался подчиняться испуганному седоку.

Анана обернулась и посмотрела через проход на равнину Хребет, по которому пролегал канал, постепенно перерастал в горный кряж. Вершины пиков только намечались, однако Анана догадывалась, что процесс мутаций будет продолжаться, и вскоре они превратятся в гигантскую горную цепь. Животные в панике мчались по склонам, надеясь найти спасение в глубокой лощине.

Тем не менее две горы, между которыми располагался проход, оставались неподвижными.

Анана вздохнула. Набравшись терпения, она сидела и ждала окончания метаморфоз. По-видимому, грегг бывал уже в таких переделках и знал, как надо вести себя во время цикла мутаций.

Она чувствовала себя так, словно находилась в кабине лифта, который медленно спускался в жерло вулкана. Температура возрастала. Создавалась иллюзия, что горы перед ней поднимались вверх.

Изменения длились час. Канал исчез. Горная гряда, достигнув максимальной высоты, быстро оседала. Впадины выравнивались, и за проходом к побережью вновь простиралась широкая равнина. Животные, уцелевшие во время мутаций почвы, мирно пощипывали траву, и хищники крадучись подползали к мясу на копытах. Все пошло своим чередом.

Анана щелкнула языком, и грегг побежал к морю. Подождав ее, Маккей двинулся следом. Он не стал задавать лишних вопросов. Негр знал, что если бы она увидела Кикаху, то сказала бы об этом. Он покачал головой и проворчал:

— Сумасшедшая страна!

— Мы потеряли больше часа, — отозвалась Анана. — Однако я думаю, нам не стоит подгонять наших гревиггов. Они еще не совсем восстановили силы, поэтому их лучше поберечь.

Мы найдем туземцев, когда стемнеет. Ночью они обязательно станут лагерем...

— И заберутся подальше в лес, — добавил негр. — Если мы проедем мимо них, утром они сядут нам на хвост.

Через три часа после того, как на небе потемнели светлые полосы, Анана увидела впереди неясный силуэт человеческой фигуры. Издав тихий горловой звук, она придержала грегга и быстро отъехала назад на добрую сотню ярдов. Обсудив с Маккеем ситуацию, Анана сказала, что возьмет дозорных на себя. Негр нахмурился, но она велела ему оставаться с «лосями».

— Надеюсь, ты уберешь охрану бесшумно, — сказал он. — Что мне делать, если кто-нибудь из них закричит?

— Подожди и посмотри, услышат его или нет. Если туземцы поднимут тревогу, хватай поводья моего грегга и скачи ко мне, как дьявол. Мы умчимся туда, откуда приехали. Скорее всего, племя расположилось в лесу, а на пляже оставили только одного или двух дозорных. Впрочем, я постараюсь не шуметь.

— Ты босс, тебе и решать, — сказал Маккей. — Удачи.

Прокравшись в лес, Анана быстро перебегала через поляны и осторожно прокладывала путь среди густых кустов. Вскоре она оказалась напротив дозорного — низенького коренастого мужчины, который что-то напевал себе под нос. В тусклом свете «ночи» она не могла разглядеть черт его лица, но заметила копье с кремневым наконечником и торчавший из-за пояса бумеранг. Воин медленно вышагивал взад и вперед, делая по двадцать шагов в каждую сторону.

Анана осмотрела пляж, но других караульных не обнаружила. Она не сомневалась, что дозорных как минимум двое и второй, очевидно, прятался где-то в зарослях у кромки леса.

Она подождала, пока мужчина не прошел мимо нее в сторону Маккея. Обогнув высокий куст, Анана метнулась к нему. Мягкий песок приглушал шаги. А затем обух топора опустился на голову воина, и тот, хрюкнув, упал на живот. Она прислушалась — тихо, шум упавшего тела не привлек внимания второго дозорного. Анана перевернула туземца на спину, склонилась над ним и, рассмотрев лицо, прошептала проклятие.

Это был Обран — воин из племени вендов.

Удар надолго лишил его чувств, и, уверившись в этом, Анана торопливо вернулась к Маккею, который сидел в седле и держал в руке поводья ее мусоида.

— О Господи! — воскликнул негр. — Ты меня напугала. Я не ждал тебя так быстро. Мне показалось, что это идет один из туземцев.

— Плохие новости. Здесь люди Тренна. Они пришли сюда, чтобы отыскать нас и отомстить за поруганную веру.

— Что за черт! Как же они оказались впереди нас? И почему их не увидели дикари из другого племени?

— Не знаю. Возможно, венды заметили караван первыми и, пользуясь возможностью, решили выкрасть нескольких детей. Но в таком случае они бы не устраивали здесь ночевки. Они крались бы теперь к стоянке своих врагов.

Скорее всего, дело обстояло так: после нашего бегства они устроили большой совет, а затем целый день взвинчивали свою ярость плясками и песнями. Каким-то образом венды оказались впереди. Возможно, они проскакали мимо, пока мы поднимались к проходу. Следы каравана ввели их в заблуждение, и туземцы не заметили нас. В конечном счете они теперь здесь, и нам надо побыстрее убираться. Подведи гревиггов к Обрану и убедись, что он еще не очнулся. Я пойду вперед и побеспокоюсь о других дозорных.

Вернувшись через пятнадцать минут, Анана взобралась в седло, и спутники медленно проехали мимо еще одного мужчины, лежавшего на песке. Ночная мгла окрашивала пляж в багровые тона. В чаще леса спали уставшие венды. А Анана и Маккей скакали во весь опор по берегу моря. Через десять минут они снова перешли на рысь.

Заметив темный силуэт, Анана остановилась и тихо спрыгнула на землю. Не прошло и получаса, как она свалила с ног еще трех туземцев, стоявших в дозоре у кромки леса.

Подавая ей поводья, Маккей покачал головой и пробормотал:

— Да, леди, ты меня удивляешь все больше и больше!

В первые дни их путешествия Маккей относился к ней с легким презрением. Он привык считать женщин слабой половиной человеческого рода, и Анана поначалу находила его надменность довольно странной. Она не ожидала такого предвзятого отношения от человека, чья раса из-за подобных предрассудков подвергалась репрессиям вплоть до 1970 года. Очевидно, он жил в окружении людей, которые воспринимали враждебность к женщинам как одно из свидетельств твердого характера. И, наверное, поэтому Маккей видел в женщине только рабское существо, годное лишь для утех и эксплуатации.

Анана не только потрясла его амбиции, но и заставила относиться к себе с должным уважением. Хотя он оправдывал это тем, что она неземная женщина.

Подъехав к последнему оглушенному дозорному, они привязали мусоидов к кустам, где животные могли утолить голод сочной и зеленой листвой. Прокравшись ползком в лесную чащу, Анана и Маккей наткнулись на спавших туземцев. К счастью, это племя не имело собак, иначе те предупредили бы людей о приближении незнакомцев. Взглянув на худые изможденные тела туземцев, Анана решила, что они съели своих собак во время долгого и трудного путешествия к побережью.

Медленно переползая от одного человека к другому, Анана и Маккей осматривали лица спавших туземцев. Внезапно в нескольких шагах от них седая женщина села и вытянула перед собой дрожащую руку. Оба лазутчика застыли на месте, не зная, что предпринять. Почмокав губами, женщина повалилась на спину и тут же захрапела. А еще через несколько минут они нашли Рыжего Орка. Он лежал на боку, окруженный пятью мужчинами, которые спали мертвецким сном. Его руки были связаны за спиной. На ногах виднелись кожаные путы.

Анана накрыла ладонью рот дяди, и Маккей взвалил тело властителя себе на плечи. Рыжий Орк начал извиваться и дергаться, вырываясь из крепких объятий, и ему почти удалось сползти на землю.

— Тихо, дядя! — шепнула Анана на его родном языке.

Орк притих. Заметив, что он дрожит, Анана добавила:

— Мы здесь для того, чтобы освободить тебя.

Она убрала ладонь и разрезала кожаные путы. Маккей поставил властителя на ноги. Орк быстро осмотрелся, перешагнул через спавшего воина и взял его копье. Все трое, сохраняя предельную осторожность, выбрались из лагеря и подошли к расседланному греггу. Анана повела животное к берегу. Орк прихватил седло и упряжь, а Маккей прикрывал тыл. Пробираясь к мусоидам, оставленным у кустов, Анана в двух словах рассказала Орку о том, что произошло.

Выбравшись из лесного полумрака, она взглянула на дядю и покачала головой. Его лицо и тело покрывали синяки и ссадины.

— Они били меня весь первый день, — прошептал он разбитыми губами. — Меня избивали все — даже женщины и дети. А потом, когда дикарям казалось, что я не так быстр и ловок, как им того хотелось, они колотили меня палками,

словно цепного пса. С каким удовольствием я вернулся бы сейчас обратно и перерезал им всем глотки.

— Можешь делать, что хочешь, — сказала она. — Но сначала скажи: ты видел Кикаху? Возможно, ты что-нибудь слышал о нем?

— Нет, мне он на глаза не попадался, и если эти дикари что-то говорили о нем, я не понимал ни слова на их собачьем языке. За все время мне удалось выучить не больше дюжины слов.

— Просто ты не хотел их учить, — проворчала она.

В принципе, Анана ничего другого и не ожидала, но на душе у нее стало еще тоскливее.

Рыжий Орк склонился над оглушенным дозорным и, сдавив пальцами его горло, задушил беспомощного воина. Дрожа и задыхаясь от ярости, он поднялся с колен.

— Вот так! Это им от меня!

Его поступок вызвал у Ананы отвращение, однако она не произнесла ни слова. Как только Рыжий Орк оседлал животное и взобрался на него, она поскакала вперед. Около десяти минут они медленно удалялись от лагеря туземцев. Затем отряд перешел на галоп, а еще через пять минут Анана замедлила бег, и остальные последовали ее примеру.

Орк поравнялся с ней и спросил:

— Зачем ты освободила меня? Неужели только для того, чтобы расспросить о своем леблябби?

— Да, только для этого, — ответила она.

— Все равно я благодарен тебе за свободу... и за то, что ты не убила меня после расспросов о Кикахе. Но больше всего я благодарен тебе за смерть Уртоны. Да-да, благодарен, хотя ты сделала это не ради меня, а по собственным мотивам. Однако, девочка, ты должна была добить этого ублюдка. Он может выжить! Это крепкий и сильный стервец...

Анана выхватила из-за пояса топор и ударила Орка обухом по голове. Тот свалился с грегга и рухнул на песок.

— Зачем... — удивленно вскричал Маккей.

— Я ему не доверяю, — сказала она. — Мы вырвали его из рук туземцев, и теперь наши пути должны разойтись.

Орк застонал и попытался подняться. Ему удалось лишь сесть. Опираясь на локоть, он ощупал разбитую голову.

— Возьми его грегга с собой, — велела Анана Маккею.

Она пустила мусоида в галоп, а затем, немного успокоившись, перешла на рысь. Чуть позже ее догнал Маккей. В одной руке он держал поводья третьего «лося».

— Как ты удержалась, чтобы не убить его?

— Пару лет назад я бы так и сделала. Но теперь, когда Кикаха научил меня доброте, я стала такой же, как и все люди.

— Мне очень неловко видеть, как ты тоскуешь о нем, — сказал Маккей, и они надолго замолчали.

Анана решила отправиться на поиски Кикахи. Она хотела объехать вокруг моря и отыскать дворец Уртоны. Если бы ей удалось пробраться в него, она могла бы воспользоваться летательным аппаратом, который венды назвали «шелбеттом». Без него на поиски Кикахи ушло бы несколько лет. Но ее план погони за блуждающим дворцом казался почти безнадежным делом. Как-то раз Кикаха сказал, что «проще цыпленку отрубить голову, чем им найти берлогу Уртоны».

Ну и пусть! А чем еще здесь заниматься, кроме поисков?

Какое-то время они вели гревиггов по мелководью. Отъехав от берега к лесу, Анана нарубила ветвей и замела оставшиеся на песке следы. Остаток ночи они проспали на вершине холма в лесной чащобе.

Утром гревигги повели себя злобно и агрессивно. Они устали и проголодались. Когда Маккей попытался их оседлать, мусоиды начали брыкаться, и Анана в конце концов решила дать им отдохнуть. Добрую часть дня животные объедали ветви ближайших кустов, а два их владельца по очереди наблюдали за окрестностями с вершины высокого дерева. Анана ожидала, что туземцы бросятся в погоню с раннего утра. Однако первая группа из двадцати воинов появилась только во второй половине «дня».

Она позвала Маккея и велела приготовить гревиггов. Как бы ни отнеслись к этому «лоси», людям пора было отправляться в путь.

Только теперь Анана поняла, что на мелководье следовало выехать сразу у лагеря туземцев. Если бы дикари не знали, в каком направлении начинать погоню, они могли бы отказаться от мести. В который раз за десять тысячелетий Анана промедлила с мерами предосторожности, и ей опять приходилось с риском для жизни исправлять свою ошибку.

Воины проехали мимо того места, где беглецы забрались в лес. Проскакав еще двести ярдов, их группа остановилась, и между двумя туземцами разгорелся спор. Один из них держал в руке шест, увенчанный львиным черепом, грозно размахивал им и указывал туда, откуда приехал их отряд. Очевидно, его слова убедили воинов. Они развернули гревиггов и рысью направились в лагерь.

Нет, не в лагерь. Анана увидела первые волокуши длинного каравана. Он медленно приближался, и воины скакали ему навстречу. Затем все племя собралось на берегу, и дикари устроили совет. Наконец караван двинулся дальше

Когда Анана рассказала Маккею о том, что увидела, тот выругался и предложил:

— Давай останемся здесь и подождем, пока они не проедут мимо.

— Спешить нам, конечно, некуда, — ответила она. — Но мы не будем дожидаться. Если поедем напрямик через лес, то опередим их на пару миль.

Это была теория, а на практике все получилось по-другому. Выехав из леса, Анана и Маккей едва не наскочили на двух всадников. Молодых воинов, видимо, выслали вперед на разведку. А возможно, юношам захотелось прокатиться с ветерком, и они мчались по берегу наперегонки. Увидев чужаков, туземцы повернули назад, чтобы позвать подкрепление.

Анана не видела караван, однако полагала, что он находится неподалеку, за изгибом берега. В любом случае она и Маккей опередили туземцев по меньшей мере на двадцать минут.

Им оставалось только пришпорить уставших животных. Какое-то время они скакали изо всех сил, затем перешли на рысь, а потом снова увеличили темп. До наступления «сумерек» Анана и Маккей лишь два раза делали короткие остановки. «Ночь» они провели в лесу, сменяя друг друга на вахте. «Утром» животные подчинились людям с явной неохотой. Тем не менее, сломив их сопротивление ударами палки, Маккей оседлал «лосей», и путешественники отправились дальше. Однако изможденный вид мусоидов убедил Анану в том, что животные не выдержат и дня такой гонки.

К «полудню» они увидели своих преследователей. Те упорно приближались, но вскоре их фигуры начали таять в сгущавшихся «сумерках».

— Бедные животные! — воскликнула Анана. — Еще одна такая пробежка, и они свалятся. Думаю, скоро мы их потеряем.

— Давай бросим «лосей» и скроемся в лесу, — предложил Маккей.

Она тоже подумывала над этим. Но туземцы, как и их земные собратья, умели читать следы. Рано или поздно они поймали бы беглецов.

— Ты хорошо плаваешь? — спросила она.

Маккей удивленно заморгал и ткнул пальцем в сторону моря:

— Ты считаешь, что лучше... так?

— Вряд ли туземцы плавают лучше нас.

— Но ты же не знаешь этого наверняка. Конечно, я могу поплавать, однако на целый день меня не хватит. К тому же там могут водиться акулы или другие твари, похожие на них.

— Ладно, будем ехать, пока животные не упадут. Если туземцы нас догонят, поплывем. По крайней мере я точно поплыву. Побережье в этом месте изгибается дугой. Отплывем подальше, а потом вернемся к берегу, когда караван уйдет вперед на несколько миль.

— Я на это не подписываюсь, — сказал Маккей. — Давай лучше спрячемся в лесу.

— Поступай как хочешь.

Анана вытащила рог из седельной сумки и перекинула через плечо заранее привязанный ремень. Инструмент весил немного и почти не мешал двигаться.

К «утру» отряд воинов приблизился настолько, что Анане и Маккею снова пришлось пустить «лосей» в галоп. Истощенные мусоиды не могли сравниться в скорости с холеными гревиггами дикарей, и вскоре стало ясно, что через несколько минут преследователи поравняются с ними.

— Спрыгивай скорее! — закричала Анана. — Спрыгивай, пока они не упали, или ты сломаешь себе шею!

Она натянула поводья. Мусоид, задыхаясь и роняя пену, перешел на легкую рысь. Анана выпрыгнула из седла, упала и тут же вскочила на ноги. Мягкий песок смягчил падение. Через несколько секунд к ней присоединился Маккей.

— Что дальше? — закричал он, вытирая с лица налипший песок.

Отряд воинов находился всего в сотне ярдах, и расстояние это быстро сокращалось. Увидев, что враги спешились, туземцы радостно завопили. Часть отряда поскакала к лесу, чтобы отрезать беглецам путь к деревьям. Анана бросилась в волны и, зайдя в воду по пояс, быстро сняла ботинки и порванные брюки. Маккей не отставал от нее ни на шаг.

— Ты же говорил, что спрячешься в лесу.

— Я передумал. Мне будет скучно без тебя.

Они поплыли, делая длинные размеренные гребки. Анана оглянулась и увидела преследователей, столпившихся на берегу и вопящих от ярости и бессилия. Некоторые бросали им вслед бумеранги и копья, но оружие уже не долетало до беглецов.

— Смотри-ка, а ведь ты угадала, — сказал Маккей, когда они поплыли по-собачьи. — Туземцы боятся глубины. Или знают, как опасны эти воды. Помнишь, я говорил тебе про акул...

Анана плыла, направляясь к горизонту. Бросив через плечо случайный взгляд, она вдруг вскрикнула и остановилась.

Они отплыли от берега уже довольно далеко Но если этот рыжеволосый мужчина, нападавший на туземцев, не был Кикахой, то она просто сошла с ума. Рыжий Орк не отважился бы на такой безумный поступок.

А потом Анана увидела еще один большой отряд, выезжавший из леса. Туземцы скакали за Кикахой, но она не знала, погоня это или дружеская помощь.

Впрочем, Кикаха не настолько импульсивен, чтобы напасть в одиночку на двадцать воинов. И все же Анану терзали сомнения. А вдруг он тоже убежал из плена и теперь по воле случая нарвался на их преследователей. Как в той истории, где в воде крокодил, а в зарослях голодный тигр... Что бы там ни случилось, она должна ему помочь.

Анана повернула к берегу.

ГЛАВА 17

Выезжая из леса, Кикаха ожидал увидеть преследователей Ананы далеко впереди. Но, к его удивлению, они оказались всего в какой-то сотне ярдах. Многие из них, спрыгнув с «лосей», стояли у самой воды и громко кричали, указывая в море.

Осмотревшись по сторонам, он не заметил ни Ананы, ни Маккея.

Здравый смысл требовал развернуться и скрыться в противоположном направлении. Однако туземцы, в которых он тут же узнал индейцев, не зря толпились на берегу. Очевидно, жертвы ускользнули от них в море. И хотя Кикаха не видел Маккея и Ананы, те находились где-то недалеко. А племя тана отставало от него всего на двести—триста ярдов.

Решив не выдавать своего присутствия боевым кличем, Кикаха бросил бумеранг и вышиб из седла седовласого мужчину, сидевшего на гнедом мусоиде. Не успело тяжелое оружие попасть в висок туземца, как Кикаха перебросил копье из левой руки в правую, пришпорил «лося» и поскакал к группе вражеских всадников. Несколько воинов, увидев его приближение, разъехались в стороны, но один из них, высокий пожилой туземец, промедлил и не успел увернуться.

Копье вонзилось ему в горло, и мужчина упал на песок. Вырвав оружие из тела поверженного врага, Кикаха перевернул древко и, используя его как дубину, раздробил затылок воина, подскакавшего сбоку на мерке.

Промчавшись мимо изумленных туземцев, он сделал крутой поворот и предпринял еще одну атаку. На этот раз Кикаха не стал продираться через их отряд, а направил мусоида между индейцами и лесом. Заметив воина, метнувшего бумеранг, он пригнулся, и оружие прожужжало над головой. Конец бумеранга едва не угодил в плечо. Припав к спине «лося», Кикаха вонзил наконечник в спину туземца, который только что вскочил в седло и оказался на его пути. Мужчина перекатился через плечо своего хикву, упал под копыта, а копье осталось в руке Кикахи.

К тому времени на берегу показались первые тана, и завязалась жестокая битва.

Сражение предвещало быстрый успех. Индейцы уступали в численности и были деморализованы, поскольку их застали, если не голыми, то со спущенными штанами, что по сути дела являлось одним и тем же. Но пока оставшиеся пять индейцев яростно и безнадежно отбивали атаки, к шуму битвы прибавились новые крики.

Кикаха оглянулся, и с его губ сорвалось проклятие. К ним приближался большой отряд индейцев, количество которых раза в два превосходило тана. Через восемьдесят секунд им предстояло отразить первый натиск этой мощной группы.

Кикаха поднялся на стременах и осмотрел морские волны. Поначалу взгляд натыкался только на крупных белых амфибий. Внезапно Кикаха заметил голову и руки, мелькавшие над водой, а еще через несколько секунд увидел второго пловца.

По берегу носились мусоиды, потерявшие всадников. Трое животных стояли у кромки леса. Ветви кустов интересовали их больше, чем дела людей.

Вспомнив о делах людей, Кикаха задумался. Должен ли он отдавать жизнь, сражаясь за тана? Нет, не должен. Прежде всего, он им ничем не обязан. Это верно, что они приняли его в племя и сделали своим кровным братом. Но если бы он отказался подчиниться, туземцы предали бы его смерти. Они не оставили ему выбора. И Кикаха не считал себя чем-то обязанным им.

Еще раз привстав на стременах, он помахал копьем двум пловцам, которые покачивались на волнах. Из воды поднялась белая рука и махнула в ответ. Он знал, что это рука

Ананы. Кикаха показал копьем, что им надо плыть под углом — подальше от места схватки. Анана и Маккей тут же последовали совету.

«Вот и хорошо, — подумал Кикаха. — Они выйдут из воды, поймают двух пасущихся "лосей" и незаметно скроются в чаще. Однако им потребуется какое-то время, а если индейцы победят тана, этого времени не будет. Значит, я должен постараться изо всех сил и затянуть сражение».

Прокричав боевой клич, Кикаха пустил мусоида в галоп. Его копье вонзилось в шею краснокожего, который только что сбил дубиной молодого тана. Выдернув копье, Кикаха выругался: кремневый наконечник слетел с древка. Однако сожалеть было некогда. Оглушив еще одного индейца ударом по затылку, он ткнул ему в живот копьем и вытолкал полуживого воина из седла.

А потом что-то ударило Кикаху по голове, и он в беспамятстве упал на землю. Копыта разъяренных мусоидов взбивали вокруг него песок. Несколько раз они проносились в опасной близости от его головы и тела. Рядом упал Тоини — тот юноша, который доставил ему столько хлопот. Кровь струилась по его лицу и груди, но молодой тана продолжал сражаться. Он шатаясь поднялся на ноги, бросил бумеранг в гущу вражеских воинов и снова упал от удара копытом.

Кикаха сел и покачал головой. Тело покрывала кровь. Наверное, ему пробили череп. Но слабость теперь была плохим помощником. Рядом с ним верткий индеец сбил тана тяжелым бумерангом и, увидев рыжеволосого воина, развернул для атаки «лося». Кикаха уклонился от копья, схватил индейца за руку и стащил с седла. Тот с криком упал на противника, и оба покатились по песку.

Кикаха впился зубами в нос краснокожего, а затем, нащупав рукой нужное место, попытался слепить два яичка в одно.

Закричав от боли, индеец перекатился на бок. Кикаха, лежа на спине, подтянул ноги к животу и изо всех сил ударил в лицо врага. Тело воина обмякло, и он затих.

Копыто «лося», скользнув по руке, больно оцарапало предплечье. Кикаха отпрыгнул в сторону и чудом уцелел, когда над ним столкнулись два всадника. На него полилась кровь и «лосиный» понос. Песок набился в рот и глаза. Он пробрался на четвереньках сквозь гущу сражения, и его снова сбило наземь что-то острое и тяжелое. Скорее всего, это было копыто мусоида. Полуослепленный, Кикаха пополз дальше. Прямо перед его лицом в песок вонзилось копье. Резь в

глазах стала невыносимой. Он с криком вскочил на ноги и побежал к воде.

Прохладная влага остудила жар тела и вернула Кикахе зрение. Вынырнув, он увидел двух всадников, которые неслись прямо на него. Тана и индеец колотили друг друга бумерангами, а «лось»-самец теснил испуганную самку к воде. Если бы Кикаха остался там, где стоял, то вновь оказался бы под копытами животных. Нырнув и проскользнув грудью по песчаному дну, Кикаха всплыл на поверхность в двадцати футах от берега. Еще раз взглянув на всадников, он узнал тана, которого загнали в воду. Это был вождь Вергенгет. В одной руке он сжимал нож Кикахи, а в другой — боевой бумеранг. На него наседал молодой и сильный воин. Руки вождя двигались медленно, будто налитые свинцом. А краснокожий уже усмехался, предвкушая победу.

Оставаясь по пояс в воде, Кикаха направился к ним. Когда он приблизился к мерке вождя, Вергенгет получил болезненный удар по руке. Его бумеранг упал под копыта «лосей» Вождь сделал выпад ножом, но промахнулся. Индеец дважды опустил свое оружие на голову пожилого воина.

Нож полетел в воду, и Кикаха метнулся за ним. Ладонь, скользнув по дну, нащупала холодную сталь. И тут на Кикаху свалилось тело вождя. От удара перехватило дыхание. Он сделал судорожный вдох, и вода попала ему в горло. Кашляя и задыхаясь, Кикаха поднялся, но тут же упал, сбитый с ног краснокожим воином, который спрыгнул со своего «лося» Кикаха попал в тяжелый переплет. Не успев отдышаться, он вновь погрузился в воду, пытаясь найти выпавший при ударе нож.

Приземистый соперник почти не уступал ему в силе и ловкости. Сжимая горло Кикахи, он занес над его головой тяжелый бумеранг. Кикаха, открыв глаза под водой, увидел нависшую смерть. Он саданул индейца в пах правым коленом, но в воде удар получился не очень сильным. Тем не менее лицо краснокожего скривилось от боли. Он взвыл и разогнулся, отпустив горло противника.

Кикаха начал задыхаться. Он попытался сесть, и в это время его левая рука коснулась чего-то твердого. Пальцы скользнули по лезвию и сомкнулись на рукоятке ножа.

Индеец вновь склонился над ним, стараясь схватить врага за горло. На этот раз он предусмотрительно стоял боком.

Кикаха вонзил ему нож в живот — чуть выше пупка. Лезвие вспороло плоть; воин выронил бумеранг, и рука,

протянутая к горлу, вяло упала. Индеец ошеломленно взглянул на Кикаху и, схватившись за живот, повалился в воду.

Откашлявшись и отдышавшись, Кикаха осмотрел поле боя. Два мусоида, принадлежавшие вождю и индейцу, убежали; Анана и Маккей находились футах в четырехстах от берега и быстро приближались. Индейцы, похоже, одерживали верх в битве. Но тут из леса выбежали остальные тана, включая женщин и дозорных, которые спустились со своих смотровых площадок. И под натиском свежих сил краснокожие дрогнули.

Сняв с Вергенгета пояс и ножны, Кикаха нацепил их на себя, поднял бумеранг и побежал к берегу. По колено в воде он обошел сражавшихся воинов, выбрался на песок и быстро проскользнул к кустам, где собрались «лоси», потерявшие всадников. При его появлении они пугливо разбежались, но ему удалось поймать пару животных и привязать поводья к кустам. Мимо проскакал еще один хикву без седока. Кикаха позвал его, и мусоид остановился. Зацепив поводья за толстый сук упавшего дерева, Кикаха побежал к воде, чтобы помочь выбраться на берег обессилевшим пловцам.

От усталости Анана и Маккей едва держались на ногах и судорожно глотали воздух. Кикахе пришлось поддерживать их. Добравшись до кустов, оба пловца упали на песок. Их груди вздымались, как мехи кузнеца.

— Надо вставать, ребята, — торопил Кикаха. — Отдохнете в седле. Наши хикву заждались.

— Хикву? — удивленно спросила Анана.

— Да, господа. Ваши кони готовы унести вас от опасности. — Он указал на животных.

Анане удалось улыбнуться.

— Кикаха! Ты когда-нибудь можешь быть серьезным?

Он поставил Анану на ноги, и та, заплакав, обвила руками его шею.

— Кикаха, милый! Я думала, что уже никогда тебя не увижу!

— Я тоже очень рад нашей встрече, — ответил он, — но буду еще счастливее, когда мы уберемся отсюда.

Они побежали к животным, отвязали их от кустов и, вскочив в седла, помчались галопом. Шум сражения и крики людей затихли вдали. Обогнув широкий изгиб берега, всадники потеряли туземцев из виду. И только тогда перешли на быструю рысь.

Кикаха рассказал Анане о своих приключениях, благоразумно упустив кое-какие незначительные подробности. Она

тоже поведала свою историю, подправив ее слегка в одном из эпизодов. Конечно, они еще о многом хотели сказать друг другу, но решили отложить эту тему до лучших времен.

— Я понял, вам довольно часто приходилось сидеть на деревьях. А вы не видели случайно дворец Уртоны? — спросил Кикаха.

Анана покачала головой.

— Тогда нам надо взобраться на одну из гор, которые окружают море. Некоторые из них достигают пяти тысяч футов. Если мы поднимемся на такую высоту, местность будет просматриваться... О черт! Как давно я не вспоминал этой формулы. Ага! Границы видимости расширятся до девяноста шести миль.

Впрочем, это не важно. Главное, что мы будем видеть чертовски далеко. А дворец, по словам Уртоны, довольно большой. Если учесть, что горизонт этой планеты находится ближе, чем на Земле, наша вылазка в горы может привести к неплохому результату.

Анана тут же согласилась. Маккей не возражал, понимая, что в данном случае его голос не имеет большого значения, и покорно последовал за спутниками в лес.

Им потребовалось три дня, чтобы забраться на вершину конического пика. Сам подъем не составлял большого труда, но путешественники не видели причин для спешки. И людям и животным хотелось отдохнуть. Кроме того, какое-то время приходилось тратить на охоту. Анана и Кикаха отправились к горе, а Маккей, стреножив «лосей», остался у подножия присматривать за животными.

Последняя сотня футов оказалась самой трудной. Гора заканчивалась острым шпилем, который наклонялся то взад, то вперед. Остальная масса горы лишь слегка изменяла форму. И хотя шпиль снизу казался иглой, на его вершине имелась площадка размером с большой обеденный стол. Они поднялись на нее и, посетовав на отсутствие бинокля, осмотрели бескрайнее море.

Через какое-то время Кикаха признался, что не увидел ничего похожего на дворец.

— Я тоже, — сказала Анана и повернулась, чтобы окинуть взглядом пространство за прибрежными горами. И вдруг ее пальцы сжали ладонь Кикахи. — Смотри!

Он взглянул в указанном направлении.

— Не знаю. Это похоже на большую темную скалу или холм.

— Но она двигается! — настаивала Анана. — Неужели не видишь?

Если бы объект находился хотя бы на полмили левее или правее, они бы его не заметили. Он выполз из широкого прохода между двумя коническими горами и начал перемещаться по длинному пологому склону. До гор не меньше двадцати миль, прикинул Кикаха и представил себе огромные размеры объекта.

— А ведь эта штука действительно может быть дворцом! — воскликнул он. — Прощай, морская страна! Мы отправляемся в погоню!

Однако дворец находился слишком далеко, и это обстоятельство смиряло его ликование. К тому времени, пока они спустятся к подножию, доберутся до следующего прохода и одолеют его, летающая крепость унесется еще дальше. Кроме того, две горы не могли служить надежным ориентиром. Не успеют они подъехать, как обе вершины исчезнут, разделятся на четыре части или сольются в одну горную цепь. Слишком уж легко потеряться в мире, где нет ни запада, ни юга, ни востока, ни севера.

Впрочем, позади останется прибрежная гряда. А она почти не меняла формы.

— Вперед! — сказал Кикаха и стал спускаться с края узкой площадки.

ГЛАВА 18

Через одиннадцать дней они выехали на равнину. Кикаха надеялся, что дворец все еще оставался в зоне видимости. Конические вершины, между которыми он исчез, стали похожи на гигантскую грудь. Подножие горы окружала глубокая лощина. Проливной дождь, который прошел днем раньше, заполнил ее водой, и всадникам предстояло проехать десять лишних миль, огибая этот огромный ров.

Когда они приблизились к горе, та превратилась в конус. Ров начал мелеть, выплескивая воду на равнину. Анана предложила взобраться на вершину, чтобы отыскать дворец и определить направление. Подъем означал дополнительную задержку. Однако это было необходимо. Летающая крепость могла двигаться по прямой или по кругу. Она могла свернуть в любом направлении и даже оказаться сзади. Как говорил Уртона, дворец в автоматическом режиме двигался наобум.

Забравшись на вершину, друзья внимательно осмотрели окрестности. Вокруг простирались изменяющиеся равнины и

хребты. Повсюду паслись стада зверей, и почти на каждом склоне виднелись темные полосы шагающих рощ и лесов. Справа у подножия далекой горы тянулась цепочка каравана — вереница крохотных фигурок животных и людей, спешивших на побережье.

Все трое уже начали терять надежду, как вдруг Кикаха увидел точку, которая медленно перемещалась впереди и могла оказаться и дворцом, и армией деревьев.

— Если бы это были растения, ты просто бы их не заметил, — сказала Анана. — Объект должен иметь приличную высоту, чтобы просматриваться на таком расстоянии.

— Надеюсь, он ее имеет, — отозвался Кикаха.

Маккей застонал. Он устал подгонять себя и животных. Он устал гоняться за недостижимым. Он устал, устал, устал...

А потом они снова отправились в путь. Их маленький отряд двигался гораздо быстрее дворца, но им приходилось останавливаться для охоты, еды, питья и сна. Каждый час летающая крепость удалялась от них на километр. Ее медлительный полет чем-то напоминал тупую устремленность черепахи, которая выползла в полуденный зной поискать себе самца. К сожалению, дворец не оставлял следов — он парил в полуметре над поверхностью планеты.

Следующие три дня они двигались под проливным дождем. Этот холодный небесный душ постепенно превратился в пытку. Кроме того, вода заполняла широкие ложбины, вынуждая путников объезжать озера и терять при этом силы и время.

На шестой день они снова увидели дворец, а чуть позже лишились мусоида Ананы. Пока люди спали, на «лося» набросился лев, и хотя хищника довольно быстро отогнали, раненого хикву пришлось добить. Его мясом путники питались несколько дней, а Анана ехала поочередно с одним из мужчин. И это еще больше замедлило их движение.

К концу шестнадцатого дня Кикаха и Маккей поднялись еще на одну гору и без труда отыскали дворец. Он находился почти на том же расстоянии, что и в прошлый раз.

— Неужели мы будем гоняться за ним по всей планете? — сердито проворчал Маккей.

— Если понадобится, то будем, — ответил Кикаха. — Ты становишься слишком раздражительным, Мак, и начинаешь действовать мне на нервы. Я знаю, что наша жизнь — не сахар, и, наверное, у тебя уже несколько месяцев не было женщины, но лучше закуси губу и перетерпи, старина. Отпусти пару шуток, прогуляйся немного...

— Может быть, тебе еще спеть песенку и сплясать негритянский танец? — мрачно съязвил Маккей.

— Как хочешь. Только знай, мы с Ананой делаем для тебя все, что в наших силах. И я настаиваю, чтобы ты изменил свое поведение. Иначе ты можешь оказаться в затруднительном положении или даже умереть. У нас есть шанс вырваться из этого мира — хороший шанс. Ты можешь вернуться на Землю, хотя, на мой взгляд, туда лучше не возвращаться. Там твоя жизнь состояла из убийств, насилия и воровства. Но если ты окажешься в другом окружении, оно изменит тебя целиком. Вот почему я считаю, что тебе лучше не возвращаться на Землю.

— Ты хочешь сказать, что мое раздражение мешает нам добраться до этого чертового дворца? Но каким образом? — возмутился Маккей.

— Все взаимосвязано, — с усмешкой ответил Кикаха. — Пока ты для нас двойная обуза. Мы с Ананой могли бы двигаться быстрее, если бы нам не приходилось тащить тебя на нашем «лосе».

— Вашем? — вскипел Маккей, и его мрачность переросла в открытую ярость. — Это она сидит на моем грегге!

— Потише, Мак! Давай разберемся. На самом деле «лось» принадлежал индейцам. И теперь, раз уж на то пошло, наш спор может разрешить сила. Тебе пояснить мои слова?

— Ты решил отделаться от меня?

— По логике, мне бы так и следовало поступить. Но мы все еще верим, что ты можешь стать нашим товарищем, — ответил Кикаха и внезапно закричал: — Поэтому прекрати скулить и стонать!

Маккей усмехнулся:

— Ладно. Я признаю, что ты прав. Мы уже не дети, чтобы обижаться на жизнь. Но это... — Он вытянул руки, указывая на лавалитовый мир. — Это для меня чересчур.

Маккей немного помолчал, а потом тихо добавил:

— Обещаю исправиться. Я же понимаю, что вам двоим от меня мало радости.

— Вот и договорились, — с улыбкой ответил Кикаха. — Слушай, а я тебе еще не рассказывал, как мне приходилось скрываться в винном погребе? Ну, брат, это была история! Помню, заняли мы один французский городок, и тут, как назло, немцы пошли в контрнаступление...

Пролетело два месяца. Дворец по-прежнему маячил впереди. К тому времени до него оставалось каких-то десять миль. Несмотря на расстояние, дворец поражал своими размерами.

Он возвышался на 2600 футов, чуть-чуть не дотягивая до полумили. Сторона квадратного основания составляла тысячу двести футов.

Рассматривая его очертания, Кикаха смутно различал отдельные архитектурные детали. По словам Уртоны, дворец был похож на летающий городок из сказок «Тысячи и одной ночи». Его украшали сотни башен, минаретов, куполов и арок. Время от времени поверхность летающей крепости меняла цвет. А однажды она засияла всеми цветами радуги.

Когда маленький отряд спустился с горы, дворец парил посреди огромной равнины. Далекие хребты, окружавшие ее с трех сторон, постепенно выравнивались. Стада антилоп, бродившие по склонам, сбегали в низину и смешивались с другими животными.

— Осталось совсем немного, — сказал Кикаха. — До края равнины около тридцати миль, и я думаю, мы его теперь поймаем. Будем гнать животных, пока они не упадут, а потом побежим на своих двоих. Надо догнать дворец во что бы то ни стало.

Двое его спутников согласились, но без особого энтузиазма. Они потеряли в весе; щеки запали, у глаз появились темные круги. Тем не менее все трое понимали, насколько необходимо это последнее усилие. Как только дворец достигнет гор, он легко заскользит по склону, сохраняя ту же скорость, что и на равнине. А вот его преследователям придется замедлить темп.

Спустившись со склона, они пустили «лосей» в галоп. Те бежали изо всех сил, и, хотя были в довольно плохом состоянии, расстояние сокращалось на глазах. Заметив стремительное приближение всадников, стада антилоп и газелей в панике разбегались в стороны. Хищники спешили воспользоваться испугом травоядных. Собаки, бабуины, «моа» и львы прыгали на пробегавших животных и сбивали их с ног. А всадники мчались за неуловимой целью, не обращая внимания на рев, лай и крики.

Вскоре Кикаха увидел впереди группу странных существ. Эти подвижные растения отличались от тех, что встречались прежде. По сути они выглядели как огромные бревна-многоножки. Бледно-серые стволы двигались горизонтально. Из них торчали короткие, похожие на обрубки, ветви, с которых свисало по шесть-семь черно-зеленых листьев ромбовидной формы. С обеих сторон стволы заканчивались многорожковыми структурами, напоминавшими канделябр. Проезжая мимо одного из «бревноидов», Кикаха заметил, что на концах

канделябров находились глаза — огромные человеческие глаза с ресницами, радужной оболочкой и зрачками. Они разворачивались по ходу движения двух «лосей», как будто растение провожало их взглядом.

Многие из этих странных созданий находились у них на пути. Каждый «бревноид» имел открытый и закрытый конец ствола.

Направив хикву подальше от них, Кикаха обернулся к Анане, сидевшей за его спиной.

— Что-то мне не нравятся их взгляды! — крикнул он.

— Мне тоже!

Внезапно один из «бревноидов», находившийся в пятидесяти ярдах от них, побежал вперед, направив на всадников открытый конец ствола. Резко остановившись, он опустил другой конец к земле, и его передние ноги начали телескопически выдвигаться вверх.

У Кикахи возникло неприятное впечатление, что на него нацеливают пушку. И через миг из черного жерла приподнятого конца действительно вырвалось облако дыма. Какой-то темный предмет, описав в воздухе дугу, упал в двадцати шагах от людей и взорвался, едва коснувшись рыжеватой травы. «Лось» фыркнул и побежал быстрее, словно страх перед живым оружием придал ему новые силы.

В ушах зазвенело, и Кикаха наполовину оглох. Однако он тут же узнал этот запах дыма. Черный порох!

— Кикаха, у тебя идет кровь! — закричала Анана.

Он не чувствовал, куда его ранило. Кроме того, ситуация была такова, что останавливаться не приходилось. Кикаха пришпорил хикву и, понукая животное, крикнул. Но его крик утонул в грохоте дюжины взрывов. На какое-то время их окутало облако черного дыма. Но они вырвались из него и поскакали дальше.

Кикаха ничего не слышал. Руки Ананы по-прежнему обнимали его за талию, и он чувствовал, как ее грудь прижимается к его спине.

Бросив взгляд через плечо, он увидел Маккея, который выехал из облака черного дыма. Внезапно следом за ним вылетел черный предмет, похожий на большую раковину. Упав позади отставшего всадника, он с грохотом взорвался, и в вихре дыма полыхнуло яркое пламя. Хикву негра подбросило в воздух. Задние копыта взлетели выше головы, и Маккея выбросило из седла. Он упал на землю и покатился кувырком, рядом с ним свалилось большое тело мусоида.

Маккей вскочил на ноги и побежал.

Натянув поводья, Кикаха остановил «лося».

Сквозь стелющийся дым он видел, как дюжина растений вновь поднимали открытые концы, нацеливая их на людей. Из стволоподобных жерл вылетели еще два снаряда и упали позади Маккея на расстоянии сорока шагов. Негр бросился на землю, но слишком поздно, чтобы уберечься от осколков. Тем не менее он поднялся на ноги и снова побежал.

На месте разрывов в земле остались две небольшие воронки.

Каким-то чудом «лось» Маккея не сломал себе ни шеи, ни ног. Он шатаясь поднялся, оскалил большие длинные зубы, а затем, выпучив от боли и страха глаза, промчался мимо Маккея. Тот прокричал вслед животному проклятие, которое Кикаха так и не услышал.

Анана соображала быстрее всех. Выпрыгнув из седла, она махнула Кикахе рукой, зная, что тот ничего не слышит. Кикаха ударил пятками по бокам «лося» и поскакал за обезумевшим мусоидом. Погоня продолжалась довольно долго и закончилась только тогда, когда хикву Маккея остановился. Пена, вылетавшая изо рта, запачкала ему всю грудь. Потные бока раздувались, как кузнечные мехи. «Лось» повалился на землю, перекатился на бок и умер.

Его круп и ноги покрывала кровь.

Кикаха подъехал к Анане и Маккею, спустился на землю и торопливо осмотрел их кровоточившие раны. В спине у каждого торчало около двух десятков мелких колючек, впившихся в кожу. Только теперь он почувствовал, как из ран на правом предплечье по руке стекает кровь.

Схватив ногтями колючку, Кикаха вытащил ее, обтер пальцами кровь и осмотрел эту шестиконечную кристаллическую звездочку.

— Такой дьявольской шрапнели я еще не видел, — произнес он.

Но его никто не услышал.

Дым рассеялся, и растения, которые он тут же назвал дроболябрами, убедились в том, что их снаряды не попали в цель. Они медленно направились к ближайшему стаду, перебирая сотнями пар ног с плоскими стопами, и через пятнадцать минут Кикаха стал свидетелем новой атаки. Несколько растений окружили слоненка и, выпустив по два-три ядра, свалили его наземь. После этого «бревноиды» вскарабкались на труп и начали терзать его саблевидными когтями. Верхние гибкие ветви засовывали куски мяса в небольшие отверстия по бокам стволов.

Хорошо, что «лось» Маккея упал довольно далеко, и эти твари его не заметили.

Около десяти минут все трое путешественников, морщась и ругаясь, выдирали друг у друга из тел «чертову шрапнель». После того как на раны были наложены широкие травинки, кровотечение остановилось.

— С каким удовольствием я привязал бы Уртону к одной из этих пушек, — сказал Кикаха. — Да чтоб ядро воткнулось как раз ему в голый зад. Только отъявленный садист мог придумать таких чудовищ.

Кикаха не представлял себе, каким образом эти существа могли превращать обычную пищу в черный порох. Для изготовления взрывчатки требовались древесный уголь, сера, натрий или калий-нитрат. Еще одна тайна состояла в том, как твари «выращивали» раковины-ядра. Кроме того, им требовалось как-то воспламенять заряд.

Однако о научных исследованиях пришлось забыть. «Бревноиды» отняли у них полчаса, а Маккей остался без «лося».

— Теперь слушайте меня внимательно, — сказал Кикаха. — И давайте обойдемся без споров. — Он отдал поводья Анане. — Садись в седло и скачи за дворцом, как черт! Ты самая легкая из нас — значит, тебе и ехать. Выжми из мусоида все, что только можно. Сначала я думал, что нам с Маккеем лучше бежать, держась за стремена. Но с такими ранами мы быстро истечем кровью, так что все надежды на тебя.

Поезжай, Анана. Если догонишь дворец, попробуй пробраться внутрь и остановить его. Шанс невелик, но лучшего не придумать. А мы пойдем за тобой следом.

— Хороший план, — сказала Анана. — Пожелайте мне удачи!

Она крикнула: «Хик-хи-и!», что на языке вендов означало «Вперед!», и мусоид помчался как стрела. Подхлестнув его поводьями, Анана пустила животное в галоп.

Маккей и Кикаха тронулись в путь. Зеленые мухи облепили их раны. Позади раздавалась канонада. Взяв в кольцо небольшое стадо антилоп, дроболябры обстреливали животных ядрами.

Прошел час. Мужчины бежали трусцой, но тяжесть в ногах и хриплое дыхание все больше убеждали их, что пора переходить на шаг. Дворец становился все больше и больше. Они упорно догоняли его. Крошечная фигурка Ананы на скачущем мусоиде слилась с травой и затерялась на фоне огромной рыжеватой равнины.

Мужчины остановились и напились затхлой воды из меха, который Маккей снял с погибшего хикву.

— Эх, парень, если она не догонит дворец, мы останемся здесь на всю жизнь, — сказал Маккей.

— Эта махина может изменить маршрут и полететь к нам навстречу, — возразил Кикаха, но в его голосе больше не слышалось оптимизма.

Не успел он поднести мех к губам и сделать первый глоток, как земля под ногами задрожала. Не обращая на это внимание, Кикаха утолил жажду и передал мех Маккею. Однако в отличие от обычных мутаций почвы небольшая вибрация переросла в настоящее землетрясение. Мужчины с трудом держались на ногах. Поверхность равнины стала похожа на огромный кусок желе, который сотрясала рука гиганта. Эффект получался жуткий; людей стало мутить.

Маккей растянулся на земле. Кикаха решил, что ему лучше сделать то же самое. Он не хотел тратить силы на бесполезные попытки устоять на ногах. Тем не менее ему удалось повернуться лицом ко дворцу. Взглянув в этом направлении, Кикаха понял, что их постигла неудача. Равнина казалась бушующим морем земли. И конечно же, Анана больше не могла преследовать дворец.

Толчки усиливались и учащались. Животные бежали с гор, считая их более опасным местом. Стаи птиц поднялись в воздух, и небесный бульон усеяли миллионы маленьких перчинок, которые вскоре образовали одно огромное облако. А потом вся эта армада полетела в сторону дворца.

Внезапно Кикаха увидел точку, которая приближалась к ним. Через несколько минут на спине крохотного мусоида он рассмотрел и Анану. Вскоре обе фигуры разделились и покатились по земле. Поднялась только Анана. Она побежала к спутникам — вернее, попыталась бежать. Позади нее вздымались волны земли, покрытые рыжеватой травой. Они подталкивали Анану, та падала на четвереньки, вставала и тут же падала снова. Кикаха поднялся на колени, чтобы не упустить ее из виду, но она исчезла за большим валом, словно маленькая лодочка, затерявшаяся в бушующем море.

— Мне плохо, — прохрипел Маккей, и его вырвало.

До этого момента Кикахе еще как-то удавалось сдерживать спазмы тошноты. Но потуги Маккея вызвали рвоту и у него самого.

В тот же миг его булькающий кашель потонул в ужасном грохоте. Казалось, весь мир трещит по швам. Впервые в жизни Кикаха испытал подобный ужас, но несмотря на это,

полуоглушенный и ошеломленный, он поднялся на четвереньки и пополз навстречу Анане. Кикаха не видел ее, но он мог видеть ту опасность, которая неудержимо надвигалась на них.

Поверхность долины разорвалась словно лист бумаги. Края расщелины начали расходиться в стороны как раз за тем местом, где он последний раз видел Анану. И ее в любую секунду могло втянуть в гигантскую трещину.

Вскочив на ноги, Кикаха закричал:

— Анана! Анана!

Он побежал к ней, но очередной толчок подбросил его с такой силой, что ноги взлетели в воздух. Упав на землю, Кикаха заскользил на животе по скату огромного вала. Вскочив, он вскарабкался наверх, и там, на вершине бугра его взору предстало зрелище, которое могло свести с ума любого человека. Кикаха затряс головой. Но кошмар не исчезал. Далекие горы в одно мгновение провалились под землю, словно планета, раскрыв огромную пасть, проглотила их.

А потом он понял, что горы остались на месте.

Кикаха закричал от отчаяния. Земля, на которой он стоял, поднималась вверх.

Они оказались на том куске планеты, которому предстояло стать временным спутником. Их уносило к багровому небу — все дальше и дальше от желанной цели.

Дворец исчез внизу. Когда Кикаха видел его в последний раз, тот парил на другой стороне разлома — в какой-то миле от края бездны.

ГЛАВА 19

Отлетев от материнского тела на сотню миль, кусок планеты вышел на временную — и тем не менее стабильную — орбиту. Здесь ему предстояло пробыть около четырехсот дней, после чего меньшая масса должна была упасть на большую — а точнее, медленно опуститься.

Плотность воздуха не изменилась. Атмосферное давление на высоте 528 000 футов оставалось таким же, как на поверхности планеты. Уртона не стал вдаваться в физические принципы этого феномена. Вполне возможно, он и сам их не знал. В свое время он составил подробную спецификацию требуемой вселенной, а пара наемных ученых сделали за него всю остальную работу. Десять тысяч лет назад Черные Звонари нанесли властителям жестокий удар, погубив ученых и тем самым лишив их расу знания. Но уникальное оборудование

действовало до сих пор и, вероятно, будет действовать до конца существования всех этих вселенных.

Когда обломок оторвался от планеты, с ним начали происходить большие изменения. За двенадцать дней клиновидный кусок превратился в шар, и этот процесс трансформации унес жизни многих существ, которым довелось оказаться на новой луне. Те, кто выжил, носились как угорелые, стараясь выбраться из зоны катаклизмов. Широкие провалы смыкались, как акульи пасти, погребая под землей растения и животных. Тепловая энергия, вызванная интенсивными преобразованиями, становилась иногда просто невыносимой. К счастью, ее смягчали непрерывные проливные дожди.

Две недели Кикаха и его спутники чувствовали себя как в турецкой бане. Они мечтали об отдыхе и полноценном сне, но им все время приходилось передвигаться, причем довольно энергично.

Их во многом спасала слабая гравитация. Спутник представлял собой одну шестнадцатую массы всей планеты, поэтому поглощение энергии здесь происходило очень быстро и интенсивно. Кроме того, вокруг них валялось столько трупов и мертвых растений, что им почти не приходилось охотиться и добывать себе пищу. Особым предметом питания стали летающие семена. Пока сателлит поднимался по спирали на орбиту, каждое растение рассеяло вокруг себя сотни семян. Благодаря волокнистым парашютикам и пуху их разносило ветром во все стороны — некоторые дрейфовали к материнскому миру, другие опадали на поверхность луны. Несмотря на маленькие размеры, пара десятков семян заменяла любой высококалорийный овощ. В пищу годились даже пух и пленчатые крылышки.

— Природа и Уртона использовали катастрофу как стимул для размножения растений, — подытожил Кикаха.

Когда метаморфозы почвы затихли, а трупы стали смердеть, людям пришлось охотиться. Используя слабую гравитацию и совмещая бег с прыжками, они освоили новый способ передвижения. Однако животные, получив пропорциональное преимущество в скорости, по-прежнему оставались недосягаемыми. Тогда Кикаха решил испробовать болу, которую он сделал из трех черепов антилоп и кожаного ремня. Первая же попытка принесла успех. Оружие, раскрученное над головой, заскользило над землей и опутало ноги жертвы. Маккей и Анана изготовили себе такие же болы и быстро приноровились их метать. Благодаря им они даже поймали нескольких диких «лосей».

Семена, упавшие на поверхность луны, пустили корни, и вокруг зазеленела новая поросль. Почва в зоне будущих рощ побелела от поглощенных питательных веществ. У побегов вскоре отросли ноги, и растения, вытянув или оборвав корешки, двинулись на более плодородные земли. Чуть позже слабые ноги отпали, и их заменили новые, более сильные и длинные конечности. После трех перемещений, выпустив основные корни, растения оставались неподвижными до достижения полной зрелости. По земным стандартам все это произошло удивительно быстро.

Поросль оказалась любимым лакомством слонов, «лосей» и других животных. Тем не менее из уцелевших растений сформировались многочисленные рощи подвижных деревьев и кустов.

Помимо обычных проблем с бабуинами, собаками и хищниками кошачьей породы троих людей тревожили огромные птицы, которых они никогда до этого не видели. При сравнительно небольших телах размах крыльев достигал пятидесяти футов. На огненно-красной голове птицы выделялись круглые желтые глаза и длинный загнутый клюв зеленого цвета. Голубоватые крылья и синее тело контрастировали с ярко-желтыми короткими толстыми лапами. Птицы спускались на землю только после сумерек. Они сбивали с ног какое-нибудь животное и уносили свою жертву к далеким скалам. При сравнительно небольшой гравитации они могли бы поднять в воздух и человека. Дважды одна из них пыталась поймать Анану. В последний раз женщину спас лишь своевременный крик Кикахи. Анана упала на землю, и когтистые лапы пронеслись над ней всего лишь в нескольких дюймах.

— Я не могу понять, где она живет, когда здесь нет сателлита, — сказал Кикаха. — Если она опустится на поверхность планеты, ей уже никогда не удастся взлететь. Так чем она питается в паузах безлуния?

— Скорее всего, летает вокруг, перебивается за счет запасенного жира и ждет, когда от планеты отвалится новый кусок, — ответила Анана.

Они замолчали, представив себе стаю огромных птиц, которые парят в воздухе на высоте пятидесяти миль. Большую часть времени эти гиганты проводили во сне, ожидая момента, когда планета пошлет им мясо на блюде размером с огромную луну.

— Да, но им надо спариваться и выводить птенцов, — воскликнул Кикаха. — А значит, где-то в горах у них есть гнездовье. И мне бы хотелось узнать, где оно находится.

— Зачем тебе это?

— У меня возникла одна идея, но она может показаться вам слишком сумасбродной. Я пока не буду говорить о ней. Она приснилась мне прошлой ночью.

Внезапно Анана схватила его за руку и указала вверх. Он и Маккей подняли головы. В полумиле над ними парил дворец.

Они молча стояли, наблюдая за летающей крепостью, пока она не исчезла за высокими горами.

Кикаха печально вздохнул.

— Как видно, дворец в автоматическом режиме управления совершает облет каждого сателлита. Уртона заложил это в программу для того, чтобы наблюдать за событиями на луне. Черт! Так близко, и так далеко.

Очевидно, катаклизмы на луне и гибель многих людей и животных приводили садиста-властителя в экстаз. Вряд ли он сам когда-нибудь спускался на поверхность луны.

«Интересно, — подумал Кикаха, — как Уртона удовлетворял свои сексуальные потребности? Наверное, похищал время от времени туземок, использовал их и отправлял на сателлит. Или выбрасывал женщин с балкона дворца, а затем смотрел, как они падали сотню миль, и даже, возможно, летел следом, наслаждаясь их ужасом и криками.

Теперь это неважно. Уртона и его жертвы мертвы. Жаль, что и нам не выжить при спуске сателлита на планету».

Анана вспомнила разговор, который состоялся за месяц до этих событий. Уртона рассказывал, что сателлит перед спуском снова меняет форму. Превратившись из шара в параллелепипед*, спутник обычно делает еще пять витков вокруг планеты, а затем начинает спускаться по спиральной орбите к тому месту, где снова становится частью материнского мира.

При столкновении шанс на выживание имели только те животные, которые находились на верхней части луны. Остальным суждено было найти смерть под тоннами земли. Такая же участь ожидала и тех, кто обитал в зоне предстоявшего присоединения сателлита. Однако Уртона предусмотрел для них небольшую возможность спасения. Он наделил животных инстинктом, который изгонял их из опасной области. Луна приближалась к планете несколько дней, и животные, отмечая определенные характеристики ее траектории,

---

* Ранее Фармер утверждал, что падающий спутник имел форму двух выпуклых линз, сложенных вместе. Очевидно, в лавалитовом мире небесный «кирпич» смотрелся снизу как вытянутый овал.

интуитивно знали, когда покидать свои места. К сожалению, убежать могли лишь те, кому посчастливилось оказаться у внешних границ обреченной зоны. Остальным не хватало времени.

Медлительные растения даже не пытались бежать. Инстинкт заставлял их разбрасывать летающие семена, а затем они обреченно ждали падения сателлита.

Выслушав Анану, Кикаха начал перебирать все известные ему формулы для расчета орбиты. Он хотел определить, на какой стороне луны они окажутся, когда шарообразный спутник превратится в параллелепипед. В основном его интересовала верхняя грань небесного тела.

— Это пока невозможно узнать, — сказала Анана. — Нам остается надеяться только на удачу.

— Я полагался на нее и в прошлом, — ответил Кикаха. — Но пора брать дело в свои руки. Удача — штука скользкая, и на нее не стоит особо рассчитывать.

С тех пор дни и ночи напролет он размышлял над планом спасения.

Луна медленно вращалась, совершая полный оборот за тридцать дней. В небе висело огромное тело планеты, на котором зияла зараставшая рана, образовавшаяся при отрыве спутника. Возможно, им даже повезло, что они оказались на луне, а не рядом с колоссальной брешью, где теперь располагалась зона чудовищных мутаций. Когда облака рассеялись, они увидели гигантский разлом, уходивший к самому центру планеты. Размеры лавин поражали воображение. Пласты земли поднимались и оседали, как кипящее варево в котле. Смещение слоев и подгонка почвы сопровождались мощными землетрясениями. Прибрежные области океанов страдали от цунами. А вместе с землей дрожали сердца и души обитателей лавалитового мира.

— Я представляю, какое наслаждение испытывал Уртона, наблюдая за этим катаклизмом из своей летающей крепости, — сказал Кикаха. — Мне бы очень хотелось, чтобы он оправился от твоего удара, Анана. Тогда бы он оказался сейчас в эпицентре мутаций и познал весь тот ужас, который заставлял испытывать свои создания.

Однажды утром Кикаха рассказал друзьям о замысле, суть которого уловил во сне. Идея заключалась в том, чтобы удрать с луны, не дожидаясь ее падения. Анана и Маккей нашли его план замечательным и тут же приступили к выполнению проекта. Прежде всего трое смельчаков отпра-

вились к гнездовью гигантских птиц, которых Кикаха прозвал голубыми рухлями*.

Взобравшись на вершину горы, они обнаружили пологую ложбину, в которой птицы отсыпались в течение дня.

Кикаха, Маккей и Анана спустились по склону и подкрались к трем спавшим рухлям. Каждый из них нанес точный удар заостренными копьями, пронзив мозг птиц через широкие глазницы. Затем они спрятались под крылом мертвой рухли и дождались, когда другие птицы улетят на охоту. Отрезав крылья и хвостовое оперение, трое людей отнесли свою добычу в лагерь.

— А зачем они нам? — спросила Анана.

— Из этих крыльев и перьев мы сделаем планеры. Нам останется только прикрепить их к деревянным фюзеляжам и...

— Извини, — с улыбкой произнесла Анана. — Ты никогда прежде не говорил мне, что имел дело с планерами.

— В общем-то я не имел с ними дел. Но мне доводилось кое-что читать о планеризме. Я даже прошел начальный инструктаж в летном клубе. К сожалению, у меня тогда кончились деньги, и мне не удалось приступить к практическим занятиям.

— А я не летала на планерах около тридцати лет, — сказала Анана. — В свое время мне нравилось это занятие, и у меня за плечами не меньше трех тысяч полетов.

— Вот здорово! Значит, ты покажешь нам, как их делать, а потом научишь летать. В моем сне мы прикрепили к фюзеляжу хвостовые перья, затем привязали к костям крыльев деревянные планки и управляли ими с помощью сыромятных ремней...

— А как ты обеспечишь центрирование? — перебила его Анана.

— Перемещением веса — так, как это делали Джон Монтгомери, Перси Пилчер, Отто и Густав Лилиентелы. Они висели под крыльями на ремнях или на особом сиденье. Правда, Джон, Отто и Перси погибли.

— Я рад, что тебе все это только приснилось, — сказал Маккей.

— Да? А ты разве не знал, что сны являются трамплином в реальность?

Маккей застонал:

— Черт! Я ведь догадывался, что ты говоришь серьезно.

Глядя на него, Анана едва удержалась от смеха.

---

* По аналогии с птицей Рух.

— В принципе, мы могли бы сделать планеры из дерева и шкур антилоп, — сказала она. — Здесь, на луне, они летали бы за милую душу. Однако в условиях планетарного притяжения им не продержаться в воздухе и секунды. Поэтому не стоит ломать над этим голову.

Конечно, мы можем спрыгнуть со склона горы и пролететь какое-то расстояние, но при отсутствии восходящих потоков нам не удастся подняться на большую высоту. На луне нет вспаханных полей и асфальтированных магистралей, а значит, не будет и термальных потоков.

— Но какой тогда смысл спорить об этом? — спросил Маккей.

— В споре рождается истина, — ответила Анана. — Лучше давай спросим Кикаху, как он собирается преодолеть притяжение луны?

— Очень просто. Но сначала вспомните теорию относительности. Чем выше наша ракета взлетит с луны, тем ниже она опустится к поверхности планеты. Попав в поле планетарного притяжения, мы тут же начнем падать, а значит, нам уже не надо будет подниматься.

— Какая ракета? О чем ты говоришь? — забеспокоился Маккей.

И у него имелась причина для волнений. Этот рыжеволосый парень из-за своей страсти к риску не раз загонял его в опасные ситуации.

— Я расскажу вам, как это происходило в моем сне. Нам удалось найти и убить четверых дроболябров. Мы притащили их в лагерь, обрубили ветви и глазные стебли, а потом придали им обтекаемую форму...

— Подожди минуту, — вмешалась Анана. — Теперь я понимаю, что ты задумал сделать. Тебе захотелось превратить эти деревянные пушки в реактивные дюзы. С их помощью ты решил поднять планер на необходимую высоту и преодолеть притяжение луны, верно?

Он кивнул. Анана захохотала.

— Но это же сон! — закричал Маккей.

Кикаха предпринял еще одну попытку:

— Послушайте, я все продумал. Это можно сделать. Единственное, что нам остается...

— Твой механизм пригоден только для полетов во сне, — сказала Анана. — Наяву же он не выдерживает ни малейшей критики. Как ты собираешься контролировать возгорание пороха? Подумай сам! Чтобы набрать достаточную высоту, тебе придется загнать в ствол целую бочку пороха. Но когда ты подожжешь фитиль, заряд взорвется, и взорвется сразу.

Внезапное ускорение оторвет планер от ракеты, разрушит фюзеляж, а заодно убьет и тебя.

— Неужели это так нереально? — покраснев вскричал Кикаха. — Но нам нельзя сдаваться, Анана. Ты должна придумать способ, с помощью которого мы могли бы контролировать взрывы.

— У нас нет необходимых материалов. Успокойся, Кикаха. Это был прекрасный сон, но... только сон.

— Хорошо, что хоть у твоей женщины сохранился рассудок, — сказал Маккей. — Как ты только умудрился дожить до таких лет?

— Наверное, потому что многие из моих диких идей так и остались неисполненными. Я ведь только наполовину сумасшедший. И все же, ребята, нам надо убираться отсюда. Рано или поздно луна начнет менять форму, и, если мы окажемся на нижней стороне, нас просто расплющит в лепешку.

Наступило долгое молчание. Наконец Анана сказала:

— Ты прав. Пора что-то делать. Мы должны найти материалы для изготовления планеров — причем таких, которые могли бы летать в условиях планетарного притяжения. Но чтобы освободиться от гравитации луны, нам понадобится что-то еще. И я пока не вижу...

— Воздушный шар! — закричал Кикаха. — Он поднимет и нас и планеры!

Кикаха не сомневался в том, что они найдут подходящие материалы для изготовления летательных средств. Тем не менее он считал, что подъем надо отложить до финальной трансформации луны. Вытянутая форма сателлита сделала бы местную гравитацию более слабой, а значит, воздушный шар обрел бы бóльшую подъемную силу.

Анана, оценив его предложение, напомнила мужчинам об опасностях, которым они подвергли бы себя во время катаклизмов. Во-первых, они могли погибнуть. Во-вторых, их мог подвести воздушный шар, и у них просто не осталось бы времени, чтобы собрать новые материалы. В-третьих, преобразования почвы создали бы целый букет непредвиденных проблем.

Кикахе пришлось согласиться с неоспоримой логикой Ананы.

Вскоре их разговор перешел на планеры. Немного подумав, Анана предложила использовать вместо них парашют «летающее крыло». Она объяснила, что этот тип парашюта совмещал в себе элементы планера, благодаря которым полет становился в какой-то степени контролируемым.

— Однако мы по-прежнему будем зависеть от материалов, — говорила она. — Воздушный шар можно сделать из шкур антилоп. С учетом слабой гравитации он вполне мог бы поднять нас на необходимую высоту. Но как мы будем скреплять полоски шкур? Сшивать их нельзя, иначе горячий воздух начнет выходить через отверстия и швы. А клейких веществ нам здесь, пожалуй, не найти. Одним словом...

Внезапно Маккей закричал. Анана и Кикаха повернулись и посмотрели в том направлении, куда он указывал.

Выползая из-за пирамидальной горы, к ним медленно приближался гигантский объект. Он величественно парил в двухстах футах над поверхностью равнины. И, взглянув на его очертания, Кикаха тут же узнал дворец Уртоны.

Через два часа летающая крепость поравнялась с ними. Чтобы рассмотреть ее сверху донизу, им пришлось отбежать в сторону. Однако зрелище стоило того. На первый взгляд казалось, что дворец вырезан из монолитной скалы или материала, похожего на камень. Каждые пятнадцать минут поверхность меняла цвет. Перебрав весь спектр, она вспыхивала радужным блеском голубого, белого, зеленого и розовато-красного оттенков, а затем цикл начинался сначала.

Над стенами возносились башни, минареты и шпили. Повсюду виднелись окна и двери — шести- и восьмиугольные, квадратные, круглые и ромбовидные. На плоском днище имелось несколько огромных иллюминаторов. Насчитав двести балконов, Кикаха сбился со счета.

— Я знаю, что нам туда не пробраться, — сказала Анана. — Но мне хочется испытать наш рог.

Она протрубила семь нот. Как они и ожидали, на стенах дворца не оказалось врат. Во всяком случае, сияющих пятен на них не появилось.

— Жаль, что вы не вытрясли из Уртоны кодового слова, — сокрушался Кикаха. — Вам надо было подержать его над костром, и он бы все сказал.

— В нашей ситуации это не помогло бы, — ответила Анана.

— Эй! — закричал Маккей. — Вон там! Смотрите!

В одном из окон нижнего ряда виднелось лицо — лицо человека.

ГЛАВА 20

Они видели лишь верхнюю часть фигуры, однако даже на таком расстоянии было ясно, что это не Уртона и не Рыжий Орк. Круглое огромное окно не позволяло судить о росте

мужчины, но он был молод, красив и статен. Коричневые волосы, гладко зачесанные назад, придавали его лицу какое-то грустное выражение. А такого костюма Кикаха вообще никогда не видел. Анана сказала, что этот стиль исчез из моды властителей несколько тысячелетий назад. Жакет поблескивал пульсирующими огнями, словно ткань состояла не из нитей, а из тонких неоновых трубок. Кружевная рубашка имела открытый ворот.

Заметив их, мужчина перебежал к другому окну. Когда дворец пролетел мимо троих людей, незнакомец помчался вдоль застекленной галереи. Они видели его силуэт, мелькавший в окнах первого этажа. Выбившись из сил, мужчина прижал лицо к стеклу и печально махнул рукой. Через какое-то время он исчез из виду.

— Ты узнала его? — спросил Кикаха.

— Нет, но это ничего не значит, — ответила Анана. — Властителей все еще очень много. Кроме того, даже если мы с ним когда-нибудь виделись, я могла забыть его. Десять тысяч лет — не шутка.

— То есть ты его не знаешь, — подытожил Кикаха. — А вдруг он вообще не властитель! Возможно, парень попал во дворец случайно и теперь не может выбраться. Ты же видела, как он заинтересовался нами. Но почему он не перевел управление на себя и не остановил дворец?

Анана пожала плечами:

— Откуда мне знать?

— В общем-то я и не ждал от тебя ответа. Скорее всего, парень вообще не может управлять дворцом. А значит, он попал в ловушку. Точно — он либо пленник, либо слуга Уртоны.

— Есть и третий вариант. Допустим, он нашел центр управления, но боится войти туда, потому что знает о смертельной ловушке.

— Возможно, этот парень придумает какой-нибудь способ впустить нас во дворец, — сказал Маккей.

— К тому времени он уже не сможет нас отыскать, — возразила Анана. — Даже при бо́льшом желании.

— Почему? Летающая крепость совершает облет луны, — настаивал Кикаха. — И на следующем заходе он может...

Анана покачала головой:

— Сомневаюсь, что дворец будет оставаться на той же орбите. Скорее всего, он вращается по спирали.

На планете дворец передвигался лишь в нескольких футах от земли. Здесь же он по каким-то причинам парил в двух-

стах ярдах над поверхностью. По мнению Ананы, Уртона установил автоматический контроль для того, чтобы дворец мог сопровождать луну во время ее падения.

— Вот увидите, он будет спускаться вместе с ней, но на таком расстоянии, чтобы не пострадать при столкновении.

— Но тогда столкновение не должно быть слишком сильным. Возможно, поверхность планеты выгибается при этом на сотню-другую футов. А что, если луна упадет на горы?

— Даже представить себе не могу. И все же у Уртоны имелись какие-то причины поднимать дворец на такую высоту. Жаль, но тем самым он вновь лишил нас возможности проникнуть в его крепость.

Дворец они больше не видели. По-видимому, он действительно совершал облет луны по спиральной орбите.

Встреча с дворцом послужила своеобразным стимулом. С тех пор путешественники не покладали рук ни днем, ни ночью. Большую часть времени занимала охота. Они убивали деревья и гонялись за антилопами. Потом мужчины обрубали ветви и обстругивали стволы, нарезали полосы из шкур убитых антилоп и выскабливали их ножами. Качество выделки оставляло желать лучшего, но Анана не унывала. Изготовив деревянные иглы, она сшивала шкуры друг с другом, а затем придавала широкому полотнищу треугольную форму. Чуть позже она натянула треугольный парус на деревянный остов, и в результате получился дельтаплан. Вместо тросов использовались ремни из сыромятной кожи.

Для управления планером Анана решила собрать деревянную трапецию. Но, несмотря на все усилия, им так и не удалось скрепить по углам три тонкие планки — вернее, крепление оказалось очень ненадежным и могло развалиться при резком рывке или продолжительной нагрузке.

И тогда вместо трапеции Анана остановила свой выбор на параллельных планках. По ее идее, пилот должен был пропустить первую пару планок под мышками, повиснуть на них и ухватиться руками за вторую верхнюю пару. Управление осуществлялось с помощью перемещения веса.

Собрав эту ветхую конструкцию, Анана нахмурилась.

— Я не знаю, выдержит ли каркас нагрузку. Надо устроить пробный полет.

На планете ей потребовался бы разбег, но гравитация луны во многом упростила задачу. Она заняла положение под планером, присела и, поймав порыв ветра, подпрыгнула вверх. Поднявшись футов на тридцать пять, Анана сделала изящный поворот, пролетела небольшое расстояние и приземлилась.

Когда двое мужчин подбежали к ней, она засмеялась и сказала:

— Господа, сенсация века! Состоялся успешный полет первого в истории этого мира шкуроплана.

Сделав еще несколько пробных прыжков, она довела дальность перелета до двух миль. Потом они вернулись в лагерь, пообедали, и Кикаха после подробной инструкции — возможно, двадцатой за эти дни — испытал себя в роли пилота. Затем его сменил Маккей. Мужчины вошли в азарт, и все трое посвятили полетам целый день.

— Завтра мы снова будем практиковаться на равнине, — сказала Анана, — а еще через день поднимемся в горы и освоим настоящий пилотаж. Вы должны привыкнуть к длительным полетам на большой высоте. Я не жду от вас профессионализма. Но вам следует обрести уверенность в своем умении управлять дельтапланом.

На пятый день практических занятий они перешли к виражам. Анана советовала приступить к поворотам только после хорошего разгона, поскольку планер при крене быстро терял ходовую скорость. Любая ошибка могла привести к падению. Однако Кикаха и Маккей неукоснительно выполняли предписания Ананы и раз за разом удачно спускались на грунт.

— Теперь нам надо найти подходящий обрыв, — сказала она. — К сожалению, на луне нет тепловых потоков, а вам для практики не мешало бы подняться повыше. Впрочем, я знаю, как это устроить.

Выслушав ее план, мужчины выразили свое согласие. Им оставалось только подождать, когда ближайшие горы обретут необходимую форму — пологий склон, по которому они могли бы подняться на вершину, и более-менее отвесный обрыв с другой стороны. К тому времени, когда это случилось, Анана построила для себя «летающее крыло». Грубые шкуры не позволяли парашюту раскрываться при прыжке. Поэтому она натянула полотно на легкий деревянный каркас, который одновременно обеспечивал и прочность структуры.

Они вскарабкались на вершину горы, и Анана без колебаний подошла к краю обрыва. Она подняла планер над собой, немного опустила носовую часть конструкции и, поймав ветер, прыгнула с высоты в четыре тысячи футов. Ее фигура, скользнув в плетеное сиденье, помчалась вниз под вздувшимся «летающим крылом». В тот же миг гора дрогнула. Мужчины торопливо отступили от края откоса. Вершина треснула, и огромный кусок земли сорвался в пропасть.

На этот раз Анана спускалась быстрее, чем на дельтаплане. Подтягивая или отпуская носовой ремень, она регулировала высоту полета, а затем, набирая скорость и используя крен, совершала плавные развороты.

Проследив за ее полетом, мужчины спустились в долину. На следующий день с горы спрыгнул Маккей, а еще через день «летающее крыло» испробовал Кикаха. Оба совершили удачную посадку. Их успехи радовали Анану, но она по-прежнему не верила в возможность спасения.

— «Крыло» слишком тяжелое, чтобы использовать его на планете. Нам нужен более легкий материал, иначе ничего не получится.

К тому времени шкуры на летательных аппаратах начали источать гнилостный запах, и их пришлось выбросить на съедение насекомым и собакам.

Сделав новое «крыло», Анана оснастила его рулевыми тягами и особым носовым клапаном. Поднявшись на небольшую гору, она совершила прыжок с тысячефутового обрыва. Внезапно ее атаковала гигантская птица. Рухля вцепилась когтями в «крыло» и, без труда удерживая добычу, направилась к горе, где находилось гнездовье.

Анана метнула топор, и острие вонзилось в шею птицы. Рухля отчаянно замотала головой, топор упал, но боль отвлекла птицу от ее жертвы. Она выпустила «летающее крыло», и Анана стала падать. Через миг рухля пришла в себя, помчалась следом, и в момент приземления Анане пришлось бы туго. Однако, к счастью пилота, птица прекратила погоню и, хрипло крикнув, отправилась на поиски менее опасной добычи.

Анана искала топор около часа, но, заметив «моа», который появился неподалеку, поспешила покинуть эту небольшую долину. На следующий день они вернулись туда втроем, и ближе к полудню Маккей отыскал топор за камнем, который возник из земли, как сказочный гриб.

Следующим этапом их деятельности стало создание небольшого воздушного шара. Но прежде им пришлось построить ветролом. Ветер, возникавший при проходе луны через атмосферу планеты, никогда не утихал. Его скорость обычно достигала десяти миль в час. При таких условиях им бы не удалось заполнить шар горячим воздухом, поскольку баллон унесло бы черт знает куда.

Работа заняла несколько недель. Они копали грунт ножами и заостренными палками. Соорудив полукруглый вал из корней и стволов погибших растений, они обсыпали его

землей и в конце концов довели высоту ветролома до шестнадцати футов.

Затем они отправились охотиться на антилоп. После двух дней выматывающей погони и перетаскивания туш из удаленных мест у них собралась большая куча шкур, многие из которых уже начали разлагаться.

На отдых не оставалось времени. Они скоблили жир, опаливали шкуры и разрезали их на полосы. Анана и Кикаха приступили к изготовлению оболочки. Маккей соорудил корзину и принялся за оплетку шара.

К концу ночи они едва шевелили руками от усталости. Покрасневшие глаза слезились от дыма. Тем не менее они развели огонь на земляном полу небольшой корзины. Мужчины, используя деревянные козлы, подняли оболочку таким образом, чтобы жар от костра поступал непосредственно в отверстие шара. Когда шар заполнился горячим дымом и начал подниматься в воздух, они связали концы оплетки под низом баллона, а затем отцепили от корзины якорные ремни. Шар взмыл вверх, и ветер понес его через равнину. Корзина накренилась, из нее посыпались пылавшие головешки. Остов короба задымился. Однако шар упорно увеличивался в размерах и поднимался все выше и выше.

Из швов вырывался голубовато-белый дым.

Анана покачала головой:

— Я знала, что ему не хватит прочности.

Воздушный шар продолжал подниматься. Корзина, висевшая на кожаных стропах, загорелась, и вскоре один ее конец оторвался от ремней. На землю посыпались остатки костра. Баллон поднялся еще на несколько футов, затем начал снижаться и, пролетев около пяти миль, упал за отрогом горного хребта. Устроив переполох среди бабуинов и диких собак, он обеспечил их пищей для долгого ночного пира.

— Жаль, что у нас нет кинокамеры, — сказал Кикаха. — История человечества еще не знала дирижаблей из сыромятных шкур.

— Вряд ли мы достанем для оболочки другой материал, — заметила Анана. — А шкуры животных быстро портятся.

— Я думаю, туземцы знают, как дубить шкуры, — воскликнул Кикаха. — Кроме того, они могут знать о легких породах древесины и других необходимых материалах. Давайте отыщем какое-нибудь племя и спросим об этом у них.

Через четыре недели они решили отказаться от поисков людей. Кикаха уговорил друзей подождать еще три дня, и буквально на следующее утро, забравшись на вершину не-

большой горы, они увидели племя, которое двигалось через набухавшую равнину. В миле от задних волокуш каравана виднелась неподвижная фигура, сидевшая посреди бескрайнего моря травы.

Через несколько часов Кикаха, Маккей и Анана подошли к фигуре, накрытой одеялом из шкур. Кикаха прыгнул вперед, сорвал покрывало, и они увидели старую женщину, которая сидела на земле, скрестив исхудавшие ноги и покорно сложив руки на отвисшей груди. В кулаке старуха сжимала рукоятку кремневого скребка. Почувствовав, что с нее сорвали покрывало, она открыла глаза и заскулила от ужаса. Потом беззубый рот закрылся. Старуха улыбнулась изумленному Кикахе и, смежив морщинистые веки, запела жалобную песню.

Анана обошла вокруг нее и осмотрела изогнутую спину женщины, выпиравшие ребра, запавший живот и редкие седые волосы. Судя по шрамам на левой ноге, старуха когда-то попала в лапы льва. Три пальца отсутствовали, кожа бугрилась белыми наростами, а кость изогнулась под неестественным углом.

— Она слишком стара, чтобы работать и ходить пешком, — сказала Анана.

— Поэтому туземцы и оставили ее на съедение животным, — добавил Кикаха. — Смотри, они дали ей этот скребок. Как думаешь, для чего? Чтобы она могла перерезать себе вены.

— Наверное, ты прав, — ответила Анана. — Вот почему она улыбнулась, одолев свой испуг. Она думает, что мы убьем ее и освободим от страданий.

Потрогав пальцами покрывало, Анана улыбнулась:

— Я думаю, она знает, как дубить шкуры. Эта женщина может многому нас научить — если только она еще в своем уме.

Оставив Маккея присматривать за старухой, Кикаха с Ананой ушли на охоту. На исходе дня они вернулись с тушей убитой газели и полной сумкой ягод, собранных с растения, которое им удалось отсечь от рощи. На коже Кикахи виднелся длинный красноватый рубец от удара щупальцем. Они предложили женщине ягоды и воду, и та, после некоторых колебаний, приняла их с благодарной улыбкой. Кикаха расплющил камнем сочный кусок мяса, отдал отбивную старухе, а затем выкопал в земле небольшую ямку. Наполнив ее водой, он бросил туда несколько камней, раскаленных на

огне, и добавил мелкие куски мяса. Суп получился теплым и жирным. Женщина выпила его без остатка.

Сменяя друг друга в дозоре, они провели эту ночь на равнине. Утром Кикаха приготовил в пустой тыкве новую порцию супа и накормил старуху. Убедившись, что незнакомцы не людоеды, женщина успокоилась и с удовольствием начала обучать их своему языку.

На следующий день Кикаха отправился вдогонку за караваном туземцев. Через двое суток он вернулся, принеся с собой кремневые наконечники для копий, каменные топоры, скребки и несколько боевых бумерангов.

— Я подкрался к ним ночью, — рассказывал он. — Они храпели после пира, объевшись подгнившим мясом дохлой слонихи. Спали даже дозорные. Мне оставалось только забрать то, что я хотел...

Обучение языку быстро продвигалось вперед. Через три недели они уже понимали веселые шутки Шубам. Она оказалась настоящим кладезем полезной информации. На этот раз им действительно повезло — подобрав старуху, они обрели сокровище.

Получив точные инструкции, все трое принялись за работу. Пока кто-то из них оставался с Шубам, другие собирали необходимые материалы. Она рассказала им об особых деревьях, в наростах которых содержался галлотанин или его эквивалент. Другой вид растений отличался необычайно легкой и прочной древесиной. Им удалось отыскать и убить несколько таких деревьев.

Кикаха сделал для Шубам костыль, чтобы она могла передвигаться. Анана ежедневно массировала полупарализованную ногу старухи. Женщина окрепла и начала набирать вес. Возможно, впервые в жизни она почувствовала себя важной персоной. Ей нравились эти двое мужчин и добрая красивая девушка. Но из ее груди по-прежнему вырывались печальные вздохи, а по щекам порою катились крупные слезы. Она скучала по своему племени и внукам. Но как и все туземцы лавалитового мира, Шубам привыкла к тяготам жизни. Многое из того, что эти трое чужеземцев считали насущной необходимостью, она воспринимала как божественную роскошь.

Прошло несколько месяцев; Кикаха и его друзья работали с рассвета и до поздней ночи. Они изготовили три легких и крепких «летающих крыла», которые намного превосходили по качеству и надежности прежние образцы Ананы. К сожалению, их не удалось сделать складными.

Чуть позже Шубам рассказала им о дереве, кора которого содержала мощный яд. Кикаха и Анана отправились на поиски рощи. Через несколько дней они поймали арканами дюжину растений и после напряженной схватки убили их, едва избежав при этом контакта с ядовитыми щупальцами. Следуя инструкциям старой женщины, Анана собрала яд в пустую тыкву. Заметив сходство растений с тисом, Кикаха спел на радостях арию Робин Гуда. Сделав из ветвей три лука, он натянул на них тетиву из высушенных и скрученных козлиных кишок. Они оснастили стрелы кремневыми наконечниками, похищенными у туземцев, а яд придал их оружию воистину убойную силу.

Теперь они могли охотиться на слонов.

Несмотря на иммунитет толстокожих к дротикам многих растений, яд, извлеченный из «тиса», убивал их мгновенно. В конце следующего месяца Кикаха и Маккей заготовили необходимый запас оболочек слоновьих желудков. В расчете на квадратный ярд эти мембраны весили на две трети меньше, чем шкуры газелей. Срезав с «летающих крыльев» старое покрытие, Анана заменила его на новое и более легкое.

— Теперь «крылья» выдержат любые виражи, — сказала она. — Им не страшна даже атмосфера планеты. Наконец-то я хоть в чем-то уверена. Со шкурами их просто не сравнить.

После долгой охоты и нескольких неудач они убили растение, которое обеспечило их голубоватым веществом. Оно накрепко склеило концы полос, составлявшие оболочку шара. Анана проверила несколько скрепленных мембран на жаропрочность. Она продержала полоски над огнем в течение двадцати часов, однако качество клея не ухудшилось. Лишь после тридцати часов постоянного нагрева он начал понемногу крошиться.

— Вот и прекрасно, — сказала она. — Надеюсь, мы будем лететь на шаре не больше часа. В любом случае нам придется ограничить вес топлива. По моим расчетам, час полета — оптимальный срок.

— Мы могли бы поднять на борт и больший груз, — сказал Кикаха. — Но надо подумать и о ней. — Он кивнул в сторону Шубам. — Она нам здорово помогла, и благодаря ее советам у нас появился реальный шанс улететь отсюда. Я просто не знаю, что теперь с ней делать. Мы не можем оставить ее здесь. И в то же время мне бы очень не хотелось брать Шубам с собой.

— Не волнуйся об этом, — сказала Анана. — Я уже с ней обо всем договорилась. Она знает, что мы скоро улетим.

И Шубам благодарна нам за то, что мы подарили ей лучшие дни в жизни. Для нее это время было как сладкий сон.

— Неужели ты хочешь бросить ее на произвол судьбы?

— Я обещала помочь ей уйти из жизни.

Кикаха вздрогнул и поморщился:

— О Ганга Дин! Ты более человечна, чем я. Склоняю голову перед твоим мужеством. У меня бы на такое не хватило духу.

— Возможно, ты хочешь предложить что-то другое?

— Ладно, чему быть, того не миновать. Мне полагалось бы взять инициативу на себя, но я рад, что не буду делать этого.

ГЛАВА 21

Анана решила, что лучше сделать три маленьких шара вместо одного большого.

— И вот почему. Чтобы обеспечить одинаковую подъемную силу, материал большого баллона должен быть значительно крепче, чем у маленькой оболочки. Поэтому, сделав три малых шара вместо одного большого, мы выиграем в прочности и одновременно уменьшим вес. Каждый из нас совершит подъем на своем аэростате. А так как мы сократим подветренную площадь шаров, ими будет легче управлять.

Кикаха попытался оспорить это утверждение, но ему не хватило аргументов. Маккею тоже не хотелось подчиняться женщине, однако он признавал, что в делах воздухоплавания она была среди них авторитетом.

Заканчивая последние приготовления, они работали не покладая рук. Шубам оказывала им посильную помощь, и даже тень близкой кончины не затмевала ее радости. Наверное, в глубине души она чувствовала и страх и печаль разлуки, но ей не хотелось смущать остальных слезами и скорбным видом.

А потом наступил решающий момент. Три оболочки лежали на земле за валом ветролома. К каждой корзине с помощью строп крепилась оплетка оболочки, изготовленная из свитых мембран. Концы оплетки заканчивались на круговой петле, ниже которой на стропах висела корзина. Такая конструкция обеспечивала наилучшую стабильность.

Сначала вместо круговой петли они хотели использовать деревянные кольца. Но для того чтобы вырезать ножами три массивных кольца, потребовалось бы много времени. Кроме

того, деревянные кольца еще больше увеличили бы вес воздушного шара.

Концы строп крепились к углам и бокам треугольной гондолы, сделанной из кусков коры. Дно покрывал толстый слой земли, а в центре располагалась куча ветвей, под которую подложили сухую траву, древесные стружки и мох. Рядом лежали куски кремня, которыми следовало высечь искру.

Из-за мутаций почвы земляной ветролом разрушался уже четыре раза. Последний вал был сделан вдвое выше и вчетверо длиннее, чем предыдущие. Насыпь укрепили корнями и ветвями, которые поддерживались поперечными бревнами.

У открытого конца ограды установили три простейших подъемных крана, похожих на виселицы. К горизонтальным балкам на скользящих петлях крепились верхние части баллонов.

Одну за другой мужчины подтянули оболочки вверх, и те свободно повисли под перекладинами виселиц. Концы якорных веревок были привязаны к вертикальным столбам. Маккей заметно нервничал. Он выразил желание подняться в воздух первым. Его костер запылал. Дым повалил в кожаный патрубок, подвешенный к горловине шара.

Когда первая оболочка начала разбухать, Анана развела огонь в своей гондоле. Подождав несколько минут, Кикаха тоже зажег костер.

На небе появились первые полосы «рассвета». С равнины доносились лай, рев и ржание зверей, пробуждавшихся к новому дню. Там снова кто-то ел, и вновь кого-то ели. Скорость ветра достигала восьми миль в час. Погодка выдалась что надо.

Шар Маккея продолжал раздуваться. Как только стало ясно, что он может уже держаться в воздухе, Маккей поднялся по оплетке к горизонтальной перекладине и перерубил топором веревку, на которой раньше висела оболочка. После чего спрыгнул в корзину и, подождав еще несколько минут, вытолкал шар из-под стрелы подъемного крана.

Когда шар Ананы поднялся в воздух, она перерезала веревку на перекладине, и вскоре Кикаха сделал то же самое.

Шубам, которая лежала на боку у ветролома, поднялась, опираясь на костыли, подошла к Анане и что-то сказала. Анана обняла старую женщину и перерезала ей вены на запястьях. Кикаха хотел отвернуться, но устыдился своей слабости. Поступок Ананы заслуживал уважения, поэтому он не стал отводить взгляд от этого зрелища.

Шубам опустилась на землю и запела жалобную песню. Она даже не заметила, как Кикаха помахал ей на прощание рукой.

Смахнув с лица слезы, Анана занялась поддержанием костра.

— До встречи! — закричал Маккей. — Увидимся позже! Я очень надеюсь на это!

Перерубив якорные ремни, он быстро забрался в гондолу, подбросил в костер несколько ветвей и стал ждать. Шар подхватило порывом ветра. Корзина немного накренилась, затем выровнялась и начала набирать высоту.

Через несколько минут в воздух взмыл шар Ананы. Следом за ней взлетел Кикаха.

Он взглянул на раздувшуюся оболочку. «Летающее крыло» крепилось к оплетке почти у самого купола. Парашюты привязали к шарам еще до того, как разводить костры. На расстоянии это выглядело, наверное, так, будто на гигантскую лампочку сел огромный мотылек.

Кикаху возбуждал полет на аэростате — он словно парил на сказочном ковре-самолете. Однако ощущения движения не было, и он больше не чувствовал ветра. Шар двигался с той же скоростью, что и воздушный поток.

Над ним зависли два других шара. Анана помахала ему рукой, и Кикаха ответил ей тем же. А потом занялся костром.

Чуть позже Кикаха взглянул вниз. Шубам превратилась в крошечную фигурку и вскоре исчезла за краем ветролома. Обзор расширился. Горизонт отступил. Впереди тянулись вереницы гор и равнин, а между ними поблескивали лощины, заполненные дождевой водой.

Половину неба закрывало тело планеты. Огромная рана, возникшая после отрыва осколка, затянулась. Планета-мать ждала возвращения ребенка, предвкушая еще один гигантский катаклизм.

Мимо проносились стаи птиц и небольших крылатых млекопитающих. Они улетели с луны, а значит, до новых метаморфоз сателлита оставалось не так уж много времени.

Кикаха усмехнулся. Похоже, им троим удалось избежать довольно крупной неприятности.

Вскоре его шар пролетел сквозь облако крылатых семян. Они парили и кружились, как крупные белые снежинки.

Пламя костра пожирало дрова, и запасы веток быстро таяли. Однако чем меньше оставалось топлива, тем легче становился шар. Поверхность луны удалялась все быстрее и

быстрее. На высоте пятнадцати миль Кикаха прикинул, что может подняться еще на пять-шесть миль.

Шар Маккея отнесло далеко в сторону. Анана находилась в полумиле от Кикахи, и это расстояние больше не увеличивалось.

Где-то на высоте двадцати миль Кикаха бросил в огонь последние дрова. Когда они прогорели, он сгреб горячие угли в одну небольшую кучу и накрыл их кожаным патрубком дымовой трубы. Это могло предотвратить быстрое остывание горячего воздуха.

Выбросив землю со дна корзины, он задумчиво осмотрелся по сторонам. Через несколько минут шар начнет спускаться на планету. Когда падение станет слишком быстрым, он воспользуется «летающим крылом». И тогда все будет зависеть от удачи, потому что мутация сателлита заранее поделит всех на живых и мертвых.

Внезапно ему в лицо ударил теплый воздух. Усмехнувшись, он помахал Анане рукой, хотя на таком расстоянии она не могла увидеть его жест. Быстрое изменение температуры указывало на то, что шар достиг так называемой «изнанки» гравитационного поля. Здесь энергетические структуры двух небесных тел стыковались друг с другом, и их диффузия приводила к нагреву воздуха. Восходящие потоки понесли шар вверх. Кикаха надеялся, что подъем продлится довольно долго.

Когда жар усилился, он отрезал ножом дымовую трубу и выбросил ее из корзины. Ситуация приближалась к критической точке. По идее, шар должен был упасть. Однако горячий воздух уносил его вверх быстрее, чем он спускался вниз. Струя восходящего потока поступала через отверстие внутрь оболочки, но на ней уже начинали появляться складки и морщины. Если она сплющится еще больше, падение станет неотвратимым. Представив себе свист ветра в снастях, Кикаха встряхнул головой. Ему бы не хотелось услышать такое наяву.

Пол гондолы начал медленно крениться. Кикаха взглянул на шар Ананы. Ее корзину медленно заносило вверх и в сторону.

Они достигли зоны разворота. Теперь ему предстояло действовать быстро и смело, без колебаний и суеты.

Пролетавших мимо птиц разворачивало в воздухе. Однако стаи тут же восстанавливали порядок в своих рядах и продолжали спускаться на планету.

Кикаха вскарабкался по стропам на оплетку шара. Воздух стал еще горячее. Ему казалось, что за минуту температура поднялась от ста до ста тридцати градусов по Фаренгейту Добравшись до парашюта, он вытер пот, стекавший в глаза, и начал срезать ремни, которыми «летающее крыло» крепилось к оплетке. К счастью, оболочка еще не нагрелась до такой степени, чтобы обжигать руки и ноги.

Тем не менее работа требовала неимоверных усилий. Тонкие ремни не могли служить опорой. Кикаха цеплялся за снасть, с трудом просовывая стопы и ладони между веревками и оболочкой шара. Несколько раз его нога соскальзывала, и он повисал в воздухе на пальцах одной руки.

В процессе работы он даже не заметил, как шар закончил разворот. Диск планеты теперь находился прямо под ним, а чаша луны парила над головой.

Аэростат Маккея затерялся в просторах красного неба. Кикаха взглянул на шар Ананы, который завис неподалеку. Опустевшая гондола свидетельствовала о том, что Анана в данный момент освобождала парашют от крепежных ремней.

Внезапно воздух стал прохладным. Снасти запели под напором ветра. Сморщившийся шар помчался вниз со скоростью, от которой замирало сердце.

Отвязав парашют, Кикаха просунул ноги в стременные петли и перерезал веревку, которой нос «летающего крыла» крепился к шару. Ему оставалось отсоединить лишь задний конец парашюта, но для этого надо было спуститься вниз по оплетке. Анана много раз просила его и Маккея не спешить и делать все по порядку. Сначала полагалось отсоединить верхний конец «летающего крыла», а затем нижний. В ином случае восходящий поток воздуха мог поднять парашют над шаром. Нос «крыла» тянуло бы вниз под тяжестью аэростата, а пилот болтался бы в оснастке, как лист на ветру. В такой ситуации он мог бы не добраться до крепежного ремня, поскольку ему пришлось бы преодолевать встречный напор воздуха.

— Конечно, у вас будет солидный запас времени, — говорила Анана. — До поверхности планеты восемьдесят миль, и вы, возможно, успеете исправить ошибку. Но, честно говоря, я в это не очень верю.

Кикаха спустился по оплетке к заднему концу «крыла» и отрезал последний крепежный ремень. Парашют подбросило вверх. От скорости у Кикахи замерло сердце. Шар остался далеко внизу и быстро исчез из виду. Ремни оснастки впились в тело.

Подтянув управляющую стропу, Кикаха приспустил нос «крыла» и перешел на быстрое нисходящее скольжение. Иначе говоря, он начал падать, но сравнительно медленно.

Кикаха торопливо осмотрелся по сторонам. Анана, похоже, потерялась в красном небе. Через минуту он обнаружил небольшой объект, который с равной вероятностью мог оказаться Маккеем, Ананой или одинокой птицей. Темная точка находилась значительно ниже его и немного левее. Увеличив угол наклона, Кикаха попытался приблизиться к ней. После долгой погони точка увеличилась и превратилась в прямоугольник парашюта.

Приоткрыв пропускной клапан, Кикаха уменьшил рабочую площадь «крыла». Скорость падения возросла, и вскоре он поравнялся с Ананой. Увидев его, она помахала крыльями. После нескольких маневров они сблизились до двадцати футов.

— У тебя все нормально? — крикнул он.

— Да!

— Ты видела Маккея?

Она покачала головой.

Через два часа Кикаха заметил крупный объект, который находился примерно в двух тысячах футах под ними. Он обрадовался, решив, что это Маккей. Однако очертания фигуры больше соответствовали птице, чем «летающему крылу». Объект быстро спускался вниз. Судя по траектории полета, он мог достичь поверхности гораздо быстрее Кикахи и Ананы.

Если это был Маккей, ему следовало немного поберечься. Впрочем, на вкус и цвет товарища нет. Возможно, ему понравилось летать с ветерком.

Через несколько секунд Кикаха и думать забыл о Маккее. Мимо промчалась стая гусей, а вслед за ней потянулись стаи больших и малых птиц. С луны улетали миллионы пернатых существ. Воздух потемнел от тел. Хлопот крыльев, крики, свист, карканье и трели оглушили Кикаху и Анану.

Их парашюты пронеслись сквозь клин журавлей, и те разлетелись в стороны: одни — вправо, другие — влево. Потом среди птиц началась паника. Кикаха подумал, что их напугали «летающие крылья», но через миг увидел истинных виновников переполоха. На них надвигалась армада гигантских рухлей.

Эти существа, размером с небольшой самолет, сопровождали их теперь, словно почетный эскорт. Одна из птиц поменяла курс и осмотрела бесстрастным желтым глазом Анану. Почувствовав недоброе, Анана закричала и замахнулась на рухлю ножом. Птица не спеша отлетела. Кикаха

вздохнул с облегчением. Если бы эти гиганты предприняли атаку, им с Ананой пришлось бы несладко.

Однако у рухлей имелись какие-то свои дела. Они не стали спускаться следом за парашютами, и через некоторое время стая превратилась в маленькое пятнышко на небесном полотне.

Кикахе доводилось участвовать и в более длительных путешествиях, но ни одно из них не было таким болезненным. Наверное, поэтому оно и казалось неимоверно долгим. Перед стартом Анана предупредила его и Маккея об опасностях длительного полета, и уже тогда ему не понравилось то, что он услышал. Однако реальность превзошла даже самые худшие опасения.

Если «летающее крыло» использовалось как планер, скорость снижения достигала четырех футов в секунду. В этом режиме им потребовалось бы двадцать часов, чтобы достичь поверхности планеты. К тому времени на ногах могла появиться гангрена.

Если «крыло» использовалось как парашют, скорость снижения доходила до двадцати футов в секунду, то есть полет сокращался примерно до шести часов.

Отыскав друг друга в воздухе, Анана и Кикаха уменьшили несущую площадь «крыльев» и начали спускаться в парашютном режиме. В принципе, открывая особый клапан, они могли ускорять спуск, но эту процедуру приходилось выполнять только через определенные интервалы времени. При скоростном снижении возрастала нагрузка на стропы. Кроме того, резкий рывок во время торможения мог разорвать покрытие «крыла».

Когда до земли осталось каких-то десять тысяч футов, Кикахе начало казаться, что его руки и ноги вот-вот оторвутся от тела и улетят обратно на луну. Он висел, как марионетка, в стременных петлях и лишь иногда поворачивал голову, чтобы взглянуть на Анану, которая держалась на одном уровне с ним, хотя из-за разности в весе должна была находиться гораздо выше его. Скорее всего, она подвергала себя дополнительному риску и чаще использовала пропускной клапан. Однако большую часть времени она висела на веревках, как кусок дохлятины.

Кикаху тревожила встреча с сильными восходящими потоками, которые могли замедлить падение. К счастью, его опасения не оправдались. Они продолжали спускаться с той же скоростью.

Под ними проносились горы и небольшие равнины. Когда до земли оставалось четыре тысячи футов, внизу появился

огромный водоем. Дождевая вода заполнила широкую впадину, и здесь на какое-то время образовалось озеро. Вскоре один из краев впадины приподнялся, вода потекла через горное ущелье, и стремительный поток застиг врасплох небольшое стадо антилоп на другой стороне хребта. Обмелевшая часть водоема превратилась в царство амфибий, которые тысячами карабкались на берег и искали спасения в многочисленных лужах.

Кикаху заинтересовала причина их поспешного бегства. Через несколько минут он заметил под водой огромных животных, которые немного походили на крокодилов. Они стремительно кружили по мелководью и зачерпывали пастями удиравшую добычу.

Окликнув Анану, Кикаха указал на монстров. Та прокричала, что им надо отлететь подальше от зубастых тварей и спрыгнуть в воду.

Кикаха с огромным трудом перерезал стременные петли и, выпустив стропы из рук, упал в холодную воду. Через две секунды новый всплеск отметил место падения его спутницы. Коснувшись дна, он попытался оттолкнуться, но у него ничего не получилось.

Ноги не желали подчиняться.

Сделав несколько гребков затекшими руками, Кикаха всплыл на поверхность и направился к берегу. Анана плыла впереди, и у нее тоже двигались только руки.

Выползая на траву, путешественники выглядели как русалка и водяной. Их ноги безвольно волочились по земле. После сильных и долгих болей нарушенная циркуляция крови восстановилась, и они, передохнув, поднялись на холм. Мимо пробежали длинные четырехногие существа с плавниками на чешуйчатых спинах. Зубастые твари делали ложные выпады, но приближаться боялись.

Кикаха и Анана едва держались на ногах. После нескольких месяцев, проведенных на луне, гравитация планеты изматывала силы. Тем не менее они продолжали идти. Им не хотелось оставаться на виду у крокодилов, которые теперь разгуливали на суше.

Сами того не ожидая, они перебрались на противоположный склон горы. Отыскав укромное местечко за большим валуном, уставшие путники легли на траву и закрыли глаза. Усталость заставила их забыть о львах, собаках и прочих хищниках, которые могли напасть на спящих.

«Лишь бы луна не упала, — подумал, засыпая, Кикаха. — А все остальное — ерунда...»

ГЛАВА 22

Они бежали по равнине, сохраняя темп, в котором могли одолеть еще несколько миль. Если не считать поясов, ножа и рога, Анана и Кикаха были такими же голыми, как в тот день, когда появились на свет. Тела покрывал пот. Дыхание со свистом рвалось из груди. На этот раз они действительно могли догнать дворец — если только им ничто не помешает.

Внезапно они увидели человека, который тоже гнался за летающей крепостью. Он скакал на «лосе» в полумиле от них. По росту и рыжевато-бронзовым волосам Кикаха узнал в нем Рыжего Орка.

— Черт! Как он здесь оказался? Интересно, что Орк будет делать, когда догонит дворец. Он же не знает кодового слова.

— Я думаю, не знает, — задыхаясь, ответила Анана. — Но ему может открыть дверь или окно тот человек, которого мы видели.

К счастью, Орк не оборачивался. Через десять минут на нижнем балконе открылась стеклянная двустворчатая дверь. Он ухватился за поручень ограды, и кто-то помог ему забраться внутрь. «Лось» тут же перешел на легкую рысь и побежал к роще шагающих растений. Стеклянная дверь закрылась.

Кикаха надеялся, что незнакомец во дворце поможет и им. Впрочем, ему мог помешать Рыжий Орк.

Они медленно приближались к летающей крепости. Их босые ступни приминали траву. Груди вздувались и опадали. Пот струился с висков и бровей, стекая в глаза. Ноги с трудом подчинялись воле. Они чувствовали себя так, словно тела наполнялись ядом, который постепенно убивал мышцы. Хотя фактически так оно и было.

Будто для того, чтобы еще больше осложнить ситуацию, дворец свернул к горе, которая находилась в двух милях. Поднимаясь на любой склон, крепость сохраняла одну и ту же скорость. Но его преследователям пришлось бы карабкаться вверх. А это означало отсрочку на день или даже два.

Наконец правый край основания оказался на расстоянии вытянутой руки. Кикаха и Анана замедлили бег и попытались отдышаться. На равнине они могли сопровождать дворец шагом. Однако крепость приближалась к горе, а у людей уже не оставалось сил, к которым они могли бы прибегнуть в критический момент.

В нижнем углу располагалось высокое окно. Толстое стекло, резко изгибаясь, открывало вид на обе стороны. Края плотно

стыковались со стенами, не оставляя ни щелей, ни выступов, за которые можно было бы зацепиться.

Кикаха и Анана перешли с шага на трусцу. Через окна первого этажа, мимо которых они пробегали, просматривался освещенный коридор. На стенах, окрашенных в яркие цвета, висели прекрасные картины. У дверей, которые вели во внутренние комнаты, стояли статуи стройных дев. Потом они увидели большой зал, обставленный роскошной мебелью. В дальнем конце находился огромный камин, в котором горел огонь.

Куполообразный робот на колесах, около четырех футов ростом, занимался уборкой помещения. Металлическая многосегментная рука передвигала широкий диск, который полировал поверхность стола. Другой рукой он перемещал по ковру какое-то устройство — по всей видимости, пылесос.

Кикаха побежал изо всех сил. Анана едва поспевала следом. Они хотели добраться до фасада, прежде чем начнется подъем на гору. Передняя часть дворца по-прежнему будет парить в футе над склоном. Но остальная часть, сохраняя стабильное положение, поднимется на такую высоту, что до нее будет уже не дотянуться.

Перед самым подъемом Кикаха и Анана поравнялись с передним углом летающей крепости. Однако теперь им предстояло взбираться по склону.

По пути они заглядывали во все окна, мимо которых пробегали. Но, как видно, добрый незнакомец находился где-то в другом месте.

Пробежав мимо углового окна, Кикаха и Анана увидели балкон, за который можно было зацепиться. Он располагался на уровне первого этажа в центре передней стены. Очевидно, Уртона выходил сюда подышать свежим воздухом и полюбоваться видами планеты. Вне всяких сомнений, он учел и возможность появления незваных гостей. Вряд ли им удалось бы пробраться через стеклянную дверь. Однако тот юноша мог намеренно или по небрежности оставить ее незапертой. Почти не надеясь на такое везение, они решили залезть на балкон и немного передохнуть.

Еще немного, и им бы это не удалось.

Они бежали наискось по склону, стараясь все время оставаться впереди дворца. Подъем на гору лишал их последних сил. Наверное, поэтому Кикаха и упал. Он поскользнулся, покатился под основание дворца, но в последний момент ухватился за край. Подтянувшись на руках, Кикаха выскочил из узкой щели, отчаянно прыгнул вперед, и тут его запястье

схватила Анана. Она протащила Кикаху по земле, упала на спину, но к тому времени он уже пришел в себя и быстро поднял ее на ноги. Они возобновили бег, не дав дворцу промчаться над ними.

Кикаха прыгнул, зацепился за крепление балкона и помог Анане перебраться через ограждение. Они долго лежали на металлическом полу, втягивая в себя воздух с такой жадностью, будто на всей планете его осталось на дюжину-другую вдохов. Отдышавшись, они сели и осмотрелись. Двустворчатая стеклянная дверь, ведущая в огромную комнату, не имела дверных ручек и, по-видимому, открывалась с помощью потайной кнопки или кодового слова.

Кикаха осмотрел стекло и, не заметив датчиков сигнализации, изо всех сил ударил рукояткой ножа по прозрачной поверхности. Материал не только выдержал удар, но даже не треснул. Кикаха этого не ожидал.

— Ладно, по крайней мере мы едем, — успокоил он себя.

Они осмотрели балкон, который находился двадцатью футами выше. К сожалению, добраться до него было невозможно.

— Неужели застряли? — воскликнул Кикаха. — Подумать только, какая ирония! После стольких усилий мы, наконец, догнали дворец Уртоны, и теперь нам предстоит умереть от голода перед этой дверью.

Их мучила жажда, и они едва держались на ногах от усталости. Тем не менее им не хотелось покидать дворец, за которым пришлось гоняться так долго.

Кикаха еще раз поднял голову и осмотрел набегавшие темные тучи.

— Вскоре пойдет дождь. Я думаю, он утолит нашу жажду. Что ты скажешь, если мы проведем здесь ночь? Возможно, утром у нас появится какая-то идея.

Анана согласилась, что лучшего пока не придумать. Через какое-то время начался ливень, который длился несколько часов. Они напились дождевой воды; однако, когда тучи разошлись, вид у обоих был как у утопающих щенят. Кикаха и Анана дрожали от сырости и холода. К началу ночи им удалось обсохнуть и согреться, но они так и заснули в объятиях друг друга.

К середине следующего «дня» их желудки рычали, как голодные львы, за клеткой которых лежала куча мяса.

— Нам надо отправиться на охоту, иначе мы совсем лишимся сил, — сказал Кикаха. — При желании эту штуку можно догнать еще раз. Вот только зачем? Впрочем, если нам

удастся сделать веревку с крюком, мы можем подняться на этот балкон или даже на следующий. А вдруг какая-то дверь окажется незапертой? Почему бы нам, в конце концов, не попробовать?

— Двери будут закрыты, Кикаха. Уртона не стал бы рисковать. Кроме того, когда мы сделаем веревку, дворец улетит далеко вперед, и, возможно, мы даже потеряем его из виду.

— Ты права, — сказал Кикаха.

Он повернулся к двери и застучал по ней кулаком. В центре большой комнаты виднелся фонтан. Из рога, который держал во рту мраморный тритон, струилась вода.

Внезапно Кикаха пригнулся.

— Стой! Не двигайся, Анана! Сюда кто-то идет!

Анана прижалась к ограждению. Она стояла сбоку и не видела того, кто вошел в комнату.

— Это Рыжий Орк! Он увидел меня! Попробуем его надуть! Спрячься под балконом! Там есть крепления, на которых ты можешь повиснуть! Не знаю, что он задумал, но если Орк выйдет сюда, ты можешь застать его врасплох. А я сыграю роль жертвенного козла!

Анана перелезла через ограждение и исчезла под балконом. Проследив за ней краем глаза, Кикаха повернулся к Орку и с нарочитым удивлением всплеснул руками.

Властитель был одет в роскошные одежды из яркого искрящегося материала. Наряд состоял из коротких штанов, доходивших до икр, алых туфель с загнутыми кончиками, двубортного френча, рукава которого расширялись книзу, и кружевной рубашки с широким отложным воротником, украшенным драгоценными камнями.

Орк улыбался и держал в руке довольно неприятный на вид лучемет.

Он остановился у двери и осмотрел балкон. Коснувшись рукой стены, властитель нажал на кнопку, и створки дверей скользнули в пазы стен.

Нацелив лучемет в грудь Кикахи, Орк ласково поинтересовался:

— А где Анана?

— Она умерла.

Властитель улыбнулся и нажал на курок. Кикаху отбросило от двери, и он ударился спиной об ограждение. Наполовину оглушенный, Кикаха смутно осознавал происходящее, но выглядел как настоящий труп. Орк вышел на балкон и перегнулся через перила.

— Залезай наверх, Анана, — произнес рыжеволосый властитель. — Я знаю, что ты здесь. И не забудь выбросить свой нож.

Через какое-то время Анана медленно перелезла через ограждение. Орк отступил к двери и направил на нее лучемет. Взглянув на Кикаху, она вздрогнула и встревоженно спросила:

— Он мертв?

— Нет, лучемет установлен на малую мощность. Я обнаружил вас еще прошлым вечером. На пульт поступил сигнал тревоги. Твой леблябби оказался настолько глуп, что ударил по стеклу. А система сигнализации во дворце очень чувствительная.

— Так ты наблюдал за нами? Решил посмотреть, что мы будем делать?

Он заметил рог, висевший на ремне за ее плечом.

— Наконец-то он мой. Теперь я могу убраться с этой чертовой планеты.

Он нажал на курок, и Анана отлетела к ограждению. Кикаха почти пришел в себя, но по-прежнему чувствовал огромную слабость. Вот если бы Орк подошел поближе...

Однако властитель не собирался подходить. Он отступил назад, что-то сказал, и на балкон вышли два робота. На первый взгляд они выглядели как обычные люди, однако мертвые глаза и резкие ломаные движения, чуждые существам животного происхождения, не оставляли сомнений, что под слоем кожи находится металл или пластик. Один из них забрал у Кикахи нож и выбросил оружие через ограждение. Другой снял с плеча Ананы музыкальный инструмент. Потом роботы схватили людей за лодыжки и втащили внутрь. У одной стены на высокой платформе с шестью колесами стояла большая полусфера из толстых перекрещенных прутьев. Робот поднял Анану и засунул в клетку через небольшое отверстие. Второй сделал то же самое с Кикахой. Дверь захлопнулась, и двое пленников оказались в куполе, который походил на огромную мышеловку.

Орк нагнулся и, включив какое-то устройство под платформой, с усмешкой сказал:

— Я подал на прутья ток, поэтому к ним лучше не прикасаться. Вас не убьет, но дернет основательно.

Он отдал роботам приказ, и те покатили клетку через комнату. Унося рог, Рыжий Орк вышел в широкий коридор с высоким потолком.

Кикаха подполз к Анане.

— С тобой все нормально?

— Через минуту приду в себя, — ответила она. — Страшно болит голова, и я чувствую сильную слабость.

— Я тоже, — шепнул Кикаха. — Но мы все-таки попали во дворец.

— Неужели ты никогда не думаешь о смерти? Знаешь, твой оптимизм временами... Ладно, забудь об этом. Интересно, что Орк сделал с тем парнем, который впустил его?

— Если он еще жив, то, наверное, сожалеет о своем добром поступке. Я думаю, этот юноша не властитель. Иначе он не позволил бы так просто обвести себя вокруг пальца.

Кикаха окликнул Орка и спросил его о незнакомце. Властитель ничего не ответил. Подойдя к развилке коридора, он остановился, повернулся к стене и тихо произнес кодовое слово. Часть стены отъехала в сторону. За ней открылся проход, который вел в пустую квадратную комнату. Скорее всего, это был лифт.

Рыжий Орк нажал одну из кнопок на приборной панели, и лифт помчался вверх. Когда кабина остановилась, вспыхнувший на двери символ показал, что они находятся на сороковом этаже. Орк нажал еще на две кнопки и положил ладонь на рычаг управления. Лифт выехал в широкий коридор и заскользил над полом. Манипулируя рычагом, Орк свернул за угол и, пролетев по другому коридору около двухсот футов, остановился напротив массивной двери.

Властитель вытащил из кармана небольшую черную книжку, открыл ее и тихо прошептал какое-то слово. Дверная панель откатилась в сторону. Роботы втащили клетку в большую комнату и установили в центре помещения.

Орк произнес несколько невнятных слов. Странные механизмы, расположенные на стенах в десяти футах от пола, вытянули металлические руки, которые заканчивались стволами лучеметов. На каждой стене имелось по два робота-охранника, и все они целились в клетку с пленниками. Над лучеметами поблескивали линзы видеокамер.

— Эй, Кикаха! — с усмешкой сказал Рыжий Орк. — Ты хвастался, что нет такой тюрьмы, которая могла бы удержать тебя. Я решил проверить, насколько правдивы твои слова. Хотя не думаю, что тебе удастся похвастать об этом еще раз.

— Ты забыл сказать, что собираешься делать с нами, — скучающим голосом произнесла Анана.

— Вы подохнете с голода, — ответил Орк. — Но я буду давать вам воду, чтобы вы протянули недельку-другую. А потом в один из дней, о котором я вам пока ничего не скажу,

эти восемь лучеметов разрежут вас на куски. И мне плевать, будете вы живыми или мертвыми к тому времени.

А тебя, Кикаха, я хочу предупредить особо. Если ты каким-то чудом действительно выберешься из клетки и ускользнешь от огня лучеметов, тебе все равно не выбраться отсюда. Из этой комнаты только один выход. И вам не удастся открыть дверь, пока вы не произнесете кодового слова.

Анана открыла рот, и Кикаха, увидев выражение ее лица, испугался, что она начнет умолять Орка о пощаде. Анана быстро опомнилась, и выражение мольбы исчезло с ее лица. Даже в такой безвыходной ситуации она не собиралась унижаться перед своим дядей. К тому же это все равно бы не помогло. Тем не менее она едва не поддалась панике.

— По крайней мере ты мог бы удовлетворить наше любопытство, — сказал Кикаха. — Кто тот человек, который впустил тебя? И что с ним случилось?

Нахмурив брови, Орк кивнул и тяжело вздохнул:

— Этот тип сбежал от меня. Как только мне под руку попался лучемет, я решил посадить его за решетку. Но он удрал через проход, о котором я даже не подозревал. Наверное, сейчас этот лебляббий уже прошел через врата в другой мир. Во всяком случае, мониторы не выявили его присутствия.

Кикаха усмехнулся:

— Спасибо за ответ. Но кто этот человек?

— Он представился землянином. Его английская речь звучала очень необычно. Она походила на язык Англии семнадцатого или восемнадцатого века. Лебляббий так и не назвал своего имени, но из его бессвязной речи я понял, что он бежал из мира Валы и, попав в ловушку, оказался во дворце Уртоны. Какое-то время этот землянин искал здесь врата в другую вселенную. И надо признать, его записная книжка мне очень пригодилась. Увидев меня верхом на «лосе», он дезактивировал защиту нижнего балкона и помог мне пробраться во дворец. Цвет моих волос убедил его в том, что я не туземец лавалитового мира. По правде говоря, у меня сложилось впечатление, что этот лебляббий немного не в себе.

— Да он просто сумасшедший, если доверился тебе, властителю, — сказала Анана. — А он не говорил о том, что видел меня, Кикаху и Маккея? Мы встречались с ним на луне. И он даже помахал нам ручкой.

Орк удивленно поднял брови:

— Вы были на луне? Но как вам удалось остаться в живых при падении? Хм-м! Он мне об этом ничего не говорил. Хотя, возможно, он рассказал бы мне о вас позже, если бы я дал ему немного времени. — Помолчав, он усмехнулся и с издевкой произнес: — Да, чуть не забыл! Если вы совсем уж проголодаетесь, можете съесть друг друга.

Увидев ошеломленные лица пленников, Орк захохотал. Чуть позже, утерев набежавшие слезы, он вытащил из ножен небольшой кинжал. Шестидюймовое лезвие казалось сделанным из золота. Орк бросил его через прутья к ногам Ананы.

— Если вам захочется пожертвовать друг другу кусок ноги или, возможно, палец, воспользуйтесь этим ножом. Только не думайте, что им можно замкнуть прутья. Он не проводит электрический ток.

Кикаха даже рассердился.

— Если бы не Анана, я мог бы подумать, что все властители достойны лишь смерти и позора. Но теперь мне ясно одно: в тебе нет ни капли порядочности. Ты абсолютно бесчеловечен.

— Если ты хочешь сказать, что я не похож на леблябиев, то это действительно так.

Анана подняла нож и коснулась лезвия пальцем. Поверхность выглядела гладкой как сталь, но на ощупь казалась немного шероховатой.

— Теперь мы не умрем от голода, — сказала она. — Твой нож избавит нас от мучений!

Орк фыркнул и пожал плечами:

— Это уж дело ваше.

Он отдал роботам приказ, и те последовали за ним в кабину лифта. Повернувшись к пленникам, властитель помахал им на прощание рукой, и затем дверь с грохотом закрылась.

— Будем надеяться, что англичанин вернется, — сказал Кикаха. — Возможно, ему удастся нас освободить. Дай-ка мне нож.

Однако мысли Ананы работали в том же направлении. Она попыталась расковырять отверстие вокруг прута решетки. Через десять минут Анана отложила нож в сторону.

— Ни одной царапины. Металл решетки крепче, чем лезвие ножа.

— Естественно. Но мы должны отсюда удрать. И это надо сделать не откладывая, пока мы еще не ослабели и не стали

вырезать друг из друга ломтики мяса. Слушай, а ты меня не съешь?

Анана вздрогнула и с укором посмотрела на Кикаху. Тот покраснел и смутился.

— Прости! Это одна из моих неудачных шуток.

Внезапно часть пола позади Кикахи приподнялась вверх. Анана ахнула, и Кикаха быстро обернулся. Из основания платформы медленно выступил куб. Верхняя крышка откинулась, хотя внутри они не увидели ни одного шарнира. Вся эта конструкция оказалась резервуаром с водой.

Не зная, как долго куб останется открытым, они быстро напились и начали ждать. Через две минуты крышка закрылась, и резервуар погрузился обратно в пол. Он появлялся через каждые три часа. Не имея ни чашек, ни кружек, пленники опускались на четвереньки и пили воду, как животные. Через четыре часа из отверстия поднялся пустой резервуар. Они использовали его для экскрементов. Когда емкость с водой выползла из пола в очередной раз, они увидели, что ее даже не потрудились почистить.

— Я думаю, Орк в восторге от этого спектакля, — сказал Кикаха.

Освещение комнаты не меняло интенсивности, и вскоре Кикаха начал терять чувство времени. По мнению Ананы, они провели в клетке уже пятьдесят восемь часов. Их запавшие животы лишь изредка издавали какие-то жалобные звуки. Ребра выпирали, щеки ввалились, руки и ноги исхудали. С каждым часом пленники Орка чувствовали себя все слабее и слабее. Полная грудь Ананы отвисла, как у немощной старухи.

— На своем жире нам не продержаться, — сказал Кикаха. — Черт! Сколько всего случалось в прошлом, но так тощать мне еще не приходилось.

Теперь они редко говорили друг с другом. Иногда кто-то находил достойную тему, и разговор затягивался на час или два. Но большую часть времени комнату заполняла тишина — тишина, созвучная с безмолвием обреченных на смерть людей.

Кикаха попытался всунуть лезвие ножа в щель между полом и резервуаром с водой. Он не знал, что из этого получится, но ему больше ничего не приходило в голову. Несмотря на все его усилия, лезвие в щель не вошло.

По оценкам Ананы, они находились в клетке уже около семидесяти часов. Пленники старались не говорить о еде и тем более о последнем совете Орка. Они знали, что никогда

не пойдут на такой ужасный поступок. Кроме того, они не хотели доставлять удовольствие своему мучителю, который наверняка следил за ними через видеосистему.

Им снилась только еда. Кикахе грезилось блюдо с куском жареной свинины и картофельным пюре. Он потянулся к пирогу из ревеня, и тут его разбудил какой-то щелкающий звук. Сон рассеял легкое удивление и начал снова затягивать разум в оргию пира, но искорка тревоги превратилась в пожар. Кикаха вскочил, будто кто-то пронес мимо его носа горячее печенье.

Неужели Орк придумал новую пытку? Это казалось невозможным, однако...

Он поднялся на четвереньки и подполз к решетчатой дверце. Она открылась от легкого толчка. И Кикаха понял, что его разбудил звук щелкнувшего замка.

ГЛАВА 23

Пока пленники выбирались из клетки, автолучеметы на стенах не выпускали их из-под прицела. Кикаха пошел к двери. Все восемь стволов выстрелили. Их алые лучи скрестились впереди и позади него. Обычно лучи роботов-охранников оставались невидимыми для человеческого глаза. Но на этот раз Орк придал им окраску, чтобы пленники могли видеть, насколько близко они проходили от тела. И ужасное зрелище действительно потрясало.

— О нет! — застонала Анана. — Неужели он выпустил нас только для того, чтобы подразнить надеждой?

Кикаха усмехнулся:

— Возможно. Но почему тогда Орк расфокусировал лучеметы?

Едва он сделал еще один шаг, как лучи снова скрестились в опасной близости от его тела.

— Не бойся, Анана! Автолучеметы установлены так, чтобы не попадать в живую цель. Это просто еще одна из утонченных жестокостей Орка.

Кикаха упорно приближался к двери. Анана следовала за ним по пятам. Четверо роботов-охранников повернулись к ней. Их лучи проходили в нескольких миллиметрах от ее тела. Эти алые полосы нервировали Анану. Ей казалось, что огонь лучеметов становится более прицельным. А когда двое пленников подошли к двери, лучи стали проходить рядом со щеками, почти касаясь лица.

Будь стены и пол из обычного металла, в них зияли бы теперь рваные дыры. Но лучи не оставляли никаких следов, а значит, материал перекрытий был невероятно прочным.

Когда Кикаха оказался в нескольких шагах от двери, на нее обрушилась огневая мощь лучей. Их контакт с металлической панелью создавал легкое шипение, словно ядовитая змея предупреждала людей о готовности нанести смертельный удар.

Двое пленников застыли на месте. Алые полосы, озаряя пространство, полосовали воздух.

— Что-то здесь не так, — сказал Кикаха. — Нам не следует касаться двери. Я чувствую какую-то ловушку.

Он повернулся и подошел к ближайшему лучемету. Робот-охранник стрелял теперь прямо перед собой, принуждая замедлять движение. Тем не менее луч неизменно пролегал в паре дюймах от тела.

Когда Кикаха остановился перед лучеметом, ствол нацелился ему в грудь. Он быстро шагнул в сторону, выходя за пределы видимости электронного прицела. За ним по-прежнему следили трое других роботов-охранников, но они больше не стреляли.

Выкрутив толстый штифт из шарнира механической руки, Кикаха снял лучемет с подставки и оборвал провода, подходившие к рукоятке. Увидев это, Анана занялась разоружением других роботов. Их по-прежнему обстреливали уцелевшие автолучеметы, но алые полосы проходили мимо. Вскоре все восемь роботов стали безвредным металлоломом.

— Пока мы делаем только то, к чему нас вынуждает Орк, — сказал Кикаха. — Он запрограммировал эту ситуацию. Но зачем?

Пленники подошли к двери, и она открылась от легкого толчка. Выглянув в коридор и никого там не увидев, Кикаха, а за ним и Анана побежали к развилке и, свернув за угол, оказались перед открытой дверью лифта. Кабина поджидала их, будто бы нарочно оставленная Орком.

У обоих возникли подозрения. Лифты часто использовались в качестве ловушек. Кабина могла остановиться между этажами или упасть на дно шахты.

— Мне кажется, он хотел заставить нас воспользоваться лестницей, — сказал Кикаха. — Поэтому ловушка окажется скорее всего на одной из лестничных клеток.

Они вошли в кабину и нажали на кнопку первого этажа. Через несколько минут, пробежав вереницу комнат, коридоров и залов, Анана и Кикаха оказались в большом рос-

кошном кабинете. У огромного стола из полированного оникса стояли два куполообразных робота. Перейдя на язык властителей, Анана приказала им принести еду. Через пять минут перед людьми появились подносы с горячей пищей. Они съели столько, что их вырвало. Но Кикаха и Анана начали наполнять желудки опять. Через два часа они заказали еще один обед. Анана приказала роботу показать им жилые помещения. Там они приняли горячую ванну, а потом уснули в постели, которая парила в трех футах над полом. Комнату наполняли звуки тихой и приятной мелодии.

Они проснулись от легкого стука в дверь. В комнату вкатился робот, подталкивая перед собой столик, на котором стояли подносы с горячей пищей и бокалами апельсинового сока. Завершив завтрак парой ломтиков мускусной дыни, беглецы прошли в ванную, приняли душ, а затем примерили одежду, которую принес механический слуга. Все вещи пришлись впору.

Кикаха не мог понять, как с них сняли мерки. Впрочем, это его теперь не очень интересовало. У него возникло предчувствие надвигающейся беды.

— Такая чрезмерная забота начинает меня беспокоить. Мы окрепнем, восстановим силы, а затем Орк снова посадит нас в клетку. Неплохая забава, верно?

В дверь снова постучали. Анана разрешила войти, и на пороге появился человекообразный робот. Подойдя к Кикахе, он передал ему записку. Развернув ее, тот прошептал проклятие.

— Написано по-английски. Я не знаю, чьих это рук дело, но мне кажется, что Орк задумал новую шутку. Здесь всего три слова: «Посмотрите в окно».

Изнывая от тревоги и любопытства, они пробежали через несколько комнат и в конце концов оказались в длинном боковом коридоре. Обзорные окна заполняло безмерное пустое пространство. Сбоку они увидели крошечный шар, который медленно удалялся в космическую бездну. И этим шаром была планета Уртоны.

— Вот же гад! — возмутился Кикаха. — Он направил дворец в пространство! Как только мы достигнем границ лавалитового мира, летающая крепость взорвется! Нам надо как-то вернуться на планету!

— Орк наверняка дезактивировал все врата, — сказала Анана.

Робот, следовавший за ними следом, издал тихое покашливание. Он напоминал учтивого дворецкого, которому хотелось

привлечь внимание хозяев. Люди повернулись к нему, и робот передал Кикахе еще одну записку.

— Хозяин велел мне сказать вам, сэр, — сказал он на чистом английском языке, — что это сообщение немного вас подбодрит.

Кикаха прочитал записку вслух:

«Вскоре эта гробница Уртоны полетит обратно на планету. Надеюсь, она взорвется вместе с вами».

— У тебя есть для нас другие сообщения? — спросил у робота Кикаха.

— Нет, сэр.

— Ты можешь привести нас к центральному пульту?

— Да, сэр.

— Тогда веди нас, верный Мак Дафф.

— Сэр, что означает термин «маккдафф»?

— Отменяю это слово. И скажи мне, как тебя зовут? Я хочу знать, как к тебе обращаться.

— Первый, сэр.

— Так ты тоже тут первый?

— Нет, сэр. Не «тожетутпервый». Я Первый.

— Ради Илмарволкина, перестань паясничать! — вскричала Анана.

Робот привел их в большую комнату, где стоял четырехместный электромобиль. Первый сел на место водителя, люди устроились на задних сиденьях, и машина беззвучно помчалась вперед. Проскочив несколько коридоров, они въехали в кабину большого лифта. Робот нажал несколько кнопок, и кабина поднялась на тридцатый этаж. Проехав по широкому коридору четверть мили, машина остановилась перед массивной дверью.

— Вход в зал управления, сэр.

Робот вылез и остановился у двери. Кикаха и Анана последовали за ним. Дверная панель была накрепко приварена к стенам.

— Это единственный вход?

— Да, сэр.

Очевидно, Орк позаботился о том, чтобы они никогда не попали в центр управления. Кикаха догадывался, что властитель удалил из дворца все мощные устройства, которые могли бы вырезать отверстие в стенах или двери. А если он просто издевается над ними? Возможно, Орк намеренно оставил в соседних комнатах какие-то инструменты, чтобы они с Ананой в конце концов прорвались в центр управления. Но что ожидало их там — ловушка или разбитые пульты?

Они нашли окно и осмотрели красное пространство.

— До планеты еще далеко, и у нас есть солидный запас времени, — сказал Кикаха. — Мы можем поесть, попить и заняться любовью. Давай сначала восстановим силы, а потом уж и решим, как выбраться отсюда. Наверное, Орк думал, что мы будем страдать и сокрушаться о близкой смерти. Но он просто нас плохо знает.

— Смотри, стены и дверь сделаны из импервиума, как в той комнате, где стояла наша клетка, — сказала Анана. — Лучеметы тут не помогут. Я не знаю, как ему удалось приварить дверь к стенам, но он это сделал. К пультам нам не пробраться. Мы должны придумать что-то другое.

Прежде всего они отправились осматривать дворец. Им потребовалось бы несколько дней, чтобы объехать на электромобиле коридоры и залы этой огромной крепости. Однако робот, по приказу Ананы, привез их в ангар, где располагались пять флаеров. Орк даже не подумал закрыть туда дверь. Хотя на его месте Кикаха отправил бы флаеры в полет, переведя их в режим автопилота.

Через час Анана и Кикаха обнаружили мощную силовую установку. Генератор энергии питал механизмы, которые создавали вокруг дворца искусственное гравитационное поле. Если бы не эти устройства, люди парили бы теперь в невесомости.

— Странно, что Орк не выключил генератор, — сказала Анана. — Этим он мог бы сделать наше положение еще более неприятным.

— Никто не идеален, — ответил Кикаха.

Поиски закончились неудачей. Они не нашли инструментов, которые могли бы сокрушить импервиум. И как бы им ни хотелось попасть в центр управления, это оказалось абсолютно невозможным.

Обсудив ситуацию, они решили подготовить пути спасения. Будучи экспертом в вопросах воздухоплавания, Анана вызвала нескольких роботов и дала им подробные инструкции по изготовлению двух парашютов из шелковых занавесей.

— Конечно, можно спрыгнуть с того балкона и спуститься вниз, — соглашался с ней Кикаха. — Но тогда нам придется провести в этом безрадостном мире всю жизнь. Я согласен, это лучше, чем смерть. Но разница не так и велика.

Они знали, что в плитах пола, в стенах и, возможно, на потолке имелось не менее тысячи врат. Однако для их активации требовались кодовые слова или рог Шамбаримена. Кикахе вспомнилась фраза Орка о тайном проходе, через

который убежал англичанин. Вряд ли им удалось бы найти этот лаз; да и времени на поиски почти не осталось. Однако Кикаха на всякий случай спросил об англичанине у роботов — Первого и Второго. К его восторгу, оба оказались свидетелями поспешного бегства. Роботы привели людей к ничем не приметной стене, и когда Кикаха нажал на указанную панель, его взору открылся металлический желоб, круто спускавшийся вниз и загибавшийся влево.

— Пойду проверю, — сказал он Анане.

Прыгнув в отверстие, Кикаха заскользил по желобу, а затем, как снаряд, влетел в узкий, тускло освещенный коридор. Он тут же вернулся к скату и крикнул Анане, что собирается осмотреть тайный проход. Однако, свернув за угол, Кикаха наткнулся на металлическую перегородку.

Простучав и осмотрев стены тупика, он вернулся к желобу и, держась за его поднятые края, вскарабкался наверх.

— Возможно, там есть еще одна откидная панель, которую я не заметил, — сказал он Анане. — Хотя мне кажется, англичанин прошел во врата, расположенные в конце коридора.

Они послали роботов на склад, приказав принести им дрель и тяжелый молоток. Кикаха уже пробовал сверлить стены желанного центра управления, но сверло не оставляло на импервиуме никаких следов. Тем не менее он надеялся, что пластиковые переборки обнаруженного им коридора окажутся не такими крепкими. Когда роботы вернулись, Кикаха и Анана спустились по желобу и, выбрав для пробы одну из боковых стен, начали сверлить в ней круг из множества отверстий. Затем Кикаха взял кувалду и несколькими ударами пробил небольшую дыру.

Через пролом в полутемный коридор устремился яркий свет. Кикаха осторожно заглянул в отверстие и от удивления открыл рот.

— Глазам не верю! Рыжий Орк!

ГЛАВА 24

В середине большой пустой комнаты располагался прозрачный куб, ребро которого равнялось двенадцати футам. Внутри находились стол, стул и узкая кровать. На полу у стены виднелся небольшой красный контейнер. От одной из стен комнаты к кубу тянулась толстая пластиковая труба. Она проходила через отверстие в прозрачной перегородке и кончалась в красном контейнере. Очевидно, по ней подавалась вода и какая-нибудь питательная масса. Внутри пла-

стиковой трубы находился небольшой патрубок, через который подавался воздух.

Рыжий Орк сидел на стуле у стола, не замечая, что за ним наблюдают из дыры в стене. Звуконепроницаемые плоскости куба заглушили вой дрели и удары кувалды. На столе перед ним лежали рог и лучемет. Из всего этого Кикаха сделал вывод, что стены куба не поддавались воздействию лазерного луча.

Тайный владыка двух Земель выглядел довольно удрученным. И немудрено: он отыскал центр управления и врата, ведущие в другую вселенную; он завладел рогом Шамбаримена — величайшей ценностью, о которой мечтал любой властитель; заманил в ловушку двух своих заклятых врагов и уготовил им верную смерть. Но Уртона перехитрил его, и Рыжий Орк, пройдя через врата, оказался не в другой вселенной, а в этой прозрачной тюрьме.

Он был заперт в комнате, о которой никто не знал, а дворец все приближался и приближался к планете Уртоны. Орк выл от злобы и отчаяния, понимая, что ему суждено погибнуть при столкновении. Какая ирония — вырыть другим яму и оказаться в ней самому.

Кикаха и Анана расширили отверстие в стене и пробрались внутрь. Увидев их, Орк вскочил со стула. Его лицо побледнело. Он знал, что пощады не будет. Впрочем, в его положении внезапное появление врагов означало лишь более быструю смерть.

Однако у Ананы и Кикахи имелось на этот счет свое мнение. Они уже поняли, что если Орку не удалось выбраться из куба, то и им не добраться до него. В отличие от властителя у них даже не было лучемета. Но труба, которая поддерживала жизнеобеспечение Орка, оказалась медной. Кикаха отдал приказ, и роботы, доставив со склада заказанные инструменты, быстро и ловко отсоединили трубу от прозрачного куба.

В стенке осталось отверстие, через которое Орк мог получать воздух и общаться с племянницей и ее любовником. Зная, что властитель без колебаний воспользуется оружием, Кикаха и Анана решили держаться подальше от этой круглой дыры.

— Правила игры поменялись, Орк! — крикнул Кикаха. — Ты нужен нам, а мы нужны тебе. Если ты согласишься на взаимную помощь, я обещаю отпустить тебя на все четыре стороны. Мы не причиним тебе вреда. И учти: отказавшись,

ты обречешь себя на верную смерть. Конечно, нам тоже будет несладко, но ты от этого мало что выиграешь, правда?

— Я не верю, что ты сдержишь слово, — мрачно произнес властитель.

— Если это твой ответ, пусть все так и остается. Но знай: мы не собираемся умирать вместе с тобой. Мы сделали себе парашюты. Из-за твоего упрямства нам придется задержаться в этом мире, но мы будем живы.

— Парашюты? — разочарованно спросил Орк.

Судя по выражению его лица, он не учел такой возможности.

— Да. Как говорят древние индейцы, шкуру с кошки можно снимать по-разному. И уж будь спокоен: мы с Ананой знаем, как выбраться из этой переделки. Тем не менее нам нужна информация. Возможно, тебе захочется обменять ее на жизнь? Или ты так и будешь дуться до самой смерти, как избалованный ребенок?

Скрипнув зубами, Орк кивнул:

— Ладно. Что вам от меня надо?

— Нас интересует все, что случилось с тобой после того, как ты вошел в центр управления. Постарайся вспомнить каждую мелочь.

Рыжий Орк рассказал о том, как проверил огромный зал и сотню пультов. Опросив двух роботов, властитель нашел несколько врат, которыми мог воспользоваться. Орк действовал очень осторожно. Активировав врата, он прежде послал через них роботов, и если бы Уртона установил там какие-то ловушки, в них попали бы его механические слуги.

Первый подпространственный проход имел связь с сотней врат, которые были спрятаны в больших валунах, разбросанных по всей планете. Скорее всего, Уртона узнавал их по каким-то особым приметам. Странствуя по изменяющимся равнинам вместе с остальными, он надеялся отыскать одну из этих глыб. С помощью одного-двух кодовых слов Уртона мог перенестись во дворец, но ему не повезло.

Трое врат вели в другие миры: первые — в мир Ядавина, вторые — на Землю номер один, а третьи — во вселенную погибшего Уризена. Там имелись и другие врата. Однако Орк, не желая рисковать понапрасну, воздержался от их активации. До той поры он не замечал никаких ловушек. А врата на Землю номер один казались ему лучшей наградой за все пережитые страдания.

Уверившись, что путь на Землю открыт, Орк приказал роботам запечатать вход в центр управления.

— И тогда, просчитав наши действия, ты постарался создать нам побольше неприятностей? — спросила Анана.

— А что тут такого? — с удивлением ответил Орк. — Можно подумать, вы поступили бы со мной по-другому...

— Пару лет назад я вела бы себя подобным же образом. Впрочем, оставим это. Выпустив нас из клетки, ты оказал нам большую услугу, дядя. Тебе захотелось усугубить нашу смерть ужасом неотвратимой гибели, и ты сделал все, чтобы мы не выбрались из дворца. Тем не менее я благодарю тебя за предоставленную свободу.

— Он оказал услугу не только нам, но и себе, — добавил Кикаха.

Запрограммировав орбиту дворца, Орк активировал врата, ведущие на Землю номер один. Через дыру между вселенными он увидел небольшую пещеру. В проеме входного отверстия просматривались горы, покрытые лесами, и широкая долина, уходившая в туманную даль. Он узнал пещеру в Южной Калифорнии, через которую Кикаха и Анана прошли однажды в его владения.

Ловушка Уртоны оказалась настолько хитрой, что Орк потерял свою хваленую бдительность. Предусмотрев возможную проверку, Уртона настроил устройство западни таким образом, что она не реагировала на неодушевленные предметы. И когда Орк послал через врата одного из механических слуг, тот дошел до отверстия пещеры, осмотрел отвесный склон и вернулся обратно.

Удовлетворенный, Орк приказал роботам опечатать центр управления, и те приварили дверь к стенам специальным флюсом.

— Я прошел через врата, но этот мерзкий хорек просчитал мои действия на десять шагов вперед. Он знал, что любой властитель пошлет перед собой какую-то жертву. И эта ловушка беспрепятственно пропускала роботов.

— Да, Уртона всегда славился подлостью и коварством, — сказала Анана. — Однако вся его сила основывалась только на технологическом оборудовании. И оставшись с голыми руками, он тут же растерял свое мнимое богоподобие.

Она замолчала, а потом тихо добавила:

— Так же, как и ты, дядюшка.

— Я никогда не поступал так гнусно! — закричал Орк, и его лицо покраснело.

Кикаха и Анана захохотали.

— Ладно, дядя, хватит шуток, — сказала она. — Наверное, ты просто забыл, где сейчас находишься.

Орк продолжил рассказ.

Едва он сделал несколько шагов к отверстию пещеры, как его втянуло в энергетический вихрь. Через секунду он оказался в этом кубе.

Кикаха и Анана отошли в угол комнаты и тихо зашептались.

— Судя по всему, наш таинственный англичанин обнаружил в конце коридора какие-то врата, ведущие в другую вселенную, — сказал Кикаха. — Очевидно, ему удалось отыскать кодовую книгу Уртоны. А там, где прошел один, пройдут и другие — для этого нужен только рог. Пока нам до него не добраться, но мы можем попросить Орка протрубить ту самую мелодию. И тогда, записав ее на магнитофон, мы используем запись для активации врат.

— У тебя ничего не получится, — ответила Анана. — Такое уже пробовали делать раньше, и не ты первый, кому эта мысль приходила в голову. Механизм инструмента создает особые модуляции, которые не сохраняются при записи.

— Вот этого я и боялся, — сказал он. — Но мне надо было убедиться наверняка. Послушай, Анана! Мы знаем, что дворец любого властителя имеет огромное количество врат. И даже в этой комнате их, возможно, не меньше дюжины. Логично заключить, что большая часть врат предназначалась для быстрых переходов из одних помещений в другие. В случае внезапного нападения Уртона мог перехитрить любого преследователя, который задумал бы гоняться за ним по дворцу.

Кроме того, здесь есть врата в другие миры. Уртона приберегал их для особо критических ситуаций. Нашему англичанину удалось отыскать один из таких проходов. И я думаю, что он...

— Мне кажется, ты ошибаешься, — перебила его Анана. — Эти врата могут вести в центр управления или в какое-то другое помещение.

— Нет. Орк использовал систему внутреннего обнаружения. Если бы англичанин спрятался во дворце, датчики биомассы указали бы его местонахождение.

— А если Уртона учел возможность захвата центрального пульта? Он наверняка оставил несколько комнат без датчиков биомассы.

— Я считал себя первым среди ловкачей, но вижу, о хитрейшая из властительниц, ты просто дала мне фору. Ладно, подожди минуту. Я задам Орку несколько вопросов.

Он подошел к кубу. Властитель встревоженно спросил:

— Ну и что вы решили?

— Ничего такого, что могло бы тебе помочь, — с усмешкой ответил Кикаха. — Мы просто стараемся держаться подальше от твоего лучемета. Скажи, ты что-нибудь знаешь о дополнительной системе внутреннего обнаружения? Меня интересуют датчики, не указанные на основной схеме.

— А зачем тебе это нужно?

— Черт возьми! — закричал Кикаха. — У нас не так много времени, чтобы тратить его впустую! Если бы не рог, мы давно бы ушли отсюда.

— Да, такая система есть, — нерешительно сказал Орк. — Я обнаружил ее совершенно случайно. При проверке сервисных пультов мое внимание привлекла странная схема, на которой были отмечены лишь некоторые комнаты дворца. Позже я выяснил, что датчики биомассы, указанные на ней, не значились на схемах основной системы. Но поскольку в тот момент мне никто не угрожал, я не стал заниматься осмотром помещений. Да и кто мог знать об этих тайниках Уртоны?

— Надеюсь, у тебя хорошая память. Где находятся пульты дополнительной системы?

— У меня отличная память, — надменно ответил Орк. — Я властитель, а не какой-то там недоносок-землянин.

Кикаха поморщился и покачал головой. Властители действительно отличались от обычных людей — почти все они оказывались высокомерными ничтожествами. Впрочем, это не раз спасало ему жизнь. Если бы властители не тратили свою энергию на поддержание самовлюбленности, Кикаха вряд ли уцелел бы в схватках с ними. Надменность и самодовольство снижали их эффективность на девяносто девять процентов.

Кикаха тоже имел амбиции и апломб, но в отличие от властителей знал чувство меры.

Орк запомнил лишь несколько комнат из увиденной им схемы. И он не чувствовал вины в своем чрезмерном хвастовстве. Тем не менее властитель указал три помещения, где располагались пульты дополнительной системы обнаружения. Он подсказал Кикахе, как запустить их в действие и войти в режим управления.

Решив использовать все доступные источники информации, Кикаха подозвал к себе Первого и Второго и задал им вопрос о датчиках биомассы. Роботы знали только об основной системе обнаружения. По-видимому, Уртона предпочитал держать секретные сведения в уме.

Будь Кикаха хозяином дворца, он встроил бы в роботов систему безопасности. На определенные вопросы его механические слуги просто отказывались бы отвечать или делали вид, что не знают ответа.

Немного подумав, Кикаха решил, что роботам действительно ничего не известно о потайных комнатах. Они уже несколько раз снабжали его информацией, которую Уртона счел бы нежелательной для своих врагов.

Взяв с собой Первого, Кикаха отправился на поиски пульта. Анана осталась присматривать за дядей. В принципе, они понимали, что Орку из куба никуда не деться, но рисковать больше не хотелось.

Пульт дополнительной системы обнаружения находился в замурованной комнате на десятом этаже. Не зная кодового слова для активации врат, Кикаха приказал Первому разрушить часть стены. Вскоре они вошли в программу слежения и проверили весь дворец. Скорость осмотра оказалась настолько высокой, что Кикаха увидел на экране только мелькание кадров. Однако компьютер в корпусе Первого уже анализировал полученную информацию.

— Дополнительная система охватывает сто десять комнат-тайников, — сообщил робот после завершения операции.

Кикаха тяжело вздохнул.

— В одной из них может находиться человек, — сказал он. — Неужели мы должны пройти все сто десять комнат, чтобы отыскать его?

— Это один из методов.

— А есть другой?

— Мы можем подключить этот пульт к центральной системе управления. Воспользуйтесь данным переключателем.

Первый показал на ничем не приметный тумблер.

— Теперь вы можете работать с видеосистемой центрального пульта. Чтобы подключить ее к линии видеокамер потайных комнат, вам необходимо нажать на кнопку под этой фальшпанелью. О ней знал только хозяин. Человек по имени Орк был введен в заблуждение неверной надписью. Он думал, что кнопка контролирует энергию резервного генератора.

— А как эта информация стала известна тебе?

— Я выяснил систему соединений при наладке сервисных дисплеев.

— Почему ты не рассказывал мне об этом раньше?

— Вы не спрашивали, сэр.

Подавив стон, Кикаха пожал плечами. В каждом роботе уникальный интеллект уживался с еще более феноменальной глупостью.

— Подключи монитор к видеосистеме. Я хочу осмотреть центр управления.

— Да, сэр.

Первый подошел к приборной панели и нажал на клавишу, обозначенную словом «Теплота». Оставалось только гадать, о какой теплоте могла идти речь. Очевидно, Уртона посчитал такую надпись наиболее подходящей для того, чтобы сбить с толку несведущего оператора. На панели замигали цветные огоньки; система автоматически произвела необходимые переключения, и перед Кикахой засветился один из больших мониторов.

Наверное, видеокамера находилась под потолком, и поэтому комната просматривалась сверху. Кикаха увидел широкую стойку с пятью или шестью пультами. Перед одним из них спиной к Кикахе сидел мужчина.

На секунду Кикаха подумал, что это и есть тот самый англичанин. Но мужчина выглядел выше и старше, чем описанный Орком незнакомец. Его волосы были желтыми, а не коричневыми.

Взглянув на монитор, стоявший перед мужчиной, Кикаха увидел на экране себя и робота. В тот же миг оператор вскочил на ноги и, отшвырнув кресло, яростно помахал кулаком в сторону видеокамеры, которая передавала его изображение.

Узнав Уртону, Кикаха тихо прошептал проклятие.

ГЛАВА 25

Властитель был одет лишь в рваную набедренную повязку из собачьей шкуры. Чуть выше солнечного сплетения виднелся продольный шрам от раны, нанесенной топором. Волосы, ниспадая с плеч, прикрывали верхнюю часть груди. Кожа лоснилась от липкой грязи лавалитового мира, а шишка на лбу свидетельствовала о плотном контакте с каким-то твердым объектом. Сломанный нос превращал высохшее лицо в уродливую маску.

Сбросив оцепенение, Кикаха начал действовать. Он подбежал к видеокамере и разбил объектив. Но голос Уртоны звучал из динамиков монитора:

— Первый! Убей его! Убей его!

— Кого мне убить, хозяин? — бесстрастно ответил робот.

— Ах ты, металлический идиот! Убей этого человека! Кикаху!

Отключив монитор, Кикаха быстро отпрыгнул в сторону. Первый приближался к нему, вытянув руки с полусогнутыми пальцами.

Кикаха вытащил нож. К его изумлению, голос Уртоны теперь доносился из неподвижных уст робота:

— Я вижу тебя, лебляббий! Сейчас ты будешь мертв! Мертв!

Секунду Кикаха не понимал, каким образом властитель наблюдал за происходящим в комнате. Потом ему стало все ясно. Уртона переключился на передатчик в корпусе робота и говорил теперь через него. Скорее всего, он наблюдал за намеченной жертвой через глаза Первого.

Кикаха решил, что это не так уж и плохо. Поскольку Уртоне приходилось наблюдать за схваткой из центра управления, он не мог пройти сюда через врата.

Прыгнув к роботу, Кикаха остановился, бесцельно махнул ножом и отскочил назад. Ему хотелось проверить реакцию Первого. Однако робот даже не сделал попытки парировать ложный выпад. Он грозно и неумолимо надвигался на человека.

Кикаха поднырнул под руку Первого и молниеносно нанес удар ножом. Ему повезло — кончик лезвия разбил защитный экран, выглядевший как человеческий глаз. Но разрушил ли он объектив, который находился за ним?

На проверку не оставалось времени. Кикаха вновь провел стремительную атаку — на этот раз слева. Робот только начал поворачиваться, а нож уже разбил ему вторую глазницу.

Кикаха понял, что Первый, несмотря на неимоверную силу, уступал человеку в быстроте реакции. А ключом к победе всегда являлась скорость, а не сила. Забежав за спину робота, Кикаха остановился. Первый продолжал идти вперед. Но если робот ослеплен и Уртона знает об этом, следует что-то предпринять.

Кикаха быстро обернулся. Голая стена могла скрывать врата, однако Уртона не стал бы рисковать, вступая в битву на открытом пространстве. Если он и мог появиться, то только из-за какого-то укрытия — например из-за пульта. Между стойкой и стеной оставалась довольно широкая щель.

Забежав за пульт, Кикаха приготовился к бою. Прошло несколько секунд... минута. Уртона медлил. Возможно, он решил вооружиться? Если эта догадка верна, то властителю

придется отправиться в тайный арсенал, поскольку Орк уничтожил все оружие, которое ему удалось найти.

Неужели Уртона останется в центре управления? В принципе, он мог командовать оттуда другими роботами, а их во дворце не меньше двадцати. Если все они соберутся в этой комнате...

Еще властитель мог пройти через врата в соседнее помещение. Возможно, он уже крадется к своему врагу? Но в таком случае у него должен быть при себе лучемет.

Послышался глухой удар. Очевидно, Первый сослепу налетел на стену. Не смея выглянуть и осмотреться, Кикаха надеялся, что шум исходил от робота.

Внезапно справа от него на стене появился огромный круг мерцающего света. Через миг он превратился в отверстие, в которое мог бы войти даже самый высокий человек. Увидев в проеме Уртону, Кикаха прыгнул на него, сбил с ног, и, когда врата за ними закрылись, они оба оказались в центре управления.

Кикаха упал на властителя, сжимая запястье руки, которая держала лучемет. Другой рукой он приставил лезвие ножа к яремной вене врага. При падении Уртона ударился затылком об пол и на миг лишился чувств. Кикаха воспользовался этим. Выкрутив властителю запястье, он откатился в сторону и, схватив оружие, поднялся на ноги.

Уртона со стоном попытался встать, но Кикаха велел ему оставаться на месте.

Из-за приборной стойки вышел робот Шестой. По указанию Кикахи Уртона приказал механическому слуге прекратить какие-либо действия. Робот покорно отступил к стене.

— Вот уж не думал, что настанет день, когда я буду рад тебя увидеть, — с усмешкой сказал Кикаха. — Ты станешь у нас той лапой, которая вытащит каштаны из огня — для меня и Ананы.

Судя по виду Уртоны, он все еще не мог поверить тому, что с ним произошло. И его можно было понять. После многих бед и долгих скитаний ему в конце концов удалось отыскать валун с вратами. Он думал, что Анана, Кикаха и Орк затерялись где-то на окраинах его мира и, возможно, кто-то из них уже погиб. Уртона вновь завладел своим дворцом.

Он едва не сошел с ума, обнаружив наглухо заваренную дверь. Его опередили. Какой-то властитель из другого мира пробрался во дворец и отправил летающую крепость в долгое падение на планету.

Чуть позже он узнал, что во дворце собрались все его враги. Каким-то чудом им удалось проникнуть сюда, но кто-то из них преградил остальным путь к аппаратуре управления. Прежде всего Уртона аннулировал нестабильную орбиту крепости и, обезопасив себя на какое-то время, подключился к основной системе обнаружения. Один из мигавших на пульте красных огоньков подсказал ему, что кто-то попал в ловушку. Он проверил эту комнату и обнаружил в кубе Рыжего Орка.

У Кикахи похолодело внутри. Значит, Уртона видел и Анану. Неужели он приказал Второму убить ее?

Услышав вопрос Кикахи, властитель замотал головой, будто пытался стряхнуть с себя навалившиеся проблемы.

— Нет, — ответил он. — Я видел ее, но она в тот момент не представляла для меня опасности. Мне захотелось выяснить точное количество людей, проникших в мой дворец. Я задействовал дополнительную систему обнаружения и засек тебя. Но тут ты подключился к центру управления... Проклятие! Ну почему я не увидел тебя несколькими минутами раньше?

— Да, расчет времени — большое дело, — улыбаясь сказал Кикаха. — Давай договоримся, Уртона. Ты, наверное, думаешь, что я хочу убить тебя или заморить голодом в клетке на колесах. Это, конечно, неплохая идея, но я предпочитаю десять раз подумать, прежде чем воплощать подобное в жизнь.

Мы с Ананой пообещали Орку отправить его на Землю, если он нам поможет. И на этот раз я не могу сказать о нем ничего плохого. Помощь была невелика, но он старался изо всех сил.

Теперь я предлагаю тебе такое же соглашение. Мы оставим тебя живым. Ты даже можешь не опасаться пыток. Нам нужно лишь вытащить из ловушки Орка, чтобы я мог получить обратно рог. Но прежде мне хотелось бы убедиться в твоих словах по поводу Ананы. И да поможет тебе Бог, если ты солгал.

Установив оружие на «оглушающую» мощность, Кикаха встал за спиной властителя. Если бы Уртона повернулся и попытался выхватить у него лучемет, он бы до него попросту не дотянулся. Хозяин дворца включил пульт, и видеосистема наблюдения показала им комнату с прозрачным кубом. Орк по-прежнему сидел в своей тюрьме; Анана и Второй стояли у стены неподалеку от отверстия.

Кикаха окликнул Анану. Она вздрогнула и посмотрела вверх на объектив видеокамеры. Он попросил ее не пугаться и в нескольких словах рассказал о том, что с ним произошло.

— Пока ситуация складывается не так уж и плохо, — сказал Кикаха. — Орк, ты слышишь меня? Сейчас твой брат перенесет тебя через врата в центр управления. Но сначала положи лучемет на стол. И не пытайся хитрить — мы следим за тобой. Теперь возьми рог. Вот так, хорошо. Отойди в тот угол, куда тебя перебросили ложные врата*. Стой спокойно и не двигайся, иначе потеряешь ногу или что-нибудь еще.

Уртона потянулся к кнопке, но Кикаха остановил его:

— Не спеши! Я скажу тебе, когда нажимать на эту кнопку. Анана, слушай меня внимательно. Ты знаешь, куда я пошел. Отправляйся в ту комнату и встань у стены за пультом. Мы откроем тебе врата, и ты пройдешь в центр управления. По пути тебе встретится слепой робот. Это бедолага Первый. Можешь не беспокоиться, он теперь неопасен.

Уртона с большой неохотой подошел к пульту в конце огромного зала. Он дрожал, на скулах играли желваки. Побелевшие пальцы вцепились в край стола.

— Ты должен прыгать от радости, — сказал Кикаха. — Мы дарим тебе жизнь. А значит, у тебя появится возможность сделать ответный ход.

— Неужели ты думаешь, что я тебе поверю?

— А почему нет? Разве я когда-нибудь тебя обманывал?

Он велел властителю показать ему кнопки, которые должны были вернуть Орка в центр управления. Уртона отошел в сторону, уступая место Кикахе. Однако тот покачал головой.

— Нет, Уртона. Эта честь предоставляется тебе.

На кнопки управления в момент нажатия мог подаваться ток высокого напряжения, а Кикаха никогда не рисковал понапрасну.

Уртона разочарованно вздохнул. Он щелкнул продолговатым тумблером, нажал на пару кнопок и отступил от пульта. Слева на стене появился мерцающий круг. Из него выползла полусфера, покрытая мелькавшими разноцветными пятнами. Она рассыпалась на полоски света, и они увидели Орка, который стоял у стены.

---

* Фармер вновь допускает сюжетную ошибку. В кубе находились врата. У Орка был рог, который открывал любой подпространственный проход (во всяком случае, так заявлялось раньше). Почему же он им не воспользовался?

— Положи рог на пол и подтолкни его ко мне ногой, — велел Кикаха.

Властитель подчинился. Посматривая на обоих братьев, Кикаха медленно присел и поднял рог.

— Вот и хорошо! Он снова у меня!

Через пять минут к нему присоединилась Анана. Уртона открыл ей врата, которыми незадолго до этого воспользовался Кикаха.

Оба властителя выглядели так, словно ожидали смерти. Они не сомневались, что их ждет жестокая расправа. Такое недоверие к его честному слову могло бы рассердить Кикаху. Однако он не привык идти на поводу эмоций. Жизнь привила ему иммунитет от самодовольства и психопатии. Впрочем, он часто сомневался, что между этими двумя понятиями есть какая-то разница.

— Прежде чем мы расстанемся, мне бы хотелось прояснить некоторые вещи, — сказал Кикаха. — Уртона, что ты знаешь об англичанине, который предположительно родился в восемнадцатом веке? Этот человек помог Рыжему Орку пробраться в твой дворец.

Уртона удивленно вскинул брови:

— Разве здесь был кто-то еще?

— Твой ответ говорит о многом. Ладно. Возможно, я встречу его в другой раз. Послушай, Уртона. Твоя племянница рассказывала мне о преобразователе, который питает энергией эту сказочную летающую крепость. Анана сказала, что такой генератор можно ввести в режим перегрузки, но как только ситуация приблизится к критической, аварийный регулятор автоматически отключит всю систему. Это верно? Так вот я хочу, чтобы ты удалил аварийный регулятор. Режим перегрузки должен достичь пика ровно через пятнадцать минут. Поторопись, Уртона! Время уже пошло!

Властитель побледнел.

— Но зачем? Неужели ты... Ты решил взорвать нас вместе с дворцом?

— Нет. Когда он взорвется, ты будешь уже очень далеко отсюда. Я просто хочу разрушить твой дворец, чтобы им больше никто не воспользовался.

Уртона знал, что произойдет, если он откажется выполнить приказ. Под пристальным оком Ананы он защелкал переключателями, и на пульте замигала большая красная лампа. На дисплее появилось слово «ПЕРЕГРУЗКА». Пронзительно завыла сирена.

Анана нервничала. Кикаха улыбнулся ей, хотя ему тоже было не по себе.

— Теперь открывай врата на Землю и в мир Ядавина.

Запомнив последовательность нажатых кнопок, Кикаха мог в любую минуту подключить к линии регулятор перегрузки. Он ни на миг не забывал о хитрости Уртоны.

— Я знаю, ты не можешь обойтись без вероломства и подлости, — сказал ему Кикаха. — Но лучше придержи свою природную злобу. Мой лучемет наготове, поэтому двигайся медленно. Если я почувствую подвох, ты не проживешь и секунды.

Уртона молча кивнул.

На огромной стене появились сияющие круги. Светлые блики исчезли, и на их месте возникли два прохода. Один вел в ту самую пещеру, через которую Кикаха и Анана прошли в Южную Калифорнию. Другой проход выходил на склон горы. По краю лесной долины протекала широкая зеленая река. Вдали на отвесной скале виднелся замок, а у подножия горы раскинулась деревенька, и дым из труб поднимался в ярко-зеленое небо.

Сердце Кикахи дрогнуло от радости.

— Похоже на Дракландию. Это третий уровень, который находится на вершине Абхарплунты. Ты когда-нибудь там бывал?

— Я часто совершал вылазки в Многоярусный мир, — сказал Уртона. — Мне хотелось собрать о нем побольше информации, а затем...

— Одолеть Ядавина? Забудь об этом. И слушай мой приказ, Уртона. Активируй врата, через которые ты пришел сюда с поверхности своей планеты.

Уртона вздрогнул и закричал:

— А как же твое слово? Мы же договорились... Неужели ты задумал отправить меня туда?

— Почему бы и нет? Ты создал этот мир. Вот и наслаждайся им до конца своей жизни. Ты боишься, что она будет короткой и жалкой? Но наказание должно соответствовать преступлению. Во всяком случае, так говорят земляне.

— Это не справедливо! — возразил Уртона. — Ты отпускаешь Орка на Землю, а меня оставляешь здесь! Земля, конечно, не первый класс, но по сравнению с этой планетой она — сущий рай...

— Посмотрите, кто заговорил о справедливости! Неужели ты опустишься до мольбы? Ты — властитель среди властителей!

Уртона расправил плечи.

— Этого ты от меня не дождешься! И если ты думаешь, что мы видимся в последний раз...

— Вот и хорошо. Только запомни, Уртона. Я тоже буду ждать нашей следующей встречи. Готов поспорить, что ты спрятал в валунах врата в другие миры. Но это тебе не поможет. Неужели ты думаешь, что застанешь меня когда-нибудь врасплох? Нет, приятель, шутишь! Ищи свой валун! Удачи! Мне тоже иногда бывает скучно. И я не прочь сразиться в смертельном поединке. А теперь убирайся отсюда!

Уртона пошел к стене.

— Кикаха! Останови его! — закричала Анана.

Он и сам уже почувствовал свою ошибку.

— Стой, Уртона! Стой на месте, или я буду стрелять!

Уртона остановился лицом к стене.

— Что ты хотела, Анана?

Она взглянула на огромное табло электронных часов.

— Неужели ты не понимаешь? Как мы узнаем, что он нас не обманул? А вдруг Уртона произнесет напоследок какое-нибудь кодовое слово? Давай отложим его переход на самый последний момент. Сначала мы отправим на Землю Орка, закроем за ним врата, а затем уйдем в Многоярусный мир. Вот тогда пусть Уртона и начинает действовать. Если у него останется лишь несколько секунд, он уже не успеет натворить нам гадостей.

— Да, ты права, — сказал Кикаха. — Мне так хотелось вернуться назад, что я поторопился.

Он окликнул хозяина дворца:

— Уртона, повернись и подойди сюда.

Кикаха не расслышал того, что ответил ему властитель. Голос прозвучал очень тихо. Однако чувствительные датчики уловили кодовое слово, и огромный зал наполнился шипением. Из десятков тысяч крохотных отверстий, покрывавших пол, потолок и стены, в помещение вползало облако зеленоватого газа.

Вдохнув едкий дым с кисловатым металлическим запахом, Кикаха с трудом подавил кашель. Он задержал дыхание и направился к властителю. На глаза набежали слезы. Кикаха зажмурился, и в этот момент Уртона куда-то исчез. Рыжий Орк тоже пропал из виду. В густом зеленом тумане Кикаха различал лишь смутную фигуру Ананы. Одной рукой она

зажимала нос, другой — закрывала рот, советуя ему тем самым не вдыхать отравляющий газ. Однако она немного опоздала со своим предупреждением.

Кикаха почувствовал слабость во всем теле. Он понял, что упадет в обморок, если не прочистит легкие глотком свежего воздуха. Тем не менее газ абсолютно не действовал на кожу. И в этом не было ничего странного. Иначе Уртона попал бы в смертельную западню.

Анана махнула рукой и исчезла в зеленой мгле. Она побежала к вратам в Многоярусный мир. Кикаха последовал за ней. Глаза щипало. По щекам текли слезы. Он мельком заметил фигуру Рыжего Орка, который исчез в проходе, ведущем на Землю номер один. Впереди Ананы показалась спина Уртоны. Властитель прыгнул в проем отверстия и оказался в мире зеленых небес.

Кикаха слабел с каждой секундой. Позыв кашля едва не разрывал грудь. Но он понимал, к чему может привести еще один глоток этого газа. Подавив дыхательный рефлекс, Кикаха прошел через врата.

Он ничего не знал о высоте и крутизне склона. Однако любое промедление грозило гибелью. Об осторожности пришлось забыть. Упав на ягодицы, Кикаха покатился по россыпи острых камней. Каких-то двести футов склон шел под углом в сорок пять градусов, а затем резко обрывался. Перекатившись на живот, Кикаха начал цепляться за камни. Они ранили грудь и руки, однако он не обращал на боль никакого внимания.

Кашель прорвался сквозь плотно сжатые губы. Но теперь Кикаха уже не боялся этого. Он выбрался из зеленого облака, которое медленно выползало из отверстия на поверхности горы.

Встав на четвереньки, Кикаха начал карабкаться вверх. Любое неосторожное движение могло вызвать оползень. Мелкая галька разъезжалась под ногами и со звонким перестуком катилась вниз. Приподняв голову, он увидел Анану. Она добралась до скалистого выступа, который нависал над отверстием врат. За ее поясом поблескивал рог Шамбаримена. На бледном лице застыло выражение ужаса.

— Быстрее, Кикаха! Торопись! — закричала она. — До взрыва генератора осталось несколько секунд!

Он велел ей уходить, не дожидаясь его. Кикаха знал, что на подъем потребуется не меньше минуты. Анана, видимо, хотела спуститься и оказать какую-то помощь, но после его слов взобралась на выступ и исчезла из виду. Срезая угол, Кикаха попытался преодолеть широкую полосу оползня. Он

дважды скатывался вниз, но каждый раз ему удавалось остановить внезапное скольжение.

Наконец предательский щебень остался позади. Поднявшись на ноги, Кикаха ухватился за траву и одним рывком добрался до нависавшей скалы. Придерживаясь за нее одной рукой, он отбежал подальше от отверстия, а затем залез на выступ и начал карабкаться выше.

Гора вдруг дрогнула и загудела. Кикаха перекатился на плоский участок скалы. Каменистая осыпь ниже отверстия врат с громким грохотом сползла в пропасть, оставив после себя голый и чистый склон. По нему словно прошлась метла гиганта.

Когда грохот камнепада затих, наступила тишина. Далекие крики птиц звучали, как финал феерической симфонии.

— Все кончилось, Кикаха, — сказала Анана.

Он повернулся и увидел ее в трех шагах от себя.

— Как только генератор разрушился, врата закрылись. Мы ощутили лишь малую часть взрыва. Иначе бы вся гора взлетела на воздух.

Кикаха спустился к краю пропасти и осмотрел груду серых камней. Внизу что-то белело. Неужели рука?

— А где Уртона? Ему удалось спастись?

Анана покачала головой:

— В отличие от нас он спускался вниз. Когда я видела его в последний раз, Уртона карабкался по отвесной скале, и ему оставалось каких-то двадцать футов до пологого склона. Но потом на него посыпались камни.

— Давай спустимся и проверим, действительно ли он мертв, — сказал Кикаха. — Его последняя выходка аннулирует все наши обещания.

Уртона погиб под камнепадом. Оставалось лишь навалить на тело побольше камней, чтобы труп не растерзали птицы и звери.

ГЛАВА 26

Прошел месяц. Они по-прежнему оставались в горах. Перебравшись на другую сторону хребта, Кикаха и Анана нашли уединенную долину. За все это время туда лишь два раза забредали охотники из речной деревушки, которую они видели в проеме врат. Однако Кикаха решил, что пока лучше не встречаться с другими людьми.

Они решили построить хижину. Изготовив из ясеня лук и стрелы, Кикаха приделал к ним кремневые наконечники, а затем подстрелил несколько оленей, которых тут водилось в

избытке. Выдубив шкуры, они нашли в лесной чаще небольшую поляну и установили вигвам. В двухстах ярдах ниже по склону протекал ручей. Помимо прохладной чистой воды он обеспечивал их рыбой.

Анана сшила одежду и одеяла из оленьих и медвежьих шкур. Туперь им больше не приходилось дрожать от утренних заморозков. Они отдыхали, набирались сил и по нескольку часов выполняли физические упражнения. Им нравилось бродить по лесу и горам, собирать ягоды и орехи, заниматься любовью под звонкие песни ручья. Они понемногу набирали вес. Впрочем, после такого долгого периода бед и лишений невредно было и отъесться. Иногда они пробирались по ночам в деревню и воровали хлеб и масло. Это помогло им разнообразить не только рацион, но и досуг.

Подслушав разговор двух жителей деревни, Кикаха убедился в том, что они попали в Дракландию. Из разговора же он узнал, что деревня принадлежит барону Ульриху фон Найфену.

— Его покровителем является герцог Вильгельм фон Хартмот. И теперь я представляю, где мы находимся. Эта река впадает в полноводную Пфав. Спустившись по ней на триста миль, мы окажемся во владениях барона Зигфрида фон Листбета — а он мой хороший друг и должен таким остаться. Я подарил ему свой замок, и он женился на моей бывшей супруге. Да-да, мы развелись. Она оказалась не той Исот*. Мы немного не ладили: она не выносила моих долгих отлучек.

— А как долго они длились?

— Иногда пару месяцев, а иногда и несколько лет.

Анана засмеялась:

— С этого дня, когда выйдешь погулять, будешь брать меня с собой.

— Ладно. С тобой можно идти хоть на край света — не то что с Исот.

Они решили погостить месяц у фон Листбета, а потом Кикаха хотел спуститься на следующий ярус планеты и отыскать племя, которое приняло бы их. Он был просто влюблен в свою Америндию. Его влекли высокие горы, непроходимые леса и огромные прерии. Он тосковал о больших реках и звонких ручьях. Ему грезились гигантские бизоны, мамонты, антилопы, медведи, саблезубые тигры, дикие лошади,

---

* В книге «Личный космос» Филип Фармер называл ее Лизой. Причем Кикаха тогда был абсолютно уверен в трагической гибели фон Листбета и своей бывшей жены.

бобры и миллионы птиц. На просторах этого уровня могли уместиться Северная и Центральная Америки. Там обитали дикие кентавры, большие народы и малые племена. И там еще были места, где не знали имени Кикахи-Ловкача.

Однако прежде они хотели побывать во дворце на вершине Многоярусного мира. Там, на верхнем уровне этой «вавилонской башни», им снова предстояло пройти через врата на злосчастную Землю номер один — злосчастную, потому что они оба составили о ней ужасно плохое мнение. Перенаселенная и загаженная планета могла в любое время погибнуть в атомной катастрофе.

— Я надеюсь, что, когда мы попадем во дворец, нас встретят Вольф и Хрисеида, — мечтал Кикаха. — Тогда мы могли бы забыть о Земле. Вот было бы здорово, правда?

Они сидели на скале и смотрели на долину, по которой текла река. У подножия горы виднелась роща берез, из которых можно было сделать каноэ. В деревне пекли хлеб, и к зеленому небу поднимался белый дым. Воздух пьянил чистотой и свежестью, а земля не ходила ходуном в потугах мутаций.

Мимо пронесся черный орел. Два ястреба, покачиваясь на ветру, летели к реке за рыбой для своих птенцов. Неподалеку, в ягодных кустах ворчали гризли.

— Анана, посмотри вокруг! Разве можно не любить этот мир? Пусть Ядавин считает себя его властителем, но на самом деле это мой мир! Мир Кикахи!

ГНЕВ РЫЖЕГО ОРКА

Посвящается доктору Э. Джеймсу Джаннини, члену Американской ассоциации психиатров, профессору психиатрии в Университете штата Огайо, консультировавшему меня при написании этого романа.

В 1977 году доктор Джаннини работал штатным психиатром в Йейле, где к нему и пришла идея терапии, которая в этой книге называется «многоярусной». Эта идея получила развитие с 1978 года, когда доктор начал заниматься частной практикой в Янгстауне, штат Огайо. В письме от 28 декабря 1978 года он сообщает мне, что применяет новый метод психотерапии для лечения неблагополучных подростков. Этот метод основан на моем научно-фантастическом пятитомном цикле «Многоярусный мир». Пациенты-добровольцы, прочтя эту серию, выбирают себе персонаж или несколько персонажей, отождествляют себя с ними и стараются, образно говоря, ими стать. Цели и методы такой терапии и явились предметом этой книги.

В настоящее время доктор Джаннини и его коллеги готовят к публикации отчет, где та же терапия и ее результаты будут описаны с профессиональной точки зрения.

Веллингтоновский медицинский центр, Бельмонт-Сити, графство Тари, а также все люди и события в романе являются вымышленными.

Приношу благодарность Дэвиду Мак-Клинтоку из Уоррена, штат Огайо, за предоставленные им сведения по району Янгстауна.

ГЛАВА 1

26 ноября 1979 г.

Джим Гримсон никогда не намеревался съесть яйца своего отца.

Ему и не снилось, что он станет любовником двадцати своих сестер. Он не мог предвидеть, что однажды, летя на белом «Скакуне», спасет свою мать от заточения и гибели.

Как мог он, которому в октябре 1979-го было всего семнадцать, знать, что сотворит вселенную, насчитывающую с виду десять миллиардов лет?

Хотя отец постоянно обзывал его тупицей и учителя, видимо, придерживались того же мнения, Джим был настоящий книгочей. И знал современную теорию о том, как будто бы возникла Вселенная. Сперва, еще до начала времен, существовало одно только первичное яйцо. За его пределами

не было ничего, даже космоса. Вся будущая Вселенная, созвездия, галактики и так далее — все это помещалось в сфере размером с глазное яблоко. И эта сфера до того перегрелась и набухла, что наконец лопнула. Это называют Большой Взрыв. Много эпох спустя разлетевшая материя превратилась в звезды, планеты и в жизнь на Земле.

Эта теория ЛЖЕТ, ЛЖЕТ, ЛЖЕТ!

Не только материю можно подвергнуть предельному нагреву и сжатию. Душу тоже можно сдавить так, что дальше некуда. А потом — БАБАХ!

Боже ж ты мой! Меньше чем месяц тому назад Джим неохотно пришел в психиатрическое отделение Веллингтоновской больницы Бельмонт-Сити, графство Тари, штат Огайо. И стал, помимо всего прочего, властителем в нескольких вселенных, странником во многих и рабом в одной.

Сейчас он вернулся назад на родную Землю, в свою больницу. Леденея от горя, сгорая от гнева, он шагал взад-вперед по запертой палате.

Психиатр Джима, доктор Порсена, говорит, что путешествия Джима в иные миры происходят лишь в воображении, хотя это не значит, что они нереальны. Мысли — это не призраки. Они существуют. Стало быть, они реальны.

Сам Джим знал, что все пережитое им в карманных вселенных столь же реально, как та боль, которую он испытал не так давно, треснув кулаком о стену своей спальни. И разве его исполосованной в кровь спины недостаточно, чтобы изгнать все сомнения, которые может вызвать его рассказ? Да где там — доктор Порсена у них ученый, рационалист, реалист, и все загадочные явления найдут у него непогрешимо логическое объяснение.

Джим вообще-то любил доктора. Но сейчас он его ненавидел.

ГЛАВА 2

3 ноября 1979 г.

— Все другие пациенты, — сказал доктор Порсена, — уже перепробовали различные методы терапии. И эти методы им не помогли, хотя частично это можно приписать враждебному отношению данных больных к психотерапии любого вида.

— Как гласит древняя китайская пословица, — сказал Джим Гримсон, — «надо быть чокнутым, чтобы обратиться к психиатру». А еще в Поднебесной Империи говорят: «Шиза — это вовсе не то, что тебе приглюковалось».

Л. Роберт Порсена, доктор медицины, дипломированный психиатр, заведующий психиатрическим отделением Веллингтоновской больницы, слегка улыбнулся. Думает, наверно: еще один умник на мою голову. Эти цитаты со стенки в туалете я сто раз уже слышал. Тоже мне, «Поднебесная Империя». Выпендривается, хочет показать мне, что он не просто очередной темный, прыщавый, обкуренный, ушибленный рок-музыкой сопляк, который слетел с катушек.

А может быть, доктор ничего такого не думает. Трудно сказать, что происходит за этим красивым лицом — вылитый бы бюст Юлия Цезаря, если бы не черные, как у Фу Манчу, усы и не подстриженные по моде, точно лакированные волосы. Доктор все время улыбается. Его яркие синие глаза напомнили Джиму песню Болванщика из книжки Кэрролла про Алису:

> Ты мигаешь, Филин мой! Я не знаю, что с тобой!
> Высоко же ты над нами, как поднос под небесами!*

Подростки, лечившиеся у доктора Порсены, говорили, что он шаман, вроде чудотворца, первоклассный медик, владеющий магией и управляющий духами.

Доктор начал что-то говорить, но его прервал селектор на столе. Порсена нажал клавишу и сказал:

— Винни, я же просил — никаких звонков.

Но у Винни, красивой чернокожей секретарши, сидевшей за стеной, очевидно, было что-то срочное.

— Извини, Джим, — сказал доктор. — Это займет не больше минуты.

Джим почти не прислушивался к разговору — он смотрел в окно. Психиатрическое отделение и кабинет Порсены помещались на третьем этаже. Окно, как и все окна здесь, загораживала крепкая решетка. Сквозь просветы между домами Джим видел здания на набережной — а за ними река Тари, которая милей южнее впадает в реку Махонинг.

А вон шпили св. Гробиана и св. Стефана. Может быть, мать побывала сегодня на ранней мессе. Теперь это единственное время, когда она может зайти в церковь — ведь она работает на двух работах, частично из-за него, Джима. Пожар уничтожил все, кроме дедова портрета, который вынесли из дома вместе с Джимом. Родители переехали в относительно дешевую меблированную квартиру за несколько кварталов от

---

* Л. Кэрролл. «Приключения Алисы в стране чудес». Пер. Н. Демуровой. (*Примеч. ред.*)

старого дома. Слишком близко к венгерской колонии на вкус Эрика Гримсона. Такая неблагодарность как раз в характере отца. Родственники Евы — а фактически вся мадьярская община — собрали деньги, чтобы помочь их семье в бедственном положении. Устроили лотерею и собрали. Это было здорово — ведь благотворительные пожертвования стали редкостью в последние годы из-за экономического кризиса в районе Янгстауна. Но родные Евы, ее друзья и ее церковь — они выстояли.

Хотя Ева и стала наполовину отверженной из-за своего замужества, она остается своей, венгеркой. И теперь, когда она в беде, ей представился случай осознать свою ошибку и должным образом покаяться.

В свое время у Гримсонов не хватило средств на страховой полис, который теперь мог бы покрыть все убытки, связанные с ущербом собственности или ненадежностью фундамента. Страховка от пожара имеется, но в ней не предусмотрена выплата, если пожар произошел по Божьей воле. Окончательного решения еще не вынесли.

Эрик Гримсон не мог бы позволить себе адвоката, но один из Евиных кузенов, юрист, взялся вести это дело. Если выиграет, то получит десять процентов от выплаченной страховки, а если проиграет, то ничего не получит. Своим временем он жертвует исключительно из клановой солидарности и потому, что ему жалко двоюродную сестру. То, что она вышла не за мадьяра, который к тому же нищий, лодырь и атеист, хотя и считается протестантом, само по себе уже скверно. Но потерять дом, все имущество и вдобавок иметь сына-психа — это уж слишком. Для адвоката у него доброе сердце.

Лечение Джима оплачивается по медицинской страховке, но квартальные взносы все равно очень высокие. Ева Гримсон взяла еще одну работу, чтобы их платить. Оба раза, когда она навещала Джима, вид у нее был очень усталый. Она вся исхудала, щеки ввалились, и глаза обведены черными кругами.

Джим почувствовал себя таким виноватым, что предложил бросить лечение. Но мать на это не согласилась. Ведь перед сыном стоит выбор — пройти курс лечения или сесть в тюрьму. Окружной прокурор намеревался судить его как совершеннолетнего, что означало бы более суровый приговор. Мать готова на все, лишь бы не допустить этого. Кроме того — хотя она этого не говорит, но скрыть не может — она верит, что Джим по-настоящему сумасшедший и останется таким, пока не полечится у психиатра.

Отец к Джиму не приходит. Джим не стал спрашивать у матери, почему Эрик Гримсон держится от него подальше. Во-первых, он и сам не желает видеть отца. А во-вторых, он знает: Эрик глубоко стыдится того, что у него сын ненормальный. Люди могут подумать, будто у них это в роду. Может, у Евы в роду так и есть — венгры все сумасшедшие. Но у Гримсонов-то ничего такого не бывало!

Вообще-то Джиму очень повезло, что его так быстро приняли на лечение. Из-за нехватки фондов в районе программы на психически больных здорово урезали. По идее Джиму полагалось бы выстоять длинную очередь. Он не знал, каким образом попал в разряд блатных.

Он подозревал, что это дядя Сэма Вайзака, судья, использовал свое влияние. А может, и материн кузен-адвокат подначал, не обязательно законным путем. И хотя доктор Порсена не распространяется о том, почему Джим перескочил через головы остальных, он, возможно, тоже приложил к этому руку. У Джима создалось впечатление, что доктор считает его случай очень интересным из-за старой истории со стигматами и галлюцинациями.

А может, Джим чересчур много о себе понимает. Кто он такой — просто псих из семьи работяг, беспородный метис.

Доктор Порсена наконец повесил трубку.

— Мы говорили, что все пациенты, участвующие в нашей программе, пробовали раньше другие методы терапии. И не достигли успеха, поскольку враждебно относились к психотерапии любого вида. Тебе же я предлагаю — здесь у нас не существует никакого принуждения или насилия — сразу попробовать метод лечения, в котором мы добились больших успехов.

Доктор Порсена говорил очень быстро, но четко. Его речь отличалась почти полным отсутствием всяких пауз и междометий. Никаких «э-э», «м-м», «ну», «значит».

— Это нелегко; легкого лечения не бывает. Кровь, слезы, пот и все такое. И, как во всякой терапии, успех зависит в основном от тебя. Мы никого не лечим. Больные лечатся сами под нашим руководством. Это значит, что тебе нужно захотеть справиться со своими проблемами, по-настоящему захотеть.

Доктор ненадолго замолчал. Джим обвел глазами кабинет. Комната казалась ему просто роскошной: толстый ковер на полу (персидский, наверно), мягкие кожаные кресла и диван, большой письменный стол из какого-то блестящего твердого дерева, классные обои, множество дипломов и грамот на

стенах, ниши с бюстами знаменитых людей и картины, то ли абстрактные, то ли сюрреалистические, — Джим неважно разбирался в искусстве.

— Ты все понимаешь, что я говорю? — спросил Порсена. — Если что-то недопонимаешь, так и скажи. Мы все здесь для того, чтобы учиться, — и больные, и врачи. Нет никакого стыда в том, чтобы проявить свое незнание. Я в своем сознаюсь довольно часто. Я не все знаю. Всего никто не знает.

— Нет, я все понимаю. Пока. Ведь вы не говорите со мной односложными словами, как положено по новомодным психологическим закидонам. Я это оценил.

Доктор Порсена положил ладони на раскрытую папку с историей болезни Джима. Руки у него были тонкие, изящные, с длинными пальцами. Джим слышал, что доктор отличный пианист, он играет классическую музыку, но может слабать и джаз, и дикси, и рэгтайм. И даже роком не брезгует.

У него только две руки, а надо бы четыре. Он очень загружен, чего и следовало ожидать. Кроме заведования отделением, он ведет и частную практику — у него кабинет через квартал отсюда, на Сент-Элизабет-стрит. Еще он возглавляет ассоциацию психиатров северо-восточного Огайо и преподает в медицинском колледже.

Достижения Порсены внушали Джиму почтение. Но больше всего его впечатлял докторский серебристый «ламборгини» 1979 года. Обалденная тачка!

Доктор перевернул страницу, пробежал пару строк и откинулся на спинку стула.

— Ты, похоже, начитанный парень, — сказал он, — хотя и предпочитаешь фантастику. Так часто бывает у молодежи. Я был поклонником научной и сказочной фантастики с тех пор, как научился читать. Сначала были книжки о стране Оз, сказки братьев Гримм и Лэнга, «Алиса» Льюиса Кэрролла, гомеровская «Одиссея», «Тысяча и одна ночь», Жюль Верн, Герберт Уэллс и научно-фантастические журналы. Толкиен меня прямо-таки пленил. Потом, когда я жил в Йейле, я прочел серию романов Филипа Хосе Фармера «Многоярусный мир». Знакомы тебе эти книги?

— Да, — выпрямился Джим. — Я их люблю! Кикаха — то, что надо! Только какого черта Фармер не пишет окончание?

Порсена пожал плечами. Он был единственный известный Джиму человек, у которого этот жест выглядел изящно.

— Суть в том, что тогда же, в Йейле, я прочел и биографию Льюиса Кэрролла. И от одной фразы по поводу главы из «Алисы в стране чудес», озаглавленной «Бег по кругу и длинный рассказ», у меня в уме что-то забрезжило. В тот миг и родилась идея о многоярусной терапии.

— Многоярусной? А, потому что «Многоярусный мир»?

— Название не хуже других, а то и получше, — улыбнулся доктор. — То был лишь проблеск идеи, зигота мысли, пламя свечки, которое вполне могли задуть буйные ветры внешнего мира или здравого смысла, логики, отвергающей божественное озарение. Но я раздул эту искру, сберег ее, взлелеял, и она разгорелась ярким пламенем.

Да, мужик что надо, подумал Джим. Не зря его зовут Шаманом.

Но взрослые так часто подводили и обманывали Джима, что он не спешил полностью довериться психиатру. Там видно будет. Посмотрим, какие дела последуют за словами.

С другой стороны, Порсене еще нет тридцати. Старый, но не совсем еще. Молодой старик.

Хорошо, что Джим занимался в биологическом классе. А то бы он не понял, что такое «зигота мысли». Зигота — это клетка, образованная от слияния двух гамет. А гамета — это репродуктивная клетка, способная слиться с другой и тем положить начало новому существу.

Джим тоже был когда-то зиготой. Как и Порсена. Как и большинство живых существ.

Слушая объяснения доктора, Джим уяснил, что в психотерапевтическом смысле он — гамета. А цель терапии — превращение в зиготу. В новую личность, созданную из старой и еще из одной, пока еще вымышленной.

ГЛАВА 3

— Пациенты, получающие многоярусную терапию, — это небольшая элитная группа, сформированная из добровольцев, — сказал доктор Порсена. — Они обычно начинают с первого тома, «Создатель вселенных», а потом по порядку прочитывают все остальные. Потом выбирают какой-нибудь персонаж и пытаются СТАТЬ этим персонажем. Они усваивают все умственные и эмоциональные черты своей ролевой модели — и хорошие, и плохие. На следующем этапе терапии они начинают избавляться от плохих черт своего героя, но хорошие сохраняют. Это похоже на то, как змея сбрасывает кожу. Бесконтрольные галлюцинации, нежелательные эмоциональные факторы, которые привели его или ее сюда,

постепенно сменяются контролируемыми галлюцинациями. То есть теми, которые пациент принимает на себя, когда становится, в определенном смысле, персонажем серии Фармера. Содержание терапии далеко не исчерпывается этим, но это ты поймешь лишь со временем. Пока все ясно?

— Пока да, — сказал Джим. — Неужто это правда срабатывает?

— Коэффициент неудач феноменально низок. В твоем случае, хотя ты серию и читал, тебе придется перечитать ее. «Многоярусный мир» станет твоей Библией, ключом к твоему здоровью, если ты поработаешь над ним как следует.

Джим помолчал. Он вспоминал серию и думал над тем, какого героя — некоторые из них были совсем уж злобные — ему выбрать. Кем стать, как говорит доктор.

В основе серии лежала мысль, что когда-то, много тысяч лет назад, существовала только одна вселенная. И только на одной планете в этой вселенной существовала жизнь. В конечном итоге эволюции там появился вид, напоминающий людей. И этот вид достиг знания, неизмеримо более высокого, чем все достигнутое на Земле. Благодаря своим знаниям люди той планеты получили возможность создавать искусственные карманные вселенные.

Такими учеными и могущественными были эти существа, что могли приспосабливать законы физики к каждой отдельной искусственной вселенной. Например, ускорение свободного падения могло отличаться от величины, существовавшей в первоначальном мире. Или, скажем, карманный мир мог состоять из единственного солнца и единственной планеты. Взять Многоярусный мир. Это была планета размером с Землю, сделанная в форме ступенчатой Вавилонской башни. Крошечное солнце и крошечная луна вращались вокруг нее.

В другой вселенной планета — тоже единственная — вела себя, как пластмасса в лавалитовой колбе. Ее форма все время менялась. Горы росли и рушились на глазах. Русла рек прокладывались за несколько дней, а потом исчезали. Моря наполнялись и высыхали. От планеты отрывались куски — точно как от термопласта в жидкости лавалитовой колбы — и кружили вокруг нее, меняя форму, а затем медленно сливались опять с основной массой.

Многие властители, как стали называть себя эти люди, покинули старый мир и поселились в искусственных карманных вселенных, которые сами сотворили. Потом война

сделала старую планету непригодной для жизни и уничтожила всех, кто оставался там. Спаслись только властители, обитавшие в карманных мирах.

Прошли тысячелетия, и властители, жившие в мирах, уже существовавших во время войны, создали новые искусственные вселенные. И заселили их существами, которых производили в своих лабораториях. На этих планетах, помимо властителей, жили другие виды людей; все эти низшие разновидности создавались в лабораториях, хотя моделями служили сами властители.

В эти карманные миры можно было попасть через «врата». Это были проходы, меж измерениями, снабженные различными видами кодов. Пришло время, и властители вступили в эпоху упадка, утратив знание, позволявшее создавать новые вселенные. Сыновьям и дочерям властителей нужны были свои миры, а возможности создать их больше не было. Тогда, что было неизбежно, между ними началась борьба за власть над тем ограниченным числом миров, что уже существовали.

К началу романа «Создатель вселенных», в поздние 1960-е годы, многие властители были убиты или лишены своих владений. Даже те, кто имел собственные вселенные, стремились завоевать другие. Властители могли жить, не старея, сотни тысяч лет, что сделало их в большинстве своем пресыщенными и обратило ко злу. Вторжение в другие миры и убийство других властителей сделалось для них игрой покрупному.

Если они не могли творить, то могли уничтожать.

Игра в «Крепости и драконы», столь популярная среди молодежи, явно происходила из «Многоярусного мира». Врата, ловушки, поставленные властителями в этих вратах, изобретательность, необходимая для того, чтобы пройти, и опасные миры, в которых оказываешься, приняв неверное решение, — все в книгах было точно как в игре. Джим удивлялся, почему фармеровскую серию не приспособили для этой игры.

Еще больше его удивило, что серию стали использовать в психотерапии. Но вообще-то придумано великолепно. Джима это привлекало куда больше, чем обычные виды лечения — фрейдовский, юнговский психоанализ и прочие. Хотя Джим не слишком много знал о различных психиатрических школах, они все равно ему не нравились.

Надписи со стенок туалета вспыхнули в его сознании.

«Стать психом — чем не кайф». «Лучше через край, чем за борт». «Шизофрению не подцепишь на сиденье унитаза».

Доктор Порсена взглянул на свои настольные часы. Марионетка Времени, подумал Джим. Доктора и адвокаты, точно поезда, движутся по ньютоновскому времени. Об эйнштейновском они и понятия не имеют. Ни тебе побездельничать, ни потрепаться, послав к черту относительность. Зато они успевают кое-что сделать.

Психиатр встал и сказал:

— К делу, Джим. Эксцельсиор! Все дальше и выше! Младшенький Вуниер выдаст тебе книги. И ознакомит тебя с правилами нашего распорядка. Да минуют тебя стальные когти Клоно, и да пребудет с тобою Сила. Увидимся позже.

Джим вышел из кабинета, уверившись, что доктор — определенно молоток. Сила, говорит. Ну, это из «Звездных войн», каждый американский пацан это знает. А вот Клоно... Многим ли известно, что Клоно — это божество, в которое верят космонавты: у него золотые жабры, бронзовое брюхо, иридиевые кишки. Его именем клянутся космопроходцы в серии Э. Э. Смита про Ленсмана.

Младшенького Вуниера Джим нашел на посту дневного дежурного около лифтов. Младшенький Вуниер! Ничего себе имечко родители дали парню. Испортили ему всю жизнь. Точно она и без того недостаточно испорчена. У восемнадцатилетнего парня волосы, как у невесты Франкенштейна, спина, как у горбуна из «Собора Парижской богоматери», ноги он волочит, как Игорь*, а лицо как у Безобразной Герцогини из первой книги про Алису. Кроме горба, его давит еще и пристрастие к наркотикам. Он сидел на амфетамине. Остается надеяться, что его замели до того, как он сжег себе мозг.

А хуже всего то, что он все время пускает слюни.

Надо же — а ведь Джим Гримсон считал себя самым разнесчастным человеком на свете!

Джим жалел беднягу, но выносить его не мог.

Ну и кого же выбрал себе Младшенький Вуниер ролевой моделью? Кикаху, красивого, сильного, ловкого и находчивого героя. Хотя Джим полагал, что ему скорее следовало бы выбрать Теотормона. Это такой властитель, которого собственный отец захватил в плен и в своей лаборатории жестоко превратил в чудовище с рыбьими плавниками и уродливым, звериным лицом.

---

* Слуга доктора Франкенштейна из одноименного фильма *(Примеч. пер.)*

Вуниер сходил в кладовую и вынес Джиму пять книжек в бумажной обложке.

— Читай и плачь, — сказал он.

Джим сунул стопку книг под мышку. Спасут они его? Или только поманят, как манило все остальное, а в результате — новый облом?

Вуниер отвел Джима в его комнату по пустому в этот час коридору. Все или в своих комнатах, или в рекреации, или на индивидуальной и групповой терапии. В длинных широких коридорах с белыми стенами и серым полом шаги их двоих отдавались эхом. Джима пока что поместили в одноместную палату, маленькую и имеющую самый больничный вид. Но даже крохотный стенной шкафчик, который там имелся, был слишком емок. Вся одежда, которую имел Джим, была на нем, да и ту принесла ему мать, а ей дала миссис Вайзак. Сэмовы вещи были тесноваты Джиму, и обувка позорная, «оксфорды» с квадратными носками — Сэм надел бы такие только под страхом смерти, что его мать, возможно, ему и посулила.

— Книги можешь положить сюда, — Вуниер показал на нишу в стене. — А теперь я прочту тебе правила.

Он прислонился к стенке, поднес листок обеими руками к самому лицу и начал читать вслух, брызгая слюной на бумагу.

Елки зеленые, подумал Джим. Чисто гейзер.

Он сел на единственный стул — деревянный, со съемным сиденьем. Сейчас бы сигарету. Зубы у него ныли, нервы были натянуты, как телефонные провода, и настроение срочно нуждалось в починке.

Вуниер все бубнил, точно буддийский монах, выпевающий сутру о лотосе. Пациент обязан содержать свою комнату в чистоте и порядке. Пациент обязан ежедневно принимать душ, следить за чистотой ногтей и так далее. Телефоном можно пользоваться только на посту дневного дежурного, и нельзя занимать его дольше четырех минут. Курить разрешается только в холле. Писать на стенах запрещено. Пациенты, попавшиеся с непрописанными им наркотиками, со спиртным или с телкой (как выразился Вуниер), выкидываются к чертовой матери.

— А когда дрочишь, — добавил он, — не делай это в душе и вообще при людях.

— А перед зеркалом можно? — спросил Джим. — Это как — при людях или нет?

— Остряк-самоучка, — буркнул Вуниер. — Знай выполняй, что тут написано, и все будет прекрасно.

Он доволок ноги до стены напротив и содрал с нее какой-то листок с печатным текстом. Джим успел прочесть, прежде чем листок отправился в корзину:

НЕ БОЙСЯ ИСКУЛАПА.

Был там и рисунок.

— Какой-то умник лепит такое во всех комнатах, — сказал Вуниер. — Мы зовем его Алый Буквовщик*. Задница у него будет алая, если попадется.

Теперь на стене остались только несколько изречений в рамочках, похожие на вырезки из «Саттердей Ивнинг Пост», да календарь.

— А мантры? — спросил Джим. — Они висят во многих комнатах.

— Это нормально, это входит в терапию. Некоторым они нужны, чтобы проникнуть в Многоярусный мир. — Вуниер помолчал и спросил: — Ты решил уже, кого выберешь?

Он явно напрашивался на разговор. Одиноко ему, наверно, бедняге. Но Джим не желал жертвовать собой ради человека, с которым у него не было никакой охоты говорить.

— Нет, — сказал он, привстав, потом снова хлопнулся на стул и заглянул под кровать. — А это что такое?

Вуниер раскрыл глаза и тоже хотел заглянуть под кровать, но передумал.

— Ты о чем?

— Там шевелится что-то. Я думал — это тень, но оно очень темное, чернее тени. Наверно, если сунуть туда руку, она отмерзнет и уплывет в четвертое измерение. На веретено похоже. С фут длиной. Вот — опять шевелится!

Вуниер стрельнул глазами в сторону кровати и уставился на Джима.

— Ну, мне пора, — сказал он. И с деланной небрежностью добавил: — Ты уж сам займи своего гостя. — А потом убрался из комнаты очень быстро

Джим громко засмеялся, как только решил, что Вуниер его не услышит. То, что он будто бы видел, Джим позаимствовал из романа Филипа Уайли — название он позабыл, — но не знал, правда ли Вуниер поверил, что под кроватью что-то есть, или просто испугался, что на Джима «накатило».

Через минуту, однако, настроение Джима сделалось каким-то полосатым — и черным, и красным. Точно фазы тока. Депрессия, перемежающаяся со злостью. Психологи говорят,

---

* Намек на роман классика американской литературы Натаниэля Готорна (1804—1864) «Алая буква». (*Примеч. ред.*)

что депрессия — это злость, направленная против себя самого. Как же можно тогда за одну минуту испытать обе эти напасти — словно выключателем щелкают туда-сюда? Пожалуй, он и правда вот-вот сбрендит.

МАНИАКАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ВЫЗЫВАЕТ СИЛЬНУЮ ДЕПРЕССИЮ.

Надо будет прилепить это в туалете. Он докажет им, что их чертов неуловимый Алый Буквовщик — не единственный, кто способен нанести удар из тьмы.

У него даже своей одежды нет. И денег нет. Отними у мужчины или женщины все имущество и деньги — и вот перед тобой человек, лишенный всякого мужества и всякой женственности. Это уже и не человек. Если он только не индийский факир и не йог, не часть общества, в котором такие люди считаются святыми. В этом мире человека делают одежда и деньги — здесь только король может ходить голым, оставаясь человеком.

У него нет ничего.

Все так же сидя на стуле и глядя в ничто, на ничто, глядящееся в зеркало, Джим почувствовал, что чернота уходит. Она сменилась красным, красным, захлестнувшим каждую клеточку тела и мозга.

Но у человека, который испытывает гнев, кое-что уже есть. Гнев — это позитивная величина, даже если ведет к негативным действиям. В одном стихотворении, которое он читал когда-то давно, говорилось — как же? Джим не помнил наизусть... Ярость сделает свое там, где разум бессилен.

Джилмен Шервуд, один из больных, просунул голову в дверь.

— Эй, Гримсон! Через десять минут групповая терапия!

Джим кивнул и встал со стула.

Он знал теперь, кого выберет. Кем станет.

Это будет Рыжий Орк, властитель-злодей, самый опасный враг Кикахи. Подлый и свирепый сукин сын. Всех лягает в зад, потому что у самого задница красная.

ГЛАВА 4

3 октября 1979 г.
Хэллоуин (Канун дня всех святых)

Что-то разбудило Джима еще до того, как зазвонил будильник. Мутными со сна глазами он посмотрел вверх. Трещины на потолке медленно складывались в карту хаоса. Или

это начальный набросок какого-нибудь зверя или загадочного символа? Новые трещины ответвились от старых с тех пор, как он вечером лег спать.

Звон будильника заставил его подскочить. Дзыынь! Проснись и пой! Подымайся, ленивец! Двигай! Двигай! В атаку, вперед!

Утреннее солнце светило сквозь тонкие желтые занавески, и видно было, как из трещин сыплется белая пыль.

Земля под домом шевельнулась и тряхнула его кровать. Прямо под ним, в давно заброшенных горных выработках под Бельмонт-Сити, что-то сдвинулось или осыпалось, и дом Гримсонов еще чуть-чуть просел или покосился.

Три месяца назад за четыре квартала от их дома два соседних здания провалились во внезапно открывшуюся яму два фута глубиной. Теперь они стояли, прислонясь друг к другу, а веранды с них и спереди и сзади сорвало. Раньше между ними было шесть футов расстояния, а теперь их втиснуло в дыру рядом, и они торчали, точно две очень большие и очень твердые свечки у великана в заднице.

Толчок, происшедший минуту назад, выдернул Джима, словно форель на крючке, из кошмара. Но Джим стонал и скулил во сне не потому, что увидел какое-то чудовище. Это был черный на черном сон, где ничего, совсем ничего, не происходило.

Джим приказал себе поднять свои усталые кости с постели. «С песней на устах». Угу. С песней вроде «Хмурого воскресенья». Только сегодня-то среда, день всех душ.

Комната была очень мала. Семь больших плакатов были пришпилены к выцветшим обоям с красными розами на светло-зеленом фоне и к обратной стороне двери. Самый большой изображал Кейта Муна, великого и недавно сошедшего с ума барабанщика группы «Ху». А самый яркий представлял пятерых членов «Хот Вотер Эскимос», местной рок-группы. «План» Диллард блюет в саксофон; Вероника Паппас, «Поющая дырка», кажет микрофон из-под кожаной мини-юбки; Боб Пеллегрино, «Птичкина кака», производит мастурбацию барабанной палочке; Стив Ларсен, «Козел», взвалил на горб гитару; Сэм Вайзак, «Ветряк», брякает по клавишам. Над этой мерзкой компашкой висела дюжина коровьих колокольчиков, вместе напоминающих НЛО в полете. Вблизи и при ярком свете можно было разглядеть тонкие проволочки, прикрепляющие их к потолку.

Джим в рваной зеленой пижамной куртке, красных пижамных штанах и черных носках вылез из постели и открыл дверь. Точно, она открывается туже, чем вчера. Джим прошел налево по темному холлу. Тускло-зеленый ковер на полу совсем протерся. В тесной ванной Джим зажег свет. Взглянув в зеркало, он поморщился. Под кожей назревал третий прыщ. Рыжие усики еще немного подросли со вчерашнего дня. В уик-энд придется побриться. Тупое лезвие (отец их хранит, потому что новые слишком дорого стоят) поцарапает его, сдерет корочку со свежевыдавленных прыщей, и из них пойдет кровь.

Джим помочился в раковину. Так он помогал своему отцу, Эрику Гримсону. Эрик всегда разорялся, что, если часто спускать воду, слишком много надо платить по счету. А еще это была маленькая, хоть и тайная месть Джима их домашнему тирану, в каждой бочке затычке.

Стоя над раковиной, Джим изучал себя в зеркале. Большие синие глаза у него от обоих родителей: и от норвежца-отца, и от венгерки-матери. Рыжеватыми волосами, длинной челюстью и выступающим подбородком наделил его Эрик Гримсон. Маленькие уши, длинный прямой нос и слегка восточный разрез глаз — это дары матери, Евы Наги-Гримсон. Рост шесть футов и полдюйма — это от отца. Джиму надо подрасти еще на три дюйма, чтобы сравняться с виновником своих дней. Старик у него жилистый и узкоплечий, но Джиму широкие плечи достались с материнской стороны. Братья у матери хоть и малы ростом, зато крепкие и мускулистые.

Боже ж ты мой! Избавиться бы от проклятых прыщей — и он был бы очень даже ничего. Мог бы даже добиться какого-то успеха у Шейлы Хелсгетс, у самой красивой девочки в Бельмонтской Центральной средней школе, предмета его воздыханий. Джим все собирался посмотреть в словаре, что в точности означает «предмет воздыханий». Джим понимал это выражение так, что любовь у него безответная, что он для нее значит не больше, чем для спутника на орбите задевающий его радарный луч.

Единственные слова, с которыми она когда-либо обращалась к нему, была просьба держаться от нее с подветренной стороны. Это обидело Джима, но не настолько, чтобы он перестал ее любить. Он стал мыться два раза в неделю — серьезная жертва с его стороны, если учесть, как мало у него времени на разные пустяки.

Уж эти прыщи! И зачем только Бог, если он есть, проклял ими подростков?

Поплескав водой на лицо и на пенис и вытерев их полотенцем, которым по идее вытирается только отец, Джим направился на кухню. Несмотря на темноту в холле, на ковре была заметна белая пыль от штукатурки. Придя на кухню, Джим увидел новые трещины на позеленевшем потолке. На газовой плите и покрывающей стол клеенке тоже лежал тонкий слой белой пыли.

— Скоро провалимся в дыру, — пробурчал он. — Прямиком в Китай. Или в ад.

Он торопливо принялся готовить себе завтрак. Открыл дверцу сорокалетнего холодильника, в котором охлаждающая спираль напоминала марсианскую сторожевую башню, и достал из него банку майонеза, польскую колбасу, польский консервированный перец, такой острый, что на выходе обжигает задний проход, половинку почерневшего банана, увядший салат и холодный хлеб. Закрыть дверцу он забыл. Пока закипала вода на чашку растворимого кофе, Джим нарезал колбасу и банан и состряпал себе сандвич.

Он включил радио, купленное отцом его отца в день появления на рынке первых транзисторных приемников. Старый ламповый «Дженерал Электрик» пылился на битком набитом чердаке вместе с кипами старых газет и журналов, поломанными игрушками, поношенной одеждой, битой посудой, ржавыми столовыми приборами, облысевшими подметальными щетками и перегоревшим пылесосом «Гувер» выпуска 1942 года.

Эрик и Ева Гримсон не в силах были расстаться ни с чем, кроме пищевых отходов, да и те не всегда выбрасывали. Лишиться своего добра для них все равно что отдать кусок собственного мяса. Большинство людей оставляет прошлое позади. Его родители громоздили его у себя над головой.

Джим откусил большой кусок сандвича, сопроводив его куском польского перца. С огнем во рту и слезящимися глазами он выключил газ и вылил кипяток в чашку. Пока он размешивал кофе, ВИЭК, единственная рок-станция в Бельмонт-Сити, врубилась на конце сообщения о погоде. А потом запустила шестнадцатый номер местного недельного хит-парада. «Твоя рука — не то, что надо мне!» Первая песня «Хот Вотер Эскимос», которую Джим слышал по радио. Ей же суждено было стать и последней.

Наливая в стакан холодную воду из-под крана, он услышал рычание, исходившее не из радио. Приемник умолк. Пару секунд было тихо, только вода бежала. Потом за спиной у Джима снова раздался рык.

— Черт! Сто раз говорил, чтобы оно у тебя не орало! Ей-Богу, я выкину это проклятое радио в окошко! И закрой этот поганый холодильник!

Голос был тихий, но густой, и принадлежал отцу, его законному властелину. В детстве этот голос наводил на Джима страх и трепет — ребенку казалось, что он нечеловеческий. Джиму и до сих пор так казалось.

Однако были ведь и моменты, когда он любил этот голос, смеялся, слыша его. Вот это и путало отношение Джима к отцу. Но сейчас всякая путаница отсутствовала.

Джим выпрямился, закрыл кран и отпил из стакана, медленно оборачиваясь. Эрик Гримсон был высокий, краснолицый, красноглазый, с набрякшими веками, мордастый и пузатый. Лопнувшие сосуды на его носу и щеках напомнили Джиму о трещинах на потолке.

Иисус, Мария, Иосиф!

Опять конфликт поколений, как выражается школьный психолог. Опять сцепляться рогами с этим говнюком, как выразился про себя Джим.

Папаша сел, поставил локти на стол и упер подбородок в ладони. Какой-то миг казалось, что он сейчас заплачет. Потом он стукнул ладонями по столу, аж сахарница подскочила. Он жег Джима взглядом, но руки у него тряслись, когда он зажигал спичку и закуривал.

— Ты нарочно сделал громко, так ведь? Чтобы не дать мне спать. Богу известно, и вам с матерью тоже известно, как мне нужен сон. Но разве ж ты дашь поспать? И почему! Из чистой вредности, из подлого чувства противоречия, которое у тебя от матери, вот почему! Сказано тебе — закрой холодильник! Ах ты... змей! Змей зловредный, вот ты кто!

Он опять хватил рукой по столу. Облако пивного перегара, идущее от него, заставило Джима сморщиться.

— Больше я твоих пакостей терпеть не стану! Богом клянусь, выкину это поганое радио в окошко! И тебя следом!

— Давай выкидывай! — сказал Джим. — Не больно меня это колышет!

Он не боялся, что отец поймает его на слове. Как бы ни был зол Эрик Гримсон, он не станет уничтожать ничего, что стоит денег. Эрик поднялся со стула.

— Пошел вон! — заорал он. — Вон, вон, вон! Чтоб я не видел тут твою паскудную рожу, выродок патлатый! Катись, или я погоню тебя до самой школы пинками в зад! Катись сию минуту!

Старик нарывается, чтобы я его ударил, подумал Джим. Тогда он переломает сыну пару костей, пустит ему кровь из носу, двинет его в живот, пнет в мошонку, врежет по почкам.

Сделает как раз то, что и он хотел проделать со своим стариком — и проделает когда-нибудь.

— Ладно! — заорал Джим в ответ. — Ухожу, забулдыга, нищеброд, пожизненный кандидат на пособие, паразит, лодырь, неудачник! А холодильник сам закрывай.

Бетономешалочный голос Эрика стал еще ниже, но громче. Лицо у него побагровело, рот широко открылся, обнажив кривые, желтые от табака зубы. Глаза выкатились, точно два кровавых сгустка.

— Ты как с отцом разговариваешь! Ты, паршивый хиппи, вонючий... вонючий...

— Розовый комми, — подсказал Джим, пробираясь мимо отца лицом к нему. Сын приготовился в случае чего дать сдачи, но его пробирала дрожь.

— Вот-вот! В самую точку! — проревел отец.

Но Джим уже бежал через холл. У самой двери в свою спальню он увидел, как открылась дверь в дальнем конце коридора. Из узкой щелки вырвался мерцающий свет и сильный запах ладана. Выглянула мать. Она, как обычно, молится и перебирает четки, стоя на коленях перед статуэтками в своей комнате. Она прекрасно слышит, как они ругаются, но вместо того, чтобы выйти и заступиться за сына, прячется за дверью и ждет, когда воцарится мир и покой, хотя бы относительный.

— Скажи Богу, пусть вставит себе! — крикнул Джим.

Мать ахнула и скрылась, медленно и бесшумно притворив за собой дверь. Вот такая у него мать. Медленная и беззвучная, тихая и кроткая. И проку от нее не больше чем от тени, на которую она смахивает. Она так долго жила среди призраков, что сама стала призраком.

ГЛАВА 5

Джим, уже одетый и со школьной сумкой в руке, выскочил из дома. На пороге, изрыгая оскорбления и угрозы, стоял отец. Нет, он не собирался преследовать сына за пределами своей территории, на которой чувствовал себя в безопасности. Здесь, у себя, он царь, бог и воинский начальник. Хотя

его земля на самом-то деле не его, а банковская, если уж соблюдать точность. А если туннели и шахты под домом будут все так же оседать, она скоро станет просто мать-сырой землей.

Небо было ясное, и солнце обещало прогреть воздух градусов до семидесяти с лишним. Отличный денек для Хэллоуина, хотя по радио и сказали, что попозже соберутся тучи.

Это только внешне. Вокруг Джима громыхал гром, точно сердитый людоед швырял на своей кухне горшки и сковородки. Черные тучи неслись по его персональному небу, предвещая, что дальше будет еще хуже.

Эрик Гримсон продолжал кричать и тогда, когда сын отошел на квартал от дома. Пара соседей высунули головы за дверь посмотреть, что за гвалт. Джим летел вперед, размахивая сумкой, где лежали пять учебников, в которые он накануне вечером и не заглядывал, карандаши, шариковая ручка и две тетрадки, в которых Джим в основном пытался писать стихи. Еще там лежали три потрепанные и грязные книжки в бумажных обложках: «Нова-Экспресс», «Венера в раковине»* и «Древний Египет».

Мать не успела приготовить Джиму завтрак. Ну и ладно. Все равно желудок жжет, точно кулак, в котором зажата раскаленная докрасна колючая проволока.

Чересчур много, чересчур долго.

Когда же Большой Взрыв разнесет его в клочья?

Он уже грядет, он уже грядет.

В тетрадке было последнее стихотворение Джима, «Ледники и новые звезды».

Гори, гори, гори, гори!
Ничто не покажет, как я накален.
Слова — лишь тени; ярость — вот суть.
Дядя Сэм мой огонь прихлопнет,
Дядя Сэм — ползущий ледник,
В нем пять миль высоты, он горы
Сострогивает под гребенку.
Ледник хочет, чтоб все было плоско,
Он хочет всякий огонь загасить.
Папа с мамой — ледовые горы,
Идут на меня охладить мой огонь.
Гигантский айсберг Белого дома,
Тролли из ФБР,

* Роман Ф. Х. Фармера. (*Примеч. ред.*)

Бесы из ЦРУ,
Оборотни-легавые окружают меня.
Морозильник тюрьмы мой огонь заморозит.

Ахав* преследует Моби Дика,
Белого, как здоровенный член,
Ахав срывает маску с Бога,
Он — снаряд, готовый взорваться,
Но он только свечка по сравнению со мной.

Эру за эрой, век за веком
Старый диспетчер Время при деле,
Экспресс «Солнце» знай себе шпарит
К станции под названием Новая,
Взрывает, сжигает, испепеляет,
Усеет Плутон осколками Марса,
Ледник отдаст мой застывший труп,
Ледник, как и все кругом, загорится,
Застывший труп снова вспыхнет огнем.
Праведный огонь не загасишь.
Гори, гори, гори, гори!

Здесь было сказано все, однако не совсем все.

Вот почему кино, живопись и рок — особенно рок — иногда лучше слов. Они высказывают то, чего нельзя высказать. Лучше, чем слова.

Улица вокруг Джима на миг заколебалась. Стала мерцающей и зыбкой, как мираж в пустыне. Потом остыла и сделалась опять незыблемой. Корнплантер-стрит стала такой же прочной, как пару секунд назад. И такой же убогой. В семи кварталах от Джима над крышами маячили черные гигантские трубы и верхние этажи сталепрокатного завода Хелсгетса. Гиганты были мертвы, ведь из них не валил больше черный вонючий дым. Джим помнил их живыми, хотя это было давным-давно, точно в прошлом веке.

Дешевая заграничная сталь задушила металлургию района. С той поры — так казалось Джиму — и начались несчастья его родителей, а стало быть, и его несчастья. Плавильные печи, извергая на город грязь и отраву, извергали также и благосостояние. А вместе с чистым воздухом пришли бедность, отчаяние, ярость и насилие. Хотя горожане могли

---

* Герой романа Г. Мелвилла «Моби Дик», капитан, преследующий легендарного белого кита. (*Примеч. пер.*)

теперь рассмотреть дом в двух кварталах от себя, своего будущего они разглядеть не могли и как будто не очень к этому стремились.

Эта улица и весь город были настоящей «Улицей Отчаяния», о которой поет Боб Дилан.

Джим вез по растрескавшемуся тротуару свои грязные, потертые ботинки. Он шел мимо двухэтажных бунгало, построенных сразу после войны. Перед некоторыми из них были палисадники; заборчики кое-где были выкрашены белой краской и не так давно подправлены. Внутри загородок были кое-где красивые газоны. А там, где травы было мало или вовсе не было, стояли на кирпичах старые машины или разобранные мотоциклы.

Утреннее солнце сияло на безоблачном синем небе. Но Джиму давно уже казалось, что свет в Бельмонт-Сити не такой, как везде. Здесь он был особенно резким и в то же время точно песок. Как может солнечный свет в чистой атмосфере напоминать песок? А вот поди ж ты. Джим не помнил, с каких пор ему стало так казаться. Вроде бы с тех, как у него начали расти волосы на лобке. Бздынь! И вот Он, необоримый Он. Бздынь! Он встает и раздувается, как рассерженная кобра, ни с того ни с сего — был бы хоть малейший намек на секс. Что угодно — фильмы, фото, реклама, шальные мысли, возникающие в уме образы — пробуждает Его к жизни, точно колдунья при помощи волшебной палочки. Бздынь! А вот и Он, хочешь красней, хочешь — нет.

Тогда-то дневной свет в Бельмонт-Сити и стал резким и песчаным.

Или нет?

А может, это началось, когда Джима посетило первое «видение». Или когда на нем впервые появились «стигматы»*.

За полквартала впереди по Корнплантер-стрит Джим увидел своего закадычного дружка, Сэма Вайзака (Ветряка). Сэм стоял у белого штакетника в своем палисаднике. Джим прибавил шагу. Только дед, Рагнар Гримсон, норвежский моряк и механик по локомотивам, да Сэм Вайзак любили Джима по-настоящему. Все они были точно камертоны, настроенные в унисон. Но дед уже пять лет как умер (может, это тогда свет стал резким и песчаным), и теперь только Джим и Сэм звучали на одинаковой частоте.

---

* Психопатическая реакция, при которой у фанатично верующих появляются раны на тех же местах, что у распятого Христа (*Примеч. пер.*)

Сэм был ростом шесть футов и очень тощий. Его худая и заостренная физия могла бы послужить моделью для Койота из мультика «Догонялки». У Сэма был в точности такой же голодный и отчаявшийся вид, но в близко посаженных, темно-карих глазах не наблюдалось, как у Койота, неугасимой искорки надежды. Блестящие черные волосы стояли на голове шапкой, почти как «африканское солнце».

— Какие люди! — закричал Сэм, завидев Джима. Голос у него был пронзительный и плаксивый. Он проделал танцевальную дорожку, сопроводив ее пением первых шести строк из одного стихотворения Джима. Джим считал, что стих хороший, но «Хот Вотер Эскимос» отвергли его как «не совсем рок». Первая строчка в нем — это фраза, которую сибирские шаманы произносят во время магических обрядов, слова, превращающие хаотические силовые линии в могущественные орудия добра или зла.

Целиком песня звучала так:

АТА МАТУМА М'МАТА!
Ты в проблемах, как в дерьме?
Зови сибирского шамана.
Он гарантирует результат,
Он поет, как пел в каменном веке:
АТА МАТУМА М'МАТА!
Нужны магические предметы,
У Неймана Маркуса их не купишь:
Перо ангела, зуб Дракулы,
Малярия белого мишки,
Сдержанное слово политикана,
Вопль капитана Крюка у писсуара,
Сера из уха доктора Спока,
Зрительский рейтинг феи Динь-Динь*,
Сок томатный с резусом минус,
Джека-Потрошителя нежные чувства,
Игольное ушко, где богач застрянет,
Пупки наших предков Адама и Евы,
Виза со штампом самого Сатаны.
Смешай все это, как Бетти Крокер,
Кипящее варево остуди.
Когда остынет и взвоет в голос,
Выпей его, выпей его!
АТА МАТУМА М'МАТА!

---

* Капитан и фея Динь-Динь — персонажи сказки Дж. Барри «Питер Пэн» Доктор Спок — персонаж популярного научно-фантастического телесериала «Звездный путь» (*Примеч. ред.*)

— Не помогает заклинание, Сэм, — сказал Джим. — Я в полном провале. И злой, как собака, прямо фитиль в заднице.

Миссис Вайзак смотрела на него в окно. Она была большая, с грудями, как у Матушки-Земли — настоящая могучая Мать. Это она заправляла всем в семье, не то что мать Джима. Мистер Вайзак, и сам не слабак, был тенью своей жены. Она повернется — и он повернется. Она скажет — он кивнет.

Миссис Вайзак глядела как-то странно. Может, она хотела бы, чтобы Джим тоже был ее сыном? Ее бы воля — она бы завела по меньшей мере шестерых, целый род, плодоносила бы, как дерево. Но после первого же ребенка, Сэма, ей удалили матку. Мистер Вайзак, будучи в безжалостном настроении, что случалось с ним часто, говорил, что Сэм отравил ей утробу.

А может, она так странно смотрит, потому что думает, что у Сэма друг со странностями? Не всякая мать захочет, чтобы с ее сыном водился мальчик, у которого бывали какие-то видения и появлялись стигматы.

Мать Джима — дело другое. Сначала ей думалось, что Джим — новый святой Франциск, из-за нездешних вещей, которые он видел, и его необъяснимых кровотечений. Но когда Джим подрос, она перестала мечтать о его канонизации. Теперь она спрашивала себя, уж не совокупилась ли она с дьяволом во сне и не от этого ли родился Джим. Вслух она об этом никогда не говорила, зато отец говорил. И Джим был уверен, что отец повторяет ее слова. Правда, папаша и сам мог выдумать. Если он мучил сына не весь день напролет, так только потому, что у него были другие дела. Например, выпивка и игра.

Джим помахал миссис Вайзак рукой. Она отпрянула, словно испугалась, но тут же вернулась к окну и помахала в ответ. Поскольку она никого не боится — вот бы и его мать была такой, — то, наверное, думала о нем что-нибудь плохое. И ей стало стыдно. Или он слишком чувствительный и слишком много о себе понимает? Так говорили ему и отец, и куратор в школе.

Джим и Сэм пошли своей дорогой. Сэм мотнул головой, и его афрошевелюра качнулась, словно плюмаж на шлеме троянского воина.

— Ну? — проныл он Джиму в ухо.

— Чего ну?

— Господи Иисусе, ты говоришь, что в полном провале, и мы целый квартал прошли, а от тебя ни слова! Чего стряслось-то? Все та же история? Ты и твой старик?

— Угу. Извини. Я задумался, ушел в себя. Как-нибудь уйду и не вернусь. А зачем? Вот тебе моя жалкая и печальная повесть.

Сэм слушал его, вставляя временами только: «Офонареть, парень! Офонареть!» Когда Джим закончил, Сэм сказал:

— Вот гадство, да? Ну что тут сделаешь? Да ничего — таков закон предков. Погоди, вот будет тебе восемнадцать, тогда сможешь послать своего старика к такой-то матери.

— Если мы до того не поубиваем друг друга.

— Ага. Конец фильма! Продолжения не последует. Злишься? Слушай, мы с мамашей утром поругались, прямо как ты с отцом. Только у матери тема одна — музыка. «Я работала так, что задница отваливалась, — говорит она, — ради того, чтобы ты мог учиться музыке, и теперь ты умеешь играть на фортепиано и на гитаре. Но я не для того втыкалась продавщицей в бакалейном, сидела с детьми и Бог знает чем еще занималась, каждый пенни считала, чтоб ты стал рок-музыкантом. А теперь еще вырядишься, как панк, будешь точно пьяный головорез-краснокожий и опозоришь меня с отцом, наших друзей и отца Кохановского! Святители небесные, дева Мария, помогите мне! Я-то хотела, чтобы ты играл классику, Шопена и Моцарта, чтобы я могла тобой гордиться! Погляди на себя!» Ну и прочее. Все то же дерьмо. Я и ляпнул то, чего не следовало — но у меня уж тогда прямо в глазах помутилось.

Сэм описал несколько кругов обеими руками, в одной из которых был мешочек с завтраком. Ветряк заработал.

— «Задница, говоришь, отваливалась? — говорю я ей. — А это что, верблюд?» — И показываю на ее мощную казенную часть. Прости мне, Боже, я ведь люблю мать, хоть она и проедает мне плешь. В общем, пришлось спасаться бегством. Она швыряла в меня посуду и гонялась за мной с метлой. Я пронесся по всему дому и вылетел на задний двор, а она знай вопит, а старик ржет как сумасшедший, прямо по полу катается — рад, что досталось еще кому-то, кроме него.

Джима обидело, что Сэма не очень трогают его проблемы с отцом. А Джим-то ему открылся, ища всем существом поддержки, понимания и совета. Вот тебе и друг, ближе которого нет. Игнорирует абсолютно не терпящий отлагательства кризис своего друга и говорит о собственных трудностях — Джим и так о них слышит слишком часто.

ГЛАВА 6

Они свернули с Корнплантер-стрит на Питтс-авеню. По ней еще шесть кварталов до Бельмонтской Центральной средней школы. Мимо них проносились машины со школьниками. Никто из машин не помахал двум пешеходам и не окликнул их, хотя все их знали. Джим чувствовал себя отверженным, прокаженным, хотя единственная его кожная болезнь — это прыщи. От этого его настроение сделалось еще чернее, его гнев еще краснее.

Иисусе Христе! Эти снобы не имеют никакого права смотреть на него сверху вниз из-за того, что у него отец безработный, что Гримсоны нищие и живут в непрестижном рабочем районе. Они, у кого есть машины, сами не больно-то богатые, кроме Шейлы Хелсгетс, да и у ее семьи дела не очень-то хороши. Закрытие стальных заводов подкосило и ее отца. Он, наверно, сейчас стоит не больше какого-нибудь миллиона, да и то в недвижимости и акциях, которые упали в цене. Джим, по крайней мере, так слышал.

Сэм не имел понятия, как безумно и безнадежно влюблен Джим. Джим скрывал кое-что от своего кореша — не хотел, чтобы над ним смеялись. Например, свою страсть к Шейле Хелсгетс, или то, что он вперемежку с рок-текстами пишет «настоящие» стихи, или что он много читает и словарь у него гораздо богаче, чем у Сэма и других ребят из их компании, хотя он не всегда знает точно значение того или иного слова.

— ...сигаретку? — спросил Сэм.

— А, что?

— Господи Боже! Очнись! В космосе ты, что ли? Вернись на грешную землю. Я спрашиваю — хочешь забить гвоздок себе в гроб?

Сэм держал в немытой руке с грязными ногтями два «кэмела» без фильтра. Джиму следовало быть благодарным — у него не было денег, чтобы купить целую пачку. Но ему почему-то не хотелось курить.

— Да ну ее! А допинга, случайно, нет?

Сэм сунул одну сигарету в угол рта, другую спрятал в карман своей черной рубашки и полез в наружный карман синего пиджака. Оттуда он извлек три капсулы.

— На. «Черные красотки». На воздушном шаре до луны с гарантией. Только осторожней при посадке.

— Спасибо. Одну возьму. Будет за мной.

— С тебя теперь семь долларов причитается, — сказал Сэм и тут же добавил: — Это я просто бабки подбиваю. Не к спеху. Ты знаешь, у меня тебе кредит всегда открыт. И сигареты

я тоже в счет не включаю. Когда у тебя будут, ты меня выручишь. Ты сам говоришь, что мы Дамон и Пифий, или как их там звать.

Джим положил капсулку в рот и проглотил всухую, собрав во рту побольше слюны.

Бифетамин сработал быстрее, чем обычно. Ап — и там, где была усталая кровь, как говорится в рекламе, потекла река расплавленного золота. Она прошла по его венам, не говоря уж об артериях, и каждая молекула норовила обогнать других, чтобы попасть сначала к сердцу Джима, а потом выйти на очередной головокружительный виток. Резкий песчаный свет стал мягким и густым.

Сэм тоже сунул «черную красотку» в рот и тут же закурил. Он глубоко затянулся, выдохнул дым и догнал Джима. Джим смотрел по сторонам, точно первый раз видел все это. Он видел верхушку школы над убогими домишками (Питтс-авеню — тоже трущоба будь здоров). Дальше, к северо-востоку, стоит трехэтажное здание из бурого кирпича с тосканскими колоннами — Веллингтоновская больница. На юго-востоке торчит шпиль св. Стефана, это самая середка венгерского квартала. Его мать всегда проходит мимо св. Гробиана, ирландской церкви, и ходит к св. Стефану, хотя это лишняя миля пути.

Если оглянуться на север, там виден купол муниципалитета. Вот где работа кипит — и по большей части грязная, если верить запойному дядьке Сэма Вайзака, судье.

Питтс-авеню идет строго на север и кончается у подножия Золотого Холма. Там, в поднебесье, расположены дома королей и королев Бельмонт-Сити. Они там потягивают свои мартини, считают свои денежки и глядят сверху вниз на быдло, на пролетариат, на соль земли, на тех, что наследуют — не капиталы, а землю, сырую землицу.

Отец Джима особенно зол на обитателей Золотого Холма за то, что там работает его жена. Она занята неполный день, и богачи не Бог весть сколько платят (жмоты несчастные!), но лучше такой заработок, чем никакого. Ева Наги-Гримсон работает в одной маленькой фирме и ходит убираться по понедельникам, средам и пятницам. Чеки Эрика по безработице давно перестали поступать. Он нехотя подал на пособие по бедности и получает его. Он принадлежит к поколению, которое считает позорным жить на пособие. Он считает также, что жена не должна работать. Это унижает мужа. Он потерпел крушение как мужчина и добытчик.

Джим мог понять, почему его отец корчится от стыда, отчаяния и обманутых надежд. Но зачем ему обязательно надо вымещать это на жене и сыне? Может, он думает, что им нравится мерзость, в которой они живут? Разве они виноваты во всем плохом, что случилось с ними в жизни?

Так почему отец тратит горькие деньги, которые зарабатывает его жена, на выпивку? Почему бы ему не сняться с якоря, не бросить свой обреченный дом, не увезти семью хоть в Калифорнию или еще куда-нибудь, где он мог бы получить работу? Правда, тогда ему пришлось бы пойти против жены. Она мирилась со всем, что он делает, какие бы пакости он ни творил, никогда не жаловалась и не спорила. Только однажды, когда он предложил уехать из Бельмонт-Сити, она твердо заявила, что не послушается его. Что никуда не уедет от клана Наги и своих друзей.

«Господи Иисусе! — закричал тогда Эрик. — Если ты дружишь с венгром, тебе и врагов не надо!»

Джим и Сэм были уже в двух кварталах от Центральной школы, огромного старого трехэтажного здания из красного кирпича. По крайней мере, думал Джим, это мое тело в двух кварталах от нее. А где же дух-то? Везде. Надо его словить.

День, в котором ты живешь, — это настоящее. Но прошлое постоянно с тобой. Оно запускает свой острый ноготь в ткань твоего мозга, отковыривает кусочек, нажимает на нерв, чтобы напомнить тебе, что основа жизни — это боль, а потом ощупывает все твое тело: трогает член, делает тебе проктологический осмотр, лапает твое обнаженное сердце, заставляя его биться, как крылышки колибри, завязывает твои внутренности морским узлом, блюет горячей кислотой тебе в желудок, взбивает кошмары веничком старого Морфея, древнегреческого бога сна.

Хорошее название для стиха: «Мертвая рука прошлого». Хотя нет. Это штамп, пускай даже большинство рок-авторов штампами не гнушается. Прошлое все-таки — не мертвая рука. Ты носишь его с собой, как нечто живое, как ленточного червя какого-нибудь. Или как хайнлайновского слизняка* с Титана, с ледяной луны Сатурна, паразита, который впускает щупальца тебе в спину и высасывает из тебя жизнь и мозги. Или как лихорадку, от которой никакие пилюли не помогают — жар пройдет, только когда ты загнешься, а тогда уж и пилюли не нужны.

---

* См. роман Р. Хайнлайна «Кукловоды». (*Примеч. ред.*)

— ...искали на сегодня халтурку, да дохлый номер, — говорил Сэм. — Как-то в субботу нас пригласили в «Уистлдик Таверн» на Муншайн-ридж, но там территория деревенских, красношеих, и пришлось нам играть этот жуткий кантри-вестерн. Лучше б отказались. В общем, сегодня ни фига не светит, и чаша терпения моего переполнилась. В Хэллоуин надо балдеть. Помнишь, как мы перевернули сортир старого Думского, когда нам было пятнадцать? А может, четырнадцать. Ну, помнишь, как Думский выскочил из дома, орал и палил из дробовика? Эх, и драпали же мы!

— Хорошее дело, — сказал Джим. — Я могу позвонить на работу и сказать, что болею. А выгонят, так и черт с ними.

ГЛАВА 7

Перед тем как присоединиться ко всей компании, Сэм сунул Джиму квадратик жвачки.

— На. А то от тебя такой дух, что Кинг Конга свалит.

— Спасибо. Это, наверно, польская колбаса, уж больно в ней чесноку много. Да и желудок у меня не в порядке.

Их поджидали трое парней. Хаким Диллард, План, коренастый чернокожий малый, страдающий хронической желтухой. Боб Пеллегрино, Птичкина Кака, здоровый, с черными усами, как у моржа, и одним стеклянным глазом. Стив Ларсен, Козел. Все обменялись рукопожатием, и Джим отметил, что на сто процентов естественно это делает только План. Козел принес самокрутку с марихуаной, и все по очереди потянули из нее, следя за главным входом: не покажется ли директор, Джесс Бозмен (Железные Штаны) или кто-то из стукачей-учителей.

— Эй, слыхали, что сделал «Кисс» в номере неорийского отеля?

— Меняю допинг на тормоз.

— Говорят, Мик Джаггер подцепил триппер от жены мэра.

— А старик говорит: «Только выстриги этот гребень на башке, я тебе яйца отрежу».

— Думаешь, Лам закатит сегодня контрольную?

— А я себе думаю: да пошел ты в задницу со своим равноберденым треугольником. Дайте определение — как же, я выговорить-то это слово не могу. Но виду не подяю. Мистер Словацкий, говорю, в геометрии я не копенгаген. Это для республиканцев, а мои все сроду за демократов голосуют.

— ...и послали опять к Железным Штанам. А его и нет в кабинете. Секретаршу, поди, трахал в копировальной.

— А он и говорит: «Ну пускай ты длинный, пускай ты черный, но чего ж ты пучеглазый-то такой?»

— Не будь ты моим сраным корешом, врезал бы я тебе за расистские анекдоты. Вот я тебе расскажу про белую бабу — ей мышка залезла в одно место, она и пошла к черному доктору. А он говорит...

Усиленно треща языками, хихикая, хлопая друг друга по задам, боксируя с тенью, компания ввалилась в вестибюль. Джим молчал, отделываясь односложным бурчанием или через силу усмехаясь. «Черная красотка» не действовала, как ей положено. Тот, кто продал ее Сэму, наверно, надул его. Там, наверно, бифетамина всего ничего, а остальное аспирин или что-то вроде.

На пути к своему шкафчику он увидел Шейлу Хелсгетс. Она стояла, прислонившись к стене, улыбалась и говорила с Робертом Бейсингом (Тараном), очень высоким и очень красивым блондином, первым нападающим Центральной, капитаном футбольной и риторической команд. Человек с большой буквы. Денег полно, водит «мерседес-бенц», живет на Золотом Холме. Средний балл — «А». Чистое загорелое лицо. Он, понятно, клеится к Шейле. Но надежные источники сообщают, что он ей пудрит мозги. Его даже видели в ночном клубе в соседнем городе, Уоррене, с Энджи Кэлорик, Минетчицей.

Джим посмотрел, как он гладит Шейлу по выпуклому задку, и его потянуло блевать.

Он изо всех сил хлопнул дверью шкафчика. Шейла отвела взгляд от Бейсинга и посмотрела на него. Ее улыбка исчезла. Потом она обернулась к Победителю и заулыбалась снова.

Шейла, бэби, ты думаешь, он сам Иисус Христос? Хотел бы я распять его, предпочтительно ржавыми гвоздями, и забил бы я их не только в руки да ноги. Да что толку. Все равно бы она смотрела на меня, как на прокаженного. «Нечист он! Нечист!»

Джим тихо напевал себе под нос, идя через холл к биологическому кабинету № 201. Это было его собственное произведение «Смотрю на тебя снизу вверх».

Посылай мне
Зуд, цингу, прыщи и блох,
Брюхо мне набей бобами —
Газ тебе же вдарит в нос.
Раздави меня — будет лепешка,
Выжми досуха — будет шелуха.
Где уж нам уж, класс не тот!

Небо-молот долбит в темя,
Перхоть сыплется с башки.
К ногтю, к ногтю, к ногтю, к ногтю.
Льются камни и свинец.
Черви, мошки, мертвецы,
Бог и дьявол, миссис Гранди —
Всякий смотрит свысока,
Я в земном ядре и глубже.
Всякий путь отсюда — вверх.
Правда, что ли? Я не верю.
По мне, все дороги — вниз.
Растерзай меня презреньем,
Душу в клочья изорви.
Над клочками зажги свечку
И обедню отслужи.
Посылай мне
Зуд, цингу, прыщи и блох.

Он вошел вслед за Бобом и Сэмом в бо́льшую классную комнату и сел в углу заднего ряда вместе с другими недотепами. Тут, как всегда, громко трепались, подначивали друг дружку, пускали бумажные самолетики и плевались жеваными шариками. Потом, точно нож гильотины, упала тишина, и все замерли — это вошел пожилой, но малопочтенный мистер Льюис Ханкс (Святоша). Мрачный, сварливый и религиозный до омерзения — таков был мистер Ханкс. Добавьте к этому, что он был сторонником библейской теории создания мира, а закон обязывал его преподавать эволюцию, хотя она и называлась скромно «развитием» — и получится озлобленный и несчастный седовласый старец.

Ханкс произвел перекличку с таким видом, точно зачитывал список душ в судный день. Произнося очередную фамилию, он взглядывал на ее носителя из-под очень толстых очков. Он делал гримасу, называя школьника, которого не любил, и слегка улыбался, называя того, кому не грозит попасть в ад для двоечников. Улыбнулся он ровным счетом три раза.

Поручив одному из фаворитов отнести список отсутствующих в кабинет директора, Ханкс начал свою лекцию. Она продолжала предыдущую, и ее темой была система размножения лягушки. Джим сначала старался слушать и записывать, потому что его это интересовало. Но у него болел желудок и голова тоже. К тому же у Ханкса был бубнящий и в то же время скрипучий голос. Джиму казалось, что он едет

в запряженной волами телеге с немазаным колесом по плоской безлесной равнине. Вид нагонял на него дрему, но скрип колеса не давал уснуть.

Сэм Вайзак, сидящий рядом, нагнулся к Джиму и шепнул:

— Сейчас засну. Слабо́ сказать ему, что он лажу гонит? А то помереть можно со скуки.

— Возьми да скажи сам, — шепнул в ответ Джим.

— Да я же в этом ни фига не смыслю и смыслить не хочу. Это ты у нас эксперт. Давай начинай. Старине Сэму охота поглядеть фейерверк. Уважь!

Внезапная тишина насторожила Джима. Он выпрямился и посмотрел на мистера Ханкса. Старикан жег его взглядом, и все поворачивали головы к Джиму и Сэму. Сердце у Джима понеслось вперед, как белка в колесе. Оно бежало и бежало, только чтобы остаться на прежнем месте, и топот его ног по металлу звучал, как барабанная дробь.

— Ну все, началось!

— Итак, мистер Гримсон, мистер Вайзак, — проскрипел Ханкс, — поделитесь с нами своими соображениями по данному предмету.

— Мы ничего не говорили, — сказал Джим таким же скрипучим голосом. Он злился, что его засекли, и злился на себя за то, что боится выступить против Ханкса. Старикан точно сделает из него дурака.

— Ничего, мистер Гримсон? Ничего? Значит, вы отвлекли меня и весь класс лишь ради того, чтобы произвести бессмысленные звуки? А возможно, вы просто подражали обезьянам, от которых, по вашему мнению, вы произошли? Вы имитировали обезьян, это так?

Сердце Джима забилось еще сильнее, и желудок подскочил и снова ухнул вниз, переливая кислоту из конца в конец. Но Джим, стараясь не подавать виду, встал. Он постарался также овладеть голосом.

— Нет, — сказал он и прочистил внезапно сжавшееся горло. — Нет, мы не подражали обезьяньему языку. Мы...

— Обезьяний язык? У обезьян нет никакого языка!

— Ну, я хотел сказать — обезьяньим сигналам.

— Уу-оо! — прошептал Сэм, корчась от беззвучного смеха.

— Когда ваш обезьяноподобный сотоварищ оправится от своего припадка, можете продолжать, — сказал Ханкс. Он глядел на них сквозь толстые очки так, будто очки — телескоп, а он астроном и только что открыл какой-то жалкий астероид, которому нечего делать в этой точке пространства.

Сэм перестал трястись и закусил губы, чтобы не прыснуть вслух. Джим снова прочистил горло.

— У меня... у меня возникли кое-какие мысли по поводу того, что вы сейчас сказали — о развитии, то есть о возникновении, жизни в первичном растворе и о статическом... то есть о статистическом неправдоподобии этого. Но мне нужно еще подумать, прежде чем сказать что-нибудь. Сейчас я хотел бы сказать про то, о чем вы говорили на прошлой неделе. Помните? Вы, то есть мы, говорили, почему, например, человеческие и собачьи зародыши так похожи. На ранних стадиях развития, во всяком случае. Вы объясняли, в свете теории развития, почему у человеческих эмбрионов имеются хвосты. Сами вы, очевидно, в эту теорию не верите. Потом вы пытались объяснить, почему, если Создатель сотворил все живые существа всего за пару дней... вы пытались объяснить, почему тогда у всех самцов имеются соски, хотя они в них и не нуждаются... и почему у нелетающих насекомых есть крылья.

В горле у него пересохло. Ханкс ухмыльнулся как нельзя более подло. Все смотрели на него, Джима. Кто-то хихикнул, когда он упомянул о сосках.

— И почему у змей имеются рудиментальные... рудиментарные... конечности, хотя они им не требуются так же, как самцам соски, а нелетающим насекомым — крылья. Не было бы ни этих сосков, ни конечностей, ни крыльев, если бы все были созданы в один день. А вы сказали, что крылья, соски и конечности были созданы ради симметрии. Создатель, мол, был художник и сварганил всех симметричными.

Джим сказал о Создателе «сварганил», чтобы позлить Ханкса. Теперь его голос окреп, стал глубже, и говорил он почти без запинок. Его несло. К черту последствия!

— Но эта «симметрическая» версия, прошу меня извинить, мистер Ханкс, звучит неубедительно. В ней нет логики. Я, по крайней мере, так думаю. Объясните мне вот что, сэр. Если Создатель был таким приверженцем симметрии, почему же он в день творения не снабдил самцов женскими гениталиями и наоборот? Почему у нас, мужчин, нет также влагалищ, а у женщин — мужских половых органов?

Смех в классе. Мистера Ханкса прорвало:

— Заткнись и сядь!

— Но, сэр!

— Я сказал, заткнись и сядь!

Джиму следовало бы радоваться — ведь он восторжествовал. Но его трясло от злости. Ханкс — точно как отец. Проиграв в словесной битве, он отказывается слушать дальше

и пускает в ход право затыкания рта, которое взрослые используют против детей. И бессмысленно апеллировать к высшему суду, потому что Ханкс — сам член этого суда.

К счастью, как раз вовремя прозвенел звонок с урока. Ханкс выглядел так, словно его вот-вот хватит удар, однако он не велел Джиму прийти к нему в кабинет после уроков. Джиму казалось, что его собственные сосуды тоже того и гляди лопнут. Но спустя несколько секунд, выйдя в холл, он начал испытывать и радостное волнение наравне с бешенством. Он показал-таки старому пердуну, ходячему ископаемому, ку-клукс-кланцу — христианцу.

Боб Пеллегрино и Сэм Вайзак шли рядом с ним в толпе. Боб сказал:

— Что толку, если ты выигрываешь каждый спор с этой падалью. Вкатит он тебе пару, и всех дел.

Джим был согласен с эпитетом, которым Боб наделил Ханкса. Для молодежи все, кому за шестьдесят, — это падаль, гниль. Пускай старик тщательно соблюдает личную гигиену — его загрязняет близость к смерти. Старуха Смерть — воплощение распада и заражает всех, кто приближается к ней.

Но одного Джим не знал, и ему суждено было узнать это лишь намного позже. Он не знал, что Ханкс гораздо ближе к истине, чем сторонники эволюции.

ГЛАВА 8

Пришел час ленча. У Джима не было денег на еду, а его злость достаточно улеглась, чтобы он ощутил сильный голод. Сэм Вайзак поделился с ним своим завтраком, а Боб Пеллегрино дал ему половинку сандвича с тунцом и половинку маринованного огурца. Джим окончательно остыл во время урока мистера Лама — английский повышенного уровня с написанием сочинений. Это был единственный предмет, по которому Джим имел среднее «В». Ну, почти «В». Вот напишет несколько сочинений на «А», и получится «В» среднее. Но если Джим не усвоит наконец разницу между обособленным причастием и обособленной частицей, зачета ему не видать.

«Я знаю, что от этого вы не станете писать лучше, — сказал Лам, — и что эти академические знания вам никогда не понадобятся. Но это не так уж сложно понять, а вы парень неглупый, что бы ни говорили другие учителя. Я вас не

аттестую, пока это правило не въестся в вашу плоть. Я не в курсе современных достижений физики и не знаю, что это за "обособленная частица" такая».

На следующей перемене Джим с Сэмом пошли в туалет. Миновав пожилого вахтера у дверей, они вошли. Там было людно, шумно и воняло. Около умывальников привалился к стенке Фрихоффер (Щелбан) и его дружки, Долкин и Скарга. Они передавали друг другу бычок с травкой, точно им наплевать было, если вахтер их заловит, да им и было наплевать. Фрихоффер был здоровяк ростом шесть футов четыре дюйма, весил почти триста фунтов, у него был двойной подбородок, тугое пузо, морда, как у хрюшки, и глазки, как у хорька. Иссиня-черную щетину на роже следовало сбрить еще три дня назад. Сальные черные волосы были связаны в хвост. Рубашку в красную и черную полоску он заляпал желтком.

Долкин и Скарга оба были коротышки, но очень крепкие, а их желтые шевелюры напоминали вороньи гнезда.

Фрихоффер и его дружки не трясли никого только потому, что в уборной было чересчур много народу. А то беда бы робким первогодкам и зубрилам. Джим за четыре года в Центральной отдавал им деньги по меньшей мере дюжину раз. Но в этом году они ни разу не поймали его одного в туалете, и в последний раз, расставаясь со своими кровными, он сказал Фрихофферу: «Больше не дождешься!»

Облегчившись у писсуаров, Джим и Сэм пошли к выходу. Фрихоффер подставил ногу, Джим упал и стукнулся головой об дверь. Боль сработала, как детонатор. Джим взвыл, выругался, вскочил и обернулся назад, выбросив вперед правый кулак. Он не думал о том, что делает; он вряд ли сознавал, что делает это. Кулак вошел в толстое пузо. Смех Фрихоффера перешел в глухое урчание, и Щелбан скрючился пополам.

Джим, несомый красной волной ярости, как серфингист, двинул коленом Щелбану в подбородок. Щелбан свалился на кафельный пол, но тут же привстал на четвереньки. Джим рявкнул:

— Попробуй еще тронь, рожа гнойная!

— Пошли отсюда, Джим, — сказал Сэм.

Фрихоффер поднялся на ноги.

— Это тебе так не пройдет, говнюк!

Долкин и Скарга придвинулись поближе. Сэм потянул Джима за руку.

— Пошли отсюда, Христа ради!

— Тут не место! — проревел Фрихоффер. — Но если ты, Гримсон, мужик, то приходи после школы к Прейвиту! Там у тебя не будет шанса ударить меня, когда я не смотрю! Я из тебя мясной фарш сделаю, если не сдрейфишь выйти против меня — а я думаю, сдрейфишь!

Джима начало трясти, но он спросил:

— Честный бой? Мужик с мужиком? Только кулаки?

— Да! Честный! Только кулаки! Мне больше ничего не надо, чтобы размазать тебя по стенке, кисель сопливый!

— Неохота руки об тебя марать, но я это сделаю, ты, куча дерьма, — сказал Джим. И с Сэмом позади не спеша вышел из туалета.

— Господи Боже! — сказал Сэм. — Что это на тебя нашло?

— Да не могу я больше терпеть этого стервеца!

— У тебя, видать, крыша поехала. Ничего толком не соображаешь. Ты ж знаешь, что он не будет честно драться, и Долкин со Скаргой тоже на тебя налетят.

— Ну а ты что бы сделал на моем месте? — рявкнул Джим.

— Я? Молчал бы в тряпочку. Я пока в своем уме!

— Ты пойдешь туда, или мне одному с ними разбираться?

— Пойду, пойду. Не брошу тебя, старичок. Только скажу еще Бобу и остальным. Чем больше нас будет, тем лучше. Тебе понадобится поддержка. И кирпич прихвачу. Только это сплошная дурь!

К концу занятий вся школа уже знала о предстоящей драке. Джим все еще был зол, но не настолько, чтобы не начать бояться. Совет Сэма не связываться со Щелбаном казался ему все более здравым. Но он не собирался идти на попятный. Все подумают, что он наклал в штаны.

Кондитерская-аптека Прейвита находилась в одном квартале от школы. Джим, сопровождаемый толпой учеников, вошел в проулок за этим старым кирпичным домом. С ним были Вайзак, Пеллегрино и Ларсен. Джим надеялся, что Фрихоффер не явится. Но нет. Вот он, Щелбан, прислонился к стенке у задней двери, с зубочисткой в толстых губах, точно все ему нипочем. А рядом Долкин и Скарга.

— Ишь, сортирный грабитель, гроза нужника! — крикнул Джим — начал он подобающе громко и твердо, но под конец дал петуха. Он остановился в дюжине футов от Фрихоффера, а толпа образовала позади полукруг. Три кореша остались рядом с Джимом.

Щелбан хмыкнул, все так же опираясь о стену.

— Гроб готовь, трепач.

Джим бросил наземь сумку с книгами, завопил и ринулся вперед. Фрихоффер выпрямился, выпучив глаза. Джим добежал до него и взвился в воздух. Он видел каратэ в кино, но сам пока не пробовал. Теперь или никогда, победа или смерть. Подпрыгнув в почти горизонтальном положении, он съездил ботинком Щелбану по носу. Он метил в подбородок, но и так получилось неплохо. Голова Щелбана отскочила назад, и он повалился на стену. Из носа хлынула кровь.

Джим тоже упал — он старался собраться в комок, но рухнул тяжело, на бок. Боль прошила плечо, и дыхание прервалось. Но он все-таки встал и атаковал Фрихоффера, нагнув голову. Голова ткнулась в мягкий живот. Снова вспыхнула боль — на этот раз в шее.

Фрихоффер ахнул. Кровь отхлынула от его лица, и он согнулся, держась за живот. Атака застала и его, и обоих его дружков врасплох. Но теперь Долкин со Скаргой очухались и кинулись на Джима, который еще не отдышался. Сэм Вайзак, хотя драться и не любил, в деле показал себя молодцом. Он вынул из-под пиджака кирпич и двинул им Долкина сбоку по голове. Тот опустился на колени, прижимая руку к пострадавшему месту. Скарга достал из кармана кулак, сверкнувший медными костяшками, и отвел руку назад, чтобы врезать Джиму по ребрам. Но тут Боб Пеллегрино дал ему в челюсть, а Сэм стукнул по плечу кирпичом. Скарга повалился, вопя от боли, и попытался уползти в толпу. Пеллегрино с размаху пнул его в зад, а Стив Ларсен навалился сверху и придавил Скаргу к земле.

Щелбан был таким мясистым, что большого ущерба не потерпел. Он отнюдь не собирался выходить из боя. С ревом он налетел на Джима, обхватил его руками и повалил на твердую черную мостовую. Руки у Джима оставались свободными, и он мог бить Фрихоффера, катаясь с ним по земле, хотя и не сильно. Получив удар в живот, Джим заорал, но боль придала ему сил, и он вырвался. Он еще лежал на земле, когда Фрихоффер встал и занес над ним ногу.

Джим лягнул первый и попал Щелбану в пах. Тот с воплем схватился за причинное место и упал. Не успев еще коснуться земли, он изверг из себя желтую рвотную струю. Джим откатился и не попал под трехсотфунтовую тушу. Но блевотина окатила его волосы и левую сторону лица и тела.

Он встал. От вони, от ощущения на себе липкой жижи и от мысли о том, что она вышла из брюха Щелбана, его самого вывернуло. Он нагнулся над Фрихоффером и блеванул ему прямо в лицо.

Некоторые зрители пришли в восторг, других замутило, а кое-кого стошнило тоже. Их пример оказался заразительным. Но ни те ни другие не успели особенно проявить свою реакцию. Вблизи послышался вой полицейских сирен, и большинство собравшихся торопливо покинуло сцену.

ГЛАВА 9

Когда черно-белая патрульная машина въехала в переулок, Щелбан грозился, рыдая и втягивая в себя воздух:

— Я тебя еще достану! Возьму у старика дробовик и вышибу твои свихнутые мозги, а поляку засуну его кирпич в задницу и тоже пристрелю!

Долкин и Скарга удрали. Боб Пеллегрино и Стив Ларсен неохотно ушли, когда Джим сказал, что им нечего мешаться в это дело. Но Сэм остался при Джиме.

— Врешь! — сказал Джим. Он тоже задыхался, но далеко не так, как Фрихоффер. — Ты получил свое, рвотный порошок! Кончилось твое царство террора! Увижу еще, как ты вытрясаешь деньги из малолеток, тут же тебе и врежу! Так врежу, что в штаны натюришь!

Он так трясся, точно все мускулы норовили оторваться от костей, но чувствовал себя так, будто несется на гребне прибоя. Волна вздымала его все выше и выше — вот сейчас от оторвется и воспарит в густую синеву. В драке он излил почти всю ярость и стремление к насилию, которые обуревали его весь день.

Тут появились полицейские. Они шли не спеша, поглядывая по сторонам, но уже усмехались. Они испытывали облегчение от того, что не придется разгонять групповую свалку. Наверно, тот, кто сообщил о драке, сильно преувеличил. Старый Прейвит? Возможно. Во всяком случае, их полицейский участок испытывает недостаток в людях и завален работой, как и все участки в нищем Бельмонт-Сити. Чудо, что патруль вообще приехал.

И хорошо, что Сэм не ушел вместе с другими. Его фамилия полицейским была знакома. Один из них знал, что Сэм — племянник Станислава Вайзака, ночного судьи, и Джона Красинского, олдермена. Оба патрульных отнеслись к инциденту просто как к чересчур горячей разборке между старшеклассниками.

В нормальных условиях полицейские поставили бы их у стенки и обыскали. Но патрульным не хотелось пачкаться в вонючей массе и вообще подходить к Гримсону и Фрихофферу ближе, чем необходимо. Не добились они и правдивых показаний о причине драки. Джим не стал ничего говорить о грабительской деятельности Фрихоффера или о том, что тот грозился убить их с Сэмом. Щелбан рад был бы обвинить Джима во всех смертных грехах, но и он подчинялся неписаному закону: никого не закладывай легавым. Полицейские хорошо понимали, что им врут, но не придавали этому значения. Отпустив этих троих с предупреждением, они избегнут возни с бумагами и не поссорятся с судьей Вайзаком и олдерменом Красинским. Родителям, конечно, надо будет сообщить.

Итак: идите, ребятки, и не грешите больше. И Бога ради, постирайте свои вещи и помойтесь. Брысь! Брысь!

Перед тем как уйти, один из полицейских нахмурился и сказал:

— Гримсон? Где это я мог... а, да. Я как-то забрал твоего старика за пьянство и нарушение порядка. Но было что-то еще. Ага! Это не о тебе писали пару лет назад? Будто бы у тебя были какие-то странные видения и кровь шла из ладоней и лба. Большая шумиха была, правда? Одни думали, что ты святой, а другие — что у тебя не все дома.

— Это было давно, когда я был маленький, — нехотя ответил Джим. — С тех пор все прошло. Да и тогда ничего особенного не происходило. Газета все преувеличила. Им лишь бы сенсация.

Он вспомнил доктора, который осматривал его после появления стигматов. Старый доктор Гудбон.

— Это просто чересчур активное воображение вместе с наклонностью к истерии, — сказал он матери Джима. — Странные вещи, которые он видит, его стигматы — все это можно объяснить и без привлечения сверхъестественного. Обычными такие случаи не назовешь, но они часто описываются в медицинской литературе. Все это психология. Разум способен на странные поступки. Даже кровотечение — чисто физическое, казалось бы, явление — может быть вызвано им. Особенно когда речь идет о детях, подростках и истерических женщинах. Очень возможно, что маленький Джим это перерастет и станет вполне нормальным человеком. Надо будет только понаблюдать за ним. Не волнуйтесь.

Это должно было успокоить мать — да, возможно, и успокоило. Но и разочаровало тоже. Она-то была убеждена, что видения и стигматы — знак Божий и Джиму суждено стать святым.

Полицейский взял с них слово, что они не станут опять драться и сразу разойдутся по домам. Поступил новый вызов, и патрульные поспешно уехали. Фрихоффер, похоже, был не прочь попугать Джима и Сэма еще, но повернулся и поплелся прочь по переулку. Джим осмотрелся в поисках своей сумки. Она исчезла.

— О Господи, этого недоставало! — закричал он. — Книжки сперли... Придется ведь новые покупать!

Отец от этого еще больше взбесится, он и так еле-еле раскошелился на учебники в начале семестра. Эрик Гримсон из-за этого разорется куда сильнее, чем если бы Джим просто подрался. А Еве придется выделить деньги из своего заработка уборщицы. Нет, где там. Отец велит, чтобы сын сам заплатил. А где ему взять?

Кончится эта плохая полоса или нет?

Мать еще не вернулась с Золотого Холма, когда Джим добрался до дома. Но отец его ждал и сразу начал орать, чтобы Джим положил все, что на нем, в стиральную машину, а сам принял душ. Прямо сейчас. Возможно, подобный шок его убьет, но и Джиму, и миру от этого будет только лучше. Джим попытался объяснить, почему он дрался, но Эрик его не слушал. Он стоял над входом в подвал, пока Джим снимал с себя одежки и засовывал их в старую стиральную машину.

— Это лишний расход мыла, воды и газа, а счета́ и так достаточно высокие, хотя не могу сказать, чтобы ты особо перегружал счет за воду. Может, это как раз Богом посланный случай заставить тебя принять душ.

Джим сначала переоделся в чистое и только потом решился сказать отцу о пропавших книгах. Но когда он неохотно вышел из своей комнаты, то обнаружил, что отца уже нет. Ушел куда-то — возможно, в «Таверну Текса» за пять кварталов от них. Потратит на выпивку деньги, на которые можно было бы купить учебники. Это напомнило Джиму, что он забыл позвонить в кафе быстрого обслуживания, где работал. Если он скажет менеджеру, что заболел — а он это проделывал чересчур часто, — то его могут и уволить.

Ну и что?

А то, что другую работу непросто будет найти.

Но Джим обещал Сэму, что пойдет вечером праздновать Хэллоуин, да и сам не хотел пропускать удовольствие.

Если удастся отозвать мать в сторонку, чтобы отец не видел, то, может, она и даст сыну на карманные расходы. Вытащит из тайника какого-нибудь; она всегда так делает. Но Джим-то знает, как ей это тяжело. Хотя она и не станет жаловаться, от взгляда ее больших печальных глаз, от всего ее прибитого, разочарованного, выражающего скрытый упрек вида Джим почувствует себя попрошайкой, паразитом, кровопийцей, никчемным типом и самым паршивым из сыновей.

От ее молчания и тихих повадок ему было гораздо хуже, чем от воплей и проповедей отца. В сварах с отцом хотя бы можно было выпустить пар. Но ее нежелание бороться подрывало дух Джима. Так, наверно, чувствует себя термит, который жует-жует дерево, а потом раз — и наткнется на железо.

В доме было тихо, лишь порой слышались какие-то слабые стоны или шорохи. Это, наверно, потихоньку перемещается земля в туннелях и шахтах под домом. Предупреждение беззаботным людишкам наверху о грядущей катастрофе. А может, это, как в поэме Колриджа «Кубла Хан», «голоса предков, предвещающие войну»? Или тролли работают в заброшенных угольных шахтах, приближая разрушение Бельмонт-Сити?

Ну я и тип, подумал Джим. Мозг у меня, точно пуля, не попавшая в цель — отскакивает рикошетом от чего придется, создает сотню сценариев, только один из которых может быть реальным. Я скроен, чтобы быть писателем или поэтом, а не гаражным механиком.

Он сидел на стуле в гостиной, лицом к фальшивому камину, над которым на полке лежали два стеклянных шара с рождественскими сценами внутри (если перевернуть их вверх ногами, а потом опять поставить, то на домики и крохотные фигурки начнет падать снег), стояли статуэтки Девы Марии и св. Стефана, две ароматические свечи, жестянка с политурой, пепельница, полная окурков, и музыкальная шкатулка с кружком белых, но пожелтевших от никотина балеринок на крышке.

Над камином висела большая фотография Рагнара Фьялара Гримсона, любимого дедушки Джима, умершего пять лет назад. Рагнар, хотя и улыбался, выглядел так же свирепо, как его тезка — легендарный предводитель викингов Рагнар Лохматые Штаны; дед уверял, что происходит от него. Белая косматая борода падала деду на грудь. Белые брови были густые и грозные, как у Бога-Отца (если он есть), а голубые глаза не уступали остротой боевому топору пирата-норвежца.

Когда старик умер, его сын, Эрик, снял большую картину с Иисусом, несмотря на слабые протесты жены, и повесил на ее место портрет своего отца.

Достойная замена — так думал Джим.

Старый норвежец был настоящим мужчиной. Он путешествовал по морю и по суше, испытал много приключений, был крут, никогда не ныл, все ему удавалось, он приобрел самоучкой большое образование, много читал, цитировал Шекспира, Мильтона и древние скандинавские саги, но комиксы тоже любил и читал их Джиму, когда тот еще не умел читать; он был упрям и полагал, что его путь — единственно верный, но не терял при этом юмора, а еще считал, что нынешнее поколение — сплошь дегенераты.

Хорошо, что старый Рагнар умер. Какое отвращение внушал бы ему теперь его сын, а пуще того — его внук. Что до невестки, Евы, то Рагнар никогда ее не любил, хотя всегда был с ней вежлив. Она его боялась, а он презирал людей, которым внушал страх.

Деда поначалу обеспокоили видения, сны и стигматы Джима. Но вскоре он решил, что это совсем не обязательно признаки психического расстройства. Просто Джим — любимец судеб, это они дали ему второе зрение, дар, который шотландцы называют «фей». Джим видит то, что скрыто от других. Будучи атеистом, старик все же верил, или утверждал, что верит, в Норн, трех богинь судьбы языческой Скандинавии. «Даже и сегодня в захолустных лесных углах можно найти норвежцев, которые верят в судьбу больше, чем в своего лютеранского Бога».

Дед брал ручонки Джима в свои огромные, искореженные работой руки и поворачивал так, чтобы белые пятнышки у Джима на ногтях блестели на свету. Джим хорошо знал о них и немного стеснялся, что другие их тоже видят. Но Рагнар говорил: «Эти знаки викинги называли норнаспорами. Их дали тебе Норны, чтобы показать свою благосклонность к тебе. Ты счастливец. Будь эти пятнышки темными, тебя всю жизнь преследовало бы злосчастье. Но они белые, а это значит, что тебе в жизни будет сопутствовать удача».

Судьба... Мистер Лам много раз говорил на уроках английского: «Характер — это судьба». Это цитата из Гераклита, древнегреческого философа. Запомните это правило и живите согласно ему. «Характер — это судьба».

Это произвело на Джима глубокое впечатление. Дед, с другой стороны, полагал, что характер человеку дается судьбой. Где бы ни заключалась истина, Джим знал: он обречен

быть вечным неудачником. Мало ли что говорил старый Рагнар о норнаспорах. Джим Гримсон — безнадежный случай, кто угодно, только не герой. Как сказал ему школьный психолог, у него заниженная самооценка, он способен общаться лишь с немногими из своих сверстников, такими же неблагополучными, как и он, не умеет вести себя с вышестоящими лицами, ненавидит власть в любой форме, не стремится к успеху — короче, шпарит без тормозов по крутой дорожке в ад. Сказав это, психолог добавил, что у Джима все-таки большой потенциал, хотя характер у него хаотический и пораженческий. Он вполне способен поднять себя за волосы. Ну уж это психик определенно лажу гнал.

Джим вздохнул и только теперь заметил, что вокруг что-то не так — точнее, чего-то не хватает. Только через минуту он понял, что окружен полной тишиной. Неудивительно, что он чувствовал себя не в своей тарелке.

Он пошел на кухню и включил радио. На ВИЭК был «Час золотого ретро», и они передавали «Долой с катушек», альбом 1966 года, в котором Фрэнк Заппа впервые выступил вместе с «Мазерс оф Инвеншен». Джиму тогда было четыре года — глубокая старина.

Не успел альбом кончиться, как вернулся Эрик Гримсон — и разверзлись врата ада.

ГЛАВА 10

В 6.19, через час после захода солнца, Джим поднял окошко своей комнаты и вылез наружу. Полчаса назад он поужинал тем, что украдкой принесла ему мать.

Ева пришла домой за несколько минут перед мужем и принялась готовить ужин. Она попросила Джима убавить звук в радио, и он убавил. Он ничего ей не сказал о своих дневных несчастьях. Эрик Гримсон заявился в полшестого, краснорожий и изрыгающий такой перегар, что дракона мог бы свалить. Первым делом он выключил радио, проорав, что не потерпит этого дерьма, когда он дома. А потом, конечно, прицепился к Джиму. Ева никак не могла понять, в чем дело, пока муж не рассказал ей о телефонном звонке из полиции, о том, что Джим подрался с Фрихоффером-младшим и пришел весь в блевотине.

Где одно, там и другое — так всегда бывает — и вскоре отец и сын вовсю кричали друг на друга. Мать стояла у плиты спиной к ним, сгорбив плечи, и молчала. Только

вздрагивала порой, точно что-то внутри кусало ее. Наконец Эрик велел сыну отправляться в свою комнату. И черта с два ты будешь сегодня ужинать, добавил он.

Теперь в доме настала тишина. Джим взял с полки потрепанную пожелтевшую книжку в мягкой обложке — «Франкенштейн» Мэри Шелли, и попробовал почитать. Точнее, перечитать. Он как раз был настроен на эту историю о монстре, созданном из мертвых человеческих тел, об изгое, ненавидимом всеми и ненавидящем всех, об отверженном, убивающем людей, рожденных естественным путем, а в конце концов и своего создателя, в некотором смысле своего отца.

Но по-жуткому старомодный язык, которым была написана книга, всегда мешал ему, а в этот раз определенно раздражал. Джим бросил книгу на пол и стал бродить туда-сюда по тесной комнате. Вскоре в гостиной заверещал телевизор. Эрик Гримсон сидит там, с банкой пива в руке, и пялится в ящик для идиотов. Через несколько минут в дверь к Джиму постучали. Он открыл и увидел мать с подносом.

— Не могу я допустить, чтобы ты остался голодным, — прошептала она. — Держи. Когда доешь, поставь под кровать, я приберу — ну, ты знаешь...

— Знаю. Спасибо, мама. — Джим принял у матери поднос и поцеловал ее потный лоб.

— Хотелось бы мне...

— Я знаю, мама. Мне бы тоже хотелось. Только...

— Все могло бы...

— Может, когда-нибудь...

Вот так они обычно и говорят друг с другом — обрывками. Джим не знал почему. Может, потому, что давление, оказываемое на них, вынуждает их к этому. Кто его знает.

Джим закрыл дверь и умял картофельное пюре с подливкой, поджаренную ветчину, бобы, сельдерей и черный венгерский хлеб. Спрятав поднос под кровать, он потихоньку вышел в холл и воспользовался ванной. А через час после заката вылез из окна. Если отец обнаружит, что его нет, тем хуже.

Днем температура держалась на семидесяти и выше, но теперь упала ниже шестидесяти. Хотя пронизывающий западный ветер немного утих, в воздухе все-таки чувствовался холод. Начинали собираться тучи. Половинку луны затягивала тонкая дымка. Хорошая ночь для Хэллоуина.

Джим пригнулся, проходя мимо окна гостиной. Телевизор продолжал верещать. Выйдя на тротуар, под яркий свет фонаря, Джим увидел, что трещины на цементе стали шире.

Он не знал, когда это случилось, но ему показалось, что их больше и они шире, чем когда он входил в дом. Правда, тогда он был слишком взвинчен, чтобы обращать на них внимание.

Ему встретилась компания ребятишек, одетых ведьмами, демонами, клингонами*, скелетами, привидениями, Дракулами, чудищами Франкенштейна, роботами, Дартами Вэйдерами, а один вырядился панком: раскрашенное лицо, сережки, гребень на голове — так, наверно, его родители представляют себе монстра. Другой был одет, как гигантский мозг, и Джиму эта идея понравилась. Все самое ужасное, что есть на этом свете, кроется в человеческом мозгу.

Ребята шли к их дому, поэтому Джим прибавил шагу. Отец на звонок не выйдет, но мать может заметить сына, когда будет бросать с веранды конфетки «Херши» детям в мешочки. (В этом квартале много не соберешь.) Мужу-то она ничего не скажет, если он только не спросит, видела ли она Джима. Тогда она сочтет себя обязанной сказать правду. Иначе святые, не говоря уж о нечистой силе, могут ее наказать.

Сэм Вайзак ждал его на передней веранде своего дома. Он курил сигарету — значит, его мать чем-то занята на задах дома и не видит его. Детей наделит леденцами, не в пример Эрику Гримсону, отец Сэма. Он будет ворчать, что ему не дают смотреть телевизор, но все-таки выйдет к ним. Ему наплевать, что сын курит — лишь бы его самого не трогали по этому поводу.

Сэм дал и Джиму сигарету, и они зашагали по улице, обсуждая драку со Щелбаном и его дружками. Потом Сэм сунул Джиму допинг. Джим чувствовал себя как никогда вправе подвинтить настроение и нервы. Наркотик проник в самый центр его мозга, как ядерная ракета, поразившая цель. Никогда еще на Джима не действовала так внезапно и так сильно такая маленькая доза. Он раскрылся нараспашку — стены замка рухнули, и часовые уснули.

Несколько дней спустя он сумел восстановить лишь отдельные ломти того, что происходило в последующие шесть часов. Весь остальной кошмарный пирог пропал — его съели «черные красотки», самокрутки с марихуаной, пиво, виски и «ангельская пыль», щедро предоставленные ему друзьями. Раньше Джим, как бы велико ни было искушение, всякий раз отказывался даже попробовать «ангельскую пыль» — фен-

* Злобные инопланетяне из сериала «Звездный путь». (*Примеч. ред.*)

циклидин*. У троих его приятелей от этой дряни начались конвульсии, а потом они впали в глубокую кому. Но более легкие наркотики и спиртное смыли весь страх.

Джим и Сэм зашли сначала к Бобу Пеллегрино и дождались Стива Ларсена и Плана Дилларда, а потом все вместе сели в «плимут» Боба 1962 года, который, как ни странно, еще бегал. На пути в кафе Родфеттера Боб открыл четвертушку самогона «Белый мул», а Стив представил шестибаночную упаковку «Будвейзера», которую купил ему старший брат. Они уже истребили половину самогонки и все пиво, когда с воплями и улюлюканьем подкатили к кафе. Еще они выкурили половину самокрутки, и каждый проглотил по «черной красотке».

Заведение Родфеттера, драйв-ин, было только для своих, для детей работяг, которые учились в Центральной. Несколько часов Джим и его друзья хохмили там и валяли дурака. Но в машину, не в пример другим, почти ничего не заказывали. Вне их маленькой группы ни друзей, ни даже близких знакомых у них не было. Они были парии, неприкасаемые и несносные, и делали вид, что гордятся этим.

Джим не помнил, сколько они там пробыли. За этот расплывчатый промежуток времени он опять курил травку и пил теплое пиво, которое Пеллегрино достал из багажника. Потом заявились Вероника Паппас, Сандра Мелтон и Мария Тамбрилл. Вероника была солисткой «Хот Вотер Эскимос», Мария — ее дублершей, а Сандра — менеджером группы. Ее кличка была «Чокнутая», но близкие друзья пользовались прозвищем только в отсутствие Сандры, иначе она обижалась. Если только не находилась в одной из своих густо-черных, очень густых и очень черных, депрессий, — глубже, чем на илистом дне Тихого океана, дальше, чем на мертвой холодной планете Плутон.

Этим вечером она пребывала в очень разговорчивом и крайне переменчивом настроении.

Где-то в течение вечера, когда одни сидели на капоте «плимута», а другие опирались на него, Стив Ларсен показал им несколько кусочков сахара с ЛСД.

— Я их копил, — сказал он. — Берег для особого случая. Сегодня как раз та ночь — Хэллоуин. Полетим на метлах вместе с ведьмами до самой луны.

---

* Транквилизатор для животных. Очень мощный и весьма токсичный наркотик. (*Примеч. ред.*)

Джим еще, помнится, сказал, что это галлюциноген, хотя ему стоило труда это выговорить.

— То есть он вызывает видения, и ты видишь четырехмерные миры, вещи, которых нет, жуткие вещи, и время сливается с пространством. Мне это ни к чему. У меня глюки и так бывают, и они мне не нравятся. Нет уж, спасибо.

— Это ведь не то, что героин или кокаин, — сказал Стив. — К нему не возникает привычки. И потом, у тебя уже сколько лет не было твоих видений.

— Ладно, почему бы и нет? — сказал Джим. — Что мне терять-то, кроме ума — а у меня и так его нет.

— Это билет в рай, — сказал Стив. — Я там еще не бывал, но вот эта фигня доставит туда с гарантией.

— Говорят, облетаешь всю Вселенную со скоростью выше световой, — сказал Пеллегрино. — И на обратном пути встречаешь себя самого.

Джим съел кубик и глубоко затянулся коричневой самокруткой. Они передавали ее по кругу, пока от нее не остался короткий окурок, который Стив сунул в карман пиджака.

Кажется, где-то после этого кто-то и предложил поехать в яблоневый сад старика Думского и перевернуть ему нужник. Это была старая хэллоуинская традиция — сваливать эту шаткую деревянную будку. Или хотя бы пытаться это сделать, поскольку успеха добились немногие. Раньше ферма Думского относилась к графству, но с ростом Бельмонт-Сити вошла в черту города.

Стояла она на конце грунтовой дороги в полумиле от главного шоссе и была обнесена изгородью из колючей проволоки. Дом давно уже сгорел, и Думский жил один в сарае. Город одно время пытался заставить его построить новый дом с водопроводом и канализацией. Но старый отшельник не поддался и подал на городские власти в суд.

У него имелась огромная собака — ротвейлер, черный с подпалинами, большеголовый, страшный пес из тех, кого снимали в фильме «Омен». Эта зверюга разгуливала по ферме днем и ночью — привязывали ее только на время сбора урожая. С тех пор как Думский завел эту собаку, на его землю перестали вторгаться.

— Есть у кого-нибудь тормозные пилюли? — спросил Джим. — Напихать их в гамбургер да скормить псу Он уснет, а мы залезем.

Это были последние здравые слова, сказанные в ту ночь. Боб Пеллегрино купил большой гамбургер без лука, начинил его дюжиной таблеток, завернул, и они отчалили, набившись

ввосьмером в «плимут», как клоуны в цирке, со смехом и визгом, а ВИЭК гремела во всю мочь «День из жизни», и звуки песни, как ртутные шарики, взрывались в юных душах. «Битлз» спели ее двенадцать лет назад и потрясли ею мир, положив начало эпохе рока — Джиму тогда было всего пять лет. Следом Боб Хинмен (Гуру), старый диск-жокей, любивший седую древность (как и Джим), поставил «Мэйбиллен» Чака Берри, с которой, по словам Гуру, начался рок-н-ролл.

Вероника сидела сзади у Джима на коленях. Ему смутно помнилось, что она возилась с его ширинкой, но что произошло, когда Вероника ее расстегнула, он забыл. Скорее всего, ничего. У него не вставало уже две недели, вот в какой он был депрессии. А ведь считается, что семнадцать лет — это пик сексуальной активности.

Яблоневый сад Думского находился по ту сторону Золотого Холма. На дорогу у них ушло минут двадцать — так часто они попадали на красный свет, хотя Боб иногда и проскакивал. Потом они выехали на шоссе, и в свете фар по бокам стали мелькать деревья. Ни встречного, ни попутного движения не наблюдалось. Джим все ждал, когда начнутся галлюцинации, но они не приходили. А может, уже пришли? Может, весь этот мир — одна сплошная галлюцинация?

Боб притормозил, но недостаточно быстро. Они уже проскочили поворот к Думскому. Когда Боб подал машину назад и повел ее по грунтовой дороге, Санди сказала:

— Может, выключим радио? Оно так орет, что и мертвого разбудит!

Но все запротестовали, потому что Боб Дилан как раз пел «Улицу Отчаяния», и все хотели дослушать. Сошлись на том, чтобы убавить звук. Как только классический хит кончился, Боб выключил приемник. А секунду спустя и фары. Лунного света, льющегося сквозь тонкие облака и в прогалы между ними, было достаточно, чтобы рассмотреть дорогу.

Машина медленно свернула с обсаженного деревьями темного проселка и остановилась перед воротами в проволочной изгороди.

ГЛАВА 11

Джим немногое помнил из того, что было после их отъезда из кафе. Многие подробности гораздо позже рассказал ему Боб Пеллегрино, который не так напился и накачался наркотиками, как все прочие, поскольку вел машину. Но и Боб был не в том состоянии, которое можно было назвать химически ненасыщенным.

Сарай зловеще чернел в прерывистом лунном свете. Если Думский там, то либо у него нет света, либо ставни плотно прилегают к окнам. Ротвейлера не было ни видно, ни слышно. Сортир — говорили, что в нем три дырки, — смутно маячил футах в восьмидесяти от сарая, слева от них. Далековато от сгоревшего дома, который высился в глубине двора, как могильник. Старому Думскому будь здоров сколько тащиться до нужника.

Все вывалились из машины. Боб предупредил их, чтобы не шумели, но План уже хлопнул дверцей. Не успел Боб ему выговорить, как Плана стошнило. Он отбежал назад и залез в придорожные кусты, чтобы заглушить издаваемые им звуки. Даже и теперь они казались чересчур громкими Пеллегрино, ставшему нянькой для всей компании. Он уже собрался пойти заставить Плана заткнуться, но остановился. Из тьмы по ту сторону изгороди послышалось глубокое рычание. Все мигом притихли.

Лихорадочно шаря глазами во мраке, они рассмотрели за воротами громадного пса. То, что он только рычал и едва вырисовывался в ночи, делало его еще страшнее. Пеллегрино, бормоча: «Ну, собачка.. Хорошая собачка!» — подошел к нему поближе. И перекинул через ворота припасенный гамбургер. Он шлепнулся на землю, и через пару секунд Боб обернулся и прошептал: «Готово, сожрал».

Санди Мелтон по дороге подбавила в гамбургер еще и ЛСД. Вот интересно, сказала она, какие галлюцинации могут быть у собаки. Джим вспомнил это, потому что тогда ему стало очень смешно. Пес все рычал. Потом, через несколько минут, рычание стало слабее, он, спотыкаясь, побрел прочь и футов через тридцать свалился.

Створки ворот скрепляла тяжелая цепь, запертая на большой замок. Джим перелез через ворота, обмотанные сверху колючей проволокой, помог перелезть Пеллегрино, потом они вдвоем помогли Сэму и Стиву. Все они раскровянили себе руки, но боли не чувствовали.

— Мать честная! — сказал Сэм. — Гляньте, сарай превратился в замок! Он весь из стекла и бриллиантов, так и мерцает при луне!

Никто не сообразил сказать ему, что сейчас луна как раз спряталась.

У Джима зрительных галлюцинаций не было, зато он чувствовал, что ноги у него выросли, точно в сказке о семимильных сапогах, и он может добраться до сортира

одним прыжком. Его отвлекли девушки, отказавшиеся лезть через ворота. Они видели колючую проволоку и видели, как оборвали себе одежду ребята.

— И потом, — сказала Санди Мелтон, — надо же кому-то позаботиться о Плане. Вдруг нам придется улепетывать — не бросать же его.

— И то верно, — согласился Боб. — Ладно, мы скоро, да вы нам и ни к чему. Посадите Плана в машину.

Трое парней пошли по усыпанной гравием дорожке, ведущей от ворот к темной груде бывшего дома, потом свернули к сортиру. Когда они подошли к этому пахучему сооружению, из разрыва в тучах на них хлынул лунный свет. Видно было даже полумесяц, вырезанный на двери.

Джима удивило то, что Боб, Сэм и Стив тоже добрались до уборной одним прыжком. У них-то ноги не вырастали. Потом Боб спросил:

— А где Сэм?

Джим хотел показать, что вот он, Сэм, около него. Но Сэма там не оказалось. Он так и остался на полпути между воротами и сортиром, пяля глаза на сарай. После Джим сообразил, что ему только казалось, будто Сэм идет рядом. А может, рядом с ним шел кто-то другой, неизвестный?

— Ладно, — сказал Боб. — Без него обойдемся. Только не забыть захватить его на обратном пути.

Они зашли с северной стороны сортира и принялись все трое толкать его. Будка качалась взад-вперед, но не переворачивалась.

— Да эта штука тяжелее, чем мамины пончики! — сказал Боб. — Погодите. Надо ее раскачать, выйти на нужную частоту колебаний, а потом, по моей команде, наваливайтесь что есть мочи!

И они снова взялись за дело. Когда они наконец поднажали и нужник опрокинулся, раздался крик. Они повернулись посмотреть, что за шум, и тут выпалил дробовик, и заряд ударил по листьям ближнего дерева. Стив заорал и бросился бежать, а Пеллегрино упал и увлек за собой Джима. Вдвоем они провалились в яму, в самую жижу — упали ногами вперед и быстро погрузились по шею.

Дробовик грянул снова. До Джима слабо донесся визг девчонок. Стива больше не было слышно. Джим и Боб громко взывали о помощи. После мгновенной тишины послышалось рычание, и к ним в дыру свалилась собака. Точно мщение,

ниспосланное богами, она плюхнулась прямо перед ними, окатила их головы и открытые рты, выскочила наверх, как пробка, и начала барахтаться.

Джим коснулся носками дна — он надеялся, что это дно. У Боба, который был повыше, торчала над жижей вся голова. Джим сидел по самый подбородок. Но обезумевшая собака задела его, и он ушел вглубь.

Позже Джим выяснил, что ротвейлер как-то очухался и прибежал, а может, подошел, поскольку был еще слабым и осоловелым, к яме. Еще не совсем придя в себя, он то ли упал туда, то ли прыгнул.

Теперь им с Бобом приходилось опасаться, как бы пес их не покусал — его мощные челюсти могли сдавить с шестисотфунтовой силой — как бы он не поцарапал их, колотя передними лапами, и как бы он их не потопил. Видели они все очень смутно, поскольку лунный свет в яму не проникал, а глаза им залепило. Потом Боба стошнило, что вызвало такой же рефлекс у Джима. Хуже им от этого не стало — хуже стать уже не могло — но и улучшения никакого не последовало. Наоборот, очень трудно уворачиваться от собаки, когда тебя выворачивает наизнанку.

Наконец Джим, вложив в это последние силы, сгреб собаку за уши и с яростью погрузил с головой в жижу. В этот миг сверху сверкнул фонарик и надтреснутый старческий голос заорал:

— Оставь собаку, не то пристрелю! Не трожь ее, ты!.. — Дальше Джим не понял: Думский перешел на польский.

— Не стреляй, Бога ради! — крикнул Джим и выпустил собаку. Она выплыла, ворча и отфыркиваясь, но нападать на него больше не стала. Смекнула, что надо беречь силы, чтобы удержаться на плаву и не захлебнуться. Она бешено гребла лапами, только-только оставаясь на поверхности.

— Дурак! — завопил Боб. — Ты ведь и собаку тоже убьешь!

Собака мало его волновала, но у него хватило смекалки сообразить, что Думский не в себе от ярости, если не понимает, что может натворить в этой тесной дыре выстрел из дробовика.

— Ой-ой! — сказал Думский. — Не уходите пока! Я сейчас вернусь.

— Так и быть, подождем, — сказал Боб и простонал: — Господи, ну и вляпались!

Думского не было что-то очень долго, хотя в самом деле, наверно, прошло не больше двух минут. Кряхтя и охая, старикан опустился на колени рядом с ямой. Потом что-то слегка задело Джима по лицу. Он не понял, что это такое, пока Думский не посветил вниз фонариком — это была веревка, которую старик им спустил.

Вдали, но достаточно ясно, перекрывая крики девушек, послышался вой сирены — к ним ехала полиция.

— Обвяжите собаку веревкой! — сказал Думский.

— А мы? — завопил Боб.

— Сначала собаку!

— Да ты в своем уме? — выкрикнул Джим. — Как мы это сделаем? Он же нам руки откусит!

— Вытащи нас отсюда! — подхватил Пеллегрино. — Мне дышать нечем! Темно в глазах! Я сдохну, если не выберусь отсюда сию минуту!

— Так вам, засранцам, и надо. Обвязывайте собаку, а потом, глядишь, и вас вытащу.

— Мы подохнем тут! — взревел Боб и поперхнулся — волна экскрементов, вызванная барахтаньем животного, захлестнула ему рот.

— Обвязывайте собаку! — заорал в ответ Думский. — Да быстро, а не то уйду, и подыхайте себе!

Этого просто нельзя было сделать без риска быть покусанными. Но тем временем сирена, завывавшая уже где-то вблизи, смолкла. Хлопнула дверца машины. Мужской голос что-то прокричал. Думский, пробурчав что-то, ушел. Джим подумывал о том, не потопить ли опять собаку. Дохлую ее легко будет обвязать. Но Думский застрелит их, если собака погибнет.

Снова прошла целая вечность. Потом Джим услышал приближающиеся голоса. Думский отпер ворота и впустил полицейских. Никогда еще Джим так не радовался приходу полиции — теперь он был прямо-таки счастлив. Лишь бы вылезти из ямы — а там будь что будет

Фонарь полицейского осветил дыру. От души посмеявшись, патрульный сказал:

— Бога ради, Пит, погляди туда! Такого ты еще не видал!

Пит поглядел и тоже посмеялся.

— Ну, ребята, вы по уши в дерьме, и это факт!

Они ушли с Думским и после очередного долгого промежутка вернулись, неся лестницу. Опустили ее вниз и велели Джиму с Бобом вылезать. Но собака не пускала их,

загораживая дорогу Думский тем временем настаивал, что надо вытащить собаку, а если ребята вылезут первыми, кто же обвяжет ее веревкой?

— Мы туда не полезем, — сказал полицейский. — Если хочешь, спускайся и обвязывай ее сам. Но сначала должны вылезти мальчишки.

Думский спорил, но безуспешно. Лестницу перенесли на другую сторону ямы. Джим выбрался первым. Он так ослаб и руки так скользили, что это далось ему непросто. На землю с верхней перекладины он выполз сам — полицейские ему помогать не стали. Следом выкарабкался Боб и улегся, отдуваясь, рядом с ним. Старый Думский, ворча, полез вниз по лестнице, которую снова переставили поближе к собаке. Потом полицейские стали вытаскивать пса. Ротвейлер, не успев оказаться над ямой, попытался укусить одного из них, и его тут же кинули обратно. Думский заорал на них, когда его окатило — он и без того перемазался. Наконец собаку вытянули, хотя полицейские и ворчали по поводу грязной веревки. Думский вылез одновременно и потащил собаку к сараю, где начал мыть ее из шланга. Пес взвыл под струей холодной воды.

— Идите-ка тоже под шланг, — сказал полицейский по имени Пит — Таких вонючих мы в машину не посадим.

Джима в тот момент ничто не волновало, кроме себя самого. Сэм все еще пребывал в трансе, завороженный сараем, который представлялся ему Изумрудным Городом страны Оз. Полицейская машина въехала в ворота и стояла у сарая. В свете ее фар стояли сиротливой кучкой девочки. Стив, как видно, убежал, а План так и остался в кустах.

Пит вызвал по радио подкрепление, а его напарник Билл погнал Боба с Джимом к сараю мыться. Когда они подошли, пес вдруг кинулся на своего хозяина. Наверно, у него помутилось в голове от ночных событий, от наркотиков и от холодного душа. А может, он напал на Думского сознательно Может, он никогда не любил старика.

Так или иначе, пес повалил Думского и впился ему зубами в левую руку Думский завопил — челюсти ротвейлера сомкнулись на кости, и сквозь рукав пиджака просочилась кровь. Полицейские, не сумев оттащить собаку, пристрелили ее Думский от этого впал в бешенство Он бросился на полицейских — им пришлось надеть на него наручники и взять под арест Потом Пит вызвал «скорую»

А Билл стал поливать из шланга Джима и Боба. Ребята вопили и плясали под струей, моля о пощаде. Но пощады не было. Потом Пит вынес из сарая полотенца, чтобы они хоть как-то обсушились.

— У нас же пневмония будет! — кричал Пеллегрино.

— Вам повезет, если отделаетесь только этим, — сказал Пит

ГЛАВА 12

— В хорошенькую историю ты нас втравил, — сказал Эрик Гримсон.

— Джим, как ты мог? — тихо вымолвила мать.

Джим едва удержался, чтобы не сказать: «Да запросто»

Он сидел, завернутый в одеяло, на заднем сиденье их «шевроле» 1968 года. С тех пор как его окатили холодной водой, его не переставала бить дрожь. Отец из чистой вредности отказался включить отопление. Хотя Джим раз двадцать прополоскал себе рот в умывальной суда, во рту по-прежнему стоял вкус человеческих экскрементов. Что ж тут удивительного — он ест дерьмо всю свою жизнь.

— Повезло тебе, что дядька Сэма — ночной судья, — ворчал Эрик. — Не то оказался бы в тюрьме.

— В детской комнате, — поправил Джим.

— Какая, к черту, разница? — Эрик так стиснул рулевое колесо, точно хотел оторвать его совсем. — Это только остановка на пути к тюрьме, больше ничего. Как тебе двенадцать исполнилось, я уж точно знал — сидеть тебе в тюряге!

— Пожалуйста, Эрик, — выдохнула Ева, — не говори так.

Они ехали по пустынным улицам, мимо темных домов. Хэллоуин давно кончился, и все улеглись спать, хотя в их районе мало кому надо утром вставать на работу С момента приезда полицейских к Думскому до освобождения Джима под ответственность родителей прошло много времени. Сначала Джима с друзьями обыскали, затем велели пройти по прямой, чтобы проверить на трезвость. Потом они еще дыхнули в баллончик. Испытания не выдержал никто. Вот еще два экзамена, которые я завалил, подумал Джим. Им зачитали их права, надели на них наручники, запихнули их в две патрульные машины — Пит вызвал подмогу — и повезли в город. С час их продержали в камере, потом вызвали в другую комнату, где взяли на анализ кровь и мочу У Джима в голове стоял туман, но он все же сообразил, что следы наркотиков, конечно, еще остались в крови

Час спустя их снова отвели в камеру, а еще через полчаса доставили в ночной суд. Их родители уже были там, кроме отца Санди Мелтон, который уехал из города. Мать Джима плакала, и слезы капали на четки розового дерева, которые она перебирала. Эрик был разъярен и выглядел весьма грозно.

Дядя Сэма был высохший лысый старикан с большим крючковатым носом в сетке лопнувших сосудов. Это плюс длинная тощая шея, покрасневшие от ви́ски глаза, плешивая голова, черная мантия и сутулые плечи придавало ему облик стервятника. Хотя судья, как полагал Джим, чувствовал себя скорее канарейкой, завидевшей кошку. Против его племянника Сэма выдвигались серьезные обвинения: вторжение на чужую территорию, порча частной собственности, пьянство и бесчинство, употребление наркотиков и нарушение тишины после установленного часа. Его могли также обвинить в пособничестве членовредительству, а если Думский умрет — в соучастии причинению смерти. Могли обвинить в пособничестве гибели собаки. Думский находился в больнице и мог лишиться руки.

Такие статьи — не шутка. Судья Вайзак не мог отпустить племянника и прочих длинноволосых выродков просто так. Но если он поступит с ними так, как они заслуживают, его невестка, миссис Вайзак, свернет ему шею. Да не в переносном смысле, а в буквальном.

Правда, все правонарушители были несовершеннолетние, что и дало судье временную лазейку. Он прочел им суровую нотацию и отпустил под ответственность родителей.

Хорошо еще, что нам не пришили хранение наркотиков и алкогольных напитков, подумал Джим. Девчонки избавились от бутылок и капсул, как только услышали вдалеке сирену. Санди Мелтон обыскала Сэма Вайзака и найденные таблетки закинула в кусты. У Джима при себе ничего не было, а Боб выбросил свое еще в сортирной яме.

Как только судья их освободил, мать Сэма ухватила сына за ухо и потащила за собой, а он хныкал и вращал одной рукой. Она, наверно, воображает, что она тетя Полли, а он Том Сойер.

Машина въехала на заляпанную маслом дорожку у дома.

— Родной очаг, — сказал Эрик Гримсон. — И вся семейка налицо. Безработный крановщик, тронутая католичка, убирающая у богачей, и никчемный хиппи, чокнутый тупица. Ладно бы просто тупица, так еще и чокнутый, и ладно бы просто чокнутый, так еще и тупица. А теперь еще и в тюрьму

сядет. Сестричка его, шлюха, родила двух ублюдков неизвестно от кого и живет с мужиком, который в отцы ей годится, с ненормальным — зарабатывает тем, что гадает по руке и чайной заварке да астрологические карты составляет! Хибара у нас вот-вот провалится прямиком в Китай, да и наплевать! Ну что я такого сделал, Господи?

— Богу до нас, опущенцев, дела нет, — сказал Джим, вылезая из машины и с силой захлопывая дверцу.

— Джим! — сказала мать. — Не кощунствуй. Все и так достаточно плохо.

— Так ведь он трепло поганое, твой сынок! — заорал Эрик. — Мало у тебя было выкидышей — какого же черта ты и его не выкинула?

— Прошу тебя, Эрик, — тихо сказала Ева, — ты разбудишь соседей.

Эрик завыл по-волчьи, а после сказал:

— Разбужу? Ну и что из этого? Все равно они прочтут о твоем сыночке в газетах и все про нас узнают, точно и так не знают. Разбужу, ну и пусть!

Джим открыл боковую дверь, и отец напустился на Еву — почему не проверила, уходя, все ли окна и двери заперты.

— Какая разница? — сказал Джим с порога. — Что у нас воровать-то?

Он вошел в дом, но отец ринулся следом и схватил его за плечо. Джим рванулся и побежал по лесенке в холл, оставив в руках отца одеяло.

— Может, у меня и было бы что воровать, — кричал вслед Эрик, — если б не вы с матерью!

Джим вбежал в ванную и заперся. Он почистил зубы с солью и содой, взяв их из верхней аптечки над раковиной. Потом вычистил ногти и снял с себя всю одежду, еще мокрую. Отец орал за дверью, то и дело колотя в нее кулаком, а Джим в это время стоял под душем. Прошло много времени, прежде чем он почувствовал себя чистым.

Воду он не закрывал, пока не потекла холодная. Ну вот, теперь отец еще больше обозлится. Он всегда нудит, чтобы экономили воду и газ. И при этом ругает Джима за то, что он не моется.

Несмотря на охлаждающее действие душа, внутри Джим был все еще накален. Если бы ярость можно было видеть, он бы светился в темноте. Все сегодня шло не так — да и почти каждый день так бывает. Не так? Мягко сказано. Одно унижение за другим. Позор за позором, провал за провалом.

Он постоял еще с минуту в запотевшей теплой ванной. Как только он выйдет, к нему прицепится отец. И Джим определенно его ударит, начнет отец драться первым или нет. Порукой этому служит красное облако, сгущающееся внутри.

Джим нехотя отпер дверь. Эрика снаружи не было. Из кухни доносились голоса вместе с запахом кофе. Отец сбавил тон, а мать почти не было слышно. Может, старик унялся? Хотя вряд ли. Включилась колонка, и ее гул заглушил кухонные звуки. На ноги Джиму пахнуло теплом, и он порадовался этому, потому что опять начал трястись, едва вышел из нагретого помещения.

Голый, с сырыми одежками под мышкой, он быстро прошел в свою комнату. Закрыл за собой дверь, скинул одежду на пол и подошел к шкафу. Не успел он снять с крючка свою пижаму, сзади раздался грохот. Обернувшись, он увидел распахнувшего дверь отца. Эрик побагровел и сжимал кулаки. Что бы ни произошло у них в кухне, его это не утихомирило.

— Оденься сейчас же! — рявкнул он. — Стыда у тебя нет!

От несправедливости этих слов — ведь отец сам ворвался к нему без разрешения — гнев Джима сгустился в крошечный горячий шарик. Еще немного нагрева, еще немного давления — и он рванет. И унесет с собой Эрика Гримсона.

— С этих пор все пойдет по-другому! — орал отец. — Или веди себя прилично, или выкатывайся, вот и весь сказ! И первым делом...

Он дико повел глазами вокруг, потом выхватил из заднего кармана перочинный ножик, открыл его и начал кромсать плакаты с рок-группами и рок-звездами. Не успел Джим издать протестующий крик, как от «Хот Вотер Эскимос» остались одни клочья, а Эрик атаковал Кейта Муна.

— Долой все это дерьмо! — кричал он.

Раскаленный докрасна шарик рванул, полыхнув белым пламенем.

Джим с воплем прыгнул на отца, развернул его к себе за плечо и стукнул по носу. Эрик повалился на стенку, из носа потекла кровь. Джим ударил его кулаком в плечо, хотя целил в подбородок. Эрик бросил нож и сцепился с сыном. Они качались взад-вперед, обхватив друг друга, рыча и отдуваясь.

— Я тебя убью! — проскрежетал Эрик.

Джим закричал, вырвался и отскочил. Он задыхался, и сердце так колотилось, что того и гляди оборвется. И тогда, сквозь бешеную пульсацию крови в ушах, щелкнул замок. Таким громким был этот звук, что замок, наверное, был

огромный И ключ, который поворачивался в нем, тоже был огромный За щелчком последовал стон, точно открылась очень тяжелая дверь на ржавых петлях.

Пол накренился, стены покосились, и книги посыпались с полок. Джим с отцом упали на пол и тут же вскочили, дико глядя друг на друга. Штукатурка сыпалась на них кусками — Джим видел, как она отскакивает от отца. Белая пыль покрыла голову и плечи Эрика, припудрив два кровавых ручейка из носа

В кухне кричала Ева

— Боже ты мой! — завыл Эрик — Вот оно!

Дом снова качнулся

— Уходим! Уходим! — закричал Эрик и выбежал из комнаты, клонясь на один бок, чтобы уравновеситься на скошенном полу — но все равно ударился плечом о косяк.

Джим засмеялся — и больше не мог остановиться. Сейчас дом провалится в тартарары. Может, родители успеют выбраться, а может, и нет Но что бы ни случилось, это случится по воле судьбы, по воле Норн. Справедливость тут ни при чем. Он останется здесь и уйдет на дно вместе с кораблем. Так оно лучше — да еще и смешно к тому же.

Ничего, что было после этого, Джим не помнил. Позже ему рассказали, что его родители выбрались-таки из дома, перелезли через сорванную переднюю веранду, пересекли провалившийся двор и выползли на тротуар. Пришлось, правда, тут же перейти на ту сторону улицы, потому что цемент, на котором они стояли, еще сильнее вздыбился и растрескался Дом пошатнулся и провалился еще на фут Соседи по обе стороны от Гримсонов тоже выскакивали с криками из своих колеблющихся домов. Вся округа пробудилась, в домах зажигались огни, люди выходили на веранды, спрашивая, что стряслось, детей заворачивали в одеяла и усаживали в машины на случай быстрой эвакуации.

Вдали завыли сирены — это полиция и пожарные спешили на Корнплантер-стрит

Ева Гримсон стала кричать, чтобы кто-нибудь пошел в дом и спас ее сына. Охотников не нашлось. Эрик твердил, что Джим задержался только потому, что ему надо одеться. Но Ева была уверена, что он или ранен, или застрял внутри.

Когда подъехала полиция, пожарные и «скорая помощь», Ева бросилась к дому Эрик и еще двое соседей удержали ее, а она кричала, отбивалась и умоляла, чтобы ее пустили.

«Трус! — сказала она Эрику — Был бы ты настоящий мужчина, пошел бы за Джимом!»

В доме погас свет — это порвалась проводка. И вдруг на пороге появились два огонька. Там стоял Джим, и две свечи, по одной в каждой руке, освещали его безумное лицо и голое тело. Ниже колен его не было видно. Дом так накренился, что пол уходил круто вниз от покореженной входной двери.

Джим что-то неразборчиво кричал людям по ту сторону улицы и подпрыгивал, размахивая свечами — он подобрал их в комнате, служившей его матери молельней. Ева при виде этого забилась еще сильнее, крича:

— Свечи! Свечи! Он подожжет дом! Он сгорит, о Боже, сгорит заживо!

Полицейские и пожарники к тому времени кое-как разогнали толпу, чтобы подогнать машины поближе к дому. Лейтенант пожарных и полицейский капитан расспрашивали Гримсонов, но в ответ получали лишь истеричные, невнятные возгласы. Впрочем, Джим на пороге был виден всем.

— Свихнулся парень, совсем крыша поехала, — сказал капитан.

Вскоре в доме вспыхнул еще один огонь.

— Пожар! Пожар! Бога ради, спасите его! — кричала Ева.

Ее муки усугубляло то, что свечи, которые она зажгла в честь святого семейства и всех святых, послужат причиной гибели Джима и ввергнут его в вечный огонь.

Пожарные тем временем обнаружили, что труба, ведущая к ближайшему гидранту, лопнула от подземного толчка, подогнали цистерну с водой и подключили шланги к ней. Капитан с лейтенантом подобрались к дому, насколько смогли, и полицейский в свой мегафон стал уговаривать Джима выйти наружу.

Под ногами толпы шевельнулась земля. Балки в доме громко треснули в ответ. Дом опять покосился и провалился еще глубже. Джим скатился с порога внутрь. Зрители разбежались.

— Вот сукин сын! — сказал лейтенант. — Придется кому-то лезть за парнем! — Он осмотрелся в поисках добровольцев.

Огонь разгорался все сильнее на выходившей к воротам стороне дома. Оттуда валил дым, подхватываемый ветром. Скоро и соседний дом займется, если пожар не зальют. А поскольку газовые трубы внутри определенно полопались, может произойти страшенный взрыв.

Лейтенант не видел больше Джима Гримсона, но видно было, как тот выкидывает за дверь какие-то вещи. В свете вспыхнувших фар он рассмотрел, что это статуэтки святых и святого семейства. Почти все они побились.

— Вконец чокнулся! — сказал капитан. И тут ему вспомнилось, где он слышал про Джима Гримсона. Пит и Билл рассказали ему об упившихся и накачавшихся наркотиками юнцах, которые опрокинули нужник старого Думского, причем двое из них провалились в дерьмо. Просто капитан до сих пор не связывал этот потешный случай с людьми, живущими здесь.

— Парень полностью одурманен, — сказал он лейтенанту. — Я слышал, что он вытворял нынче ночью. Может, лучше оставить его, где он есть. Ему же на благо пойдет, если он оттуда не выйдет.

Лейтенант с укором посмотрел на капитана. Он ничего не сказал, но капитану и так все было ясно. Каким бы никчемным или порочным ни был человек, все равно его надо спасать.

— Шучу, — сказал капитан. — Но уж больно мне неохота терять хороших ребят.

Лейтенант распорядился принести веревки и лестницу. Он вызвал добровольцев, и откликнулось четверо, из которых он выбрал двоих. Один был черный пожарник Джордж Диллард, отец Плана. Он давно уже оставил надежду, что его сын станет адвокатом, и слишком хорошо знал Джима Гримсона. Но он был храбрый человек. И потом, если он спасет парня, то сможет подняться еще на одну перекладину по лестнице, ведущей к более высокому званию и оплате. Бог видит, он в этом нуждался и собирался добиться этого, хотя бы потом пришлось носить задницу на перевязи. Черных в пожарной бригаде не очень-то продвигали, несмотря на все слова о равных возможностях. По крайней мере, в Бельмонт-Сити.

Второй был неугомонный ирландец, который рвался в спасатели просто так — чем опаснее было дело, тем больше ему нравилось.

Каждого обвязали вокруг пояса веревкой, другой конец которой держали жители квартала, в том числе и две женщины, и Диллард с Бойдом двинулись через изрытый двор. В своих противодымных масках они походили на двух святых Франциско насекомьего племени, свершающих подвиг милосердия. Ненормальный парень внутри все так же швырял вещи за дверь — кофейник, чашки и стаканы, кастрюльку с длинной ручкой, столовые приборы, переносное радио, альбомы с пластинками, одежду и фотографии.

Языки пламени уже лизали одну сторону дома, хотя и не ту, что провалилась под землю. Туда били струи брандспойтов, но пока что без особого успеха.

Когда двое спасателей добрались до входа в дом, обстрел вещами изнутри прекратился. В глубине слышался слабый вой Джима Гримсона, заглушаемый треском огня, шумом бьющей в дом воды и криками зрителей.

Пожарники остановились — земля снова дрогнула под ногами, и дом провалился еще на несколько дюймов. Дым вдруг повалил из входной двери и окон, из которых вылетели стекла. Времени у Дилларда и Бойда оставалось в обрез.

Джим съежился в гостиной, прижимая к себе руками и коленями портрет деда. Он забился в уголок между стеной, превратившейся в пол, и полом, превратившимся в стену. Глаза его были закрыты, но рот безостановочно молол чепуху вперемежку с приступами кашля. Его покрывала белая штукатурная пыль, почерневшая от копоти. Еще несколько минут — и дым убил бы его, если бы этого не сделал быстро распространяющийся огонь. Спасатели вытащили его наружу всего за тридцать секунд до того, как дом провалился окончательно. Дом как-то сразу уменьшился и полностью исчез под землей. Над провалом взвилось пламя и дым. Многим из видевших это подумалось, что так должны выглядеть врата ада.

Джима тут же отвезли в Веллингтоновскую больницу. Он пролежал без сознания два дня — но что было причиной, дым или его психотическое состояние, как выражались доктора, так и осталось неизвестным.

Когда Джим очнулся, он помнил только одно, случившееся в тот момент, когда дом хрустнул и застонал. Это было видение, первое за многие годы. Он увидел высокого обнаженного юношу, прикованного к дереву. Он не был похож ни на кого из знакомых Джима. Где-то на самой границе видения маячила рука, державшая огромный серебряный серп. Рука была неподвижна, но таила в себе явную угрозу. Скоро серп сверкнет и опустится — и у Джима не было сомнений в том, что́ именно он отрежет.

Еще серп был похож на гигантский вопросительный знак.

ГЛАВА 13

8 ноября 1979 г.

На стене палаты Джима появилась теперь большая пятиконечная звезда. Каждый из ее лучей представлял собой пришпиленную к стене бумажную обложку с иллюстрацией.

Верхним лучом была обложка первой книги фармеровского «Многоярусного мира»: «Создатель вселенных». Левый горизонтальный луч обозначала вторая книга, «Врата творения». Следующей, если идти против часовой стрелки, была третья книга, «Личный космос». Дальше шла «За стенами Терры» И, наконец, пятым лучом был «Лавалитовый мир».

Это будет третья серьезная попытка Джима проникнуть в многоярусную вселенную. Пятиконечная звезда была вратами в нее. Многие пациенты называли такие врата «мантрой». Другие — «печатью». Свое средство вхождения Джим назвал «пентрой». Слив два магических слова в одно, он сделал свои врата в два раза мощнее обычных.

Была половина девятого вечера. Джим потушил свет в комнате, но вывеска страховой компании через улицу давала достаточно света, чтобы он мог различить пентру. Дверь в комнату была закрыта. Хотя замка в ней не было, Джим повесил снаружи объявление, что он «на входе». За стеной Брукс Эпштейн едва слышно пел заклинания на иврите.

Джим сел на стул, который поставил у кровати. Глядя в пустое пространство в центре звезды, он тоже начал петь:

АТА МАТУМА М'МАТА!

Снова и снова, все быстрее и быстрее, все громче и громче, он направлял древнее заклинание в центр звезды, в круглую белую пустоту.

АТА МАТУМА М'МАТА!

Как лазер собирает беспорядочные фотоны в направленный луч, так и заклинание превращает силовые линии в бластер, проделывающий отверстие в стене между двумя вселенными.

Оно же — и движущее средство, несущее заклинателя через вселенную.

Это оказалось не так-то легко. В первый раз Джиму показалось, что беззвучный, но очень сильный ветер несет его сквозь отверстие в стене. Он был в темноте, очень холодной и в то же время очень горячей. Это и еще чувство оторванности от всего, полной неуправляемости, напугало Джима даже больше, чем его детские видения. Он потерял всякое мужество и начал выгребать обратно против ветра. Несколько мгновений он боялся, что не сможет попасть назад.

Потом что-то щелкнуло, как натянутая и отпущенная резина, и он очнулся на стуле в своей комнате. Он дрожал, стонал и обливался потом. Часы показывали, что отсутствовал он две секунды. А у него было ощущение, что прошло много часов.

Так закончилась его первая экспедиция.

Он рассказал об этом на следующий день во время групповой терапии. Никто не стал над ним насмехаться или обвинять его в трусости. Того, кто попробовал бы это сделать, тут же осадил бы психотерапевт, ведущий группу. Здешняя политика не допускала, чтобы кто-то выражал недоверие к чужим рассказам. Это могло бы подорвать веру путешественника в истинность его или ее путешествия и тем самым замедлить или даже остановить прогресс в лечении. Кроме того, все пациенты сами поначалу проходили через препятствия, разные по форме, но сходные по эмоциональному содержанию.

На второй раз Джим преодолел свой панический страх достаточно, чтобы продолжить — продолжить свой путь к цели. Темнота, холод и жара внезапно исчезли. Ветер сделался намного слабее. Джима окружали стены — силовые линии? — которые поднимались под разными углами из бездны внизу и опускались из неоглядного пространства вверху. Они сияли белым огнем и пересекали одна другую, продолжаясь за гранью других стен. Они составляли головоломку из четырех, а то и больше, измерений. Но Джим не мог постичь их многомерность, их сущность. Ширина, длина и высота были единственные измерения, знакомые его мозгу. Все другие находились за пределами его восприятия. Но Джим знал, что они присутствуют.

Это было так странно, что он чуть было не поддался своим страхам и не вернулся «домой», опасаясь заблудиться окончательно.

И вдруг стены упали. Нет, не рухнули, как обычные земные стены, а просто исчезли непостижимым для Джима образом. Их призрачные отражения померцали еще немного и тоже пропали.

Джим был в одном из миров властителей. Он не знал, откуда он это знает — просто знал. Хотя он еще боялся, его любопытство было слишком сильным, чтобы он позволил возвратному ветру унести себя назад.

Хотя он все видел, он не был материальным существом. Может быть, он был астральным телом. Но это неважно. Главное, что он проник из земной Вселенной к властителям.

Он висел высоко над планетой такой же формы и размера, как Земля. Только солнце здесь было зеленое. Позже Джим выяснил, что цвет неба здесь меняется в зависимости от дня недели, а в неделе девять дней. Властитель, который создал этот мир, устроил так, чтобы небо меняло цвет каждые сутки.

Джим быстро опускался, надеясь, что держит путь к верной цели. Для своего воплощения он выбрал Рыжего Орка. Но раз можно выбрать образ и место для своих запредельных путешествий, то можно ведь выбрать и время. Это только логично.

Произнося свои заклинания, Джим мысленно переместился на много тысяч лет в прошлое, надеясь попасть в тот отрезок времени, когда Рыжий Орк еще был семилетним ребенком. События фармеровской серии начнутся намного позже. Джим единственный из проходивших терапию пожелал путешествовать не в настоящем, а в прошлом.

Порсена спросил его, почему он так решил. Джим сказал, что сам не знает. Просто это кажется ему правильным. Доктор не стал больше задавать вопросы, но, уж конечно, взял это себе на заметку для будущей работы.

Как и на Земле, если смотреть на нее из верхних слоев атмосферы, моря и континенты этой планеты были видны далеко не так четко, как на карте. Их покрывали большие массы облаков, но Джим все же различал континент в форме грубо очерченного креста — его тянуло туда, точно опутанного невидимой паутиной. Он летел вниз, и земля неслась ему навстречу, будто двигалась она, а не он.

И вот он оказался над гигантским горным кольцом, в центре которого была равнина, в центре которой высилась единственная громадная гора. На вершине горы было довольно ровное плато с большими и малыми реками, густо поросшее лесом. Там и сям стояли кучки круглых домов с коническими крышами. Джим был еще слишком высоко, чтобы различать людей или животных.

В середине плато виднелось сооружение, столь огромное и странное, что переполнявший Джима почтительный трепет стал еще сильнее. Девять громадных пилонов двухмильной вышины загибались внутрь, словно слоновьи бивни. Пилоны поддерживали пирамиду из трех этажей, причем первая ее ступень находилась в полумиле над землей. Прозрачный пол позволял обитателям здания видеть внизу деревни и фермы поселян, не принадлежавших властителям. Их хижины стояли вдоль реки шириной по меньшей мере две мили, которая текла из озера, озеро же наполняли струи, бьющие изо ртов огромных кристаллических статуй, расположенных вдоль стен нижней ступени. Водопады окутывал туман, не достигавший, однако, низа пирамиды.

Второй этаж, тоже прозрачный, был меньше первого, хотя и занимал самое малое семь квадратных миль. Там, как и на нижнем этаже, помещались малые и большие дома и огороженные участки земли, где росли деревья и другие растения. Были там и поля, и пастбища, на которых пасся скот

Третий этаж занимал площадь всего в две мили. Там были дома и какие-то гигантские строения, назначения которых Джим не знал. Многие чем-то напоминали древние египетские храмы в Карнаке — так они могли выглядеть, когда были еще новые. Но эти строения многим и отличались от египетских. Сотни статуй, опоясывавшие их, не походили ни на египетские, ни на какие-либо земные скульптуры, известные Джиму

Вершину пирамиды, как раз там, где загибались пилоны, венчал зеленый изумруд. На вид он был больше, чем любой земной собор. Внутри он был полым, с дверными и оконными проемами. Возможно, его сразу и отлили так, со всеми полостями и отверстиями. Позднее Джим узнает, что этот камень — лишь песчинка по сравнению с бриллиантом на одной из планет в мирах Уризена. Тот исполинский камень запруживал реку, рядом с которой Миссисипи показалась бы струйкой в ребячьем пироге из грязи.

Все ниже и ниже спускался Джим. Хотя изумруд, отражавший своими огромными гранями лучи солнца, пылал ослепительным огнем, Джиму не было надобности жмуриться. Он все видел, но не имел глаз, которые могло бы ослепить. Камень вспыхнул, точно в пламени взрыва, и Джим оказался прямо перед одной из великанских граней, через которую проник внутрь храма. Вот чем был изумруд — храмом.

В огромном помещении было темно, лишь в самой середине яркий луч из невидимого источника освещал пол. За пределами светового пятна таились повсюду огромные и отчего-то зловещие статуи. Они во множестве стояли на полу и ряд за рядом заполняли ниши в выгнутых стенах. Те, что помещались на самом верху, трудно было рассмотреть, некоторых вовсе не было видно снизу, но их присутствие чувствовалось.

Это место внушало Джиму сильный страх. Как оно действует на семилетнего мальчика, стоявшего посередине, Джим не знал. Хотя ребенок, Орк, был здесь скорее всего не в первый раз, храм, наверное, до сих пор пугал его. По крайней мере, наводил трепет.

Джим мысленно называл ребенка Орком, потому что знал, сам не ведая откуда, что Рыжим Орка пока еще не прозвали.

Мальчик и двое взрослых были единственными людьми в храме. Присутствовал там и некто еще, но скрытно, наполняя все вокруг неясной угрозой.

Мужчина был высоким и красивым, со светлыми волосами и голубыми глазами. Его звали Лос, и он был отцом Орка. Женщина, ростом не уступавшая ему, была статной, золотоволосой и зеленоглазой. Это была мать Орка, Энитармон. Длинные прозрачные одежды, окутывавшие их обоих, почти ничего не скрывали. На нем был пурпурный узорчатый пояс, на ней — голубой. Он держал в правой руке курильницу, которой медленно помахивал, и торжественно пел что-то на языке, непонятном Джиму. (Хотя у Джима не было ушей, он все слышал.) Из курильницы струился оранжевый дым со смешанным ароматом горького миндаля и сладких яблок.

Энитармон держала жезл с кольцом, в котором заключался большой необработанный камень алого цвета. Она махала им, совершая какой-то обряд.

Мальчик стоял неподвижно, устремив зеленые глаза к потолку, прижав руки к бокам — одна ладонь была сжата в кулак, другая открыта. Лос время от времени прекращал пение и задавал мальчику вопрос. Однажды, когда Орк не сумел ответить, отец ударил его по лицу тыльной стороной ладони. На щеке у Орка появилось красное пятно, и на глаза навернулись слезы.

Джим почему-то ожидал, что Орк будет похож на него. Но нет. Этот мальчик был крепче его, и руки у него были длиннее. Нос у него был вздернутый, губы полнее, чем у Джима, подбородок не так выступал вперед, а волосы были рыжие. Глаза у него тоже были больше, что придавало ему невинный вид.

На нем не было никакой одежды, кроме синей головной повязки, покрытой незнакомыми Джиму письменами. Среди них выделялся знак в виде трубы. Может быть, это рог Шамбаримена, о котором Джим читал у Фармера, рог, который будто бы открывает все врата между мирами, если в него подуть?

Теперь отец и мать начали медленно кружить вокруг ребенка, идя против часовой стрелки. Лос все так же размахивал курильницей, но задавал сыну вопрос, только когда оказывался перед ним. Джим видел, как напрягается при этом мальчик. Дважды он ответил правильно. На третий раз замешкался. И отец снова ударил сына по лицу.

Женщина нахмурилась и открыла рот, точно хотела что-то сказать мужу, но вновь сомкнула губы. Лос выкрикнул что-то. Возможно, ему полагалось гневаться по обряду, но он, похоже, проявлял куда больше пыла, чем требовала церемония.

Орк весь дрожал. Его лицо и тело блестели от пота, и нижняя губа дергалась. Все это, казалось, еще больше злило Лоса.

Джим возненавидел этого отца.

Хотя он прибыл сюда, чтобы войти в Орка и слиться с ним воедино, Джим колебался. От сочувствия, смешанного с гневом, его сознание помутилось, а для того, чтобы войти в Орка, ему требовалось все его спокойствие и самообладание. К чему усложнять и без того устрашающий шаг. Джим не мог, конечно, знать, но чувствовал, что если он совершит промах во время процедуры проникновения, то окажется в очень скверном положении.

Отец, лицо которого все сильнее краснело и кривилось, взмахнул курильницей и ударил Орка по голове. Мальчик упал на колени, но не поднял опущенных рук. Джим догадался, что если бы Орк шевельнул руками, то полностью провалил бы свою роль в церемонии. Что последовало бы за этим, Джим не знал.

Женщина что-то сказала. Лос гневно глянул на нее и произнес одно слово. Она ответила ему таким же взглядом и тоже произнесла одно слово. Вряд ли они говорили друг другу комплименты.

Орк нетвердо поднялся на ноги и устремил глаза вверх. Из ранки сочилась кровь, по щекам текли слезы, но он крепко стиснул зубы.

Энитармон с криком подскочила к Лосу и тоже стукнула его по голове своим жезлом.

Моя мать точно бы так не поступила, подумал Джим.

И тут его вынесло из храма, и он полетел ввысь, оставляя далеко под собой горы, континент, планету, солнце, стремясь к вратам своей комнаты на Земле, а потом с беззвучным взрывом прошел в эти врата.

ГЛАВА 14

9 ноября 1979 г.

При следующем своем вхождении Джим не увидел больше жутких, пересекающихся, сияющих, многомерных стен. Вместо этого навстречу ему хлынул плотный поток тел, попе-

ременно вспыхивавших то зеленым, то красным. Тела походили на сперматозоидов с человеческими лицами, и на каждом лице была злобная ухмылка.

Джим пробился сквозь их орду — они отскакивали прочь с его дороги — и сразу оказался во вселенной Орка. Еще до того, как прочесть заклинания, Джим решил, что вселится в Орка, когда тому будет семнадцать лет.

Орк был в лесу, в сотнях миль от города. Он вырос в высокого и очень мускулистого юношу. Он стоял за толстым стволом дерева, сжимая левой рукой древко копья. Его голову покрывал синий колпак, как у Робин Гуда, с торчащим сбоку алым пером. Кроме колпака, короткой юбки-килта и сандалий, на нем не было ничего. На поясе в ножнах висели короткий меч и метательный топорик. Прошло около часа, как перевалило за полдень. Небо — в этот день багровое — было ясным, и солнце, тоже багровое, пылало над лесом. Но внизу, под толстым покровом растительности, оплетавшим деревья семисотфутовой вышины, было прохладно.

В этой зеленой крыше высоко над головой обитало множество насекомых, птиц и животных. С ветки в пятидесяти футах над Орком похожий на енота зверек с зеленой бородой, вися на своем цепком хвосте, ругательски ругал человека. Орк прислушивался к чему-то, но трудно было бы различить нужный звук среди шума лесной жизни.

Орк повернул голову. Его отец Лос и его мать Энитармон вышли из тени деревьев позади него. Родители тоже были одеты в одни только килты и сандалии и тоже вооружены. Но Лос, кроме копья и топора, имел при себе еще и пистолет с утолщением-луковицей на конце ствола — лучемет.

Джима снова мучил страх. Проникнуть в сознание Орка и, быть может, остаться в нем навсегда — с такой опасностью он никогда еще не сталкивался. Но он должен сделать это — иначе он будет жить, как трус, до конца своих дней. Победа или смерть. Да, смерть вполне вероятна. Или, что еще хуже, Орк поглотит его. Или он будет поглощен лишь частично, но навсегда останется узником в чужом теле.

Все едино. Надо войти в разум Орка. Стать частью Орка. Не самим Орком, Господи Боже мой!

И Джим сделал это. Пару секунд он чувствовал себя так, будто попал в яму с силосом. Слизистая комковатая субстанция душила его. Он ослеп. Мрак и мерзкое вещество, в котором он тонул, чуть не заставили его повернуть назад. Но он скрипнул воображаемыми зубами и беззвучно приказал себе: «Вперед!»

И жуткое месиво осталось позади, хотя мрак не рассеялся. Джима подхватил бешеный поток тяжелой, как ртуть, жидкости и понес по извилистым каналам под шум биения то ли гигантских крыльев, то ли огромного сердца.

Это тоже осталось позади. Теперь Джим плавал в каком-то тихом пространстве. Потом послышался слабый треск, и вокруг заплясали искры.

Искры стали крупнее, слились воедино и превратились в яркий свет. Джим обрел способность видеть, слышать, обонять и ощущать вкус, словно в своем земном теле.

Он вошел в плоть и в мозг Орка, почти полностью стал им. Он точно крошечный паразит, который прилепился к стенке артерии своего носителя и надеется, что бурный поток крови не смоет его. А пока что он подключается к хозяйской нервной системе и разделяет со своим объектом все его мысли, воспоминания, эмоции и ощущения.

Эта односторонняя связь, как вскоре выяснил Джим, была очень неудобна. Требовалась привычка, чтобы думать одновременно и за себя, и за Орка.

Орк увидел, как из леса выходят его дядя Лувах и тетя Вала. За ними шла дюжина туземцев — рабы властителей, следопыты и загонщики. Их кожа была чуть темнее, чем у властителей, но только потому, что они больше времени проводили на солнце. На них были набедренные повязки, тела покрывала густая татуировка, в длинных темных волосах и продырявленных ушах топорщились перья. Их единственным оружием были бамбуковые духовые ружья со стрелами, пропитанными парализующим веществом. Предводитель нес огромный, скрученный сигнальный рог — принадлежавший раньше какому-то гигантскому буйволу

Лос спросил густым, рокочущим голосом:

— Есть успехи, сын?

— По-моему, один прячется вон в тех зарослях шинтхи, — сказал Орк. — Он ранен. Мне помогли его выследить капли крови, хотя кровотечение не слишком сильное.

— Это, должно быть, тот, который убил двух рабов, — сказал Лос. — Где все остальные, известно, кроме тех, что убиты или скрылись.

Джим немного удивился тому, что понимает речь властителей (или тоанов, как они сами себя называли) Удивление было каким-то вялым, поскольку такими же были пока все его собственные чувства; однако все, что поступало к нему через Орка, было ярким и четким.

Лувах и Вала подошли и встали рядом с Лосом. Родители Орка пригласили их погостить во дворце и поохотиться на человека. Лос по этому случаю открыл врата между их двумя мирами достаточно надолго, чтобы гости успели пройти.

По своему почину Лос этого никогда бы не сделал. Это его жена настояла на том, чтобы пригласить Луваха-Конника вместе с его женой и сестрой Валой. Энитармон хотелось пообщаться с кем-нибудь еще, кроме своей семьи и рабов.

Орк обожал красивую и добросердечную Валу. Но до сих пор ему все никак не удавалось поговорить с ней. Охота была жестокой, напряженной и почти не давала им роздыху.

— Оружие все еще при нем? — спросил Лос.

— Не знаю, — ответил Орк.

Добычей им служили туземцы, приговоренные своими же соплеменниками к смерти за тяжкие преступления. Лос по своему усмотрению мог изменить приговор и использовать смертника в качестве дичи. Так он и делал время от времени, когда ему наскучивали другие забавы. Вот и теперь сюда, в дремучий лес, доставили семерых опасных преступников, дали им копья и ножи и отпустили на волю. Через двадцать минут властители со своими людьми пустились по их следам. Все властители, кроме Лоса и Валы, имели при себе лишь примитивное оружие, чтобы охота представляла опасность и для охотников. Отец и тетка Орка приберегали лучевые пистолеты на случай, если на охотников нападет хищный зверь или если преследуемый одержит верх в бою с властителем. Правила охоты на человека, основанные на давней традиции, никогда не менялись. Если кто-то из властителей и нарушал их, то он или она хранили об этом молчание.

— Кто хочет прикончить зверя? — крикнул Лос.

— Буду счастлив, — ответил Орк. Он сознавал, что вызвался ради того, чтобы завоевать отцовское уважение, хотя и не любил своего отца. А еще больше ради того, чтобы блеснуть перед теткой.

— Я понимаю, что тебе нужно приобретать опыт, — сказал Лос. — Ты пока что убил немногих, будь то зверь или человек. Но вежливость обязывает предоставить случай в первую очередь нашим гостям. Не забывай этого.

— С радостью уступаю свое право Орку, — сказала Вала. — Я пойду следом за тобой, племянник.

Господи, до чего же они бессердечные, думал Джим И какое хладнокровие! Что они за люди? Но ведь он читал у Фармера, какими жестокими могут быть властители. Этого следовало ожидать.

Несмотря на свое возмущение, чувствовал он то же, что и Орк. Молодой властитель, а следовательно, и Джим, был возбужден и горел от нетерпения. В то же время он, а следовательно, и Джим, надеялся, что не ударит в грязь лицом — ни живой, ни, чего доброго, убитый.

Орк медленно вошел в густую чащу деревьев шинтхи. Их ветви, начинавшиеся футах в шести над землей, образовывали густой шатер. Оплетавшие их лианы спускались до самой земли. Кроме того, между деревьями росли кусты виншина с очень пышной листвой. Гуща деревьев, лиан и кустов была идеальным местом для засады.

Держа в одной руке копье, Орк углубился в чащу, а Вала шла футах в шести за ним. Орк двигался медленно, чтобы не шуметь. Он весь взмок от напряжения. У него внезапно мелькнула мысль, что все преимущества на стороне преследуемого. Тут он споткнулся обо что-то. Под ногами, наполовину скрытое в траве, лежало копье. Его уронил человек-добыча. Стало быть, он тяжело ранен.

Несмотря на это, Орк не отказался от осторожности. Человек мог бросить копье, чтобы охотник подумал как раз то, что подумал Орк. А сам, возможно, затаился поблизости с охотничьим ножом в руке.

Орк молча указал Вале на копье. Она кивнула в знак того, что поняла.

В чаще, где должен был бы стоять птичий и звериный гомон, царила тишина. Обитатели леса следили за непрошеными гостями — сначала надо определить, не опасны ли эти двуногие, а потом уж продолжать повседневную жизнь.

Орк раздвинул правой рукой куст и заглянул за него. Его добыча была там. Человек лежал на спине, большой и совершенно обнаженный. У раскрытой руки лежал длинный нож. Из-под другой руки, зажимающей плечо, медленно сочилась кровь. Пот смыл всю грязь с его торса и ног, но кровь осталась.

— Хар? — сказал Орк.

Он не знал до этого момента, что преследуемый родом из деревни близ города-дворца и что охотится Орк на своего кровного брата. У Лоса было много детей от туземных женщин; Хар был одним из доброй сотни их. Превосходный следопыт, он научил Орка всему, что тот знал о лесной охоте Его ранил родной отец, Лос, метнувший свое копье в замеченную вдалеке добычу. А теперь Орк пришел сюда по кровавому следу Хара.

Хар, бледный под темным загаром, смотрел прямо на Орка, зная, что скоро умрет. Но не молил о пощаде.

Вала, подойдя к Орку, сказала:

— Ты должен обагрить свой нож, племянник. Не подобает добивать его копьем. Подожди, сейчас я позову других. Они должны видеть, как ты это сделаешь.

Джим ощутил внезапную дурноту, охватившую Орка. Он знал, о чем тот думает. Ему предстояло перерезать Хару горло и слизать кровь с ножа. Умерщвление добычи и вкус крови не были внове для Орка, и раньше он никогда не чувствовал к этому отвращения. Вовсе нет. Но теперь... Он знал и любил своего кровного брата так, как только можно любить лебляббия — так назывались те, кто не принадлежал к властителям. Орк сказал себе, что скорее уж убил бы отца, чем Хара.

И все же придется убить Хара. Мало того — при этом нельзя будет выказать никакой жалости или мягкосердечия. Подошли все остальные, и Лос сказал:

— Так это Хара я ранил! А тебе выпало его убить... Чего только не бывает на свете!

— Да, ты ранил его, отец, — сказал Орк. — Мне бы никогда его не догнать, если б не ты. Почему бы его крови не вкусить тебе?

Лос нахмурился и сказал:

— Это не по-тоански. Делай свое дело.

Орк обошел вокруг куста, оцарапавшись о его жесткие листья. Остальные властители последовали за ним. Туземцы остались позади — там они и будут стоять, если только их не позовут посмотреть, как убивают дичь.

Глаза Хара затуманились, но он был не настолько плох, чтобы не узнать Орка, и прохрипел:

— Привет тебе, брат!

Он никогда раньше не называл так Орка. Хотя они оба знали, что Лос их отец, никто из них не упоминал об этом. Если бы Хар заикнулся о таком, его ожидало бы суровое наказание, возможно, даже смерть. Теперь, так и так обреченный на смерть, он мог говорить, что хотел.

— Ты бессмертен или почти бессмертен, — сказал Хар. — И все же тебя можно убить. Поэтому ты мне брат, кто бы там ни был наш отец.

Точно огонь пробежал по Орку. Его поразила не дерзость Хара, а правда его слов. Она устрашила Орка, как молния, сверкнувшая ночью с безоблачного неба.

— Делай свое дело, Орк! — сказал Лос.

— Не могу, — сказал Орк, повернувшись к нему лицом.

Лос, и не он один, отпрянул назад, будто внезапно наткнулся на полуразложившуюся падаль. Он потряс головой, поморгал и сказал резко:

— Я не понимаю тебя. В чем дело?

Орк набрал в грудь воздуха. Один только Джим знал, какое мужество требуется юноше, чтобы сказать то, что он сказал.

— Я не могу убить его. Он плоть от плоти моей. Он твой сын и мой брат.

Вокруг Орка все плыло. Острые грани реальности притупились и смягчились. Он чувствовал себя так, будто вступил в другой мир, который не совсем еще сформировался. Лос недоумевающе сказал:

— Что? При чем тут это?

Вала оглянулась и сделала Шеону, главному следопыту, знак подойти. Он тут же прибежал, как всякий леблябби, которого зовет тоан.

— В чем повинен этот человек? — спросила Вала, указав на Хара.

Шеон сказал, глядя в землю:

— Святейшая, он убил сына нашего вождя, застав его в постели со своей женой. Сам Хар утверждал, что сын вождя бросился на него с ножом и что он убил того в самозащите. Но жена Хара показывала по-другому. Она сказала, что Хар хотел убить их обоих. В любом случае Хар должен был пойти в совет и подать жалобу. Наш закон не дозволяет убивать мужчину или женщину за прелюбодеяние. Хар мог убежать, если на него напали. Ничто не мешало ему это сделать.

Вала повернулась к Орку:

— Вот видишь? Он заслуживает смерти по законам своего народа.

— Так пусть они его и казнят, — сказал Орк.

— Это просто смешно! — крикнул Лос. — Ты глуп! Я не понимаю тебя! Он же не тоан!

— Он тоан наполовину, — сказал Орк спокойно, хотя далеко не испытывал спокойствия.

— Наполовину — еще не целиком, — сказал Лос. Он побагровел, и взгляд его стал свирепым. — Убей его! Сейчас же!

— Разве ты ничего к нему не чувствуешь? Ведь он твой сын. Или это для тебя ничего не значит?

— Племянник, да ты не в своем уме! — сказал Лувах. — Что с тобой? Может быть, ты ударился обо что-нибудь головой?

— Что-то ударило меня. Оно не было материальным. Точно свет зажегся... трудно объяснить.

— Сейчас тебя ударю я! — взревел Лос и кулаком двинул Орка в челюсть, ошеломив его на несколько секунд. Когда в голове у Орка прояснилось, он увидел, что стоит на коленях. У всех остальных, кроме Лоса, был такой вид, словно их тоже побили. Мать Орка шепнула:

— Напрасно, Лос. С мальчиком что-то неладно.

— Поистине неладно, Энитармон! Он не настоящий властитель! Может, ты легла с каким-нибудь туземцем и позволила себе забеременеть от него?

Энитармон ахнула.

— Как можно говорить такие ужасные вещи! — сказала Вала.

В ушах Орка взревело. Рев был красным. Звуки не имеют цвета, но в голове часто происходит такое, что невозможно за ее пределами. Оскорбление, нанесенное матери, освободило из клетки все порывы ярости против отца, которые Орк привык подавлять с тех пор, как помнил себя.

Орк оказался во сне, где все было ярко-красным. Он как будто стоял вне своего тела и смотрел на себя самого. Он видел, как Орк, не выпустивший из руки нож, несмотря на свой краткий обморок, встает с земли. Видел, как Лос отступает, но недостаточно быстро, и лезвие вонзается на несколько дюймов в его левую руку Видел, как дядя Лувах бьет Орка по голове тупым концом копья. Видел, как Орк роняет нож и падает ничком, но переворачивается лицом вверх.

Потом он вернулся в себя. Отец занес над ним копье, держа его правой рукой. Мать с криком схватилась за копье и стала бороться с Лосом. Она вырвала оружие у мужа и нацелилась на него острым концом.

— Ты не сделаешь этого! — вскричала она. Было ясно, что она пустит копье в ход, если Лос попытается убить сына.

Вала сказала высоким напряженным голосом:

— Лос! Леблябби смотрят на вас!

Лос гневно обернулся. Шеон, главный следопыт, шел обратно к своим. Он не хотел, чтобы тоаны знали, что он видел их драку, но было уже поздно.

— Свяжите его! — сказал Лос, указывая на Орка. — Он отправится обратно во дворец! — Он достал пистолет из кобуры. — Пойдем со мной, Вала! Придется их уничтожить Не оставлять же их в живых теперь, когда они видели, как мы пытались убить друг друга!

— Я думаю, Шеон единственный, кто нас видел. И он никому не скажет.

— Я не хочу рисковать. Не можем же мы допустить, чтобы они думали, будто мы не лучше их.

Ему хотелось убить хоть кого-нибудь. Раз ему не дали убить сына, он перебьет леблябиев. Может быть, в другой раз он послушал бы Валу — но не теперь.

Вала прикусила губу, однако сказала: «Хорошо», — и ушла с Лосом, тоже достав пистолет. Как Орк узнал позже, туземцы догадались, что хотят сделать властители. Наиболее пассивные и религиозные остались на месте, покорные своей участи. Четверо леблябиев, однако, убежали в лес. Они будут навеки изгнаны из своего племени, за их головы назначат цену, и в следующий раз, когда тоаны устроят охоту, дичью послужат они.

Орка перевернули и связали ему руки лентой, которую его мать достала из своей сумки. Завязывая узел, мать нагнулась к нему и прошептала:

— Не серди больше отца. Я сделаю все, что смогу, чтобы его успокоить.

— Он меня убьет, — сказал Орк. — Он ненавидит меня. Всегда ненавидел. В чем я провинился перед ним, мать?

ГЛАВА 15

С Орка сорвали всю одежду и приковали его к скале около главного дворца. Один конец десятифутовой цепи был прикреплен с помощью стальной пластины к гигантской глыбе кварцита, другой — к стальному кольцу вокруг лодыжки Орка. Два дня и две ночи Орк страдал от унижения и всяческих неудобств. Почти весь день его сжигало солнце, а ночью Лос позволял тучам собираться вокруг дворца. Орк плохо спал — мешали холод, сырость и жесткий камень, на котором приходилось лежать.

Раз в день служанка приносила ему еду и оставляла ведро воды для питья и омовения. Освобождая мочевой пузырь или кишечник, Орк заходил за скалу так далеко, как только мог Ни туалетной бумаги, ни губки у него не было. Служанка, опять-таки раз в день, убирала за ним.

Каждый раз в полдень из дворца спускались его родители, дядя и тетка. Лос спрашивал сына, раскаивается ли он в том, что так вел себя. Согласен ли он извиниться и пообещать, что никогда больше не будет так делать и всегда будет слушаться родителей? Даже и в этом случае наказание еще не окончено, добавлял Лос.

— Многие властители убили бы такого сына на месте. Но я не хочу причинять горе твоей матери, и Лувах с Валой тоже просили за тебя.

— Ты не должен был меня бить, — сказал Орк.

— Я твой отец! Это мое право и мой долг, если ты такого заслуживаешь!

— Ты бил меня много раз. Казалось бы, за столько тысяч лет человек мог бы обрести мудрость и научиться любви. Но ты ничему не научился. Будь что будет, но ты ударил меня в последний раз. Можешь убить меня, если хочешь.

Лос повернулся и пошел прочь в своих развевающихся зеленых одеждах, покачивая пышным желтым пером на широкополой шляпе. Мать и тетка задержались ненадолго, чтобы умолить Орка подчиниться воле отца.

— Ты так упрям, — вся в слезах говорила Энитармон. — Твое упрямство тебя погубит. Что я буду делать, если потеряю своего первенца?

— Убьешь Лоса и отомстишь за меня, — сказал Орк. — Мне кажется, это даже доставит тебе удовольствие. Не знаю, почему ты остаешься с ним. Разве нет других миров, куда ты могла бы уйти? Хотя бы мир Луваха и Валы?

— Вижу, ты решился умереть, — сказала Энитармон. Она поцеловала сына в щеку и ушла. Лувах, качая головой, последовал за ней, но Вала замешкалась.

— Я проберусь к тебе ночью и принесу спальный мешок и что-нибудь вкусное.

— Не нужно подвергать себя опасности ради меня, хотя благодарю. Одна ты меня любишь.

— Твоя мать тоже любит тебя. Ты же видел, как она тебя защищала, когда Лос хотел пронзить тебя копьем. Но у нее такой характер, что она не в силах противиться Лосу, если ее не доведут до крайности — и даже тогда ее бунт не длится долго.

— Она могла бы изменить свой характер за столько тысячелетий. Что проку в науке властителей, если она бессильна помочь избавиться от нежелательных черт?

— Были и такие, что менялись, хотя не всегда к лучшему Но большинство людей не способно переделать себя, как бы долго они ни жили. Это вопрос воли, а не биоинженерии. Разве ты позволишь когда-нибудь, чтобы тобой помыкали?

Перед уходом Вала крепко поцеловала его в губы. Орк подозревал, что Вала желает его так же, как он ее. А может, она просто любящая тетушка, и он, по своей молодости и неопытности, принимает ее нежность совсем за другое?

Он посмотрел вслед отцу, все еще шагавшему к главному дворцу города пилонов. Он чаще видел отца со спины, чем лицом к лицу, и ничего не имел против этого. Потом взглянул вверх вдоль золотой, усеянной драгоценными камнями стены дворца. Там в окне третьего этажа стоял его наставник, Нооpоша — умный и высокообразованный туземец, проходивший с Орком учебные программы с тех пор, как мальчику исполнилось три года. Учитель тоже смотрел на своего ученика, которому следовало бы сейчас быть в классе.

Орк помахал Нооpоше, которого любил больше всех на свете после матери и тетки. Почему отец не может быть таким, как Нооpоша?

День шел, и каждая минута была как удар бича. Орк шагал взад-вперед, волоча за собой цепь, звякающую о слегка шероховатый прозрачный камень, и его думы ходили вместе с ним. Взад-вперед, взад-вперед. От мыслей о побеге до картин воображаемого убийства отца.

Наконец настала ночь. Взошла первая луна. Два часа спустя поднялась и вторая. По прикидке Джима, глядевшего глазами Орка, она была вполовину меньше земной Луны, а первая была наполовину меньше второй. Узор пятен на них, конечно, отличался от того, что был привычен Джиму.

Когда из туч пролился положенный дождь, Орк улегся и долго маялся, пока не уснул. Когда спал он, спал и Джим. Прошло, казалось, совсем немного времени, когда пришла Вала и разбудила Орка — а значит, и Джима.

Орк смутно различал ее, присевшую рядом.

— Я принесла тебе мешок и еду, — тихо сказала она. — И еще кое-что принесла. — Она показала ему какой-то предмет, который он не мог разглядеть. — Лучемет. Лежи смирно, я перережу твою цепь.

— Не надо! — сказал Орк. — Я благодарен тебе, но не могу допустить, чтобы ты подвергалась опасности. Отец проведет расследование, если я убегу, узнает, что это сделала ты, и убьет тебя!

— Не убьет, если ты убьешь его раньше.

Она привстала, и Орк услышал звук тупого удара. Вала испустила стон и упала, придавив Орку ноги. Над ними маячил огромный силуэт — Орк понял, что это Лос. Вала, постанывая и прижимая руку к затылку, перекатилась через Орка и попыталась встать.

— Лежать, гнусная шлюха-предательница! — сказал Лос. Рядом с ним виднелись очертания какого-то огромного предмета — какой-то машины, как показалось Орку.

— Мне следовало бы убить тебя, Вала! — кричал Лос. — Но я понимаю твою жалость к нему, веришь ты этому или нет. В конце концов, он мой сын, хотя и скверный! Я помню, как любил его, когда он был мал! Но ты предательски воспользовалась моим гостеприимством! Как знать, не замышляла ли ты вместе с ним убить меня!

Он продолжал разглагольствовать — смысл его слов заключался в том, что он, по милосердию своему, разрешает Вале и ее мужу вернуться в их вселенную. Но сделают они это сию же минуту и под стражей. С сыном он расправится сам, и они никогда не узнают как. Вала больше никогда не увидит Орка.

Вала попыталась возразить, но Лос приказал ей молчать, не то он пристрелит ее на месте. Тогда она подчинилась, шепнув только: «Прости меня, Орк». Лос держал свою речь еще минут пять, затем нагнулся и прижал конец какого-то цилиндра к руке Валы. Она тут же лишилась чувств. Лос приставил цилиндр к груди Орка. Орк тоже потерял сознание, а вместе с ним и Джим.

Оба очнулись одновременно. От яркого солнечного света Орк зажмурился, и Джим — по-своему — тоже. Молодой тоан сидел, упираясь голыми ягодицами в скальный карниз, прислонившись спиной к наклонному выступу камня. Руки были связаны позади веревкой. Карниз обрывался в футе от него. За краем шел вниз крутой горный склон, поросший лесом. У подножия бежала река, петляющая сквозь лесную чащу На том берегу высилась другая гора.

Небо было голубым — значит, Орк не в своем родном мире, если он только не пробыл без сознания двое суток.

Несмотря на палящее солнце, Орк дрожал — таким холодным был воздух. На вершине противоположной горы лежал снег. Орк оглянулся и увидел, что он в пещере, идущей от карниза в глубь горы. Около него на грязном каменном полу лежал пластиковый листок.

Орк опустился на колени и нагнулся прочесть, что написано на листке. Как он и ожидал, это был почерк его отца.

Ты на Антеме, в Нежеланном Мире. Если ты достаточно мужчина, чтобы выжить и найти единственные другие врата этого мира, ты, возможно, сумеешь покинуть его. Я даю тебе ключ, хотя ты его и не заслуживаешь. Врата отмечает знак, подобный тому, что ты носишь на себе. Но как открыть врата, придется думать самому. Врата ведут обратно в твой мир.

Врата следует искать только на суше, что сужает территорию твоего поиска до пятидесяти миллионов квадратных миль. Хотел бы я пожелать тебе всего худшего, но не стану. Пусть ты получишь то, чего заслуживаешь.

Орк застонал. Антема, Нежеланный Мир! Мир, созданный теми загадочными существами, что жили еще до властителей — это они создали первоначальную вселенную тоанов, а потом и их самих, чтобы ее населить. Антема была столь грубо сработана, что властители полагали, будто это первый, еще дотоанский эксперимент создания искусственного мира.

Никто из них не пожелал жить здесь — впрочем, очень немногие знали, как проникнуть сюда.

Лос, наверное, положил Орка в свою машину и через врата во дворце или еще где-нибудь прошел в этот мир. И, оказавшись на Антеме, доставил Орка от врат в эту пещеру.

Но что это за ключ, который Орк носит на себе? Он ведь голый.

Подумав об этом, Орк почувствовал, что на шее у него что-то висит.

Он поднялся на ноги и, нагнув голову, сумел рассмотреть этот предмет, болтавшийся чуть пониже его грудной кости. И узнал его, хотя и смотрел вверх ногами. Это был один из отцовских золотых медальонов с именем Шамбаримена, человека-легенды, и с рельефным изображением его рога. Медальон был настолько близок к религиозной реликвии, насколько это возможно для вещи тоанского изготовления.

Какой же ключ несет он в себе? Может быть, надо искать гору, похожую на рог? Орк, зная, как хитроумен отец, был уверен, что дело не так-то просто. Возможно, ключ вообще незрим. Ну ладно. Сначала надо освободить руки.

И Орк это сделал, хотя и не скоро. Он повернулся спиной к камню, у которого пришел в себя, согнул колени, поднял руки и зацепил веревку за тупой край маленького выступа на верхушке глыбы. Эта позиция была и утомительной, и болезненной, но он продолжал пилить, пока не перетер веревку до половины. Передохнув, он возобновил свою работу Когда веревка лопнула, он отвязал ее от запястий — нелегкая задача для одной руки. Обследовав пещеру и не найдя ничего, что указывало бы на врата, он оглядел сверху долину Единственной живностью, которую он там увидел, были какие-то странные неуклюжие летучие существа.

Он стал спускаться по крутому склону за карнизом. У него не было причины испытывать оптимизм по отношению к этому миру, который явно не был создан для него. Какое-то

время ярость и желание отомстить, конечно, помогут ему продержаться. Но эту громадную территорию можно обыскивать тысячу лет и все же не найти нужной приметы и врат — в ней, под ней или около нее. Он может даже найти эту примету и не понять, что это то, что он ищет.

Плохо дело. О Шамбаримен, очень плохо!

Орк сам не знал, как плохо станет ему очень скоро. Громкий визг позади заставил его замереть. Потом удар в спину сбил его с ног. Захлопали гигантские крылья. Боль, словно от очень больших и острых когтей, вонзившихся в спину, исторгла у Орка громкий крик.

Джим Гримсон тоже перепугался. Он тоже услышал визг, почувствовал когти и завопил от боли.

Этот шок был последней каплей. Джима унесло прочь гораздо быстрее, чем в прежние его возвращения на Землю. Он очнулся на стуле в своей комнате. Он дрожал, обливался потом и чувствовал какое-то онемение. Жжение в спине от страшных когтей продержалось еще миг, но потом прошло.

Несмотря на страх, Джим все же попытался бы вернуться в Орка, если бы энергия не выгорела в нем без остатка. Прошло много времени, прежде чем он смог подняться со стула.

ГЛАВА 16

Сегодня членов группы тянуло спорить еще больше, чем обычно. Пациенты сильнее придирались друг к другу и легче обижались. Чесучего порошка им, что ли, подсыпали? Или они достигли той стадии лечения, когда гнев и горькое разочарование всплывает ближе к поверхности? Эти страсти так и лезут наружу, точно черви, вышвырнутые из внутренностей глистогонкой.

К Джилмену Шервуду, девятнадцатилетнему жителю Золотого Холма, цеплялись еще пуще, чем всегда. Некоторые члены группы не любили его и питали к нему недоверие из-за того, что у него богатые родители. Он отвечал на все нападки слабой улыбкой или молчанием, и то, что он не защищается, еще сильнее злило атакующих.

Больше всех старался шестнадцатилетний Эл Мубер, у которого никогда в жизни не было денег, пока он не начал торговать наркотиками. Его карьера продолжалась шесть месяцев, потом его сцапали. Но обвинялся он только в употреблении и хранении, не в продаже. Он имел особенно большой зуб против Шервуда, одного из своих бывших клиентов, потому что подозревал, что это Шервуд его заложил

Запястья Шервуда до сих пор были забинтованы — он перерезал себе вены, пытаясь покончить с собой. Он хотел стать художником, но его родители были против. Они решили, еще когда сыну было три года, что он сначала закончит университет Огайо, а потом получит в Гарварде степень юриста. После шести месяцев в университете с Джилменом произошел «нервный срыв». Через три месяца он вышел из санатория, приехал домой и наотрез отказался вернуться в колледж. Родители, несмотря на предостережения семейного врача, продолжали наседать на него. И однажды ночью Шервуд вскрыл себе вены, чтобы изобразить кровью на стене свое кошмарное видение. В итоге он попал в группу Порсены.

Мубер еще говорил другим, что Шервуд бисексуал и будто бы пристает к нему Девочки же находили, что Шервуд замечательный красавец, вылитый Пол Ньюмен, только высокий. И он оказывал внимание нескольким из них, так зачем ему нужен такой противный тип, как Мубер?

Мубер изо всех сил пытался обесценить приключения Шервуда в образе Вольфа, героя, которого тот себе выбрал. Доктор Сцевола, который сегодня вел группу, останавливал Мубера, но тот не унимался. Тогда доктор сказал — или пусть Мубер подчиняется правилам, или пусть уйдет к себе в комнату и подумает, каково ему будет, если его выгонят из группы.

Мубер перестал нападать на Шервуда, но все время бурчал что-то себе под нос.

Джим Гримсон слушал других только краем уха. Утром он был поражен тем, что увидел здесь Санди Мелтон. Она сидела в дальнем конце столовой с группой легких шизоидов. До сих пор Джим не знал, что Санди в больнице, и не слышал, что стало с ней после того вечера у Думского.

Он помахал ей. Она улыбнулась в ответ, продолжая разговаривать со своей соседкой. Джим решил поговорить с ней, когда представится случай.

Не мог Джим сосредоточиться еще и потому, что все время беспокоился об Орке — что случилось с ним, когда Джим его оставил? Бедственное положение Орка и его мир казались Джиму реальнее, чем эта комната и люди в ней. Не нюхали они все настоящей беды, вот что.

Джим вздрогнул, заметив, что доктор Сцевола обращается к нему и все на него смотрят

— Твоя очередь, Джим, — сказал Сцевола. — Нам всем не терпится услышать, что случилось во время твоей последней экспедиции.

Джим сомневался в том, что им всем так уж не терпится. В большинстве своем они слишком заняты собственными приключениями, чтобы интересоваться приключениями Джима. Ему, по крайней мере, так казалось. За свое короткое пребывание здесь Джим уже узнал о себе кое-что новое. Он понял, что часто приписывает другим свои чувства, хотя те ничего похожего не испытывают. В будущем надо быть поосторожнее и не навязывать другим собственные мысли и эмоции.

Предполагалось, что групповая терапия должна проходить по принципу книжного клуба. Участники обсуждают различных персонажей фармеровской серии и высказывают свое отношение к ним. А также предлагают свои варианты разрешения разных ситуаций и по-своему заканчивают книги. Предлагается также комментировать, как избранный кем-то персонаж отражает проблемы и личность избравшего. Но весь этот процесс направляется и регулируется психотерапевтом. Подвергать друг друга слишком уж резкой критике не разрешается.

Одной из трудностей, с которой сталкивались участники на этой стадии терапии, было дать полный отчет о своих приключениях в карманных вселенных. Джим разделял это затруднение. Вот и сейчас, в ответ на приглашение Сцеволы, он дал лишь схематический рассказ о том, что испытал. Он сдерживался, потому что считал, что все это — очень личное. Если впустить других слишком далеко в мир Орка, они, чего доброго, попытаются присвоить его. Захотят захватить его, Джима, миры так же, как властители — миры своих соседей.

Больше того, Джим был убежден, что вселенные, в которых бывают все прочие участники, существуют только в их воображении. Хотя описывают их живо и очень подробно, все это тем не менее только фантазия. Вслух он, конечно, этого не говорил. Это значило бы обесценивать миры других пациентов.

Джим окончил свой запинающийся, неуверенный рассказ. Пока он говорил, он стал чувствовать, что все это — выдумка. И другие тоже, кажется, смотрели на него с сомнением. Черт! Они не верят!

Черная Моника Брэгг сказала:

— Твой отец, то есть отец Орка, часто бьет сына. Это напоминает твоего отца, Джим. Еще твой отец непредсказуемо ведет себя и все время тебя пугает, точно как Лос

Почти все время он жестокий и суровый, но иногда бывает добрым и нежным, каким и должен быть отец. Ребенка это сбивает с толку.

— Ты про какого отца говоришь? — спросил Джим. — Про моего в этом мире или про отца Орка в том?

Моника улыбнулась, показав большие белые зубы.

— Про обоих, глупый. Правда, Лос не во всем похож на твоего настоящего отца. Он красивый и могущественный, господин и владыка всего, что имеет, а не жалкий пьяница-нищий, как твой настоящий отец.

— Моника! — мягко, но внушительно сказал доктор Сцевола. — Пожалуйста, воздержимся от персональных замечаний.

— Да, конечно, док. Но я не сказала об его отце ничего такого, чего бы он сам не говорил. Я просто хотела показать, как Лос и эта женщина, мать Орка — Энитармон? — похожи на его собственных родителей. Одни просто отражают других, вам не кажется? В этом все и дело, разве нет? Что наш мир и Многоярусный отражают друг друга, вы ведь сами говорили. Как кривые зеркала.

— Это один из аспектов, — сказал Сцевола. — Но не стоит слишком задерживаться на параллелизмах, особенно если они столь очевидны. Или ты подводишь к чему-то другому?

— Может быть, именно различия важнее всего, — сказала Моника. — Вот, например, мать Орка под каблуком у мужа, как и мать Джима. Но она красивая, сильная и способна оказать сопротивление. Правда, до определенного предела. Может быть, потом она взбунтуется и даже убьет Лоса. Твоя мать на это не способна, правда, Джим? Но, может быть, ты надеешься, что и она когда-нибудь воспротивится отцу Это так, Джим?

— Откуда я знаю? — запальчиво ответил Джим. — Я же ничего не выдумываю, понимаешь? Все идет своим чередом, а не так, как мне бы хотелось!

Ненадолго настала тишина, только Мубер хмыкнул.

— Конечно! — сказал Сцевола. — Мы ведь тут не книги сочиняем, помните об этом. Здесь все по-настоящему. Происходят ли события у вас в голове или вне ее, все равно они существуют. Когда человек думает, это так же реально, как...

— Когда он пукает! — выпалил Мубер и согнулся пополам от смеха.

— Да, и то, и другое преходяще, но тем не менее реально в течение своего мига — будь то миг славы или миг вони, — сказал Сцевола.

— Да ведь миллионы отцов и матерей так или иначе похожи на моих земных родителей, — сказал Джим. — И в мирах властителей тоже есть такие. Что ж тут странного. Кончай психологию разводить, ей-Богу.

Брукс Эпштейн взял слово в первый раз за сеанс. Это был высокий, чернявый и тощий парень в толстых роговых очках. Хотя он тоже был с Золотого Холма, его не оскорбляли и не презирали так, как Шервуда. Отец Эпштейна тоже был раньше богат, но обанкротился и покончил с собой. У матери едва хватило страховки на то, чтобы поместить сына в Веллингтоновскую больницу.

— Психологию разводить? — сказал Брукс. — А разве мы не для этого здесь собрались?

— Мы здесь для того, чтобы вылечиться и стать здоровыми, а не сидеть и анализировать друг друга до полного развала, — ответил Джим. — Анализировать — все равно что разбирать что-то на части. Потом не соберешь. Как Шалтая-Болтая.

— Благодарю вас, доктор Фрейд, — сказал Эпштейн. — Но все-таки...

Когда сеанс кончился, почти каждый был зол на кого-то еще. Доктор Сцевола старался пролить бальзам на раны и охладить страсти. Но на сей раз его мягкость, рассудительность и стремление к компромиссу не возымели действия. Если одни пациенты были пока еще слишком застенчивы, чтобы задевать других, то другие проявляли излишнюю бойкость, и персонажи, которых они себе избрали, отличались надменностью и дурным характером. Психиатрам приходилось то и дело осаживать таких субъектов. И в то же время нельзя было слишком подавлять молодых людей, иначе они могли вырваться из-под контроля или утратить связь со своими фармеровскими образами.

Как бы драчливо и заносчиво ни были настроены иные участники группы, всех их объединяло одно. Их всех отличала низкая самооценка, калечившая их характеры. Одной из целей — труднодостижимых целей — терапии и было обретение самоуважения. Чтобы начать уважать себя, больные должны были на время стать кем-то другим.

Через несколько минут после сеанса Джиму сказали, что к нему пришел посетитель — Сэм Вайзак. Доктор Сцевола был занят, и разрешение нужно было спрашивать у доктора Тархуны. Он дал его по телефону, и Джим с нетерпением побежал в маленький холл, предназначенный для посетителей Медбрат Дейв Герском стоял в дверях и наблюдал за ними

Сэм встал со стула, когда вошел Джим Он широко улыбнулся и пошел навстречу другу, размахивая руками. Они встретились на середине комнаты и обнялись. Джим был очень рад видеть Сэма, но невольно сморщил нос от его запаха. С тех пор как Джим лег в больницу, он каждый день принимал душ, а грязное белье передавал матери. Он ничего не сказал Сэму по поводу его немытого тела и грязной одежды. В конце концов, все, что было надето на Джиме, пожертвовал ему Сэм. Если бы не щедрость друга, ходить бы Джиму в больничной пижаме, халате и тапочках.

Когда они разомкнули объятия, Сэм перестал улыбаться и тяжело опустился на стул.

— Джим, мне надо кое-что тебе сказать, кое в чем разобраться. Я тут задумал одну вещь, которая тебе не понравится. А может, и понравится, не знаю. Но я, как говорится, зашел в тупик. Хочу уехать и в то же время не хочу

— Куда уехать?

— В Калифорнию. В Голливуд, если точно Надо выбираться из этой поганой дыры, подмышки Вселенной. Дела у меня плохи. Хожу в реабилитационный центр для токсически зависимых, для наркоманов, как отец говорит Суд покоя не дает. Судья говорит, что я должен выправиться и что он мне с пути сбиться не даст. Каждую неделю требует отчета от моих предков и от школы, а отчеты не больно утешительные. Я все еще хожу в двоечниках, хотя и лезу из кожи вон, чтобы исправить отметки.

Сэм прикрыл глаза пальцами и смотрел на Джима, словно через тюремную решетку С дрожью в голосе он продолжал:

— Джим, ну не могу я больше! Хочу убежать, исчезнуть, затеряться совсем в этой Калифорнии Не знаю, что я там буду делать, скорее всего — на улице спать. Какое-то время, во всяком разе. Но гитару я возьму с собой. Может, устроюсь в какую-нибудь группу А может, и нет Хорошим музыкантом меня не назовешь, но ведь кучу рок-звезд это не останавливало. В общем, попробую Все лучше, чем сейчас

Джим не сразу ответил. Сэм уронил руки на колени, но не сводил с Джима своих черных глаз Как будто надеялся.. на что? На то, что его старый друг скажет какие-то мудрые слова и спасет его?

Джим махнул рукой, неизвестно что выразив этим — разве что безнадежность Что может он, Джим Гримсон, запертый в сумасшедшем доме, одетый в чужие обноски, отрезанный почти от всех, кроме доктора Порсены и кучки больных, да и те ему недостаточно близки — что может он сделать для своего друга?

Не мог он не думать и о своих планах, хоть и чувствовал себя большой скотиной за то, что думает о себе, когда Сэму так плохо. Сэм несколько дней назад сказал ему по телефону, что Джим может жить у Вайзаков, когда перейдет на амбулаторное лечение. Они с Сэмом будут спать в одной комнате, вместе пользоваться вещами Сэма и вместе есть. Это предложила миссис Вайзак, великодушная, как всегда. Она ведь знает, что у родителей Джима совсем маленькая квартирка и им не на что содержать сына. Скоро Джиму исполнится восемнадцать, а тогда выдаваемое на него пособие перестанет поступать. Кроме того, Эрик Гримсон не хочет, чтобы Джим жил с ними.

А теперь, когда Сэм уезжает, захотят ли его родители взять его друга к себе? Джим прочистил горло и сказал:

— Сэм, я не премудрый старец с гор, не какой-нибудь гуру, который все видит, все знает и может вывести тебя на путь к здоровью, богатству и славе Ты прости, Сэм, но я не знаю, что тебе сказать — разве что пожелать удачи. Я посоветовал бы тебе записаться на терапию к доктору Порсене, но там большая очередь. Мне чертовски повезло, что меня приняли сразу

Сэм не ответил, и лицо его было непроницаемым, но Джиму показалось, что под маской виден упрек и страх.

— О Господи, Сэм, я очень хочу тебе помочь! Но не могу!

— Я ничего от тебя и не ждал, — сказал Сэм. — Нельзя же требовать от утопающего, чтобы он спас другого из воды. Я просто решил рассказать тебе, что собираюсь сделать. А твоего благословения мне не надо

— Черт возьми, Сэм! Я чувствую себя последним дерьмом! Я тебя подвел!

— Да какого черта, — сказал Сэм, вставая — Мама не откажет тебе, даже если меня здесь не будет Может, она даже сильней тебе обрадуется. Ты ж знаешь, материнство — ее конек. Это да еще всеми командовать. — У Сэма дрогнул голос, и две слезинки скатились к углам рта. — Эх, вот были мы пацанами, счастливыми, в общем, хотя всякое бывало — ну могли ли мы подумать, что все так обернется?

Джим не мог придумать ничего лучше, чем обхватить Сэма руками и похлопать по спине. Это было все, что он мог — и больше, возможно, ничего и не было нужно Сэм чуть-чуть поплакал, потом освободился и вытер слезы грязным носовым платком.

— Да уж, Джим! Нам кажется, что мы взрослые и никто нам не нужен! А когда фарта нет, как говорил охотник на бизонов, то оказывается, что мы все те же младенцы Должен

признаться, что я маленько трушу. А что такого? Я ж сам себя надуваю, когда прикидываюсь крутым, как яйцо вареное. Я бы такое никому не сказал, кроме тебя, Джим. Я ведь по-настоящему не хочу уезжать. Просто тут стало совсем уж паршиво. В общем, адиос, Бельмонт-Сити! Привет, Калифорния! Мама выплачет себе все глаза, но в самой-то глубине души будет, может, и рада избавиться от меня. Не придется пилить меня все время за то, что я такая сволочь.

— Ты хоть будешь держать со мной связь, посылать иногда открытку?

— Если сумею стащить открытку и карандаш. С деньгами у меня не очень. — Сэм засмеялся. — Слушай, а вдруг все будет куда лучше, чем я думаю! Калифорния — золотой штат, улицы там вымощены золотыми слитками, на деревьях растут рожки с мороженым, а кинозвезды только и глядят, как бы переспать с тощим дураком-поляком без гроша в кармане. По крайней мере, задницу себе не отморожу, когда придет зима. И даже на помойке буду питаться лучше, чем теперь.

— Ты все-таки подумал бы еще, — сказал Джим. — Семь раз отмерь и все такое.

Не успел Джим это сказать, как с ним что-то случилось. Благоразумные слова, которые он произнес, вдруг показались ему трусливыми. Точно электрический ток, бегущий по его телу, вдруг сменил фазу и побежал в обратном направлении.

— Да нет, что за черт, Сэм! Я не это хотел сказать! Это же потрясное приключение! Хоть какая-то перемена, по крайней мере! Лучше день прожить как лев, чем всю жизнь — как собака! Ты же прекрасно знаешь, что здесь у тебя никакого будущего нет! Езжай в Калифорнию! Ты встряхнешься, у тебя появится надежда и масса возможностей! Хотел бы я тоже поехать с тобой!

Сэм заморгал, словно Джим предстал перед ним в лучах ослепительного света.

— Чего это ты вдруг? Ну, вот и поехали вместе!

Джим покачал головой:

— Я бы рад... только...

— Что только?

— Надо быть в моей шкуре, чтобы понять, как я чувствую себя здесь, чем занимаюсь. Мое приключение тут, Сэм, в психушке. Это целый мир, который...

Ну как объяснить Сэму про Миры властителей и про свои приключения в образе Орка? Как заставить Сэма понять, что золотая Калифорния — сплошной свинец по сравнению с теми местами, где он, Джим, побывал и куда еще вернется? Никогда Сэму этого не понять.

— Ты всегда был малость чудной, Джим, хотя нам и здорово было вместе. Ну чего ты не видал в этой промывочной мозгов? Я бы здесь точно не выдержал. — Сэм протянул руку. — Пока, Джим. Надеюсь, что мы еще встретимся где-нибудь — в лучшем месте.

Джим пожал ему руку. То, что Сэм ограничился рукопожатием, вместо того чтобы снова обнять его, значило, что Сэм уже отдалился. Уже не чувствует себя настолько близким Джиму. Они были очень хорошими друзьями, а теперь дружбе приходит конец.

Джиму стало плохо. Но ведь это должно было случиться когда-нибудь. Характер определяет судьбу. Его характер направил его не по той дороге, которой пошел Сэм. Все равно это произошло бы рано или поздно. Это произошло рано, вот и все.

И все-таки Джиму стало очень грустно. И он пожалел о том, что посоветовал Сэму выбрать путь приключения. Но тут же передумал, и почти вся грусть покинула его, а сожаления исчезли без следа. Так и правда лучше для Сэма, для любого лучше — оставить знакомый край и отправиться в неведомую страну. Если, конечно, в знакомом краю царит беспросветная нужда и неистребимая безнадега.

— Ты поговори с моей матерью, — сказал Сэм. — Она тебя примет, когда тебе понадобится дом. Со многим тебе придется примириться, зато с голоду не помрешь. Главное, делай, что она говорит.

Сэм повернулся и пошел к двери, не оглядываясь больше.

— Счастливо тебе! — крикнул вслед Джим. — Мысленно я буду с тобой, Сэм!

Сэм не ответил.

ГЛАВА 17

— А-а-а!

Вопль твари, напавшей на Орка, слился с криком самого Орка. Сцепившись, они покатились вниз по каменистому склону. Орк, упав ничком, увлек напавшего за собой, потом он перевернулся, и существо на миг оказалось под ним. Оно обладало огромными крыльями, но тельце было маленькое, шея — длиннющая и тонкая, а голова — вдвое больше, чем у Орка. Загнутый и острый клюв напоминал орлиный. Ноги были необычайно длинные для летучего существа. Длинные, острые, кривые когти, впившиеся в Орка, во время падения с горы отпустили добычу

Хотя существо походило на птицу, перья на нем не росли.

Вдвоем — или втроем, если считать Джима — они катились, скользили и летели вниз. И хищника, и его жертву обдирало и било о камни; оба вопили от боли. Потом они налетели на большой валун и остановились. К счастью для Орка, летун оказался между ним и камнем в момент столкновения. Кости хрупкого тела хрустнули, а крылья поломались еще во время спуска.

Орк попытался встать — он хотел ухватить птицезверя за его тощую шею и придушить. Ноги не слушались Орка, но его враг тоже был наполовину парализован. Он дергал ногами и крутил своей змеиной шеей, клацая клювом. Через минуту его желтые глазищи остекленели, и он испустил дух.

Орк лежал долго, глядя, как солнце совершает свой путь по голубому небу. Появились еще два птицезверя и закружили над ним, выгнув шеи. Орк надеялся, что сможет подняться до того, как твари решат, что им можно спокойно пообедать. А пока особой опасности нет, надо расслабиться. Если только можно расслабиться, когда у тебя все болит. Он ободрал кожу почти на всем теле, включая и самые уязвимые органы, во многих местах до крови. Кроме того, голова, колени, локти, пальцы ног, уши, губы, нос, подбородок и гениталии пострадали от многочисленных ушибов. Головная боль указывала на возможное сотрясение мозга.

— Добро пожаловать на Антему, в Нежеланный Мир! — пробормотал он.

Устроил ему отец веселую жизнь, нечего сказать. Ничего, это не навек. Если только он, Орк, сможет — а он преодолеет все на своем пути — он доберется до Лоса и убьет его. И тем не менее Орк стонал от боли. Здесь он мог всласть стонать, охать и даже плакать. Никто его не видел.

Кроме меня, подумал Джим. Я-то вижу. Но это ничего — пусть себе стонет и жалуется. Мне больно ничуть не меньше, чем ему, и мне бы тоже хотелось постонать, да не могу. Так что Орк старается за двоих, сам того не зная.

Джим всерьез подумывал, не выйти ли ему из Орка. Он не желал терпеть эти муки ни секунды дольше. Так не вернуться ли в палату, покинув это страдающее тело? Но Джим держался, твердя себе, что побудет с Орком еще несколько секунд. Что-то не давало ему уйти. Стыд за то, что он бросает Орка? Смешно. Орку от его невидимого и неосязаемого присутствия ни жарко ни холодно.

И все же Джим чувствовал, что проявит трусость, если выберет легкий путь.

Пока Джим боролся с самим собой, Орк поднялся и медленно пошел вниз по склону Каждое его движение представляло собой одиссею боли Но Орк не останавливался. Он миновал каменную осыпь у подножия горы и углубился в лес. Там росли в основном деревья, напоминающие высокие сосны с алыми кисточками на концах ветвей. От них пахло смесью ванили и арахиса. Между деревьями росли большие кусты с бочкообразными стволами и с пучком из двенадцати длинных побегов на верхушке, похожих на ветви папоротника. Вокруг кустов кишели насекомые. Наверное, их привлекала клейкая желтая жидкость, выступавшая у основания побегов. От нее шел запах гнилой картошки с примесью лимбургского сыра.

На деревьях обитали крылатые млекопитающие величиной с мышей. Они ныряли вниз, глотали насекомых и вновь возвращались на ветки. Один зверек пронесся рядом с Орком. Тот поймал его на лету, стиснул так, что полые косточки хрустнули, оторвал крылья, голову и ноги и выпил из шеи кровь. Потом содрал ногтями шкурку и сунул тушку в рот Медленно пережевывая мясо, чтобы отделить его от костей, Орк продолжал свой путь через лес.

Джим пришел в ужас. В то же время он чувствовал удовлетворение насыщающегося Орка, и это чувство вскоре победило его собственное отвращение.

Джиму стало известно, потому что об этом думал Орк, что молодых властителей обучали выживать и даже неплохо жить в дикой местности. Орк и раньше много раз ел сырое мясо. Конечно, если бы он мог развести костер, то поджарил бы свою еду

В этих местах много кремня. Орк сделает из него ножи, наконечники копий, топоры и головки для стрел. Этим оружием он будет убивать животных, из шкур которых сделает одежду и мешки После этого он построит плот и поплывет вниз по реке

Через восемнадцать дней после принятия этого решения Орк приплыл на своем плоту к широкому устью реки, впадавшей в море

ГЛАВА 18

В мозгу у Орка был кто-то еще

Джим много раз пугался с тех пор, как вошел в молодого властителя Но то, что некто или нечто делит с ним мозг Орка, привело его в ужас Так это было. отвратительно и

так... жутко. Джиму было так муторно, что его вырвало бы, будь у него желудок и глотка. Присутствие чужака, несомненно угрожающее, не давало ему покоя.

Впрочем, ему была неведома истинная природа пришельца, вселившегося в Орка. Впервые Джим открыл, что рядом живет кто-то еще — Нечто — через два дня после того, как Орк разбил лагерь в устье реки. Джим это чувствовал. Разве могли слова выразить, *как* он это чувствует? Нет, не могли. Он просто знал, что этого существа не было здесь вплоть до той черной минуты, когда он, Джим, понял, что оно — здесь. Все равно что увидел тень человека-невидимки из книги Герберта Уэллса. Так же, бывало, в детстве он просыпался среди ночи и знал, что в шкафу сидит чудище и смотрит на него в полуоткрытую дверцу. Вся разница в том, что в этом шкафу, где помещался разум Орка, на самом деле что-то было. Джим не вызывал его с помощью воображения из своего подсознания. Оно существовало по-настоящему.

Ну а откуда он знал, что это Нечто таит в себе зло? Да оттуда же, наверно, откуда человек, умирающий от жажды в пустыне, знает, зачем над ним кружит стервятник.

Когда Орку оставались еще сутки пути до моря, он проснулся утром посреди голубой метели. Ее несло ветром с верховьев реки, и состояла она из лазурных снежинок размером в ладонь. От них шел сильный ореховый запах. Несколько минут они падали так густо, что Орк не мог ничего различить в десяти футах от себя. И вдруг метель стала слабеть, а там и совсем прекратилась. Хлопья не таяли, но к вечеру их почти не стало. Из леса нахлынула орда насекомых, птиц и зверей и принялась их пожирать. Уцелевшие хлопья через несколько часов побурели, и животные не трогали их.

Орк, глядя на это, решил тоже принять участие в банкете. На ощупь хлопья напоминали сухие чешуйки лишайника, но на вкус были словно отварная подсахаренная спаржа. Орк объедался ими, но потом ему пришлось выпить много воды. Они поглощали влагу из организма.

Джим предположил, что в хлопьях содержался какой-то вирус, проникающий в тело едока. Потом этот вирус проникает в нервную систему и каким-то образом превращается из дезорганизованной массы в ее копию, то есть сам становится существом, в которое вселился, или копией с него, произведя призрачную реконструкцию мозга и нервов носителя. Вирус отнимает у носителя его индивидуальность и подменяет его сознание своим, скопированным.

У Джима, когда он размышлял об этом, возникла, фигурально говоря, головная боль. Он признался себе, что не может знать, откуда взялось это Нечто и как оно проникло в разум Орка. То, что оно появилось вскоре после того, как Орк поел голубых хлопьев, может быть и совпадением.

Не пытайся ничего объяснить, сказал себе Джим. Думай о том, с чем имеешь дело здесь и сейчас. Найди способ, как побороть это невидимое, безрукое и безликое Нечто. Как бы сообщить о нем Орку? Никак, понял вскоре Джим. Бой, если он будет, произойдет только между ним самим и этим Нечто.

Джиму надоело повторять «Нечто», и он решил дать ему имя. Все должно иметь какое-то имя, какой-то ярлык. Как же его назвать?

Мозг-призрак, решил Джим. Имя не хуже других.

Через пять дней после высадки у моря Орк пошел на охоту добыть себе свежего мяса. Часа через три он увидел лесного оленя и принялся его скрадывать. Стрела уже лежала на тетиве, готовая взвиться и вонзиться в коричневый с черными пятнами бок травоядного, но что-то спугнуло дичь, прежде чем Орк подошел на расстояние выстрела. Олень ускакал, огибая высокие кусты и перепрыгивая через те, что пониже.

Беззвучно выругавшись, Орк подошел к тому месту, где только что пасся олень, соблюдая осторожность. Раз животное испугалось, поблизости может быть большой и опасный зверь. Осторожно раздвинув ветви куста, Орк увидел причину тревоги оленя. Виновник, размером и внешностью похожий на скунса, помахивая пушистым черным хвостом, рыл землю своими лопатообразными когтистыми лапами. То, что он ищет, не должно быть глубже, чем в дюйме или двух под землей. Сейчас откопает и начнет есть.

В других обстоятельствах Орку стало бы противно. Эта мерзкая тварь питалась в основном падалью, экскрементами и вообще всем, что было дохлым или полудохлым. Но сейчас Орк был слишком поражен, чтобы почувствовать омерзение. Как он и ожидал, зверь откопал кучу фекалий. Но это были свежие человеческие фекалии.

Значит, Орк не один на этой планете.

Он резко обернулся назад, вперив глаза в лес у себя за спиной. Сердце тяжело забилось — не от радости, а потому, что тот, другой, мог следить за ним.

Он успел увидеть, как за кустом скрылось темное лицо и каменный наконечник копья.

Орк подошел к тому кусту и внимательно посмотрел по сторонам. У темнолицего могли быть товарищи. Убедившись, что поблизости больше никого нет, Орк прокричал:

— Я Орк, сын Лоса и Энитармон! Я здесь один! Незачем нам пытаться убить друг друга! Я ищу выход из этого мира! Я никому не враг, кроме своего отца! Давай заключим мир! У каждого из нас будет больше шансов найти врата, если мы объединим свои мозги и усилия!

Орк подождал. Ответа не было, и он решил, что темнолицый ушел из-за куста, когда понял, что его заметили.

Молодой властитель повторил свою речь.

Тогда другой громко ответил откуда-то сзади. Он говорил по-тоански немного иначе, чем Орк, с другим произношением и интонацией, но Орк его прекрасно понимал.

— Ты говоришь, что у тебя нет врагов, кроме проклятого Лоса?

— Это так!

— Больше здесь с тобой никого нет?

— Нет, насколько мне известно.

— Вложи стрелу обратно в колчан. И встань прямо. Я подойду к тебе, хотя и не очень близко, и буду держать наготове копье. Впрочем, я предпочел бы, чтобы мы стали друзьями.

После недолгих переговоров, в основном с целью убедиться, что ни у одного из них нет преимущества перед другим, человек вышел из-за дерева. Он был ниже Орка, но шире в плечах. Меховая накидка и набедренная повязка ладно сидели на нем. Его пояс был скреплен тонкими ремешками. На нем в кожаных ножнах висели каменный нож и каменный топор. Колчан и лук он оставил лежать на земле. У него была темно-коричневая кожа, широкий приплюснутый нос и толстые вывернутые губы. Из-под меховой шапки выбивались блестящие черные, слегка волнистые волосы.

Подойдя к Орку на двадцать футов, он остановился, настороженно глядя на юношу темно-карими глазами, но показывая при этом в ухмылке крупные белые зубы.

— Ты Орк, сын Лоса и Энитармон, — сказал он. — А я Иаджим, сын Нато и Окалитрон.

— Иаджим из Темных Лесов?

— Да, я властитель мира Темных Лесов — то есть был им.

— Ты мой двоюродный прапрапрадядюшка, — сказал Орк.

— Это еще не означает, что мы друзья. Как говорят во многих мирах, друзей можно выбирать, но родня есть родня, по душе она тебе или нет.

Стоя все на том же расстоянии, Орк рассказал свою историю, не забывая посматривать по сторонам и оглядываться назад. Возможно, Иаджим и не лжет, говоря, что он один — но властитель, который всем доверяет, долго не проживет, как гласит старинная пословица.

— Итак, — сказал Иаджим, — ты сын прекраснейшей Энитармон и Лоса, Пророка Веков, Владетеля Луны! Он носил эти титулы в том мире, которым правил до того, как переселился в свой нынешний, задолго до брака с Энитармон и твоего рождения. А вот тебе моя история.

Некая властительница, женщина по имени Ололон, разгадала хитроумные ловушки, которые Иаджим поставил в вратах, ведущих в его мир. Она чуть было не убила Иаджима, но он бежал. Но, преследуемый через множество врат из одного мира в другой, он вынужден был пройти в одни врата, не зная, куда они ведут. Как он вскоре выяснил, открывались они только в одну сторону — на Антему. Случилось это сорок четыре года назад. С тех пор Иаджим ищет врата, которые вывели бы его из Нежеланного Мира.

Сорок четыре года! — подумал Джим Гримсон. За это время Иаджим наверняка попробовал голубых хлопьев. Значит, теперь его телом и разумом управляет мозг-призрак. Сейчас с Орком говорит не Иаджим, а Нечто.

Потом Джим решил, что это в общем-то неверно. Ведь мозг-призрак теперь стал Иаджимом, он думает, как Иаджим; в сущности, он и Иаджим — одно и то же. Первый Иаджим умер. Второй ничем не отличается от первого. Следовательно, второй ничуть не опаснее первого. А этот первый, надо полагать, был достаточно опасен по любым меркам.

— Ты верно сказал, племянник, ни один из нас не обладает тем, что может понадобиться другому. Если тебе только не нужна Антема! — Иаджим залился безумным смехом, заставив Орка задуматься, не спятил ли случайно его родич от долгого одиночества. Утерев слезы тыльной стороной руки, Иаджим сказал:

— Бери ее, если хочешь. Хотя я еще нескоро ее покину. Ну, что скажешь, племянничек? Оставим взаимные подозрения и будем действовать бок о бок, как два преданных и любящих товарища?

— Насколько двое тоан на это способны.

— Хорошо! Поцелуемся же в знак вечной дружбы, не отыскивая при этом на спине у другого место, куда бы вогнать нож!

Орку показалось, что дядюшкин поцелуй слишком уж затянулся, и вряд ли Иаджиму стоило так долго держаться за ягодицы племянника. Возможно, Иаджим так стосковался по человеческому обществу, что хочет подольше погреться о человеческую плоть. А возможно, что раньше Иаджим желал только женщин, поскольку они были легкодоступны, но теперь, после вынужденного сорокачетырехлетнего воздержания, готов довольствоваться тем, что подвернулось.

Они вместе вернулись в лагерь Орка. Иаджим признался, что заметил Орка еще вчера — но, вместо того чтобы кинуться к нему с распростертыми объятиями, остался в укрытии. И решил немного понаблюдать за ним, прежде чем объявиться.

Орк сказал, что это редкое совпадение — то, что они, двое единственных человек на планете, встретились вот так, случайно.

— Не такое уж совпадение, — сказал Иаджим. — Я проник сюда через те же врата, что и ты, — те, что в пещере. Я обследовал пещеру, но врата слишком хорошо укрыты — должно быть, нужен какой-то пароль, чтобы они показались. Проведя сорок четыре года в бесплодных поисках других врат — и живя все это время, словно зверь,— я вернулся сюда. Мне подумалось — вдруг врата выхода расположены где-то поблизости от врат входа. Мне, конечно, и раньше приходила в голову эта мысль — сразу же по прибытии сюда. Я обшаривал здешнюю округу так тщательно и так часто, что помню ее и сейчас до мельчайших подробностей. Но вот решил попробовать еще раз. Вреда не будет. И теперь, раз ты носишь на себе ключ — медальон Шамбаримена, удача, возможно, улыбнется нам.

— Не видел ли ты здесь чего-нибудь, что хотя бы отдаленно походило на рог? — спросил Орк. — Не только визуально, но словесно или по аналогии?

— Нет, не видел. Но ведь тогда я не искал примет, которые можно было бы связать с образом рога. Теперь другое дело.

Поговорив, они вместе отправились на охоту и минут через двадцать уже убили похожее на свинью животное с четырьмя клыками. Перед обедом Орк решил поплавать в реке. Ему действительно нужно было помыться, а кроме того, он хотел проверить, можно ли довериться Иаджиму. Он оставил оружие на берегу и вошел в воду, но темнокожий вскоре присоединился к нему Довольный тем, что Иаджим, по крайней мере пока, показал себя надежным товарищем,

Орк вылез из реки, а Иаджим остался. Как только Орк нагнулся за своей одеждой, Иаджим вдруг начал хохотать — похоже было, что он никогда не остановится. Но он все-таки преодолел себя и выговорил:

— Погоди, не одевайся.

— Почему это? — ничего не понимая, спросил Орк.

— Видел бы ты! — снова залился Иаджим.

— Что я должен видеть?

— Ох, этот Лос! Смешную шутку он сыграл с тобой, но и печальную тоже. Печальную для тебя! К счастью для нас обоих, Лос не предугадал, что ты встретишь здесь другого тоана.

— О чем ты? Объясни же толком!

— Ты этого не видишь! — взвизгнул властитель Темных Лесов. — И не увидел бы никогда, мог бы вечно блуждать по этому страшному миру и не увидеть!

— Ты что, нарочно дразнишь меня, хочешь, чтобы я умер от любопытства? Или мне потрясти тебя как следует?

— У тебя на спине карта! — выкрикнул Иаджим. — Она начинается между лопатками и спускается до самого копчика!

Скаля зубы, он вылез из воды. Орк подставил ему спину, чтобы он мог изучить карту, если это действительно карта. Орк не был уверен в том, не сыграл ли с ним Лос двойную злобную шутку. Может, эта карта выдумана, чтобы провести его по всей планете к такому месту, где никаких врат нет С другой стороны, зачем было Лосу рисовать фальшивую карту, раз сыну все равно не видно?

Осушив спину юноши куском замши, Иаджим повернул его к солнцу.

— Что за юмор у твоего отца, да поразят серебряные стрелы Элиниттрии его печень! Черный, конечно, чернее, чем печаль Шамбаримена в тот раз, когда у него впервые украли рог, но ведь умереть можно со смеху! На спине, чтобы ты не видел, ой, ой, не могу-у!

— По мне, хоть сдохни со смеху! — рявкнул Орк. — Но сначала скажи мне, что там, на карте. А еще лучше, нарисуй ее на песке. Потом я перенесу ее на пергамент, когда его сделаю.

Иаджим прыгал вокруг, сгибаясь пополам, фыркая и давясь от хохота. Потом угомонился и снова зашел за спину Орку.

— На самом верху карты маленькое черное пятнышко, — сказал он. — Из него торчит стрелка. Предполагаю, что это начало, то есть врата, через которые мы с тобой пришли сюда. От начала стрелки идет извилистая голубая линия. По обеим ее сторонам — черные ломаные линии в виде треугольников. Наверное, горы, образующие речную долину, а голубая линия — это река, по которой мы оба поплыли, выйдя из врат На конце она расширяется — это, должно быть, устье. Мы сейчас как раз здесь. Дальше несколько поперечных синих черточек — это, наверное, море Погоди-ка... Я искал словесные обозначения, но их тут нет И сомневаюсь, соблюден ли здесь хоть какой-то масштаб. Карта очень грубая, и руководствоваться ею трудно, но это, конечно, лучше, чем ничего. Так, дальше... Вот ломаная зеленая линия, снабженная стрелкой. Она ведет на север, поскольку дельта смотрит на запад, но вдоль нее нет никаких обозначений. Потом она поворачивает на восток, то есть на сушу Здесь, на повороте, что-то нарисовано! Дай-ка посмотрю поближе. Совсем маленький значок. Похоже на осьминога. Что, во имя Энион, это должно обозначать?

— Узнаем, когда доберемся туда, — отрезал Орк. Родич почему-то действовал ему на нервы. Хотя, казалось бы, ему следовало быть на седьмом небе оттого, что он встретил Иаджима и благодаря ему обнаружил карту Может быть, Орк раздражен оттого, что чувствует себя дураком, а Иаджим над ним смеется, потому что он дурак и есть. Впрочем, Иаджиму палец покажи — и то будет смешно.

В последующие дни, когда они шли на север вдоль побережья, беспрестанный и беспричинный смех Иаджима не переставал бесить Орка. Наконец Орк не выдержал и оборвал спутника посреди его очередного истерического припадка.

— Ты зачем это делаешь? — спросил он резко.

— Что делаю? — заморгал Иаджим.

— Хихикаешь и взвизгиваешь, точно неопытная и застенчивая юная девица, которая нервничает в обществе молодого мужчины.

— Не замечал за собой, — надулся Иаджим. — Если я это и делаю, то потому, что был один сорок четыре года и мне не с кем было поговорить. У тебя бы тоже появились чудачества, — заныл он, — если бы ты оказался в таком же одиночестве. Сорок четыре года! Ты только представь себе!

— Наверное, — сказал Орк. — Но если бы я стал таким же глупым и докучливым, то был бы только рад, если бы кто-нибудь вправил мне мозги.

— И этот кто-то ничем бы не рисковал, делая это? Конечно, нет! Он бы так и резал тебе правду-матку! Как будто ты воспринял бы его обидные слова спокойно!

Орк промолчал, и Иаджим заговорил снова:

— Не сердись на меня. Я только что встретил тебя после сорока четырех лет абсолютного одиночества, а ты уже кричишь на меня!

— Я только хочу, чтобы ты перестал смеяться, как полоумный. Смейся только тогда, когда есть над чем, вот и все.

— Постараюсь, — пожал плечами Иаджим. — Но после сорока четырех лет, когда страдаешь ежеминутно, ежесекундно...

— И про сорок четыре года больше не ной! — взревел Орк. — Мне надоело! Теперь-то все хорошо! Прекрати жить прошлым! Ты больше не один!

— Я лучше отойду, — сказал Иаджим обиженно и в то же время с комическим достоинством. После этого разговора он еще долго дулся. Он говорил, только когда Орк к нему обращался, и старался ответить как можно немногословнее. Это злило Орка почти так же, как смех. А дважды, внезапно обернувшись к Иаджиму, он поймал его на том, что тот показывает ему язык и делает неприличные жесты.

— Манату Ворсион! — сказал Орк, впервые заметив это. — Тебе сколько тысяч лет-то? А ведешь себя, точно испорченный мальчишка!

— Ничего не могу с собой поделать. Ты поживи сорок четыре года...

— Замолчи! — завопил Орк. — Скажи это еще хоть раз, и клянусь — я тебя брошу! Живи тогда один еще сорок четыре года! А по мне, хоть целую вечность!

С тех пор Иаджим стал воздерживаться от упоминания о сроке, проведенном им на Антеме. Зато постоянно жаловался на всякие пустяки. Стоило ему ушибить палец на ноге — и он распространялся об этом минут пятнадцать, горько сетуя на то, что жизнь к нему так жестока. Одни лишь препятствия и невзгоды у него на пути. Наконец Орк сказал:

— Со мной тоже обходились несправедливо и жестоко — в основном мой отец. Разве ты слышал от меня хоть слово об этом? Так уж устроена жизнь. Терпи. Но не опускай при этом рук. Старайся изменить то, что тебе не нравится. И прекрати ныть!

— Да, но...

— Никаких «но»!

— Тяжелый ты человек, — сказал Иаджим. Глаза у него увлажнились, и он зашмыгал носом. — Не все такие каменные, как ты. У некоторых имеется и плоть, и кровь, и сердце, способное чувствовать, в то время как твое...

— Да веди же себя как взрослый! Или ты уже никогда не вырастешь?

Джима, слышавшего все это, поразила одна мысль. Буквально поразила. Матерь Божья! Да ведь Орк мог бы с таким же успехом обращаться к нему, Джиму Гримсону! Он тоже почти всю жизнь жалуется на судьбу и жалеет себя. И до самого последнего времени не сделал ничего, чтобы как-то решить свои проблемы — только ныл.

Потом и другая мысль ударила его, словно кастетом. Иаджим! А что, если произнести это имя по-другому? Что тогда получится? Я — Джим. Властитель Темных Лесов сам заявил, что я (он) Джим.

Так, может, Иаджим — а значит, и все остальное — только вымысел?

Не его ли, Джим, подсознание подсказало ему имя и характер Иаджима, чтобы показать ему себя самого?

На миг Джим почти утратил веру в реальность многоярусных вселенных. Ему вдруг стало нехорошо, и он ощутил свою невесомость. Мир, на который он смотрел глазами Орка, заколебался и утратил четкость. Свет померк. Джим почувствовал, что его уносит — уносит обратно на Землю. Но он, хоть у него и не было рук, ухватился за что-то — сам не зная за что — и удержался. Свет снова стал ярким, а все окружающее перестало колебаться и прояснилось.

Фрейдистское толкование имени «Иаджим» уж слишком прозрачно. Это просто совпадение. Он точно знает, что этот мир и все, что в нем, столь же реально, осязаемо и грозно, как его родная вселенная.

Хотя, с другой стороны...

Через тридцать два дня после того, как Джима посетили эти мрачные сомнения, Орк с Иаджимом пришли к месту, обозначенному на карте рисунком осьминога. Они не знали, что это то самое место, пока им не встретилась долина, по которой текла, впадая в море, маленькая речка.

Орк брел вдоль берега по щиколотку в воде. За ним шел Иаджим, молча — для разнообразия; слышно было только,

как он шлепает по воде в набегающем приливе. Здесь в море было много больших черных валунов футов десять высотой. Орк, проходя между двух камней, лежавших футах в двенадцати друг от друга, вдруг остановился — и закричал.

Что-то ухватило его из-под воды за правую лодыжку и рвануло в сторону ближнего валуна. Орк опрокинулся на спину, его волокло по дну, и зеленая мутная вода заливала ему рот и глаза.

— Что с тобой? — крикнул Иаджим. Он сорвал с пояса свой каменный топор и бросился к Орку. Молодой властитель перестал кричать и тщетно боролся с тем, что держало его за ногу. Потом у него снова вырвался крик — часть камня, к которому его тянуло, скользнула вниз, и он увидел в скале два ряда зубов, острых, как у пилы, и покрупнее львиных. Их там была по меньшей мере сотня.

Из воды на миг показалось бурое щупальце в два пальца толщиной. Иаджим, увидев его, издал вопль. Он тоже понял, что камень на самом деле — растение или животное. И что оно намерено съесть Орка.

С новым воплем Иаджим взвился в воздух. Еще одно щупальце с когтем на конце выскочило из воды в том месте, где он только что стоял. Иаджим плюхнулся обратно, широко расставив ноги, и отпрыгнул назад. Щупальце шарило вокруг, ища его.

Орк тем временем тоже сорвал с пояса кремневый топор и рубил щупальце, взявшее его в плен. Это было нелегко делать в полусидячем положении, когда тебя притом волокут по дну.

— Иаджим! — крикнул Орк. — Помоги мне!

Властитель Темных Лесов повернулся и кинулся бежать без оглядки, пока не оказался на безопасном расстоянии.

— Трус! — крикнул Орк, но потом ему стало не до Иаджима. Особенно когда второе щупальце обвилось вокруг бедра другой ноги. Но он все рубил и рубил, пока хватка вокруг лодыжки не ослабла. Всего в нескольких футах от разверстой пасти он отсек второе щупальце. И лишь чудом избежал остальных, пока мчался по мелководью к тому месту, где в отчаянии приплясывал Иаджим.

— Убить тебя мало! — задыхаясь, выговорил Орк. И вскинул топор, с которого стекала вода и густая зеленая жидкость, похожая на кровь. Иаджим отбежал от него на пятьдесят футов и прокричал пронзительным дрожащим голосом:

— Это сильнее меня! Сорок четыре года я только и делал, что спасался бегством! Теперь это превратилось у меня в

условный рефлекс! А так я не трус! В следующий раз будет лучше, вот увидишь!

— В следующий раз? — заорал Орк. — Не будет тебе следующего раза!

— Ну так убей меня! Узнаешь тогда, что такое одиночество, когда не с кем словом перемолвиться! В конце концов станешь таким же, как я! Хватишься меня — а меня не будет! Я не подведу тебя больше, клянусь! Если это случится, я сам убью себя! — Он упал на колени и простер к Орку руки. — Молю тебя, не оставляй меня здесь!

Орк плюнул в его сторону, однако сказал:

— Ладно! Испытаю тебя еще раз! Только не подходи ко мне — долго не подходи!

Он пошел на восток, за много ярдов огибая валуны. Иаджим держался позади и в ту ночь не приближался к лагерю Орка. Орк смутно видел в свете своего костра, как он сидит, прислонившись к дереву Утром Иаджим пришел, улыбаясь, как ни в чем не бывало, но весь день очень старался ничем не раздражать Орка.

ГЛАВА 19

Рассвет принес с собой тьму

Орк открыл глаза, но ничего не увидел. Нос был забит что-то затыкало рот, и это что-то вцепилось в язык.

Джим знал об этом еще за несколько секунд до полного пробуждения Орка. И беззвучно кричал, безъязыкий, но его, конечно, никто не слышал.

Орк попытался отодрать то, что закрывало его лицо На ощупь оно было мохнатым и липким, а щупальца, присосавшиеся к кончику языка, вкусом напоминали чернослив Орк извивался в спальном мешке, который доходил ему до пояса, потом высвободился, встал и начал крутиться на одном месте, не прекращая бороться. Он услышал полузадушенные вопли Иаджима и вскоре наткнулся на него. От толчка он пошатнулся и хлопнулся задом наземь. Не стараясь больше встать, он зарылся пальцами глубоко в плоть под липкой мохнатой шкурой. Оторвать от себя эту тварь не удавалось. Тогда Орк нащупал ее края, а его страх тем временем перешел в полную панику, поскольку нос и рот были совершенно забиты Обнаружив, что края находятся

около ушей, он встал на колени и начал шарить вокруг, пока не нашел спальный мешок. Если он не отдерет эту штуку, то через пару минут умрет Очень скоро, во всяком случае.

Сунув руку в мешок, Орк нашарил ножны с кремневым ножом, которые клал себе под бок на ночь, и подвел нож под край того, что его душило. Он порезался, но сейчас было не до того. Введя нож на всю длину под мясистый нижний слой, Орк повернул его лезвием вверх и резанул изо всех сил. Нож прорезал мягкую плоть насквозь. Орк ухватил липкую массу за края и сильно дернул. Нос, рот и глаза освободились, но от рывка Орку стало больно, точно он содрал с кожи пластырь. Наконец-то он мог опять видеть и дышать.

То, что он держал в руке, походило на кусок толстой ярко-зеленой ткани со щупальцами и многочисленными отростками внизу Глубоко дыша, Орк отшвырнул его прочь и поспешил на помощь Иаджиму Тот, тоже выбравшись из мешка, катался по земле, тщетно пытаясь оторвать от лица зеленого душителя. Орк поддел тварь ножом и выбросил. Она шлепнулась наземь, где были сотни таких же созданий. Ветви деревьев были усеяны ими, и твари медленно сползали вниз Они были пухлыми в отличие от тех, что уже спустились на землю, но, когда падали, сразу начинали уплощаться. Орк решил, что они наполнены газом.

Только теперь он заметил, что с полдюжины их прилипло к его телу, а спальный мешок весь покрыт ими. Но все они вскоре отпали. Очевидно, они присасывались только тогда, когда отыскивали отверстие в живом существе.

Куда ни посмотри — вверху, внизу, вокруг, на деревьях и кустах, в реке — повсюду кишели ярко-зеленые растения. Или это были животные?

Иаджим с текущей по лицу кровью долго отдувался, прежде чем заговорить. Проведя рукой по лицу, он ощутил влагу и уставился на свои пальцы.

— Ты меня порезал! — Он засмеялся. — Да и сам порезался. Иначе невозможно было, да?

— Ты когда-нибудь уже сталкивался с ними?

— Нет, конечно! Лег бы я спать, не прикрыв лицо! Ну, уж теперь.

— А видел такое, что тоже падает с неба — вроде голубых хлопьев?

— Видел, — сказал Иаджим, вставая — Раз десять. И пробовал — ничего, вкусно

Иаджим уже не Иаджим, подумал Джим. Он уже не человек. Раз он ел голубые хлопья, мозг-призрак уже овладел им. Нечто, лишенное индивидуальности, обрело сущность и индивидуальность. Но оно этого не знает. Оно думает, что всегда было Иаджимом. Ведь, будучи вирусом, оно не обладало разумом. И начало мыслить, только овладев разумом Иаджима. У него нет собственной памяти. Поэтому для себя оно всегда будет Иаджимом. И это в каком-то смысле верно.

Мистер Лам как-то сказал, что все люди обладают индивидуальностью, но никто еще не сумел дать определение, что это такое. Джим попытался дать свое собственное определение. В результате он только пришел в смятение и получил фантомную головную боль. И бросил это дело, не собираясь к нему возвращаться.

То, что теперь зовется Иаджимом, — во всех отношениях то же самое, что первоначальный Иаджим. Так, по крайней мере, считал Джим. Но Иаджим, управляемый мозгом-призраком, казался почему-то более опасным. Это потому, говорил себе Джим, что я начитался фантастики и насмотрелся ужастиков. А там пришельцы почти всегда злые — так и норовят пожрать, поработить человека или овладеть его разумом. Но, если разобраться, есть ли что опаснее человека? Некоторых представителей человечества, по крайней мере — таких, как Гитлер, Сталин, Мао, Иди Амин — список получится длинный, как отчет о переписи населения. Эти были так преданы злу, что их вроде бы и к людям причислить нельзя. Но ведь зло заложено в природе человека, как и добро. И все эти бесспорно дурные люди без исключения, сверху донизу, албанский диктатор и чикагский олдермен, коррумпированный сенатор и столичный сутенер, считали себя хорошими.

Двое товарищей свернули лагерь и пошли дальше на восток вдоль реки. Под вечер они снова расположились на ночлег. В обычных условиях они шли бы до сумерек, но им нужно было сделать ночные маски, чтобы защищать нос и рот от зеленых тварей во время сна. В последующие два дня они видели множество животных, загубленных душителями, как назвал их Орк.

Их щупальца торчали над гниющими трупами. Душители, не сумевшие никого убить, бурели и сохли.

После этого случая Иаджим начал подолгу впадать в молчание, перемежавшееся неразборчивым бормотанием. При этом он дико водил глазами по сторонам. Орк терпел это, сколько мог Несколько раз он спрашивал Иаджима, о чем

тот задумался. Иаджим всегда реагировал так, словно его внезапно пробудили от глубокого сна. Он моргал, тряс головой и говорил:

— Что? О чем ты? — А потом отрицал, что с ним происходило что-то необычное.

Джим Гримсон полагал, что во время этих приступов говорит не Иаджим, а мозг-призрак. Может быть, ему вспоминается прежнее существование, до того как он стал вирусом или еще чем-то, что содержалось в голубом веществе. Кто знает, через какие фазы он прошел? Тому, кто впервые видит бабочку, вряд ли придет в голову, что раньше она была гусеницей.

Прошло еще тридцать дней — не без опасных происшествий. Зеленые душители им больше не попадались, хотя путешественники видели сотни и тысячи их в другой долине, когда проходили через горный перевал. Однажды из трещины в скале вырвался какой-то тошнотворный газ, и двое властителей, попав в его облако, несколько часов мучились рвотой и оправились только через два дня. Газ действовал так на всех крупных животных — а мелкие зверьки и птицы просто погибали.

Путешественникам казалось, что они уже недалеко от места, где находятся ворота, если только Лос не солгал. Иаджим еще раз сверился с картой на спине у племянника:

— Знаки почти кончились. Волнистые скобки, наверное, обозначают то большое озеро впереди.

Они стояли на вершине крутого холма. Мили через две от них, у подножия, лежало огромное озеро, которое видел на карте Иаджим. У ближнего берега его ширина составляла почти две мили, и оно все ширилось и ширилось до самого горизонта. Лес подходил почти к самой воде. Еще в двух милях к востоку над озером вставала гряда высоких скал, которая тянулась, насколько видит глаз.

— Или нам придется строить лодку, или лезть на те скалы и идти поверху, — сказал Орк. — Мне кажется, там сплошная отвесная стена. Построим лучше каноэ.

— Согласен. — Иаджим продолжал рассматривать карту. — Видимо, когда мы переплывем озеро, то будем у цели. Последний знак, должно быть, изображает врата. Это круг с крестом внутри, и поверх креста множество тонких горизонтальных линий. Близко это или нет, сказать нельзя. Но... все по порядку. Как говорила Праматерь всех нас, Манату Ворсион: «Кто забегает вперед, видит собственную задницу».

Через двадцать дней они построили лодку-долбленку, поставили мачту и сплели из травы парус. Еще десять дней ушло у них на охоту — надо было закоптить и засолить побольше мяса в плавание, собрать орехов и ягод.

— Заставил нас Лос потрудиться, — сказал Иаджим. — Если удастся его захватить, он у меня за это поплатится. Может, для начала содрать с него кожу живьем?

Орк только улыбнулся. Если кто и сдерет кожу с его отца, это будет он, Орк.

ГЛАВА 20

Они проплыли по озеру около трехсот миль, но не нашли ничего напоминающего символ на спине Орка.

Припадки Иаджима стали чаще и длительней. Выходя из них, он ничего не помнил. Он вообще не знал, что с ним происходит нечто подобное. Все это выдумки Орка, говорил он. Чтобы свести его с ума. Орк спросил, зачем это ему нужно — сводить спутника с ума. Затем, ответил Иаджим, что Орк сам сумасшедший, а такие любят общество себе подобных.

Молодой властитель понял, что спорить бесполезно. Из них двоих как раз Иаджим не в своем уме, и за ним нужен глаз да глаз. Раньше Орк полагал, что родственник воздержится от насильственных действий, пока они не найдут врата. Теперь он не был в этом уверен.

Джим Гримсон тревожился еще сильнее, чем Орк. Иаджим должен умереть — и умереть на Антеме. Если он попадет в другой мир, он — то, что в нем живет, — может расплодиться, и его отпрыски начнут захватывать мир за миром. Каким образом он это сделает, Джим понятия не имел. Неважно каким. Иаджима надо убить здесь, и лучше всего, если его тело и вселившееся в него существо будут уничтожены.

Джим знал это, а Орк нет.

Два дня спустя, около полудня, путешественники поднялись на вершину высокой гряды, стоявшей стеной вдоль правого берега одной из рек. Им пришлось карабкаться на скалу, а потом плестись по верху скальной гряды, пока они не нашли ровную площадку.

— Судя по всему, — сказал Орк Иаджиму, — тот знак находится по ту сторону гряды.

Так и оказалось.

У подножия скал начиналась равнина, тянувшаяся миль на сорок. С юга ее замыкала другая горная гряда. На равнине были леса, реки, ручьи и холмы. Вблизи медленно перемещалось большое черное пятно — стадо травоядных животных.

— Вот оно! — сказал Орк, указывая на круглый объект милях в двух от скал, стоявший у маленькой речки, почти ручья. Строение сверкало на солнце, точно стеклянное. Внешняя стена, образующая круг, была высокой и толстой. Внутри стояло сооружение в форме креста. Его стены были так же толсты, как и внешние. Параллельно поперечине креста шли более тонкие стены. В целом все это было точь-в-точь как символ, изображенный на спине у Орка.

— Великая матерь нас всех! — вскричал Орк, ударив себя по лбу. — Могущественная и премудрая Энион! Какие же мы глупцы! Называем себя властителями, а сами не умнее червей! Как могли мы не связать символ на моей спине с символом на медальоне? Ведь оба они изображают решетку, закрывающую на конце Рог Шамбаримена! Мы не видели того, что было у нас перед глазами!

Иаджим, в тот миг пребывавший в здравом уме, взвыл от радости и схватил Орка за руки. Оба пустились в пляс, смеясь и радостно крича. Несколько раз они чуть не оступились на узкой вершине скалы и наконец угомонились, тяжело дыша. Орк нахмурился:

— Но ведь это здание, искусственное сооружение! Я и не знал, что здесь бывали люди!

— Я тоже не знал, — сказал Иаджим.

— Где же врата? Внутри?

— Должно быть, да. — Радость Иаджима сменилась унынием, и через пару секунд он начал бормотать. Зная по опыту, что его товарищ автоматически последует за ним, Орк стал спускаться с крутого обрыва. Приходилось быть осторожным из-за скользивших из-под ног камней, но он удерживался на ногах. Иаджим, хоть и ушедший в себя, тоже не упал. Какая-то часть его сознания оставалась начеку и руководила простыми действиями.

На полпути вниз Орк удивленно вскрикнул и остановился. Иаджим, по-прежнему бормоча себе под нос, стал в нескольких футах над ним. Поросший травой луг вокруг стада огромных длиннорогих животных вдруг покрылся дырами. Орк был слишком далеко, чтобы различать детали, но похоже было, будто десятки земляных пауков разом открыли свои

ловушки. Там, где только что была трава, зияли круглые черные люки и торчали вверх их крышки, покрытые сверху травой.

Из люков выскакивали длинные, тощие серые существа и неслись к стаду. Стадо бросилось бежать в другую сторону — к лесу, окаймляющему равнину. Но из леса уже мчались другие серые убийцы, и стадо снова повернуло на равнину.

На его пути открывались другие люки. Десятки охотников выскакивали из них и, словно гончие, на которых они походили, неслись наперерез антилопам. Поравнявшись с бегущим сломя голову стадом, они стали выстреливать из ртов длинные серые тонкие нити. Нити высоко взлетали вверх, сверкая на солнце, и падали на добычу, прилипая к ней. Многие антилопы упали, запутавшись в них ногами. Охотники с громким свистом тут же бросились на животных и стали рвать их зубами на части. Остальное стадо прорвалось сквозь загонщиков и ускакало прочь.

— Иаджим! — сказал Орк, снова начиная спускаться. — Эти твари, наверно, живут в том стеклянном здании, а к своим люкам добираются через подземные ходы. Теперь мы знаем, как проникнуть внутрь, если смелости хватит!

Иаджим продолжал бормотать. Спустившись вниз, Орк обследовал один из люков. Здесь, на краю у леса, все крышки уже закрылись. Серые звери, вышедшие из них, собирались вернуться, как видно, через те, что на равнине. Орк поддел круглую, покрытую сверху дерном крышку копьем. Она бесшумно отскочила. Вокруг люка был обод, к которому и крепилась крышка — он был сделан из твердого стеклянистого материала, такого же, возможно, что и круглое здание.

Из него же была изготовлена и крышка. Дерн с травой был приклеен к ее внешней поверхности и пропитан чем-то закрепляющим.

Ручкой служил приклеенный в нужном месте кусок другого вещества, твердого снаружи и не совсем затвердевшего в середине — достаточно гибкого, чтобы крышка поднималась, не отрываясь от обода.

Орк предположил, что все эти стекловидные материалы звери выделяют из своих пастей, как и клейкие нити.

Футах в трех под люком был устроен земляной помост. С него-то, видно, звери и прыгают наружу. За ним шел вниз наклонный туннель, футах в десяти под землей становив-

шийся ровным. Стены туннеля были покрыты тем же серым стеклянистым веществом — и так, должно быть, до самого противоположного конца, поэтому он и не обваливается.

Орк прикрыл дверцу и стал смотреть, как безволосые звери отрывают от туш куски мяса и уносят их в люки на равнине. Эти твари были устроены гораздо сложнее собак, которых напоминали издали. Около рта у них торчали клешни, как у насекомых. Клешни эти двигались самостоятельно, независимо от движений головы — ими можно было резать мясо и зажимать большие куски. Длинные хватательные хвосты тоже служили для переноски. Нагрузившись полностью, с мясом в зубах, клешнях и хвостах, звери прыгали в люки.

У них были круглые, толстые, плоские уши и большие бледно-желтые глаза. Послушав несколько минут, как они свистят, Орк пришел к выводу, что они переговариваются с помощью простого кода. Он насчитал семь комбинаций из длинных и коротких свистков.

— Они не дураки, — тихо сказал он Иаджиму. — Поглядика на их лбы. Там есть где поместиться мозгам.

Иаджим кивнул — он уже оправился от своего припадка.

— Потрясающие твари! — продолжал Орк. — Что-то среднее между собакой, термитом, пауком и обезьяной! Исчезнувшие превзошли сами себя, сотворив их! Говорю тебе, Иаджим, биология — самая увлекательная из всех наук! Все это многообразие форм жизни... И главное, мозг, мозг! Это вершина жизни, ее венец!

Он предложил Иаджиму назвать зверей «каманбуры» — свистуны.

— Все должно иметь название.

Они прошли через лес к реке. Там Орк заметил, что равнина слегка понижается по направлению к жилищу каманбуров.

— Прорыть канаву от реки к ближайшему люку. Затопить его. Тогда вода наполнит туннель и затопит все подземные этажи. Во время переполоха, вызванного этой диверсией, мы проникнем в гнездо.

— Канаву! — завопил Иаджим. — В своем ли ты уме? У нас уйдут месяцы на одно изготовление орудий, которыми можно рыть, не говоря уж о самом рытье! Шутка сказать! А потом, придется ведь работать на виду у каманбуров. Думаешь, они так и позволят нам копать?

— А что у нас еще есть, кроме времени? Или у тебя так много дел?

Иаджим заворчал. Он вспомнил о мягких постелях, мягких коврах, о женщинах, еще того мягче, о восхитительной еде, крепких напитках и зелье, приносящем блаженство, о своих победах над властителями других миров до того дня, как проклятый Лос изгнал его в эту кошмарную вселенную*. Орк не обращал на него внимания и думал о том, что оленьими рогами можно рыхлить землю, а лопаты можно сделать из кусков бычьего рога, насадив их на крепкую рукоятку. Корзины для переноски грунта можно сплести. Орудия будут быстро изнашиваться, но их всегда можно заменить новыми.

Но сначала надо как следует рассмотреть гнездо каманбуров. Иаджим, боясь, что из люков вот-вот вырвется кровожадная орда, неохотно шел за Орком. Но каманбуры не появлялись, хотя вскоре стало ясно, что людей хорошо видно из гнезда. В его стенах были проделаны тысячи дыр около полудюйма в диаметре. Сквозь них, видимо, проходит внутрь свежий воздух и свет, они же служат для наблюдения.

В последующие дни путешественники соорудили на дереве шалаш, чтобы спать в нем — он же служил защитой от возможных древесных хищников. В свободное от изготовления инструментов время они обследовали местность. И, к радости Орка, обнаружили множество люков по ту сторону реки.

— Их туннели идут под водой! Под водой, понимаешь? Значит, нам не придется рыть длиннющую траншею на той стороне! Река сама затопит их!

— Ты хочешь сказать, нам придется спуститься в туннель под рекой? А как ты думаешь пробить перекрытие? Даже если мы и сумеем это сделать, удары молота тут же привлекут каманбуров!

— Ты у меня уже в печенках сидишь, — сказал Орк. — За твою прежнюю веселость я еще прощаю тебе скверные привычки и словесный понос. И даже твои припадки безумия. Но твой пессимизм надоел мне до чертиков.

— Какие такие припадки безумия? — ощетинился Иаджим.

Орк спустился в туннель, оставив крышку приоткрытой. Он надеялся, что это обеспечит кое-какой приток воздуха. Иаджим с ним не пошел.

---

* Прежде Иаджим говорил, что изгнан женщиной по имени Олалон. Ошибка это автора или бред безумного властителя — неясно. (*Примеч. пер.*)

— Вдвоем там будет тесно работать, — сказал он. — И потом, это только разведка. Я тебе ни к чему.

— Прекрасно! — сказал Орк. — Оставайся и работай с кремнем. Нам понадобится около двух сотен костылей.

В ночь перед тем, как Орк полез в туннель, Иаджим упомянул еще, что в тесном замкнутом пространстве его порой охватывает паника. Иаджиму не хотелось бы, чтобы Орк говорил об этом кому-то еще. Но это так.

— Это не значит, что я не пойду с тобой, когда мы попытаемся пробиться к вратам. Я пойду. Как-нибудь да выдержу. Я и раньше выдерживал, если некуда было деваться. И если это не длилось слишком долго.

Так что теперь Орк один полз на четвереньках по туннелю. Он предусмотрительно надел на себя наколенники и рукавицы, взял с собой зажженный факел и несколько запасных. К его поясу был привязан тонкий сыромятный ремень. Его длина соответствовала расстоянию от люка до того места, где туннель глубже всего уходит под воду. Для верности Орк вымерил заранее, где река глубже всего.

Когда ремень натянется, надо будет остановиться. Орк надеялся, что его расчет верен. И надеялся, что сможет выдержать чад от факела, который уже и теперь вызывал кашель и ел глаза.

Через невыносимо долгий промежуток времени ремень натянулся. Орк снял рукавицы, намочил палец и поднял его вверх. Слабый ток воздуха как будто ощущался, если это не было игрой воображения. Как бы там ни было, надо браться за работу. Орк лег на спину. Достав из мешка припасенную деревянную стойку, он пристроил ее рядом, вставил в нее факел — и наметил на крышке туннеля квадрат острым кремневым скребком.

Иаджим был прав. Удары молота привлекли бы сюда каманбуров. Он все-таки воспользуется каменным молотом — но только в последний момент. Орк надеялся, что слабый шум, производимый скребком, не дойдет до того конца туннеля.

Был, конечно, риск, что какой-нибудь одинокий каманбур или целая стая их пойдет как раз по этому туннелю. Ну, делать нечего.

Стеклянистый материал, хоть и твердый, был все же мягче железа. Он поддавался так же легко, как бронза, хотя «легко» было понятием относительным. Крохотные осколки, поблескивая в свете факела, сыпались Орку на грудь. То и дело прерываясь, чтобы утереть пот с лица или попить воды из кожаного меха, он упорно царапал скребком по намеченным

линиям. И лишь спустя время, показавшееся ему очень долгим, прекратил работу. Факел чадил все сильнее, и Орк почувствовал слабость. Смоченный палец не улавливал никакого движения воздуха. Встревоженный Орк вынул факел из стойки и пополз обратно ко входу в туннель.

Они с Иаджимом разработали сигналы на случай опасности. Иаджим должен дернуть за ремень дважды, подождать и дернуть еще два раза, чтобы вызвать Орка из туннеля. Орк должен сделать то же самое, если что-то случится с ним — тогда Иаджим вытянет его наружу. Орк дополз до помоста — люк был закрыт. Конец ремня, который должен был держать Иаджим, лежал на помосте. Наверное, что-то случилось, раз Иаджим закрыл люк.

Орк бросил факел вниз, в туннель, чтобы его свет не был виден из люка, и медленно приподнял крышку примерно на дюйм. Несколько каманбуров кружило у подножия дерева, на котором они с Иаджимом построили шалаш. С нижних ветвей свисали блестящие серые нити — значит, каманбуры вели обстрел. Орк, приподняв крышку еще на дюйм, удостоверился, что до шалаша им не доплюнуть. В окошке виднелось темное лицо Иаджима.

Час спустя звери ушли. Орк вылез из люка, подошел к дереву и тихо спросил:

— Что тут случилось?

— Пришли на разведку, — сказал, слезая, Иаджим. — Наверное, вышли из туннеля выше по реке и сделали крюк через лес. Я вовремя заметил их и бросился к дереву. Извини, что не успел подать тебе сигнал. Успел только захлопнуть люк в надежде, что они этого не увидят. Значит, точно не увидели.

— Ну, может, теперь, удовлетворив свое любопытство, они оставят нас в покое.

Орк снова спустился в туннель и возобновил свою работу. На следующий день он, перед тем как начать, дополз до другого конца хода. Надо было посмотреть, открыт ли выход там. А если закрыт, то можно ли открыть его изнутри. Бледный свет в круглом проеме и громкие свистки наверху сказали ему, что с той стороны крышки на люке нет. Боясь, что жители гнезда его учуят, Орк не стал подходить ближе.

Через шесть дней, когда он скоблил скребком в борозде, на лицо ему упала капля воды. Вскоре капе́ль сделалась постоянной. Орк продолжал работать, и скоро вода уже сочилась по всем четырем сторонам квадрата. Потом брызнула струйкой из угла. Орк выполз наружу.

— Не думаю, что мой квадрат вывалится, если его не выбить, — сказал он Иаджиму. — Каманбуры меня услышат, но если я успею расшатать его так, чтобы хлынула вода, это будет уже неважно.

— До завтра не хочешь подождать? — спросил Иаджим, бледнея под загаром.

— Давай подготовим все теперь же. Это займет не больше нескольких минут. Потом я вернусь. Будь наготове.

Солнце уже прошло три четверти своего пути по небу. На западе собирались большие черные тучи, и оттуда доносились слабые раскаты грома.

Деревья на северном берегу заслоняли обзор наблюдателям из гнезда. Кроме того, Орк с Иаджимом воткнули рядом несколько больших веток, чтобы замаскировать свою деятельность. Орк не боялся, что его увидят. Но в любую минуту могла явиться еще одна стая каманбуров-разведчиков.

Вернувшись к квадрату, Орк вбил в его углы несколько кремневых костылей. Он бил каменным молотом по кожаной прокладке, прижимая ее к тупому концу костыля, не желая производить лишнего шума, пока не начнет выбивать сам квадрат. Костыли входили довольно легко, но в каждый угол надо было вгонять новый — их концы сразу тупились или обламывались.

Под квадратом на полу собралась лужица, и Орк лежал наполовину в воде. Из пробитой им дырки вдруг брызнула сильная струя прямо ему в глаза, и несколько раз пришлось выдувать воду из носа. Но Орк, несмотря на все трудности, закончил с костылями и взял тяжелый каменный молот. Теснота и невозможность размахнуться как следует, лежа на спине, уменьшали силу удара. Кроме того, Орк передвинулся, чтобы квадрат приходился не над самой его головой, и угол размаха изменился. Орк, однако, не унывал, зная, что множество слабых ударов дадут такой же результат, как и несколько сильных.

Между ударами он слышал свистки. Скоро каманбуры доберутся до него.

Внезапно, как он и ожидал — избежать этого было никак нельзя, — блестящий серый квадрат вывалился и упал ему на грудь, что было довольно чувствительно. В отверстие хлынула вода, ударив Орка гораздо сильнее. Орк перевернулся, хотя струя на миг придавила его к полу, и пополз назад так быстро, как только мог. Вода поднималась, и вскоре он уже плыл — его несло под пологим углом вверх, к люку.

В туннеле стало черным-черно, как только вода погасила факел. Свои орудия Орк оставил позади — теперь речь шла о его жизни.

Предполагалось, что Иаджим будет изо всех сил тянуть за ремень. Если он и прикладывал какие-то усилия, этого не было заметно. Орк не чувствовал, что за ремень кто-то тянет.

Впереди показался дневной свет. Люк был открыт. Потом Орк ничего уже не видел — вода прибывала слишком быстро и накрыла его с головой. Несколько мгновений спустя его вынесло под самый люк. Иаджим схватил протянутую руку Орка и выдернул его наружу. Следом из люка вырвалась вода и тут же ушла обратно. Теперь она установится вровень с глубиной реки.

Тучи близились, росли и становились все чернее. Орк надеялся на гром, молнию и дождь — он почему-то полагал, что это облегчит их вторжение в гнездо. И уж точно сделает его драматичнее.

Они упаковали в водонепроницаемые мешки разное оружие, включая луки, стрелы и короткие копья. Иаджим надел на Орка его мешок, Орк сделал то же для Иаджима. Повесив еще кое-какое оружие в ножнах на пояс, они нырнули, Орк первый, в темный туннель. Иаджим был все так же бледен и стучал зубами, но настроен был решительно. Орк, однако, сомневался, хватит ли у родича мужества последовать за ним. Его клаустрофобия может еще больше обостриться, поскольку всю дорогу до гнезда придется плыть. У Орка не было даже уверенности, что они не утонут, не добравшись до цели.

Когда Орку казалось, что он больше уже не может удерживать дыхание, над ним забрезжил свет. Он отчаянно рванулся вверх, и его голова выскочила на поверхность. Через несколько секунд рядом вынырнула темная голова Иаджима. Сделав несколько глубоких вдохов, он выговорил:

— Ничего более ужасного я еще не переживал! Я уж думал...

— Тихо! — шепнул Орк. Гребя по-собачьи и жадно дыша, он осматривался. Под потолком едва хватало места, чтобы высунуть голову. Из отверстия наверху падал бледный свет, освещая наклонный подъем из воды к люку. Вокруг плавало множество мертвых каманбуров, взрослых и щенков. Сверху не доносилось ни звука.

Орк подплыл к пандусу и полез по нему на четвереньках. Выбравшись наверх, он достал из ножен топор. Иаджим, все еще отдуваясь, следовал за ним по пятам. Слабый ветерок

холодил мокрую кожу Орка, принося с собой незнакомый, но малоприятный запах. В комнате не было каманбуров, но живые существа в ней присутствовали. Они сидели в больших клетках, сделанных из высохших серых нитей — эти клетки стояли на полу вдоль стен и висели на стенах. Насекомые в клетках, величиной с кузнечиков, светились — они то вспыхивали, то гасли, но давали ровный свет: когда угасали одни, загорались другие.

— Здорово придумано, — сказал Орк. — Я еще не видел такого симбиоза между насекомыми и млекопитающими.

В клетках попросторнее содержалось еще два вида насекомых. Одни быстро-быстро, словно колибри, трепетали своими алыми в желтую полоску крылышками, создавая тихий гул — должно быть, обеспечивали вентиляцию. Другие походили на пауков величиной с человеческую голову. В чем состояла их функция, Орку было некогда разбираться.

Он развязал непромокаемый чехол и достал короткое копье с кремневым наконечником, колчан со стрелами и лук. Копье лежало в своем отдельном футляре. Перекинув ремень колчана через плечо, Орк натянул лук и положил на него стрелу. Проделав все это очень быстро, он двинулся рысцой вдоль закругленной стены. Миновав несколько коридоров, он остановился у того, что был шире остальных. Этот коридор должен вести к пересечению двух зданий, образовывающих продольную и поперечную перекладины креста внутри круга — Орк вспомнил вид со скальной гряды. По его догадке, как раз там, в центре, Лос и поставил врата. Но неизвестно, на каком они этаже.

— Скорей! — сказал позади Иаджим. — Они нападут на нас, как только оправятся от испуга!

Орк, не отвечая, бежал по коридору со светляками на стенах. Свет не был сильным, хотя шел и снаружи через тысячи дыр в стенах. Коридор внезапно кончился — и Орк оказался в центре креста.

Он остановился. Удача улыбалась ему. Здесь, в середине круглого зала, стояли врата, сделанные из мерцающего металла — он был тверже алмаза и назывался тениуральва.

Вокруг врат был устроен вал из костей каманбуров — предостережение обитателям гнезда, чтобы держались подальше от этой рамы. В свое время Лос поставил эти врата, каким-то образом обеспечив себе защиту от каманбуров. Когда он ушел, хищники обследовали врата. Некоторые из них сунулись с той стороны, где была ловушка, и погибли. Части их тел, оставшиеся в этом мире, в то время как другая

половина была сожжена или отрезана, их собратья сложили вокруг врат. Все скелеты, лежавшие там, состояли из одних только задних половин.

— Если каманбуры сейчас сбегутся сюда, — сказал Иаджим, — у нас будет не очень-то много времени, чтобы сообразить, как пройти!

Врата представляли собой металлическую раму семи футов высотой. К полу она прикреплялась твердым черным веществом — это был тоанский клей, который не берет никакой растворитель и никакой нагрев. Орк положил на пол свой лук и копье, вынув его из чехла. Потом взял кость, обошел врата кругом и швырнул кость в проем. Кость пролетела на ту сторону невредимая и упала на пол. Значит, входом в другой мир служит обратная сторона врат.

Иаджим, развязав свой кожаный мешок, достал два факела и зажигательные материалы: коробочку со стружками, щепками, сухими травинками и прутьями и два необработанных кремня, насаженных на деревянные рукоятки. Собрав сухие припасы в кучку, он начал бить кремнем о кремень.

Орк снова обошел раму, откидывая ногой с дороги кости. И бросил кость с обратной стороны. Как он и ожидал, она исчезла. Следующая кость, которую он сунул в проем на несколько дюймов и тут же отдернул, осталась цела. Секунду спустя Орк повторил попытку. На этот раз кость, которую он сунул в середину врат, разрезало пополам. Отрезанный кусок упал не здесь, а в другом мире.

Иаджим ругался. Высеченные им искры никак не хотели зажигать костер.

— Иной раз столько времени на это уходит! — сказал он. — А времени-то у нас, возможно, и нет!

Орк был слишком занят, чтобы отвечать. Он снова и снова совал в ворота берцовую кость, считая секунды: рлентавон, рленшивон, рленкавон, рленшонвон, рленгушвон (тысяча один, тысяча два, тысяча три, тысяча четыре, тысяча пять). Использовав одну кость, он брал другую.

— Ага! Наконец-то! — воскликнул Иаджим.

Орк обернулся к нему. Иаджим зажигал сосновый факел над занявшейся кучкой топлива. Дым шел к ближайшему выходу — то есть в проем врат.

— Слушай внимательно, Иаджим. Ловушка срабатывает, как резак, через определенный интервал. Мне думается, интервал этот постоянный, а не выборочный. У нас примерно полторы секунды на то, чтобы пройти. Поле отключается как раз на столько. Надо подойти как можно ближе и прыгнуть.

При этом надо поднять руки и прижать локти к телу. Ноги должны быть в одной вертикальной плоскости с телом. То, что выдается чуть вперед или чуть назад, будет отрезано.

— Да, один прыжок, и мы там, — кивнул Иаджим. — Только вот трудно будет прыгнуть, не сгибая колен.

Иаджим понимал не хуже Орка — в конце концов, он был на много тысяч лет старше, — что каждый из них должен будет сначала сделать пробу с помощью кости, а потом начинать отсчет для прыжка. Никакой точности и никакой гарантии такой отсчет не даст. Остается только положиться на удачу.

— Всего один шанс, — сказал Орк. Он вздрогнул и посмотрел куда-то за спину Иаджиму. — И на тренировку у нас времени не будет. Дай-ка мне факел.

Иаджим, зажигавший второй факел, выпрямился и резко обернулся. В смежной комнате собралось около сорока каманбуров. Они продвигались вперед, низко нагнув головы, раскрыв пасти со сверкающими зубами, с которых капала слюна; клешни клацали, хвосты стояли торчком над головой, загибаясь на концах. Желтые глаза неотрывно смотрели на людей.

Орк заглянул одному прямо в пасть. Там внутри были два роговидных отростка. Это из них, стало быть, вылетают клейкие нити. Иаджим подошел к костяному валу вокруг ворот и с криком ткнул факелом в сторону хищников. Они попятились. Потом одна крупная самка издала серию длинных и коротких свистков, и серые звери образовали круг, оценив костяную преграду.

— Они, думаю, понимают, — сказал Орк, — что с той стороны могут проскочить через врата без вреда для себя. И атакуют нас с двух сторон.

Он обежал врата и помахал факелом перед каманбурами. Они отступили, но не так далеко, как в первый раз.

— Пошли прямо сейчас! — заорал Иаджим. — Я первый! Прикрой меня!

Орку невольно подумалось — уж не замышляет ли Иаджим толкнуть его назад во врата, когда он прыгнет вслед за ним. Он и сам подумывал поступить так с Иаджимом, хотя и отбросил эту мысль. Но зачем Иаджиму это делать? Орк ему все еще нужен. Но властители, как и леблябби, не всегда поступают логично.

Орк перебежал на другую сторону врат, не переставая размахивать факелом. Первая шеренга каманбуров брызнула серыми нитями, промахнувшись всего на несколько дюймов. Произведя таким манером пристрелку, бойцы придвинулись

еще на фут к людям. Иаджим поджег нити, опутавшие его ноги. Они тут же сгорели со смешанной вонью чеснока и гнилой картошки.

Предводительница просвистела другой приказ, и каманбуры отступили. Потом дюжина зверей отделилась от стаи и присела. Они так напоминали бегунов перед стартом, что Орк понял их замысел. Сейчас они все вместе рванут вперед, а потом прыгнут и еще в воздухе выплюнут свои нити. Люди не успеют сжечь все путы — каманбуры накинутся на них раньше.

— Пошел! — крикнул Орк.

Иаджим медленно повернулся — его глаза были как стеклянные шарики, вмазанные в цемент. Губы, однако, шевелились — он говорил что-то очень быстро, но неразборчиво.

Орк застонал. Надо же такому случиться, чтобы на Иаджима накатило именно сейчас.

Орк ничего не мог для него сделать — кроме одного. Спасется родич или нет, очень сомнительно, но лучше уж так, чем никак.

Орк выхватил факел у Иаджима и кинул его в изготовившихся зверей. Те с тревожным свистом разбежались, когда факел упал около них. Орк сгреб Иаджима, развернул его и, держа за пояс, толкнул вперед. Иаджим продолжал бубнить свое, когда Орк поднял его и швырнул во врата.

Не было времени тыкать во врата костью и потом считать. Но Орк поднял и бросил Иаджима, держа его так прямо, как только мог.

Из пустого воздуха брызнула кровь. Хотя Иаджима и разрезало пополам, через врата он прошел. Но не настолько быстро, чтобы его кровь не пролилась обратно. Предводительница свистнула. Звери снова построились, и следующий приказ послал их в атаку. Если Орк не поторопится, его собьют с ног или опутают нитями, прежде чем он прыгнет. С той стороны они пройдут через врата беспрепятственно и помешают ему пройти с этой.

Орк швырнул факел поверх врат. Он описал дугу и попал в предводительницу стаи. Она отпрянула, и остальные повалились на нее. От свиста закладывало уши.

Назад Орк не посмотрел. Секундное промедление могло стать роковым. И, может быть, сейчас и есть тот самый момент.

Орк с криком бросился к вратам. Остановился, поднял руки и выпрямил ноги, как сумел. Он надеялся, что каманбуры

не успеют напасть сзади и втолкнуть его во врата. Не мешкая и не проверяя, достаточно ли вертикально он стоит, Орк приподнялся на носки.

Снова испустил крик и прыгнул.

Это было уж слишком для Джима Гримсона.

Он старался освободиться уже некоторое время. Может, Орку повезет, а может, и нет. Рисковать Джим не хотел. Если Орк умрет, он тоже может умереть. Исправно перенося до сих пор все опасности, эту он выдержать не мог.

Джим вырвался и пролетел через лишенное света пространство. Он не испытывал ничего, кроме смутного ощущения скорости, но слышал, как свистят каманбуры.

Потом он оказался в своей комнате. Часы показывали, что он — точнее, его астральное тело или как там это называется — отсутствовал два часа и три минуты.

ГЛАВА 21

Хотя жизнь Джима в качестве Орка была изнурительна и полна опасностей, свет во вселенных Орка был не такой, как в Бельмонт-Сити. Солнца тех миров лили мягкий золотой свет. Свет Земли по-прежнему оставался резким и песчаным.

Не будь Джим таким усталым, он вернулся бы к Орку сразу. Если бы ему не удалось войти, он знал бы, что Орк мертв. И, значит, надо выбрать себе другой персонаж, которым Джим мог бы стать. Если, конечно, он решит продолжать терапию. Раз Орка не станет, что останется для Джима Гримсона?

Это неважно, что и другие пациенты выбрали себе Рыжего Орка. Их Орк — вымышленный. Только он, Джим, был в мозгу настоящего Орка, сына настоящих Лоса и Энитармон.

Он тянул с возвращением в основном из-за страха, что Орка разрезало пополам.

Остановило бы это Орка, будь он на месте Джима Гримсона? Нет!

Настал день рождения Джима. Праздновал он его только со своей группой, да доктор Порсена заглянул на минутку на их невеселое торжество. Мать и миссис Вайзак прислали открытки и позвонили. Мать не смогла уйти с работы, чтобы навестить его. А торт, про который миссис Вайзак сказала, что оставила его в вестибюле, пропал где-то по дороге. Со

мной иначе не бывает, подумал Джим. Он все еще испытывал слишком сильную депрессию и слишком боялся, чтобы вернуться в Орка.

Через два дня после дня рождения его вызвали из столовой во время ленча. Джилмен Шервуд, дежуривший в тот день, сказал:

— Твоя мать пришла.

— Сейчас? — удивился Джим. — Она ж на работе.

Шервуд поднял брови, точно мысль о работающей матери казалась ему очень странной.

Джим вошел в комнату для посетителей с тяжело бьющимся сердцем. Только очень плохие новости могли привести мать сюда в это время. Должно быть, у них кто-то умер. Сестра? Отец? Если это отец, то смерть Эрика подействовала на сына гораздо сильнее, чем Джим мог себе представить. Откуда это горе, это чувство ужасной потери? Впрочем, что бы там ни происходило между ними, Эрик все-таки его отец.

По дороге к матери Джим окончательно уверил себя, что Эрик Гримсон умер. Перепил? Несчастный случай? Самоубийство? Все возможно.

Ева Гримсон встала со стула, увидев в дверях Джима. Она была в платье с пестрым рисунком, слишком просторном для нее и слишком легком для этого времени года. Она еще больше осунулась, и на лице прибавилось морщин. Круги под глазами стали еще темнее. Поношенное коричневое пальто скрывало худобу, но тонкие, как палочки, ноги выдавали, до чего она вся истаяла. Однако при виде сына она улыбнулась.

— Мама! Что случилось? — крикнул Джим, обнимая ее.

Ева заплакала, и Джиму стало еще хуже. Он всего несколько раз видел, как мать плачет.

— С папой все в порядке? — спросил он.

Она высвободилась и села.

— Мне так жаль, Джим. Так жаль. Но твой отец...

Она рыдала. Джим упал на колени рядом с ней и положил руки на ее сгорбленные плечи.

— Ради Бога! Что случилось?

— Твой отец...

— Он умер! — сказал Джим.

Она удивилась и вместо ответа достала из сумочки носовой платок и промокнула глаза. У Джима мелькнула нелепая мысль, что за косметику ей можно не опасаться — она никогда не красится. Ева шмыгнула носом и покачала головой.

— Нет Вот что ты подумал? Может, это по-своему было бы...

— Было бы — что?

Должно быть, она хотела сказать «лучше», но не могла позволить себе иметь такие мысли, а уж тем более высказывать их вслух.

— Нет, ничего. Твой отец... он настаивает, чтобы мы переехали в Даллас. Ну, знаешь — в Техас!

Джим не сразу пришел в себя. Грудь все еще сжимало Потом он выпалил:

— Ну так лучше бы он умер! И ты тоже! Вы... вы.. бросаете меня!

Мать взяла сына за руку, прижала ее к своей мокрой щеке и простонала:

— Я должна ехать с ним! Он мой муж! Я должна быть там же, где и он!

— Ничего ты не должна! — Джим выдернул руку. — Черт бы побрал и тебя и его! Провалитесь вы ко всем чертям!

Только потом, перебирая всю сцену в памяти, он подумал, что никогда еще не разговаривал так с матерью. Как бы он ни сердился на нее, он почти всегда был с ней мягок. Ей и так доставалось от отца.

— Ради святой девы Марии, матери Божьей, не говори так, Джим!

Она снова хотела взять его за руку, но Джим отдернул ее.

— Здесь он не может получить приличной работы. И это убивает его, ты сам знаешь. Он слышал... ему сказал один друг — помнишь Джо Ватку? — что в Далласе работы полно. Город процветает, и...

— А я? — Джим начал шагать взад-вперед, сжимая и разжимая кулаки. — Я уже не в счет? А кто будет оплачивать страховку, мое лечение? Где я буду жить, когда меня выпишут? Я не хочу бросать лечение! Это мой единственный шанс! Не хочу и не брошу!

— Пожалуйста, пойми меня, сынок. Я просто надвое разрываюсь. Но не могу я отпустить его одного, а он говорит, что все равно уедет, даже без меня. Он муж мой. Это мой долг!

— А я твой сын! — крикнул Джим.

Казим Грассер, черный санитар, просунул голову в дверь

— Все в порядке? Какие-то проблемы?

— Это семейные дела, — сказал Джим. — Я ни на кого не собираюсь кидаться Давай катись!

— Ладно, ладно, только тихо, — сказал Грассер и убрал голову

— А почему он сам ко мне не пришел, почему прислал тебя? — орал Джим. — Что, боится встретиться со мной? Или уж до того меня ненавидит, что ему на меня насрать?

— Пожалуйста, Джим, не выражайся так. Нет, нельзя сказать, что он тебя ненавидит Но встречаться с тобой правда боится. Он чувствует себя неудачником...

— Так оно и есть!

— Чувствует, что потерпел крах как муж, отец и кормилец...

— Так оно и есть!

— ...и боится, что ты на него набросишься. Он говорит... он говорит...

— Ну, скажи! Что я сумасшедший!

Ева протянула к нему руку.

— Прошу тебя, Джим. Я не могу больше выносить этого. Не будь это таким непростительным грехом, убила бы себя!

— Делай, как считаешь лучше, — сказал Джим и вышел из комнаты.

— Джим! Не уходи! — закричала мать вслед. Он помедлил, но не обернулся. Придя к себе, он сел и заплакал. Одиночество, точно прилив, несло его за горизонт, вдаль от всех живущих, к острову, который тоже назывался Одиночество.

Горе не помешало Джиму подумать, что это потрясающее название для песни. «Остров, который тоже называется Одиночество».

Странная штука мозг. В самом глубоком горе посылает вот такие сообщения. Всегда работает, работает, работает над самыми разными темами — и никто не знает, с чего он вдруг выдает результаты некоторых своих трудов в самый неподходящий момент.

Хотя в такой ли уж неподходящий? Может, мозг пытается смягчить несчастье, отвлекая себя от себя самого?

Если так, то его уловка сработала только на минуту. Джим погрузился в холодные черные воды и не выныривал довольно долго Товарищи по группе помогали ему, как могли. Доктор Сцевола, замещавший Порсену, который уехал на трехдневную конференцию, пытался вернуть Джиму свет, но у него ничего не вышло.

В тот же самый вечер, сразу после групповой терапии, Джима снова позвали в комнату для визитов.

— Мистер и миссис Вайзак, — сказал ему дежурный. — У них плохие новости, Джим. Сразу видно.

Вайзаки встали, когда он вошел. Миссис Вайзак, разразившись слезами, подбежала к Джиму, обхватила его своими большими сильными руками и прижала лицом к своей большой груди. От нее пахло дешевыми духами.

— Сэм умер! — простонала она.

Внутри у Джима что-то сместилось. Он оцепенел, голос миссис Вайзак ушел куда-то вдаль, и ему показалось, что он тонет в мягкой сахарной вате. Все уплывало, кроме этого удушливого облака. Джим видел все расплывчато, будто через несколько слоев марли.

И плакать он не мог. Все слезы, которые у него были, он уже выплакал сегодня. Источник иссяк, остался лишь камень, из которого он бил, — холодный, твердый и сухой.

Джим сел, и миссис Вайзак рассказала ему про Сэма. Мистер Вайзак сидел безгласный, понурив голову, весь поникший. Рассказ был коротким. Сэм, сбежав из дому, несколько раз голосовал на дороге. В последний раз остановился водитель грузовика с полуприцепом. Никто не знает, почему это случилось, но тягач с прицепом вдруг сложились в гармошку, рухнули с крутого обрыва и несколько раз перевернулись, скатываясь вниз. Водитель серьезно пострадал и сейчас находился в коме. Сэма сразу выбросило из кабины — и швырнуло под прицеп. Похороны через три дня.

— Я не хотела просто звонить тебе, — сказала миссис Вайзак, утирая глаза. — Хотела сама сообщить тебе об этом. Ведь вы с Сэмом были такими друзьями — с тех пор, как ходить научились.

И она разрыдалась. Джим, как мог, старался утешить ее, хотя и не разделял ее душевную боль и ее горе. Его это словно бы не трогало. Казалось, что смерть Сэма произошла много лет назад.

Доктор Порсена, проводя с Джимом первый индивидуальный сеанс после возвращения с конференции, остановился как раз на этой бесчувственности. К концу часа доктор сказал:

— Возможно, это потому, что тебя гнетет двойное горе У тебя очень живое воображение всех видов — визуальное, тактильное, вкусовое и слуховое. Твои путешествия в Многоярусный мир всегда очень реалистичны и ярки. Там ты живешь не менее полной жизнью, чем здесь. Так вот я и говорю...

Доктор умолк, ожидая, чтобы Джим его дополнил. Лучше, когда открытие ты делаешь сам, а не когда его тебе преподносят. Свет должен прийти изнутри.

Джим так и видел, как белые пальцы шарят во мраке его мозга. Какого черта Шаману нужно от него? Может, он думает, что восемнадцатилетний псих мыслит, как доктор Фрейд?

Порсена, однако, наверняка произнес какое-то ключевое слово. Он всегда дает такие подсказки своим пациентам, только нелегко уловить такой намек среди множества фраз. Если пациент откопает ключ и сообразит, как им пользоваться, то может открыть дверь, ведущую к свету.

Тяжелый расплав горя точно разбавлял воспоминания. Но Джим, побывав Орком, значительно улучшил свою память. Он как бы носил в себе отпечаток почти что фотографической памяти молодого властителя. И помнил почти дословно все, что говорил Порсена во время сеанса. Значит, надо включить сканер. Остановить курсор на ключевом слове или фразе и дать подсветку.

— Ага! — сказал Джим. — Двойное!

Доктор улыбнулся.

— Двойное горе, — продолжал Джим. — Вы думаете, что я несу добавочный груз горя. Один груз — как Джим Гримсон и другой — как Орк. Оба мы отвергнуты — мягко говоря — нашими отцами. Оба попали в переплет. Насчет потери лучшего друга — не знаю. Сомневаюсь, что Орка так уж расстроила смерть Иаджима.

Джим скривил рот, точно это могло стимулировать мозг. Психиатр сказал:

— Итак, Иаджим погиб, насколько тебе известно. Это единственная потеря Орка?

— А-а, вот что. Ну а... вдруг и сам Орк тоже?

Порсена не ответил, предоставляя думать своему пациенту.

— То есть я ведь не знаю — вдруг и Орк тоже умер! Ну, если так, то я совсем пропал! Все, каюк! Столько я уже не выдержу!

— Другие потери? — сказал доктор.

— Потери... потери? Ну, если речь об Орке, а он ведь взаправду я, а я — он, я все это объяснил, то это моя мать... то есть Энитармон. Ее нет. Еще я люблю тетю Валу — и ее тоже потерял. Это, конечно, большая утрата. Я знаю, Орк поначалу очень горевал о том, что, может быть, никогда их не увидит. Но потом его горе преобразилось в ненависть к отцу. Он...

После долгой паузы доктор повторил:

— Он..?

— Он-то действовал. А не сидел просто так и не лил слезы.

— Правильно он поступил в данном случае или нет?

— Ну, это... — Джим чуть было не сказал, что это глупый вопрос. Но Шаману такого не скажешь. Он, Шаман, всегда знает, зачем говорит то или это, каким бы нелепым и глупым оно ни казалось. — Правильно, конечно. Только...

— Только что?

— Он поступил правильно в том смысле, что как-то действовал, стараясь решить свои проблемы. Только он чересчур склонен к насилию. Он ведь собирается убить своего отца и всякого другого, кто станет у него на пути. Может, ему следовало найти какой-то другой путь. Не знаю. Может, это единственный выход.

Джим вспыхнул, и это не укрылось от Порсены.

— Тебя что-то смущает, — сказал доктор.

Джим, переборов себя, сказал:

— Ладно. В конце концов, у меня ведь нет таких кровосмесительных мыслей, как у Орка. По отношению к моей матери у меня их точно не было. Орк хочет жениться на своей матери, когда убьет отца — сначала будет мучить, потом убьет. Он и тетку свою хочет. Он вообще тот еще кобель. Я вам говорил уже — он перетрахал двадцать своих сестер, кровных сестер, дочерей своего отца. Все они красотки, хотя и... ну, как это?

— Туземки? Не властительницы? То, что у властителей называется леблябби?

— Да. Извините. Леблябби все равно что ниг... то есть черные. Я не хотел говорить это слово. Я совсем не считаю черных недочеловеками. Но я с детства только это и слышу.

— Я знаю. Ну а что ты думаешь о столь спокойном отношении властителей к инцесту?

— Знаете, док... доктор. Я много прочел о Древнем Египте, когда посмотрел по телику «Цезаря и Клеопатру». Ну, киноверсию пьесы Бернарда Шоу. С Клодом Рейнсом и Вивьен Ли. И я знаю, что в правящем классе Древнего Египта братья и сестры вступали в брак и имели детей. Так же делали и правители инков. Да, кажется, и у Фармера что-то есть насчет браков между братьями и сестрами. Так что, когда я прочел все это и посмотрел кино, мне нетрудно было с этим примириться. И потом, когда я Орк, я допускаю все, что допускает он. Это вопрос культуры. У властителей нет

генетических дефектов, поэтому они не боятся передать плохие гены своим детям. Почему бы тогда матери и не выйти замуж за сына?

По окончании сеанса оцепенение и депрессия Джима уменьшились разве что на малую толику. А, ладно. Какая разница.

ГЛАВА 22

Джим опустился на самое дно своей собственной карманной вселенной — депрессии. Она была создана из меланхолии и презрения к себе — двух элементов, которые не собирались допускать в свой мир солнце. Джим делал все, что от него требовалось — кроме полетов сквозь пентру, — но медленно и вяло. А ночь диктовала свои арифметические задачи. Джим вел счет своим изъянам и неудачам, пока не дошел до тридцати семи. Он хорошо помнил каждый пункт своего списка. Почему бы и нет? Джим вел его с двенадцати лет. Можно было насчитать и больше, но тридцати семи вполне достаточно и для самого большого жалельщика самого себя.

Доктор Порсена не проявил к нему никакого сочувствия.

— Нельзя же все время влачить свои цепи и завывать: «Горе мне!», точно ты призрак в каком-нибудь замке. Одно время ты шел вперед отменными темпами — можно сказать, феноменальными. Теперь ты регрессировал. Ты не только вернулся к самому низкому уровню своей самооценки — ты упал еще ниже. Достиг своего личного надира, так сказать.

У Джима достало духа ответить:

— Это точка, противоположная «Зениту», да? А я никогда особенно не любил смотреть телик.

Психиатр на мгновение опешил, потом улыбнулся и сказал:

— Ну, если в тебе сохранилось достаточно огня для каламбура, хоть и плохого, надежда еще не потеряна.

Джиму так не казалось. Его острота была последней вспышкой угасающего пламени.

— А вдруг Орк умер? — сказал он внезапно. Он сам удивился этому вопросу, но что-то словно толкнуло его изнутри.

На губах Порсены мелькнула тень улыбки. Да он не только Шаман, подумал Джим. Он еще и Сфинкс. Точно так усмехается каменный большой сфинкс в Гизе. Джиму так и

виделись пирамиды и пальмы позади Порсены. За тем изъеденным временем лицом таится мудрость веков — и за лицом доктора тоже.

— Если он умер, — сказал Порсена, — ты подберешь себе кого-то другого.

По крайней мере, Порсена не пытается внушить Джиму, что Орк — всего лишь вымышленный персонаж. Может, доктор и думает так про себя, но играет по правилам Джима. Никогда не обесценивать. Это Золотое Правило, а Порсена — Золотой Правитель.

— Я не хочу быть больше никем, — сказал Джим.

— Тогда выясни, жив Орк или нет.

— Я сделаю это. Сделаю ради вас.

— Нет. Ради себя. Ты сделаешь это, потому что это нужно тебе и только тебе.

Доктор перегнулся через стол, устремив на Джима яркие синие глаза.

— Слушай меня, Джим. Я сознаю, что я для тебя авторитет, чуть ли не заменяющий отца и мать. В каком-то смысле это хорошо, потому что со мной ты ведешь себя по-иному, чем с прочими авторитарными лицами в своей жизни. Ты очень стараешься мне угодить, хотя это не обязательно. Ведь я всего лишь руковожу твоей терапией. Ну, возможно, я слишком сухо выразился. Ты мне нравишься, и я думаю, мы могли бы подружиться, когда твое лечение будет закончено. Положим, я действительно обладаю авторитетом, притом я старше тебя. В данный момент я для тебя — лицо вышестоящее, но пользоваться этим не стану — разве что для твоего же блага.

Но нам придется поработать немного, чтобы изменить твое отношение ко мне. Я не Бог и не твои родители. Все, чего я жду от тебя, — это что ты выслушаешь мой совет, а там суди сам, насколько он ценен. Однако в некоторых случаях я могу и оспорить твое решение. Я старше и опытнее, и я квалифицированный профессионал. Но при этом остаюсь человеком. И могу совершать ошибки.

С другой стороны, вероятность того, что ошибусь я, гораздо меньше, чем вероятность твоей ошибки. Ты все это помни. Мы займемся твоими взглядами, как я уже сказал. Но главное здесь — твоя терапия. И я настаиваю на том, чтобы ты вернулся в Орка или же подобрал себе другой персонаж. Если ты этого не сделаешь, терапия закончится. Ясно я выражаюсь?

Джим кивнул.

— Что сделал бы Орк, будь он на твоем месте?

— Орк? А, понял! Извините, задумался. Будь он на моем месте, он тут же сиганул бы в пентру. Но я-то не Орк — пока еще нет. Орк никогда не впал бы в депрессию. Во всяком случае, так надолго. Я его знаю...

— Поступай так, как поступил бы он, даже если это, казалось бы, против твоего естества — сделай так, как бы тебе ни было трудно. Ты ведь знал, что тебя ждет нелегкая работа.

— Я постараюсь. Очень постараюсь, — сказал Джим.

Он не думал, что ему это удастся в его теперешнем состоянии. Однако существуют способы это состояние изменить. Только Порсена их бы не одобрил. Ведь употребление наркотиков, кроме тех, что тебе прописаны, здесь карается немедленной выпиской. Но отчаянные ситуации требуют отчаянных средств. Перед групповой терапией Джим отвел Джилмена Шервуда в уголок главного холла.

— Я слыхал, ты приторговываешь, Джил.

— Ничего подобного. Я здесь и для того, чтобы отделаться от наркоты, помимо всего прочего.

— Скажем по-другому. У тебя, кажется, есть доступ к лекарствам, которые могут мне помочь. Я хотел бы получить какое-нибудь, желательно стимулирующего свойства.

— Посмотрим, — сказал Шервуд. — Но здесь ходит много сплетен, большей частью ложных.

— Стимул — великое дело.

— Возможно, это как раз то, что доктор прописал. Но даром в этом суровом мире ничего не делается.

— Я знаю цену, — сказал Джим. — И наличные у меня имеются.

Утром он получил по почте десятидолларовую бумажку с запиской от матери. Он испытал искушение вернуть назад и то и другое, но ему очень нужны были деньги, поэтому он сунул десятку в карман, а записку порвал. И теперь вот половину этой десятки потратит на амфетамин, хотя у него каждый цент был рассчитан. Джим презирал самого себя. И в то же время предвкушал, как встряхнется душой и телом.

Джилмен Шервуд положил руку ему на плечо.

— Есть и другие способы расплатиться, кроме денег.

— Об этом забудь! Последний раз тебе говорю — не пойдет!

Джилмен улыбался отрешенной, надменной улыбочкой, этак свысока. Джим не выносил его замашек и пересиливал себя, прибегая к помощи этого подонка.

— Не отвергай ничего, пока не попробуешь, — сказал Джилмен.

— Господи Боже! Ты уже докапывался здесь до каждого парня и до каждой девчонки! Тебе что, нравится, когда тебя пинают? Это часть твоей проблемы?

— Ну, здесь есть и такие, которые не откажут! Нужен ты мне, Гримсон, как чирей на заднице. Отдам тебе твой заказ в следующий раз, как будем одни. Имей наличность при себе. Нет денег, нет товара.

Как поступил бы Рыжий Орк? Наверно, убил бы Шервуда и забрал весь его запас. Не годится.

Родители Шервуда, хотя и были богаты, много денег сыну не давали. Чтобы добыть еще, ему приходилось приторговывать понемножку. Его отец был стальной магнат. Несмотря на упадок промышленности в районе Янгстауна, он имел долю и в других предприятиях — говорили, будто ему принадлежит половина Бельмонт-Сити. Его единственного сына сама судьба, казалось бы, предназначила быть одним из тех высоких, атлетически сложенных, белокурых отпрысков, что проходят по жизни, не ведая забот и повседневных нужд, одолевающих широкие, немытые, бурлящие массы.

На деле получилось по-другому. И у самых богатых есть проблемы, общие с беднейшими из бедных. Джилмен был бисексуалом со склонностью к своему полу. Если бы его ненавидящий гомиков отец знал об этом, он не так бы рвался сделать сына бизнесменом. Джилмен мечтал стать художником. Шервуда-старшего это ужасало. Он настаивал, чтобы Джилмен получил в Гарварде степень магистра экономики и стал его компаньоном. Хочет сын заниматься живописью на досуге — прекрасно, только не надо хвастаться этим перед людьми, считающими, что все художники — извращенцы. Но стать профессионалом — ни в коем случае.

Джилмен, как и многие его товарищи по группе, взбеленился. Он порезал себе запястья и написал кровью свой автопортрет. Тогда же обнаружилось его пристрастие к наркотикам, и он оказался в психиатрическом отделении Веллингтоновского Центра.

Джим посочувствовал бы Джилмену, если бы тот не вел себя, будто наследный принц. И туда же еще, выбрал себе Вольфа для воплощения — Джим считал, что это полная дурь. Да Вольф плюнул бы этому сукину сыну в лицо.

После Джилмена Джим поговорил с Санди Мелтон. Это был первый их настоящий разговор с тех пор, как она вошла в их группу. Она классифицировалась как шизоид, и ей давали карбонат лития. Санди обожала своего отца-белого,

хотя видела его не так часто, как ей бы хотелось. Он работал коммивояжером в большой фармацевтической компании с конторой в Бельмонт-Сити. Зато мать-кореянку Санди терпеть не могла. Девочка с раннего детства страдала от того, что в школе ее дразнили «косоглазой», «китаёзой», «япошкой», «желтозадой» и «дауном». Ее друзья так не делали, зато другие ребята не стеснялись.

А ведь ее блестящие черные волосы, чуть раскосые глаза и высокие скулы составляли красивое целое. И хотя рост Санди насчитывал всего пять футов два дюйма, у нее были сравнительно длинные ноги, изящная фигурка и пышная грудь. Несмотря на все это, Санди считала себя уродиной. Преодолевая свою застенчивость, она стала энергичным, порой даже чересчур суетливым и напористым менеджером и агентом группы «Хот Вотер Эскимос». Но в периоды депрессии впадала в летаргию, делалась безразличной и пренебрегала своими обязанностями.

Санди не любила мать с самого детства — в основном из-за того, что мать, как ей казалось, не любит ее. Куо Мелтон была угрюмой, неразговорчивой женщиной, к тому же плохой хозяйкой — весь день только и знала, что смотреть мыльные оперы да игровые шоу. Хотя Куо прожила в Штатах двадцать лет, по-английски она говорила очень плохо.

Иногда на Санди находило настроение всем прощать, и она объясняла друзьям, что у ее матери были ужасное детство и юность. В течение многих лет она голодала и была бездомной, пока Эйб Мелтон на ней не женился. В то время она была красивой и искала пути, как бы уехать из своей страны. Отец рассказывал Санди, что Куо по-настоящему любила его, а он — ее, все первые годы их брака. Теперь от этой любви, конечно, ничего не осталось.

Санди разработала уникальный метод вхождения в Многоярусный мир. Она снимала с себя всю одежду, повторяя при этом первое четверостишие буддийской Сутры Лотоса. Потом прижимала ладони к большому, в полный рост, зеркалу у себя в комнате. При этом она произносила заклинание Джима — Ата Матума М'Мата. Два заклинания лучше, чем одно. Минут через семь (семь — магическое и мистическое число), если сосредоточиться при этом на точке в пяти дюймах за зеркалом (пять — тоже мистическое число), стекло делалось мягким, как резина.

Почувствовав, что зеркало стало как желе, Санди начинала быстро бормотать слова песни «Через радугу». Что годилось для Дороти из страны Оз, сгодится и для нее. А три заклинания лучше, чем два.

Ее эктоплазма, как выражалась Санди, просачивалась сквозь ее ладони и проникала через все утончающуюся субстанцию во вселенную, которую Санди себе выбрала. Пройдя на ту сторону целиком, Санди (в виде эктоплазмы) оказывалась в мужском теле. Она давно хотела стать мужчиной, потому что мужчиной был ее отец, и в то же время чувствовала, что такое желание аморально.

Вселенная за зеркалом не походила ни на одну, описанную у Фармера. Она была плоской, и можно было свалиться за ее край, если подойти слишком близко. Обитали в ней одни только мужчины, все белые, и лишь одну женщину гигантских размеров держали под стражей в огромном замке. Она была точно царица термитов, ее насильно кормили медом, вот она и сделалась здоровенной и жирной, с вагон величиной. Царица эта была матерью всего людского населения и рожала по пять мальчиков зараз каждые три месяца.

Раз в год устраивался турнир — Санди очень любила романы о средневековье — и победитель становился любовником царицы и зачинал всех младенцев этого года. Уйдя со своего поста, он должен был помогать всем прежним мужьям нянчить детей, убирать замок, мыть посуду и выполнять всю прочую домашнюю работу, что считалось великой честью.

Санди в лице сэра Сандагряна странствовала по тому миру в поисках человека, который знал секрет вечного счастья. Во время своих странствий она вступала в поединки с бесчисленными рыцарями, добрыми и злыми, и вторгалась в замки злых колдунов и баронов-разбойников. Они, как и все мужчины в том мире, носили маску. Сэр Сандагрян не нашел пока Человека в Золотой Маске, который владел тайной.

Приключения в качестве странствующего рыцаря, какими бы кровавыми и опасными они ни были, помогали Санди обороняться от непосильных порой стрессов Земли. Когда она чувствовала, что достаточно отдохнула от земной жизни, она прижимала ладони к зеркалу и повторяла три свои заклинания в обратном порядке. Желеобразное зеркало кристаллизировалось и в момент полного отвердения впускало эктоплазму Санди обратно в женское тело.

Санди уже добилась некоторого успеха на пути к более сильному характеру и устойчивой сексуальной роли. Она понемногу избавлялась от бурной смены настроений и от привычки уходить в себя. Как и у Джима, и почти у всех в

группе, ее личные бесконтрольные галлюцинации медленно уступали место контролируемым галлюцинациям Многоярусного мира.

— Джим, я два раза говорила с отцом, — возбужденно сказала Джиму Санди. — Он всегда поговаривал о разводе с Куо, но это были только слова. Мысль о разводе ему противна. Ну а сейчас он вроде бы дозревает. Он знает, как мне не хочется уходить из больницы и возвращаться домой. Просто ужас. А почему? Потому, что там Куо!

Она никогда не называла Куо матерью.

— Ну а может, ты как-то приспособишься к своей Куо? — спросил Джим.

— Нет. Это возможно, только если она тоже пройдет терапию, как-то изменит себя. Для танго, знаешь ли, нужны двое. А она этого никогда не сделает.

В столовой стоял гам, хотя были там и тихие уголки, где сидели ушедшие в себя. Джим и Санди сели напротив милой, славной и хрупкой девушки по имени Элизабет Лавенца. Ее отчим-извращенец насиловал ее с десятилетнего возраста. Несколько месяцев назад этот монстр, как всегда называла его Элизабет, попытался ее убить за то, что она хотела позвонить в полицию. Она спаслась, засунув телефонную трубку ему в рот и стукнув по голове кочергой. Это были единственные насильственные действия за всю ее жизнь, и она страдала чувством вины за то, что их совершила (у Джима это никак не укладывалось в голове). Потом Элизабет выскочила из дома на улицу. Отчим быстро очухался и погнался за ней. Он душил ее, когда подъехала полицейская машина.

Для входа в иные вселенные Элизабет использовала то, что называла своим энергоблоком: пять томиков Фармера, связанные вместе. Эта батарея открывала ей путь. Так делали еще несколько человек из их группы.

За другим столиком, сбоку от Джима, сидела компания, очень интересовавшая его. Там шептались, сдвинув головы насколько только можно. Свою вселенную они придумали сами с помощью доктора Порсены. Хотя формально она входила в Многоярусный мир, его автор вряд ли сумел бы изобрести нечто подобное. Правил ею властитель по имени Кефалор, представляющий собой мозг размером со всю карманную вселенную — он сам и был вселенной. Населяли ее электрические заряды в форме нейронных импульсов мозга

Кефалора. Группа так и называлась — Нейронные Импульсы. Джим думал, что это было бы потрясное название для рок-группы.

Между членами группы существовало соглашение — когда Кефалор забывает что-нибудь, один из импульсов умирает. И человек, представляющий этот импульс, тоже. Но он или она может вернуться в качестве новой мысли, уже с другой индивидуальностью.

Джим слышал, что гармония в группе несколько нарушилась. Одна девочка заявила, что она и только она представляет собой подсознание Кефалора. А поскольку подсознание управляет сознанием, все прочие нейроимпульсы должны подчиняться ее приказам. Этого следовало ожидать. Она и в Веллингтон попала потому, что все время стремилась всеми командовать.

После ленча Джилмен Шервуд и Джим отошли в уголок. Поблизости никого не было. Джилмен раскрыл ладонь — в ней было пять «черных красоток», капсул с допингом.

— Вообще-то цена два доллара за штуку. Но в первый раз скидка. Всего доллар за каждую.

Джим протянул ему десятку и одновременно взял капсулы. Джилмен открыл бумажник, набитый бумажными деньгами, и отсчитал Джиму сдачу.

— Добро пожаловать обратно в реальный мир, — сказал он.

— Это так, временно, — пробормотал Джим. — Только через бугор перевалить. А там...

— Конечно, — улыбнулся Шервуд. — Но если временное перейдет в постоянное, я твой.

Джим, ненавидя и Шервуда и себя, повернулся и ушел. Вечером он долго сидел, глядя на «черных красоток» — теперь они не казались ему такими уж красивыми. Как поступил бы Орк? Джим не знал, честно не знал. Орк иногда вспоминал о наслаждении, которое получал от разных наркотиков. Но у Джима создалось впечатление, что у тех снадобий не было отрицательных побочных эффектов и к ним нельзя было привыкнуть.

Во всяком случае, Орк не нуждался в наркотиках, чтобы придать себе мужества.

А тут еще доктор Порсена. Его бы, безусловно, очень разочаровало, если бы его пациент взялся за старое. Но ведь у меня-то еще привычки нет, подумал Джим. Я не наркоман, так назвал бы меня отец. Просто пользуюсь этим делом время от времени. Хотя, если уж честно, в этом году он принимал

допинги с глушителями и курил марихуану чаще, чем в прошлом. Но отсюда все равно далеко до прыжка в цирковой фургончик под названием «привычка».

Или не так уж далеко?

Через полчаса Джим вздохнул, встал со стула и спустил капсулы в туалет, хотя и не без сожалений.

Еще через десять минут он пролетел сквозь круг в центре пентры.

ГЛАВА 23

Орк корчился в муках на сверкающем твердом полу. Здесь больше никого не было, так зачем разыгрывать из себя стоика. Он вопил в голос.

Джим страдал не меньше Орка, хоть это было нечестно — у него ведь тела не имелось. Надо бы сразу вернуться на Землю и подождать, пока у Орка не утихнет боль. К несчастью, Джиму никак не удавалось сосредоточиться на технике возврата. А к тому времени когда он сконцентрируется, уже и ощущения будут не такие мучительные.

Орк, полуослепший от жгучей боли в пятках и ягодицах, все же видел, что находится в огромном туннеле. Стены блестели в свете, испускаемом шестиугольными насекомообразными созданиями, висевшими повсюду. Кроме них, свет давали круглые кнопки на потолке, стенах и полу. Вперемешку с ними росли густые подушки чего-то зеленого, напоминающего лишайник.

Посреди туннеля шла глубокая канава, по которой бежала чистая вода. Орк неуклюже подошел к ручью, влез в него и погрузился по шею. Вода обжигала холодом, но и успокаивала, унимая жар в крови и немного смягчая боль.

Из воды Орк видел кровавые отпечатки, которые оставил на кристаллическом полу. Когда он прыгнул через врата, луч отсек ему самые краешки пяток и ягодиц. Со временем это заживет, но будет ли у него время?

Пока что это зависело от того, сколько он еще потеряет крови. А если выживет, то сколько сможет продержаться в поисках пищи и врат. Если врата, конечно, где-то близко. Орк сомневался в этом.

Лос сказал, что врата с Антемы ведут обратно в родной мир Орка. Ложь. Нет такого места на его планете.

Орк вылез из воды на пол туннеля, всего в нескольких дюймах над ручьем. Мучения возобновятся, когда он согреется,

но он не мог больше выносить холод. Жаль, что у него нет никакой тряпицы перевязать раны.

Он видел верхнюю половину тела Иаджима, лежавшую лицом вниз. Проскочив через врата, Орк упал прямо на нее, на скользкие внутренности и кровь.

На Орке была кожаная набедренная повязка и пояс, где висел в ножнах кремневый нож. Все прочее оружие и мешок с провизией остались позади. Ступая только на носки, морщась при каждом шаге, Орк подошел к половинке тела и снял с нее половинку повязки и пояс с ножом. С половинкой ножа, поскольку луч рассек лезвие — но все равно пригодится.

Своим ножом Орк отодрал от стены кусок зелени. Под зеленой подушкой из камня торчали тонкие трубочки. Орк предположил, что это система питания растений. И, заметив желтую жидкость, сочившуюся из трубок, счел свою догадку верной.

Он отжал из растения влагу — на ощупь оно было как пышный мокрый мох. Орк решил, что назовет его «омутид» — мох по-тоански, и приложил его к своим ранам. Прикосновение заставило его поморщиться, но растение тут же прилипло к коже, словно приклеенное. Кровотечение прекратилось. Тогда Орк оторвал от стенки еще кусочек омутида и съел его. Мох был богат влагой, легко прожевывался, а на вкус был как карамель с сырой цветной капустой. Возможно, он был ядовит, но Орка это не волновало — сейчас, во всяком случае. Если от первого куска его не затошнит, потом он съест еще.

Останки Иаджима могли послужить источником белков — хотя бы на какое-то время. Если бы Орк не знал Иаджима так близко, то, возможно, и съел бы его. Но теперь он, несмотря на предчувствие, что еще пожалеет об этом, столкнул ополовиненное тело в ручей, и вода унесла его прочь.

Орк решил оставаться на месте, пока его раны не заживут настолько, чтобы он снова мог ходить. На это требовалось, по его расчетам, дня три. Все это время он будет есть, спать, пить воду и надеяться, что его не застанет здесь какой-нибудь хищник. Время он мог отсчитывать только по периодам своего сна и бодрствования. За тот срок, который, по его оценке, и составил три дня, Орк обследовал, передвигаясь в основном на цыпочках, по четверти мили в обе стороны. Все везде было точно таким же, как около врат. Осмотрел он и врата. Металлическая рама выглядела так же, как и по ту сторону. Орк сплел веревку из омутида и бросил один конец во врата. Кусок, прошедший сквозь них, отрезало

Из-за ран Орку приходилось спать ничком на твердом кристаллическом полу. От неудобства такого положения он то и дело переворачивался во сне и просыпался от боли. Хорошо было лишь то, что температура воздуха оставалась ровной. Сам же воздух не застаивался, Орк чувствовал медленное его движение вдоль туннеля.

Каждый «день», проснувшись, Орк снимал подушки омутида с ран и заменял их свежими. Они отрывались с трудом, точно и вправду приклеенные. Раны заживали, но кожа вокруг них покрылась многочисленными красными пятнышками. Выглядели они так, будто омутид присасывается к коже крохотными щупальцами, а на изнанке зеленых нашлепок явственно просматривался красноватый слой. После трех дней Орк пришел к выводу, что омутид высасывает из него кровь, хотя и в малых количествах. Он чувствовал, что силы его поубавились с тех пор, как он вступил в этот мир. Возможно было, конечно, и то, что в его диете недоставало витаминов и минералов.

Однако теперь Орк уже мог ходить почти без боли и сидеть несколько минут подряд — потом все-таки приходилось вставать. И после очередного сна он двинулся вверх по ручью так же инстинктивно, как лосось, идущий на нерест Туннель шел все прямо и прямо миль двадцать — Орк преодолел это расстояние, сделав перерыв на сон только раз. Освещение оставалось ровным, как и все это время. Глубокую тишину нарушала только пульсация крови в ушах. Чтобы избавиться от этого звука, Орк говорил сам с собой или пел песни.

Компанию ему составляли чувство одиночества и мысль, что он может остаться здесь до самой смерти. Он вполне бы обошелся без такой компании.

Наконец он пришел к развилке туннеля. В этом месте под стеной бурлил кипящий пруд. По одной стороне каждого из коридоров тянулась мелкая канава с водой, впадавшая в пруд, но, судя по бурлению и пузырям, заводь питал еще и родник.

Орк пошел по правому коридору, который становился все шире и вскоре стал таким же, как главный туннель. Орк шагал, напевая песню, которой научила его в детстве мать. Внезапно он остановился и уставился на левую стену. Что-то промелькнуло по ней и привлекло его внимание.

Что бы это ни было, оно пропало, но теперь Орк, продолжая идти, не отрывал глаз от стены. И вскоре снова остановился. Не может быть, чтобы его мозг играл с ним

такие шутки, разве что он свихнулся от одиночества. По стене довольно быстро двигалась вереница больших черных знаков. Они шли откуда-то сзади и уходили вперед, насколько видел глаз.

Потом знаки исчезли на несколько минут. А может быть, на час. Орк потерял всякое чувство времени. Он осознавал, что время как-то идет, только когда считал секунды и минуты.

После перерыва строка побежала снова — знаки повторялись в различных комбинациях, порой скрываясь из глаз под омутидом и светильниками. Когда мимо пронеслось несколько сот символов, строка погасла. Орк пошел дальше. Вскоре по стене побежали новые серии знаков. На этот раз Орк считал. Передача продолжалась тридцать одну секунду.

Если это сообщение, то передается оно медленно. Но сам Орк прибавил шагу. Ни один естественный процесс не может произвести таких четких и разнообразных фигур, расположенных явно в искусственном порядке.

Через несколько минут промелькнула еще одна строка таких же знаков, построенных в той же последовательности. И стена погасла окончательно.

Орк торопливо шел вперед. Туннель постепенно загибался вправо, пока не оказался под прямым углом к первоначальному направлению. Когда Орк очень уставал, он останавливался и ел. Его уже тошнило от вкуса карамели с цветной капустой.

Джим Гримсон так же объелся омутидом, как и Орк. Ведь когда Орк ел, ел и Джим. Все проблемы Орка были проблемами Джима. Но у Джима имелись еще и свои. Мозг-призрак, его таинственный сосед, вроде бы рос. Теперь, когда Орк просто сидел и жевал, он не испытывал никаких сильных эмоций, хотя его сознание и работало. Поэтому Джим получил возможность сосредоточиться на собственных мыслях и совершить то, что задумал. Но все-таки он оставался наполовину Орком — и когда молодой властитель придет в возбуждение или раздражение, он снова почти полностью поглотит Джима.

Джим «придвинулся» поближе к мозгу-призраку. Тот «отступил». Никакого передвижения в физическом смысле не произошло — бестелесные, лишенные органов чувств существа не могли ни двигаться, ни видеть, ни слышать, ни осязать. Джим, однако, «знал», что сам он продвинулся, а мозг-призрак отступил.

Джим продолжал двигаться к нему, а призрачная сущность продолжала пятиться. Может быть, мозг-призрак боится Джима? Может, Джим для него опасен? Если так, нужно будет изыскать способ атаки. Легко сказать...

Орк поспал, поел почти без аппетита и пошел дальше. Внезапно туннель влился в громадную мерцающую пещеру. Здесь было гораздо больше светящихся растений на квадратный фут, и они были крупнее, чем в туннелях. И — какое счастье — здесь был звук! Среди растений обитало множество мелких птиц или животных — и все они щебетали, вопили, трубили и каркали.

Такие создания мог бы изобразить Тенниэль, иллюстратор «Алисы в стране чудес», если бы находился под влиянием ЛСД. Могло их также создать божество, которое поклонялось Эвклиду. Вокруг кишели многоугольники, кубы на ножках и призмы на колесиках, покрытые узорами из треугольников, кругов, квадратов и крестиков.

Растения выглядели так, словно частично состояли из кристаллов. На некоторых росли ягоды или многогранные плоды. Зеленый омутид был повсюду — на полу, стенах и потолке. Потолок находился почти в ста футах над головой, а сама пещера уходила далеко за пределы зрения.

Стоя на карнизе футах в двадцати над полом пещеры, Орк видел внизу несколько больших ручьев. Они текли не прямо, как в туннелях, а извивались, как естественные потоки.

Орк пришел в восторг от звуков, издаваемых живыми существами. А вскоре его потрясло до глубины души появление человека. Человек был наг и медленно шел через лес к Орку, очевидно, еще не сознавая, что кто-то вторгся в его экзотический Эдемский сад.

Орк едва удержался, чтобы не броситься прямо к незнакомцу. Но вместо того он присел за валуном и стал наблюдать, как тот идет между растениями. В этой фигуре было что-то странное — как-то не совсем по-человечески она была устроена. Человек шествовал неторопливо и чинно, словно этот мир принадлежал ему — так, по всей вероятности, и было. Он подошел поближе, и теперь Орк мог получше рассмотреть его лицо и тело.

Он шел так медленно и важно потому, что иначе ходить не мог. Все его суставы — плечевые, тазобедренные, локтевые, коленные и кистевые — были выпуклыми и поблескивали. А голова, шея и туловище были крупнее, чем у нормально сложенного человека.

Орк потряс головой, чтобы избавиться от мгновенной иллюзии. Воображение Орка снабдило человека тем, чего у него на самом деле не было. Там, где Орку померещились мужские половые органы, было гладкое место, усыпанное сверкающими кристаллами. Он был не он, а оно — андроид.

Оружия, однако, при нем не было. Орк встал и окликнул его, сложив руки у рта. Андроид остановился — казалось, испуга он при этом не испытал. Его рот приоткрылся — это могло изображать улыбку; зубы сверкали, как бриллиантовые.

Орк спустился вниз и пошел к незнакомцу, который так же неспешно двинулся ему навстречу. В десяти футах друг от друга они остановились, и Орк произнес по-тоански:

— Коовар!

— Коовар-су шеманитоон — привет и мир тебе! — ответило существо.

Зубы у него в самом деле были алмазные, изготовленные, как видно, на биофабрике и обработанные под человеческие резцы, клыки и коренные зубы.

— Несс Орк, — сказал молодой человек. — Я Орк.

— Несс Дингстет.

Этого имени Орк никогда раньше не слышал. Речь существа была немного затруднена — из-за алмазных зубов, определенно.

На быстрый град вопросов Орка Дингстет отвечал медленно. Постепенно Орк узнал, что мир этот создал властитель по имени Зазель. Зазель из Мира Пещер. Он же создал и Дингстета, который теперь был единственным разумным существом во всей вселенной. Мир представлял собой скалу, пронизанную туннелями и пещерами — некоторые площадью до тысячи квадратных миль. При этом он был, в каком-то смысле, живым, хотя разумом, кажется, не обладал — а если и обладал, то не давал знать об этом Дингстету.

— Это огромный минерально-протеиновый компьютер, в котором существуют самые разные формы жизни. Половина здешней флоры и фауны — это симбионты мира Зазеля. Я тебе после объясню. Компьютер обнаружил твое присутствие и предупредил меня. Я теперь, собственно говоря, властитель этого мира, хотя и не создавал его. Возможно, ты видел сообщение, бегущее по стене? Этот компьютер работает очень медленно.

— Видел. А что же случилось с Зазелем?

— Он убил себя, лишившись разума — или, скорее, став еще безумнее, чем был. Я думаю, он давно уже сошел с ума. Кто еще мог создать такой мир, как не сумасшедший? Но умер он легкой смертью. Он позволил компьютеру высосать свою кровь — всю до капли. Потом я, как он мне приказывал, кремировал его.

Дингстет оглядел Орка с ног до головы и сказал:

— Повернись, пожалуйста.

— Это еще зачем?

— Потом скажу. Пожалуйста, сделай, как я прошу.

Нахмурившись, Орк повернулся к нему спиной. Он никогда не подчинялся никому, кроме своих родителей — и даже им в последние годы неохотно. Он властитель, и приказывают властители — не созданные ими существа.

Кивнуть Дингстет не мог, поскольку этому препятствовало вздутое кольцо на месте шеи, но сказал:

— Хорошо! Пока никаких следов кристаллизации нет.

На обеспокоенный вопрос Орка он ответил:

— Если ты достаточно активен, твой обмен веществ может отсрочить кристаллизацию твоего тела. Но тебе нужно спать, и как раз во время сна твои клетки медленно превращаются в камень.

— Что же это за мир такой? — сказал Орк и решил про себя, что уберется отсюда как можно скорее. — И почему же не кристаллизировался ты?

— Зазель вложил в меня сопротивляемость, создал биологическую защиту.

— Есть ли врата, через которые можно выйти из Мира Пещер?

— Возможно, и есть. Я могу выяснить это для тебя. Я имею доступ ко всему огромному массиву данных, которые скопил в этом мире Зазель.

Орк не привык просить, но ситуация требовала, чтобы он смирился. Он не собирался рисковать своим выживанием только лишь ради гордости. Придется склониться, не ломаясь, впрочем, при этом.

— Ты сделаешь это для меня?

— Отчего же нет? Сделаю, если только не обнаружу причину этого не делать, или если такая причина не найдется в компьютере.

— Спасибо тебе. Но ответь мне сначала на один вопрос. Как сумел Лос проникнуть в этот мир и поставить врата, через которые я сюда вошел?

— Лос?

Орк рассказал свою историю.

— Вот в чем фатальный изъян тоанской цивилизации, — сказал Дингстет: — В том, что дети властителей желают безраздельно править в своих родных мирах. Желание это было понятно и осуществимо в старину, когда у властителей имелись средства для создания новых миров. Тогда дети, становясь взрослыми, могли перейти из родительских вселенных в собственные. Теперь же они вынуждены оставаться в пределах уже созданных миров. Если бы они знали, что средства для создания новых миров все еще существуют, не стали бы они предаваться своим кровавым ссорам. Ты сам знаешь, что войны за обладание мирами значительно сократили число властителей, они же причина твоего нынешнего бедственного состояния. Будь у тоан логика, они могли бы преодолеть этот дефект своей цивилизации.

— Погоди! — заволновался Орк. — Ты сказал, что средства для создания новых миров еще существуют? Но где?

— Здесь. Я не имею в виду сами машины творения. Но в этом мире хранятся данные, позволяющие построить новые машины. Есть не только инструкции, как ими пользоваться, но и указания по изготовлению необходимых материалов, по конструированию аппаратов и по обеспечению их энергией. Ну и так далее.

— И ты имеешь ко всему этому доступ?

— Разумеется.

Орк потряс головой и закатил глаза.

— Подумать только! Считалось, что эти знания утеряны много тысяч лет назад, а они здесь! В этом затерянном, нежеланном мире!

— Здесь не так уж и плохо, — сказал Дингстет.

— Извини, если я задел твои чувства. Я пробыл здесь недолго и не могу судить о мире на основе столь краткого опыта. Но ты и сам понимаешь, что этот мир не для меня. И потом, мне не терпится вернуться в свой мир по причинам, которые я тебе объяснил.

— Понятие мести мне чуждо, — сказал Дингстет. — В меня не заложена способность к мщению. Я думаю, это к лучшему. Кстати, видеоматериалы о твоем отце, устанавливающем врата, имеются в памяти мира. Хочешь посмотреть?

— Интересно, как это он сумел войти в этот мир и выйти из него.

— Это я его впустил. Я любопытен по натуре, и мне захотелось поговорить с ним и узнать, что он за человек. Он был первый за многие века, кто захотел войти сюда. Зазель

не играл в ваши тоанские игры. Он не ставил во вратах ловушек, но отпереть их можно лишь с этой стороны. Я позволил Лосу войти, но он меня разочаровал. Он сказал, что спешит, и обещал вернуться после. Он так и не вернулся, а было это пятьсот лет назад. Стало быть, ему нельзя доверять. Его имя, когда ты его назвал, ни о чем мне не сказало. Но во время разговора я вспомнил о нем...

— Ведь ты не говорил ему об информации, касающейся машин творения, нет? — спросил Орк.

— Нет. Мы не коснулись этой темы во время наших кратких бесед. Я сказал бы, но...

— Дингстет, слушай меня! Выслушай мой совет и предостережение! Никогда и никому не говори больше об этих машинах! Если ты это сделаешь, тебя могут убить, когда ты поделишься своими знаниями. Есть много тоан, которые хотели бы завладеть этой тайной и сохранить ее для себя! Они будут пытать тебя, а потом убьют.

— А ты? — сказал Дингстет.

— Я буду очень благодарен, если ты покажешь мне эту информацию, а потом откроешь врата и дашь мне пройти в мир Лоса.

— Ты не ответил на мой вопрос. Боюсь, это значит, что ты скрываешь от меня какие-то свои намерения и замыслы. Я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы понимать. Но если ты таков, как большинство властителей, за славным исключением Манату Ворсион, ты тоже, наверное, захочешь убить меня, когда узнаешь все, что можно, о машинах творения.

Орк принужденно рассмеялся и сказал:

— Поистине Зазель создал тебя прямым и чрезвычайно откровенным!

— Если бы я рассказал тебе, как пользоваться этим миром, вернее — как сотрудничать с ним, тебе пришлось бы отдать немного крови за нужную тебе информацию. Надо приложиться лицом к монитору ввода и позволить ему сосать твою кровь, пока он не выдаст тебе требуемого. Но компьютер не отпустит тебя, если ты не знаешь кода, а его-то я тебе и не скажу. Тебя высосало бы насухо.

— Ты просто скажи мне, как выйти. Это все, чего я хочу.

Орк думал — его мысли были открыты для Джима, — что когда-нибудь вернется сюда на небольшом танке и получит эту информацию. Дингстет единственный, кто может его впустить, но Орк его уж как-нибудь уговорит. А не то вернется через врата каманбуров.

— Почему ты впустил моего отца? — спросил Орк. — И почему позволил ему поставить врата, которые убивают тех, кто пытается сквозь них пройти?

— А мне что за дело до этого? Ты пока что первый властитель, который через них прошел. Твоему родственнику Иаджиму пройти не удалось, и следующему, кто попытается, вряд ли удастся. Интересно будет понаблюдать за твоими последователями, если такие найдутся.

Орку не хотелось долго обсуждать эту тему. Дингстету, чего доброго, еще вздумается убрать врата, если он сочтет, что ему оттуда грозит опасность. Правда, вряд ли он сумеет это сделать. Да и Лос, должно быть, закодировал врата так, что любой, кто попытается их снять, будет убит.

Дингстет, казалось, тоже глубоко задумался. Внезапно он сказал:

— Я тоже пойду с тобой!

Удивленный Орк после долгого молчания спросил:

— Зачем?

— Об этом мире я все уже знаю. Он мне наскучил. Зазель не позаботился сделать меня скукоустойчивым. Что же до одиночества, то оно мне неизвестно. Зазель создал меня так, что это чувство, испытываемое каждым человеком, мне чуждо. О том, что оно существует, сообщил мне мой мир, но само чувство мне незнакомо. А вот любопытство у меня сильно развито. Мне нужны другие миры, чтобы насытить его. Поэтому я пойду с тобой. Ты мог бы стать моим проводником и наставником, пока я не научусь действовать самостоятельно. В обмен на твою услугу я пропущу тебя во врата и сообщу много ценной информации.

До чего же он наивен, подумал Орк. Какими бы знаниями ни обладал Дингстет, во многих отношениях он полный профан. Он не знает, что в мире Орка станет для Орка обузой. Не может Орк допустить, чтобы он расхаживал повсюду — еще возьмет и расскажет туземцам, что сын Лоса вернулся и жаждет мести. Кроме того, Орку выгодно, чтобы Дингстет остался в Мире Пещер. Он должен открыть Орку врата, когда тот вернется за машиной творения. Которую можно превратить в машину уничтожения, вспомнилось Орку — так утверждают историки.

Орк решил не перечить Дингстету до самого последнего момента. Может, еще удастся убедить андроида остаться здесь и заодно взять с него обещание впустить Орка, когда тот придет в следующий раз.

— Подожди здесь, — сказал Дингстет.

Через десять минут он вернулся. Орк хотел было проследить за ним, но решил этого не делать. Насколько он успел понять, здешние стены в союзе с Дингстетом — их мониторы засекут, что Орк за ним следует, и доложат ему.

— Я отдал немного крови, и мир согласился открыть для нас врата, — сказал андроид. На верхней губе у него была маленькая ранка. — Пойдем.

Орк последовал за Дингстетом в другой конец пещеры, а потом в туннель. Минут через тридцать Дингстет остановился. Орк посмотрел вокруг. Это место ничем не отличалось от других. Но Дингстет положил руку на стену, свободную в этом месте от вездесущего омутида, и через несколько секунд сказал:

— Врата открылись.

Орк по-прежнему не видел перед собой ничего, кроме мерцающих кристаллов, и уже собирался об этом сказать, когда Дингстет погрузил в камень руку по самое свое кольцеобразное запястье.

— Видишь?

— Проходи же, — сказал Орк не столько из вежливости, сколько из осторожности. Он все еще не доверял Дингстету — тот мог заманить его в смертельную ловушку.

— Хорошо, — голос Дингстета напрягся, и лицо приобрело непонятное выражение.

Он шагнул вперед, но остановился, уткнувшись носом в стену. И долго стоял так, к недоумению Орка. Потом отступил, поразмыслил и снова шагнул вперед — чтобы снова остановиться в полудюйме от стены. И наконец простонал:

— Не могу!

— Почему? — Орк укрепился в своем недоверии. Возможно, ловушка находится по ту сторону врат.

— Я боюсь, — сказал Дингстет, — боюсь в первый раз в жизни. До сих пор я не ведал, что такое тревога и страх, хотя и знал эти слова из компьютера. Зазель, должно быть, заложил в меня эти эмоции потому, что существо, лишенное страха и осторожности, обречено на гибель. Как только мы направились к вратам, я начал испытывать нечто очень странное. Сердце забилось, желудок съежился и стал сворачиваться в комок, и я начал дрожать. Чем ближе мы подходили, тем сильнее становились эти симптомы. А сейчас...

Он застучал зубами. Орк с тех пор никогда не мог забыть звук, с которым алмаз стучит об алмаз. Наконец Дингстет немного овладел собой и перестал трястись.

— Я не могу! — ноющим голосом сказал он. — Мне кажется, я буду уничтожен, как только пройду на ту сторону! Мне кажется... кажется, будто там меня ждет бездонная пустота! Ступив во врата, я упаду в безмерное пространство и буду падать и падать без конца! А потом достигну дна и разобьюсь на тысячу кусков! Ну не странно ли! Я ведь не знаю даже, что такое большое пространство. Я прожил в этом замкнутом и упорядоченном мире всю мою жизнь и не имею понятия, на что похоже по-настоящему большое пространство!

— У тебя острый приступ агорафобии и акрофобии, — сказал Орк. Он не был уверен, что Дингстет не ломает комедию, чтобы заставить его пройти первым.

— Да, я знаю эти слова, но не знал до сих пор, что они означают на деле! Что это такое — страх перед неизвестным! Не могу я покинуть этот мир! Не могу, вот и все!

Орк и не собирался его уговаривать. Напротив, следовало воспользоваться моментом, пока у Дингстета мозги идут кругом, точно на центрифуге.

— Слушай, Дингстет! Покинуть этот мир тебя побуждают любопытство и желание узнать новое. Это положительные черты. А твой избыточный страх перед неизвестным — черта отрицательная. Страх этот вызван твоей больной психикой, и я понимаю, что сам ты его преодолеть не в состоянии. Так вот — когда я вернусь, а я обещаю, что вернусь, то принесу с собой лекарство, способное победить твой страх. Ступай тогда на все четыре стороны и делай, что хочешь.

— Это было бы очень любезно с твоей стороны. Только... я не уверен, что есть лекарство, способное победить такой страх.

— Оно есть, уверяю тебя.

— И я не уверен, что захочу принять такое лекарство. Вдруг оно толкнет меня сделать то, что меня убьет!

— Я его принесу, а ты хочешь принимай, хочешь нет — воля твоя.

Орка не волновало, примет Дингстет наркотик или нет. Все, что ему было нужно, — это чтобы Дингстет впустил его во врата. А сейчас придется рискнуть. Взять бы Дингстета и швырнуть во врата для верности — но этого делать нельзя. Если Дингстет умрет, некому будет впустить Орка обратно. Если же во вратах нет ловушки, Дингстет придет в ужас, будет смертельно обижен — и никогда больше не впустит Орка.

— Я принесу тебе лекарство, — сказал Орк.

— Я открою тебе, чтобы испробовать. Думаю, что открою. Всего тебе хорошего, Орк, сын Лоса и Энитармон!

— И тебе тоже, — сказал Орк и прошел сквозь кристаллическую стену.

ГЛАВА 24

Но оказался он не в мире Лоса. Отец сказал неправду о том, что врата с Антемы выведут Орка в родную вселенную. Лгал Лос или сам заблуждался?

Из Мира Пещер Орк вышел в мир, который местные жители называли Лактер. Вскоре Орк понял, что тоанам он известен под именем Ядавин Тар — Мир Ядавина. Когда-то это был Мир Туллоха — Туллох Тар. Но Ядавин разгадал ловушки в его вратах, и Туллоху пришлось спасаться бегством.

На Лактере казалось, что звезды порхают в ночном небе, как светляки. Орк употребил слово «казалось», потому что в карманных вселенных существовало множество иллюзий. Врата вывели его в пещеру у подножия горы на большом тропическом острове. Орк вышел через джунгли на берег моря. Понаблюдав несколько дней за туземцами, он открылся им. Это был мирный и дружественный народ, хотя некоторые их обычаи представлялись Орку странными и чересчур жестокими.

Язык поашенков не имел ничего общего с тоанским. Орк освоил его довольно быстро, хотя некоторые звуки были ему незнакомы. Он жил в хижине из стеблей растения вроде бамбука, оплетенных травой, с миловидной женщиной, охотился, ловил рыбу, досыта ел, много спал и залечивал свои раны. Душевные раны заживали не так легко, как телесные. Несмотря на кажущееся терпение, Орк горел желанием разыскать следующие врата. Хорошо овладев языком, он стал расспрашивать всех, кто хоть что-то знал, о мире за пределами острова. Сведения были скудны и больше походили на легенду.

Тем временем его темнокожие друзья предложили ему наркотик под названием афлатук, сделанный из сока трех растений. Орк пил его, а также курил измельченную кору дерева сомакатин. Оба снадобья вызывали у него приятное, мечтательное состояние, когда движения и мысли делаются медленными. Вкус плода или жареного мяса держался во рту часами. Оргазмы охватывали вечность от края до края. У веч-

ности, как известно, нет ни начала, ни конца — для тех, кто не пьет афлатук и не курит сомакатин. Те же, кто делает это, видит начало и конец того, у чего нет ни начала, ни конца.

Следовало бы попробовать эти наркотики раз или два, а потом бросить. Но их употребление не оставляло последствий, и Орку сказали, что к ним не привыкают.

Только через некоторое время он заметил, что взрослые члены племени не отличаются хорошей памятью. А у его жены произошел выкидыш, что, как выяснилось, было здесь довольно частым явлением. Тогда эти факты не слишком обеспокоили Орка. Но когда он несколько раз промахнулся на охоте — а ведь он всегда был превосходным лучником, — его охватила тревога. Потом он начал забывать всякие важные вещи, и это встревожило его еще больше. Но все это со временем прошло.

В определенные дни года поашенки отправлялись в другие деревни большого племени сквамапенк — объединения мелких племен — на ритуальные празднества или просто поразвлечься. Орк заметил, что все пять мелких племен, собирающихся там, одинаково привержены к афлатуку и сомакатину.

Лишь после пятого праздника он ощутил смутное беспокойство. Открытие пришло к нему не сразу, а придя, поразило его, хоть и не сильно. Они наркоманы. Все, кто употребляет эти наркотики, уже не могут без них обойтись, включая и его самого!

В ту ночь, несмотря на мучительное искушение выпить афлатук и покурить кору, Орк устоял. Ни с кем не попрощавшись, он вышел в море на своем челноке. Он взял с собой воду и пищу, но наркотики не захватил.

На следующий день он пожалел, что не взял афлатук и сомакатин. Как он мог быть так глуп? К ночи он уже корчился в судорогах, и ветер уносил его крики, которые слышал только он да морские птицы. Его отнесло далеко от острова, и он не имел понятия, где искать другую землю. Волей-неволей приходилось подвергаться мукам резкого отвыкания.

Джим Гримсон тоже страдал и мучился, он тоже, фигурально выражаясь, кусал свои запястья и впивался пальцами в плоть. Он, как и Орк, вопил, он видел демонов, встающих из моря, и огромные, грозные призрачные фигуры, глядящие из туч, он чувствовал, что его мускулы вгрызаются в кости, выплевывая их прочь, а кости в это время пытаются прорваться сквозь плоть и кожу.

В промежутках между этими пытками Орк, а с ним и Джим, впадали в бездну депрессии. Орк видел самого себя — призрак сидел на носу лодки и скалился. Как ни странно, это видение открыло ему, что он получает извращенное удовольствие от своих страданий.

Орк чуть было не прыгнул в море, чтобы покончить со всем этим.

И вдруг его муки прекратились. Тело очистилось от наркотиков. Он ослабел, исхудал и испытывал жажду, потому что долго не пил и не ел, но выиграл свою битву. Нет, не битву, а войну. Он поклялся, что никогда больше не притронется к наркотикам.

К несчастью, во время бреда он выбросил за борт все запасы еды и питья, и теперь приходилось вести новую войну — против жажды и голода. Орк проиграл бы ее, если бы его не подобрал корабль. Но оказалось, что это судно работорговцев. Орка заковали и бросили в трюм к сотням других несчастных.

Работорговцы были очень высоки ростом и проживали в восточной части большого материка, о котором говорили Орку поашенки. Кожа у них была светлее, чем у островитян, а оружие сделано из стали. Судно было оснащено парусами, но на случай штиля имелись также и весла.

Эти пираты совершили два набега на какой-то большой остров и, набив свой корабль до отказа рабами, пошли на север — плавание продолжалось три недели. Орк пережил ужасы трюма, но не был уверен, что переживет само рабство. Его продали на плантацию, где выращивалось что-то похожее на коноплю, и отправили работать в поле. Работа от зари до темна под убийственным солнцем, дурная пища, беспрестанные унижения, недремлющие бичи надсмотрщиков — все это подвергало тяжким испытаниям его терпение и выносливость.

Орк знал, как карается недостаточно наглядное и полное послушание. Знал, что бывает за возражение надсмотрщику и даже за случайный угрюмый взгляд — знал и все же с большим трудом переламывал себя. Он внимательно наблюдал за всем, что его окружало, и искал пути к побегу.

Джим Гримсон не только разделял страдания Орка — у него были еще и свои. Он никак не мог оторваться от Орка, каким бы испытаниям и опасностям тот ни подвергался. Еще когда Орк переживал ломку, Джим решил, что с него хватит, и прочел возвратное заклинание. Но оно не подействовало. Придя в ужас, Джим повторял волшебные слова снова и снова — но освободиться не мог. Его поглотили без остатка

муки рвущегося на части тела и лихорадочные кошмарные видения. Он стал слишком Орком, чтобы быть Джимом Гримсоном.

Когда ломка завершилась, Джим подумал, что теперь-то можно вернуться на Землю, но решил задержаться еще немного. Он выдержал корабль работорговцев, поскольку сам Орк не находил это испытание совсем уж невыносимым. По той же причине Джим остался с Орком, когда тот стал работать на плантации.

В один прекрасный день Джим решил: хватит, сколько можно. Пора уходить. Вернусь потом, когда ситуация изменится к лучшему.

И снова Джим пришел в ужас, потому что не мог вырваться. Только на этот раз его не пускал мозг-призрак. Он придвинулся к Джиму и «схватил» его своими призрачными клешнями. Джим почему-то знал, что это именно клешни, вроде крабьих — мозг-призрак отрастил их и теперь использовал против него.

Больше мозг-призрак ничего не делал. Казалось, он пока довольствуется тем, что держит Джима. Сам Джим довольства далеко не испытывал. Он вырывался. Он читал заклинания. Он беззвучно взывал к Богу, в которого не верил. Все напрасно.

Вскоре после этого Орк взбунтовался. Он не намеревался этого делать — просто он перешел, или его вынудили перейти, предел своего терпения. Его надсмотрщик, Нагер, питал неприязнь ко всем рабам своей партии, но особенно невзлюбил Орка. Он издевался над белой кожей Орка, плевал в него, хлестал его чаще, чем других рабов, и за меньшие провинности, и всегда взваливал на него двойной урок.

В середине дня, когда Нагер велел водоносу не давать Орку воды, потому что тот пить не хочет, Орк выхватил все ведро и поднес его ко рту. В следующий миг Нагер сбил его с ног, ударив ногой в живот. А после взялся за бич. Молодой властитель вынес шесть ударов, прежде чем глаза ему застлало красным. Он ринулся вперед в алом облаке, которое окутало все вокруг, и лягнул Нагера в пах.

Прежде чем подоспели другие надсмотрщики и стражники, Орк свернул Нагеру шею.

Орк отчаянно боролся — он убил стражника и изувечил одного надсмотрщика, но его все же одолели и свалили наземь. Главный надсмотрщик, бледный под темной кожей, чуть ли не с пеной у рта, приказал обезглавить Орка немедля.

Рабы, согнанные смотреть казнь, образовали круг, в центре которого был Орк и те, кто его держали. Рабы стояли молча, но на их лицах читалась ненависть. Любой из них поступил бы так же, как Орк — вот только смелости недоставало.

Орка поставили на колени, скрутив руки за спиной, и пригнули вперед. Главный надсмотрщик приближался к нему, обнажив свой длинный меч.

— Держите крепко! — говорил он. — Один удар — и я отнесу его голову хозяину!

Ужас Джима не поддавался описанию. Если Орк умрет, умрет и он. Джим был убежден в этом. Он выкрикнул освобождающее заклинание и сделал самое большое умственное усилие в своей жизни, хотя в последнее время только этим и занимался.

У него возникло ощущение, что он летит сквозь бесцветную пустоту. Не черную — бесцветную. Холод обжигал его. А потом он оказался в своей комнате.

В ней горел свет. Джим стоял на ногах, нагнувшись вперед, и держал за горло Билла Крэнама, больничного охранника. Билл перегнулся назад, стоя на коленях, глаза у него выкатились из орбит, лицо посинело, а руками он стиснул запястья Джима.

Кто-то орал в голос, требуя, чтобы Джим отпустил Крэнама.

ГЛАВА 25

Два удара дубинкой по локтям парализовали руки Джима, и они сами собой отпустили горло Крэнама. Теперь самого Джима захватили сзади за шею полусогнутой рукой, оттащили его, полузадушенного, от Крэнама и швырнули на пол. Над ним стоял второй охранник, Дик Мак-Донрах, с поднятой дубинкой.

— Лежи тихо, черт бы тебя взял, лежи тихо! — хрипло говорил он.

Несмотря на предупреждение, Джим сел. Он был голый. Перед последними двумя вхождениями он снимал с себя одежду, считая, возможно неверно, что она препятствует переходу.

— Что случилось? — просипел Джим, глядя снизу на Мак-Донраха и ощупывая шею.

— Мы проводим внеплановый шмон, ищем наркотики, — сказал охранник. — Ты сидел на стуле и вроде бы ничего не слышал. Мы обыскали твою комнату — и вот что нашли!

Дик полез в карман и достал пластиковый пакет с черными капсулами

— Допинг! — торжествующе сказал он

Джим чувствовал себя отуманенным и отупевшим

— Это не мои! — сказал он — Клянусь, не мои!

Уголком глаза он видел лица в дверях. Он повернул голову — там толпились больные в пижамах и халатах. У Санди Мелтон был очень опечаленный вид, Джилмен Шервуд ухмылялся.

Билл Крэнам, осторожно ощупывая шею, нетвердо встал и подошел к Мак-Донраху

— Господи Христе, Гримсон! — проскрипел он. — Что это на тебя нашло? Я еле-еле тебя растолкал, а потом ты взял и кинулся на меня! За что? Уж мы, кажется, всегда были добрые приятели.

— Извини, Билл, — сказал Джим — Я был еще там в другом мире. Здесь присутствовал только частично И не сознавал даже, что делаю.

— Боже праведный! — сказал Мак-Донрах — Да у меня вся рубашка в крови!

Джим видел кровь, но в голове у него это не отложилось Он пребывал в полном оцепенении — он мог бы поклясться, что спустил черных красоток, которых дал ему Шервуд, в унитаз.

— Это ты испачкался, когда схватил Джима сзади, — сказал Билл и зашел Джиму за спину — Иисус-Мария-Иосиф! У тебя из спины кровь хлещет, как из зарезанной свиньи! Откуда взялись такие глубокие раны? Мы не притрагивались к твоей спине, могу поклясться на целой куче Библий!

Теперь Джим почувствовал боль от рубцов и мокрое соленое жжение текущей крови

— Это. — начал он и умолк Как объяснишь такое? Да пока что ему и не надо этого делать Главное сейчас — это разобраться, как попали наркотики к нему в комнату Сукин сын Шервуд определенно приложил к этому руку! Но зачем ему кого-то подставлять? И как он это сделал, если это он?

Мак-Донрах, толстопузый здоровяк средних лет, повел Джима в ванную и поставил его спиной к зеркалу Джим, вывернув шею насколько возможно, осмотрел свою спину На ней было самое малое шесть длинных и глубоких рубцов Их нанес Орку бич надсмотрщика, но они отпечатались и на спине у Джима Кровь только-только начала запекаться

— Я тебя помою, — сказал Мак-Донрах — Только не делай резких движений Не доверяю я тебе

— Я ж не сумасшедший, — сказал Джим. — Просто я был погружен, весь ушел туда. Я даже не знал, что делаю. И эти капсулы, Мак, не мои. Кто-то хочет меня подставить.

— Все так говорят.

Мак стер полотенцем кровь, потом обмыл рубцы водой и просушил бумажными салфетками. Потом еще протер раны спиртом. Джим стиснул зубы, но не издал ни звука.

— Тебе надо будет сходить в травматологию, там обработают как следует, — сказал Мак-Донрах с ухмылкой, точно ему доставляло удовольствие делать Джиму больно. — Но, думаю, теперь инфекция тебе не грозит. Надевай халат и шлепанцы.

— Ладно. Но я эти капсулы не покупал и не приносил их сюда. Честное слово.

— Ишь, невинная овечка! В твоем возрасте невинных уже не бывает.

— Философ хренов! — прорычал Джим.

Красный туман, окутавший Орка, теперь окружал его. Еще недавно Джиму казалось, что он сумеет сохранить хладнокровие и действовать мудро и осторожно. Но последняя реплика Мак-Донраха послужила запалом для ярости, которую Орк-Джим всегда носил в себе, точно очаг воспаления. А если прибавить к этому несправедливое обвинение в употреблении наркотиков... Джим просто вскипел.

Он сам не знал, что сделал с Мак-Донрахом. Возможно, это вообще был не он, а Орк. Как бы там ни было, он воспользовался боевыми навыками Орка. Мак-Донрах лежал лицом вверх на зеленом в белую клетку кафельном полу, теперь покрытом красными пятнами. Он был без сознания, и из уха у него текла кровь.

Джим завопил благим матом и бросился вон из ванной. Крэнам огрел его дубинкой по голове — и наступила тьма.

Когда Джим пришел в себя, он лежал навзничь на столе в травматологии, на первом этаже больницы. Спина болела, но голова болела еще сильнее. Доктор Порсена, в клетчатой шерстяной рубашке и джинсах, разговаривал с дежурным интерном. На пороге стояли двое полицейских в форме. Через несколько минут к ним присоединилась сотрудница в штатском. Она поговорила с полисменами и стала вполголоса совещаться с доктором Порсеной.

Джим перевернулся на бок, чтобы быть лицом к ним. Когда доктор и сотрудница полиции закончили разговор, во время которого оба усиленно махали руками и качали головами, Порсена подошел к Джиму.

— Ну, как ты?

— Эксцельсиор! — сказал Джим. — И я не имею в виду набивку для диванов.

Порсена слегка улыбнулся:

— Все выше и выше! Мне нет нужды говорить, что ты заварил нешуточную кашу. Но думаю, мы разберемся, и не только ради того, чтобы облегчить тебе жизнь. Повернись-ка. Я хочу посмотреть на твою спину.

Джим подчинился. Порсена присвистнул.

— Откуда это? Не мог же ты сам это сделать!

— Как посмотреть. Это рубцы Орка. Он получил их от погонщика рабов, за то, что вел себя дерзко.

— У тебя уже бывали стигматы, Джим.

Джим, жалея, что не видит лица Порсены, сказал:

— Да, но тогда были только кровотечения, доктор. Ран не было. Мышцы оставались целыми — кровь проступала откуда-то из-под кожи. А это настоящие рубцы, глубокие. И болят. Никакие они не психогенные, как вы, эскулапы, выражаетесь. Вы ведь не хотите обесценить мои приключения?

— Поговорим об этом позже. Надо еще разобраться в деле с наркотиками. Как я понял, ты утверждаешь, что их тебе подбросили. На ночь тебя оставят здесь для наблюдения — возможно, у тебя контузия. А я пока попробую выяснить, что произошло. Спокойной ночи, Джим.

На следующий день Джим вернулся к себе. Его рубцы прикрыли марлей, приклеив ее по краям, и они болели гораздо меньше, чем он ожидал. Кажется, он, тьфу-тьфу, обрел способность Орка быстро заживлять раны. Маловероятно, конечно, но всякое бывает.

Джим провел собственное расследование, хотя ему теперь разрешали выходить из комнаты только в столовую и на групповую терапию. Торазин*, прописанный доктором Порсеной, делал Джима чересчур послушным и путал все в голове. Несмотря на это, Джим без труда вычислил, что произошло здесь, пока он пребывал в мирах властителей (или в трансе, как полагали все остальные).

Поставщиком Шервуда был санитар Нейт Роджерс. Все пациенты об этом знали, но их «кодекс чести» запрещал информировать докторов на этот счет. Джим только раз видел, как Роджерс передавал Шервуду наркотики, но и этого хватит Наверное, прошлой ночью неожиданный обыск

---

* Препарат из группы нейролептиков. (*Примеч. ред.*)

застал Роджерса врасплох — и он в панике спрятал свой товар у Джима в комнате. Обитателя комнаты можно было не опасаться — Джим в буквальном смысле ушел в мир иной. А возможно, это сделал и Шервуд, чтобы навредить Джиму.

Чего там долго раздумывать. Перейдем к делу, возьмем быка за рога. Так поступил бы Орк — значит, и Джим Гримсон так поступит.

Время ленча еще не наступило. Джим шел по коридору, здороваясь с немногими встречными пациентами. Ни медбратья, ни санитары, которые могли бы прогнать его обратно к себе в комнату, ему не попадались. Нейт Роджерс, мужик лет под сорок, высокий и мускулистый, но при этом полный урод, стоял, прислонившись к двери бельевой. В руке он вертел сигарету, точно раздумывая, выкурить ее здесь или в предназначенном для этого месте. Увидев Джима, он улыбнулся.

— Как делишки у мальчишки?

— Хреново, сволочь ты поганая!

С этими словами Джим сгреб Роджерса в охапку, развернул его и втолкнул в дверь. Тот споткнулся и чуть не упал. Джим включил свет. Санитар, налетев на дальнюю стенку, обернулся, красный и обозленный.

— Какого черта, ты, засранец?

Джим объяснил ему, какого — Роджерс должен был бы и сам догадаться.

— Скажи Порсене, что ты сделал, или я буду бить тебя, пока не скажешь.

— Чего? Спятил ты, что ли? Да что я спрашиваю — вы ж все тут чокнутые.

— Вот-вот. Отвернешься, а мы тебе раз — и горло перережем. Мы... или я один. Так идешь ты со мной к Порсене или нет?

— Блин, да что ты знаешь, чего у тебя на меня есть? Ничего! Отвали, сопляк, а то по стенке размажу!

— Твои избитые фразы уморят меня раньше.

— Чего? Чего?

— Слушай. Хочешь верь, хочешь нет, но я знаю, как убить тебя за две секунды вот этими голыми руками.

— Врешь! — ухмыльнулся Роджерс. — Хоть ты и знал бы, все равно бы не стал! Хочешь в тюрягу сесть до конца жизни?

— Я видел, как ты давал Шервуду наркотики. И другие ребята видели. Если они поймут, что меня подставили, они

забудут о своем дурацком заговоре молчания. И все расскажут.

— Ага, разбежались! Думаешь, в их интересах, чтобы поставки прекратились?

— Нелегальные наркотики у Шервуда мало кто покупает. Они останутся в меньшинстве. Ну так как? Даю тебе пять секунд. Раз, два, три, четыре, пять!

Роджерс, махая кулаками, кинулся на Джима и в следующий миг растянулся на спине с остекленевшими глазами и открытым ртом. Джим подождал, пока Роджерс не пришел в себя.

— Это я просто двинул тебя в челюсть. И здорово ушиб себе руку. В другой раз я пну тебя в живот или воткну три пальца тебе под сердце и буду давить его, пока не остановится. Мне неохота это делать, Роджерс. А вообще-то нет — это даже приятно.

Джим лгал. Ему только сейчас пришло в голову, что лучше было бы придумать какую-нибудь хитрость, чтобы заставить Роджерса сознаться, а не прибегать к насилию. Может, Орк выбрал бы такой путь? Может, он, Джим, все-таки поступает неправильно и себе же делает хуже?

Ну, теперь уж поздно. Курс взят, и обратного пути нет.

— А, вон ты как? — сказал Роджерс. — Да я просто буду лежать и не встану, пока ты не уйдешь. Или кричать начну. Тебе кажется, что ты здорово влип — вот погоди, увидишь, в каком дерьме окажешься вскорости!

Дверь распахнулась, чуть не задев Джима. Он отскочил в сторону и увидел Шервуда — тот вошел и захлопнул дверь за собой. Высокий блондин моргал глазами в удивлении и тревоге. Джим обошел его сзади и стал вплотную к двери.

— За товаром пришел, Шервуд? А я тут за тебя уже договорился!

У Роджерса в карманах определенно есть что-нибудь для Шервуда. Не раздумывая, Джим толкнул юного торговца вперед, выскочил в коридор, захлопнул дверь и навалился на нее всем телом. Мимо шла Санди Мелтон, и он велел ей сбегать за охраной.

— Скажи, что я поймал Шервуда и Роджерса на сделке с наркотиками!

— Как, ты их выдаешь? — смутилась Санди. — Но ведь...

— Тут уж либо мне задницу поджарят, либо им. Чеши давай!

Она вернулась через минуту вместе с охранниками Элиссой Радовским и Айком Вамасом. Джим с трудом удерживал дверь, которую Шервуд пытался выломать.

— Скорее! Роджерс и Шервуд рассчитываются там внутри! Я их поймал! Быстрее, пока Роджерс не запрятал товар!

Джим отпер дверь и распахнул ее, отступив в сторону. Шервуд вывалился наружу на четвереньках. Охранники ворвались в комнату. У Роджерса в руке был пустой пластиковый пакет — он определенно только что проглотил его содержимое. Такое можно было сотворить только в полнейшей панике, и Роджерсу это все равно не помогло. Охранники извлекли еще шесть мешочков из внутреннего кармана его белой куртки. А потом забрали его в травматологию промывать желудок, чтобы транквилизаторы, которых он наглотался, не убили его.

Шервуд совершил большую ошибку, когда охранники уводили Роджерса. Он привстал с пола и ухватил Джима за мошонку. Не успев сжать кулак, он получил такой удар ребром ладони по лбу, что шея у него выгнулась назад и он завопил. Через несколько минут Шервуд в смирительной рубашке отправился вслед за Роджерсом.

Джим прислонился к стене, тряся головой и отдуваясь. Красное облако снова застлало его разум, и он двинул бы Шервуда ногой по ребрам, если бы Санди Мелтон не вцепилась в него, умоляя его успокоиться, Бога ради.

Явились доктора Порсена, Тархуна и Сцевола, проталкиваясь сквозь столпившихся вокруг больных и санитаров. Немалое время ушло у них на то, чтобы утихомирить и отправить восвояси всех, кроме Санди и Джима, а потом выслушать рассказ этих двоих. Закончив допрос, Порсена распорядился, чтобы Джима заперли в комнате.

— В основном для того, чтобы ты еще куда-нибудь не ввязался и остыл, — сказал он. — Я зайду к тебе, когда расхлебаю эту кашу. Не хочу, чтобы ты заварил еще и другую.

Психиатр, всегда невозмутимый, был сердит — это видно было по его лицу и голосу. Джим безропотно отправился к себе. То, что он довел даже доктора Порсену, глубоко огорчило его. Но в тот день Порсена, вопреки ожиданиям Джима, не вызвал его к себе в кабинет. Только опять прописал Джиму торазин, убедившись, что тот принял предыдущую дозу.

Транквилизатор не успокоил Джима. Джим приходил в бешенство, мучился раскаянием и снова бесился. Вместо того чтобы лечь спать после отбоя, он метался по комнате, холодея от горя и кипя от ярости.

ГЛАВА 26

Джим пришел к Порсене на индивидуальный сеанс. На стене в кабинете появилась новая бумага в рамке, исписанная большими затейливыми буквами. Со своего места Джим не мог ее прочитать, но полагал, что это последняя почетная грамота. У доктора по стенам больше дипломов и грамот, чем у голливудского магната в свите подлипал.

А в углу на верхней полке стоял новый бюст. Под ним, как и прежде, располагались белые, со слепыми глазами и пышными бородами изображения античных философов и две статуэтки: сидящий Будда и св. Франциск Ассизский. Джим, заинтересовавшись новым приобретением, встал и подошел посмотреть, пока Порсена дописывал что-то.

Бюст — вылитый Юлий Цезарь, если бы не усы — изображал доктора Порсену. Внизу была надпись: «Неизвестному психиатру».

Джим, хотя и был совсем не в смешливом настроении, не выдержал. Ну и юморист этот доктор, хотя юмор у него довольно сдержанный и спокойный.

В начале сеанса Порсена кратко изложил, как обстоит дело с «кашей», в которой все еще пребывал Джим. Говорил он очень быстро, но четко и без пауз — точно на аукционе. Он всегда говорил так, когда хотел покончить с чем-то второстепенным, прежде чем перейти к главному — к терапии.

Роджерсу позволили уйти с работы, не обвиняя его в торговле наркотиками. В обмен на это он обязался рассказать все начистоту и не подавать в суд на Джима за нападение и нанесение телесных повреждений, как угрожал раньше. Джилмен Шервуд тоже отказался от своего обвинения по той же статье плюс покушение на убийство. Доктор дал ему понять, что если он не откажется, то и его обвинят в торговле наркотиками. Более того — выгонят из группы.

Шервуд вернулся в свою комнату, но состоял под строгим надзором. Ходил он, держась очень прямо, шею поворачивал с трудом и держался подальше от Джима.

Крэнам и Мак-Донрах тоже не стали подавать жалобу на Джима. Доктор Порсена сам обвинил их в том, что они вели себя с Джимом неправильно. Их оставили в больничной охране, но в психиатрию больше направлять не будут.

— Я крепко верю в то, что человеку нужно давать шанс, — сказал доктор. — Тебе он тоже дается в настоящем случае. За тобой будет такой же надзор, как и за другими. Итак — я уже говорил, что у тебя необычайно живое воображение. Оно позволило тебе быстрее продвинуться в терапии, чем многим пациентам из твоей группы. Но я не хочу, чтобы ты задирал нос по этому поводу. Тебе просто повезло родиться с таким даром.

Доктор сделал паузу. Его синие глаза наводили на мысли о викингах, про которых рассказывал Джиму дед. Вот такие глаза могли быть у Лейфа Счастливого, глядящего на хмурое, полное опасностей море, которому нет конца. Где-то там, за горизонтом, лежит неведомая земля. Не слишком ли далека она? Не лучше ли вернуться в Гренландию?

Доктор вышел из задумчивости — он принял решение.

— Настало время, — сказал он, — избавляться от нежелательных черт Рыжего Орка.

Джим не ответил. Он так застыл на стуле, точно Порсена поместил его в криогенный цилиндр — только глаза моргали.

— Что скажешь? — спросил доктор.

Джим поерзал на сиденье, глядя в потолок, и облизнул губы.

— Мне... мне, надо признаться, страшно. Как будто меня... постигла большая утрата. Я не знаю...

— Знаешь, — сказал Порсена.

— Это правда необходимо? Не форсируете ли вы события? Я только-только вошел в Орка. Господи, сколько же это дней прошло с тех пор? Не так уж и много!

— Для терапии неважно, сколько дней прошло. У нас не исправительное заведение. Учитывается только твой прогресс. И не надо стыдиться, если тебе страшно. Все пациенты на этой стадии впадают в панику. У меня возникли бы сильные подозрения, если бы ты воспринял это как должное. Я не знал бы, по-настоящему глубоко ты проник в личность Орка или нет. Теперь у меня нет ни малейших сомнений по этому поводу.

— Не слишком ли глубоко?

— Вот это надо выяснить.

— Что же в Орке плохого?

— Это ты мне скажи.

— Я бы хотел сначала поговорить о его хороших сторонах.

— Как тебе будет угодно. Только перед этим скажи мне, каковы сейчас твои ощущения, эмоциональные и физические? Помимо страха.

— Мне стало лучше, когда я собрался поговорить о хорошем в Орке. Но сердце все еще колотится. А в кишки точно жира напихали. И помочиться бы надо.

— Потерпеть можешь? Или уж очень приспичило?

— Не знаю. Могу, наверно. Дело не так плохо, как мне казалось секунду назад.

— Итак, положительные качества Орка. Те, которых, по-твоему, тебе не хватает или они слишком слабо развиты.

— Слушайте! — выпалил Джим. — Не могу я его бросить! Я ему нужен! Там ведь мозг-призрак — я должен избавить Орка от него! Если призрак возьмет верх, Орк уже не будет по-настоящему Орком! Я не захочу больше входить в это тело, если мозг перестанет принадлежать Орку! Мне будет противно! И потом, это потеряет всякий смысл. — Джим остановился, чтобы проглотить слюну. Рот и губы пересохли. — Да вы и не позволите мне больше входить в него.

— Я этого не говорил. Это твой собственный вывод, и я хочу, чтобы ты разобрался в нем повнимательней. А когда разберешься, скажи мне, почему ты думаешь, что я заставлю тебя бросить Орка. Ведь ты так думаешь? Что тебе придется расстаться с Орком. Но я не говорил, чтобы ты с ним расстался. Я не хочу только, чтобы ты входил в него какое-то время — какое именно, зависит от твоих успехов. Потом ты продолжишь свои визиты. Так какие же у него хорошие черты?

— Ну... несгибаемое мужество. Решимость — он ни перед чем не останавливается. Изобретательность — использует то, что под рукой, чтобы добиться своего. Горячее желание все познать. Любопытство. Высоченная самооценка. Хотел бы я такую иметь! Умение приспособиться к любой ситуации, умение ладить с людьми и высокого, и низкого ранга, когда ему это выгодно. Терпение, как у черепахи. Но, когда прижмет, он действует быстро, как кролик.

— Еще?

— Ну, его отношение к родным. Там не все благополучно, но он по-настоящему любит свою мать, хотя и злится на нее за то, что она недостаточно стойко и недостаточно часто дает отпор отцу. И все-таки она сильная. А по своей тетке Орк с ума сходит. Что же до туземцев, в особенности его кровных сестер, то он никогда не проявлял к ним жестокости. Вы скажете, что он соблазняет этих женщин, делает им детей, и

это не очень-то по-христиански. Но он никогда их не принуждал, а для туземки почетно родить ребенка от властителя. Это безусловно улучшает условия ее жизни.

— В какой степени тебе, по-твоему, удалось перенять положительные качества Орка? Например, удалось ли тебе повысить свою самооценку?

— Уж это вам судить!

— А я спрашиваю тебя.

— Ну, по-моему, я стал ценить себя гораздо больше, и это хорошо. То есть... моя самооценка теперь намного выше. Лучше. Только...

— Только что?

— Моя ли это самооценка? Или я позаимствовал ее у Орка? Может, я и на Земле продолжаю изображать Орка и теперь всегда так будет?

— Человека с нормальной самооценкой не волнует, что о нем думают другие. Он или она сам себе судья. Я бы сказал, что истинным проявлением твоей нормальной самооценки послужило твое поведение, когда ты столкнулся с проблемой. Мне кажется, ты взял дело в свои руки. Не мямлил. Не просто сидел и думал, что надо бы сделать то-то и то-то, а взял и сделал. Я правильно подметил?

— Да, вроде в точку, — кивнул Джим. — Я повел себя не так трусливо, как бывало раньше. Так мне сдается.

— А может быть, ты никогда и не был таким трусом, каким считал себя? Дрался же ты с тем хулиганом, Фрихоффером, хотя мог бы и уклониться.

— Ну да, уклониться! Чтобы все подумали, будто я наклал полные штаны!

— Случись это сейчас, из-за чего бы ты дрался: из-за боязни общественного мнения, которое сильнее даже страха перед физическим насилием, или просто потому, что не боялся бы своего противника? И считал, что пора дать ему отпор?

— Ну, наверно, по той, второй причине. Откуда мне знать заранее?

— Но ведь то же самое, в каком-то смысле, с тобой уже случилось. И на этот раз тебя не пришлось загонять в угол и доводить до отчаяния, чтобы заставить заняться Шервудом и Роджерсом. Как только ты понял ситуацию, ты тут же все решил. Можно было, конечно, решить по-иному и более разумно. Суть в том, что ты сделал это без промедления. А теперь перейдем к отрицательным качествам Орка.

— Ну, это легко. Он высокомерен. Но это не его вина. Его воспитывали, как властителя. Властители считают себя избранниками Бога, хотя в Бога и не верят. Точнее, они только себя считают людьми. Остальные — это существа низшего порядка.

— Ты его оправдываешь. По-твоему, высокомерие — действительно отрицательная черта?

— Конечно. Я не хочу быть паршивым снобом.

— Значит, Орк — паршивый сноб? В твоем понимании?

— Ну да.

— Еще?

— Еще он жестокий. Вообще-то все властители такие. Но поначалу, когда я только вошел в него, он еще как-то сочувствовал другим. Он и с отцом поссорился из-за того, что отказался убить своего кровного брата, хотя тот был леблябби. Но не думаю, чтобы теперь в нем осталась какая-то жалость или способность сочувствовать. Если и осталась, то небольшая. Потом — он все время на взводе. Почти все время. Всегда зол. Но это потому, что отец с ним так обошелся, а мать не сумела помешать отцу отправить сына на Антему. Ну как они могли поступить так с сыном? Он просто не желал пресмыкаться перед отцом, лизать ему задницу и выносить незаслуженные удары, пинки и оскорбления — вот и все. Вполне понятно, что Орк бесится. Нельзя его за это упрекать. Я бы тоже злился, как сто чертей. Так ли уж это плохо?

— Мы уже говорили с тобой об адекватном и неадекватном гневе. По твоим словам, Орк задумал добыть в мире Зазеля машину разрушения, чтобы уничтожить свой собственный мир. А ведь при этом погибнет не только его отец. Смерть постигнет также его мать, братьев, сестер, несколько миллионов туземцев и вообще все живое во вселенной. И это адекватная месть?

— Да ведь это только фантазии! У всех бывают такие, но никто же их не осуществляет! И потом, Орк собирался спасти сначала мать и брата.

— И дать погибнуть всем остальным. Да, те, кто лелеет подобные мечты о мести, в жизнь их обычно не воплощают. Но об Орке этого не скажешь. Он намерен выполнить, что задумал, если сумеет вернуться за машиной разрушения. Если он заполучит-таки эту машину, осуществит он свой замысел или нет?

— Надеюсь, что нет. Это было бы ужасно. Но я же не буду знать, что он сделает, если не вернусь к нему, правда?

— Возможно, ты и сейчас уже знаешь. Только сознаться не хочешь. А что сделал бы Орк, если бы его подставили так же, как тебя?

— То же, что и я, — гордо сказал Джим. — Я сделал то, что, как мне казалось, сделал бы он.

— Значит, напал бы на охранников? Вряд ли — ведь он, по твоим словам, в большинстве ситуаций рассуждает очень трезво. Да, тебя спровоцировали. Но не настолько, по моей оценке, чтобы так кидаться на людей. И разве так уж необходимо было бить Шервуда и Роджерса? Неужели нельзя было разоблачить их как-то иначе?

— Ясное дело — я мог бы настучать. Но что бы я доказал, если бы просто донес на них охране или вам? И потом, я не стукач!

— Ты их разоблачил. Но при этом причинил боль Шервуду.

— Он первый начал!

— Твоя оборона больше походила на нападение. Чересчур активная оборона.

— Орк поступил бы точно так же!

— Вот именно. Это представляется тебе адекватным действием?

Джим нахмурился и прикусил нижнюю губу.

— Вы хотите сказать, что я, действуя в моей ситуации, как Орк, поступил неправильно.

— Я ничего не хочу сказать. Ты сам это сказал. И?

— Да, я понял. Я не разобрался как следует, что в поведении Орка адекватно, а что неадекватно.

— И в твоем тоже.

Психиатр продолжал развивать эту тему, и Джим лишний раз убедился, что Порсена из тех проводников, что предоставляют своим клиентам самим составлять карту. Только путешественник не может предугадать, в какую сторону проводник его поведет.

В конце сеанса доктор велел Джиму каждый день заходить в аптеку за предписанной дозой торазина.

— Будешь пока что его принимать. Возможно, недолго. Но в этот период тебе не следует возвращаться к Орку. Я скажу тебе, когда будет можно. Я хочу, чтобы ты как следует поразмыслил о своих впечатлениях и о своем отношении к ним. А после поговорим о возвращении. Я решительно настаиваю — и я знаю, что делаю — на том, чтобы ты не пользовался пентрой без моего на то разрешения. Полеты отменяются до улучшения внутреннего климата, договорились?

— О'кей. Слышу вас хорошо.

Выйдя в коридор, Джим вдруг испытал озарение. Но он никак не мог сказать доктору, что ему открылось. Доктор всполошился бы и принял нежелательные для Джима меры. Хотя, возможно, Порсена и так уже подозревает, в чем дело.

Джим привык быть Орком, стал оркоманом.

ГЛАВА 27

Было кое-что, о чем ни доктор, ни Джим не упомянули. Во-первых, само собой разумелось, что надсмотрщик Орка не обезглавит и Джим может быть спокоен на этот счет. Ведь, судя по Фармеру, молодой властитель, именуемый ныне Рыжий Орк, был жив и здоров в середине двадцатого века от Рождества Христова. Стало быть, опасения Джима, что Орка убьют, ни на чем не основаны. Почему же тогда он, Джим, так волнуется?

Другое, что они не обсудили, — это расхождение между тем, что писал о властителях Фармер, и тем, что знал о них Джим. В книгах серии Вала была сестрой Ринтраха и Ядавина. В реальных мирах Джима-Орка Вала была сестрой Энитармон, матери Орка. Ринтрах был вторым ребенком Лоса и Энитармон, младшим братом Орка.

Поразмыслив над этим, Джим решил, что сведения Фармера отрывочны или же он получил их в сильно искаженном виде.

Доктор Порсена и другие врачи были убеждены, хотя никогда не говорили этого пациентам, что Многоярусный мир — просто художественный вымысел. Но Джим-то знал, что это не так. Говорят, Фармер испытал в жизни несколько мистических озарений — возможно, тогда он и получил информацию оттуда или продолжает получать. Так или иначе, но какие-то сведения о мирах властителей к нему поступили. Это можно сравнить со светом, который проходит сквозь темное стекло посредством межвселенской психической вибрации или еще как-нибудь. Но Фармер не всегда мог настроиться на его частоту, и «разряды» портили качество приема. Понятно, что сообщения поступали к нему в несколько искаженном виде. Ну а поскольку Фармер занимался, по общему мнению, сочинительством, то он выдумывал кое-что, чтобы заполнить пробелы.

И все-таки, несмотря на некоторые ошибки в хронологии и именах, Фармер почти всегда попадает в яблочко. Кроме

того, те властители, которых Джим знал лично или о которых слышал, совсем не обязательно те, о которых писал Фармер. Может, фармеровские властители — потомки настоящих или их родственники. Мало ли Робертов Смитов и Джонов Браунов, живших в пятнадцатом веке, имеют потомков в двадцатом столетии! Лос, Тармас, Орк, Вала, Лувах — все это имена хотя и не совсем обычные, но и не редкие.

У Джима имелись проблемы и поважнее этих. Поскольку он был теперь на заметке, ему приходилось обуздывать свои «асоциальные» тенденции. И это было все труднее и труднее из-за возрастающей брюзгливости и вспыльчивости. Джим зациклился на Орке и, за невозможностью в него войти, испытывал симптомы ломки. Будь у его мозга зубы, они бы болели. Будь нос, из него бы текло. Будь голос, он в промежутках между воплями молил бы о дозе наркотика.

Однако Джим в какой-то степени справлялся с собой при помощи методики Орка. Она напоминала Джиму ментальную технику йогов, о которой он читал. Но выучиться ей можно было гораздо быстрее. Все-таки тоаны потратили не одну тысячу лет на ее совершенствование. Приемы Орка не могли полностью снять эффекты ломки, но все-таки снижали боли и раздражительность. Все равно что приподнимать время от времени крышку кипящего котла, выпуская пар. Так что Джиму удавалось не рычать на людей и не оскорблять их.

Его самочувствие несколько улучшилось, когда позвонила миссис Вайзак, чтобы еще раз подтвердить — Джим может жить у них, когда выпишется из больницы. На похоронах Сэма она, рыдая, прижала Джима к груди и обещала дать ему приют. И, несмотря на все свое горе, сказала еще, что Джим должен будет соблюдать ее правила. Не употреблять наркотики, не курить в доме, не ругаться грязными или кощунственными словами, старательно относиться к школьным занятиям, каждый день мыться, вовремя приходить к столу, не включать громко музыку и т. д.

Джим пообещал, что будет делать все, как она скажет Это не казалось ему таким уж подвигом. Он добился больших успехов в умении себя вести — трудности, которые он испытывал сейчас, следовало приписать его ломке — и спокойно мог держать свои «асоциальные» мысли при себе, не показывая их миссис Вайзак.

Но всю радость от ее приглашения ему подпортили на следующий же день. Позвонила мать и сказала, что придет к нему вечером. И что Джим ожидал, то она ему и сообщила. Они с отцом уезжают в Техас через пять дней.

Он почувствовал, как подступают слезы, и сердце провалилось само в себя. Хотя Джим и подготовился к этому моменту — или думал, что подготовился, — его зацепило за живое. Но ему удалось закрыть клапаны и не дать слезам вылиться. Не станет он плакать при матери. Не хочет он, чтобы она рассказала отцу, как сын переживает. Эрик Гримсон только порадуется, узнав, что его сын — плакса.

Джим уже не спрашивал, почему не пришел отец. Он и так знал почему. Трус!

Ева Гримсон ушла вся в слезах. Она пообещала, что будет переводить деньги на больничную страховку. И была уверена, что сможет посылать Джиму на одежду, учебники и прочие необходимые вещи. Отец обязательно найдет хорошую работу, только нужно набраться терпения.

— Я буду терпеть вечно, — крикнул он ей вслед, когда она плелась к лифту. — И вы будете вечно ждать меня в своем Техасе! Приеду, только если отец умрет!

Это было жестоко — но недостаточно жестоко для Джима в его состоянии.

Через несколько минут, когда он шел по коридору к себе, его остановила Санди Мелтон. Она сияла от счастья, не будучи перевозбуждена при этом. Ее маниакальные фазы смягчились благодаря терапии. И кроме того, сейчас у нее имелась причина быть счастливой. Она получила письмо от отца и хотела прочесть его Джиму.

В другое время он охотно разделил бы с ней ее радость. Но сейчас его злило, что кто-то другой может быть счастлив. И все-таки он победил свое раздражение.

— Папе дают работу здесь, в офисе компании! Вот слушай! «Дорогая Санди, моя самая любимая дочка». Хотя я же у него единственная. «Как я говорил тебе слишком много раз, я устал от коммивояжерских шуточек, и мне опостылело это дело». Это он про работу коммивояжера, а не про шутки. «Я бы еще смирился, будь я великим коммивояжером. Но я даже не надеюсь достичь таких высот, как св. Павел из Тарса, самый, пожалуй, великий из всех, как Чингиз-хан, который продавал смерть миллионам, как человек, продающий холодильники эскимосам, и как тот Вилли из пьесы Артура Миллера, хотя тот был велик только в борьбе с неудачами. Короче, мне предлагают стать начальником отдела сбыта в моей любимой, холодной, бессердечной фирме "Акме текстайлз". Не думаешь ли ты, что я отвергну это предложение по каким-либо этическим, моральным, философским или финансовым соображениям? Подумай получше! Итак, дорогая

моя дочь, я перехожу Рубикон, сжигаю за собой мосты и вновь иду на штурм крепости, сиречь твоей бедной матери. Будь то в ясный полдень или в мрачную полночь, но мы раскроем наконец свои карты. Теперь у меня появилась возможность содержать ее, а будем ли мы жить отдельно или разведемся — пусть это решают Бог и ее скверный характер».

Санди запрыгала, размахивая письмом, как флагом победы.

— Ну, не молодец он? Ну, не чудо? Я знаю, что у него на уме. Развод! Он преодолел свое чувство вины по отношению к ней — я бы тоже хотела и обязательно это сделаю, — и он будет теперь ночевать дома, и я тоже там буду!

Джим обнял Санди и сказал:

— Ну все, мне пора.

— Но я хочу отпраздновать это!

— О черт, Санди! Не хочу ранить твои чувства, но я просто не в состоянии! Извини. После увидимся.

И Джим устремился прочь — слезы угрожали хлынуть еще до того, как он доберется до своей комнаты. Санди крикнула вслед:

— Я могу чем-нибудь помочь, Джим?

Ее сочувствие и забота сработали, как нажатие на слезную кнопку Джим разревелся, влетел к себе, захлопнул дверь и упал на стул, чтобы выплакать свое горе. Он предпочел бы броситься на кровать и зарыться лицом в подушку, но это было бы уж слишком по-женски.

Эта мысль пришла к нему посреди рыданий и включила эффект домино в его мозгу. Костяшки валились во мрак, и последней оказался совет, который дал когда-то Джиму его дед, Рагнар Гримсон.

— В норвежской культуре, а также в англо-американской, не принято, чтобы мужчины плакали. Закуси губы и все такое. А вот викинги, твои предки, Джим, плакали точно как женщины — и наедине с собой, и при людях. Они орошали бороды слезами и ни чуточки этого не стыдились. Зато так же скоро давали волю мечу, как и слезам. Так зачем вся эта бодяга насчет того, что мужчина, мол, обязан сдерживать свое горе и разочарование? Закусывая губы, они только наживают себе разные язвы, инфаркты и инсульты — я тебе точно говорю, старина.

Орк, как почти все тоаны, в одних ситуациях вел себя стоически, а в других не стеснялся плакать и стонать. Испы

тывая физическую боль, он не подавал виду. Но в радости или горе он орал, рыдал и злился, сколько душе было угодно.

Эта его черта представлялась Джиму положительной. Однако, если Джим перенял бы ее у Орка, в том времени и месте, где он жил, его сочли бы тряпкой. Какую бы силу характера ни почерпнул Джим у молодого властителя, ее все же недоставало — пока, во всяком случае — на то, чтобы до такой уж степени презирать общественное мнение.

Ко времени группового сеанса Джим почти справился со своим горем и гневом. По крайней мере ему так казалось, хотя он знал, что сильные эмоции — коварная штука. Спрячутся, а потом выскочат наружу, стоит только чему-нибудь открыть им дверь. Сейчас Джим думал, что если родители бросают его, то не от хорошей жизни. Надо же им как-то выбраться из нищеты. И совсем не их вина, что он не может поехать с ними. Ну, скажем, частично их. Но что им еще остается? А он уже достаточно большой, чтобы позаботиться о себе — когда пройдет терапию.

Тяжеленько будет браться опять за учебу, чтобы окончить школу со средним баллом хотя бы В-минус или С-плюс. А хорошо учиться в колледже, зарабатывая при этом себе на жизнь, будет еще тяжелее. Ну и что ж. Другие же это делают — притом не такие волевые и одаренные, как он.

Джим сам себе удивился. Иисус-Мария-Иосиф! Что это с ним? Не так давно он думал, что такому тупице, как он, вообще вовек не получить аттестат А теперь нате вам — собрался в колледж, да еще намерен хорошо там учиться. Просто даже не терпится скорей приняться за учебу.

Ничего себе метаморфоза. Превращение. Насекомое за ночь превратилось в человека* Не первоклассного, правда но все же повыше классом, чем раньше. И этим он обязан Орку. Нет. В конечном счете не Орку, а доктору Порсене, Шаману, Сфинксу А доктор сказал бы ему, что Джим Гримсон всем обязан лишь самому себе. Хотя ему и помогли, он все же сделал то, что никто другой сделать за него не мог.

В радужном настроении Джим отправился на группу, намереваясь рассказать тринадцати остальным, как ему хорошо и по какой причине он шагает по Дороге из Желтого Кирпича, ожидая увидеть радугу за первым же поворотом**

---

* Аллюзия на рассказ Ф Кафки «Превращение»

** Из сказки Л. Ф Баума о стране Оз (*Примеч. пер*)

Однако сегодня все Многоярусные Мушкетеры, как они себя называли, тоже пребывали в легкой маниакальной фазе. Относительно легкой. По сравнению с их угрюмым и безнадежным настроем в начале терапии «легкая» означала «буйная».

Все так рвались выступить, что доктору Сцеволе, ведущему группу, стоило труда восстановить порядок. Часть его трудностей коренилась в отношении к нему больных. Доктор Сцевола, хотя и энтузиаст фармеровской терапии, как «ролевой» или «понарошечной», явно не верил в реальность их путешествий. Это было видно по его тону и мимике.

Моника Брэгг, которая иногда работала в канцелярии, уверяла, что слышала, как Порсена и Сцевола спорили о параллельных мирах. Порсена не говорил прямо, что они существуют, но сказал, что современная теоретическая физика не исключает возможности их существования. А Сцевола сказал, что все это чушь.

Сцевола также не питал симпатии к молодым и не только молодым приверженцам рок-музыки. Он любил только итальянскую оперу и классику.

Наконец психотерапевт успокоил все-таки группу. Первым взял слово восемнадцатилетний Брукс Эпштейн, высокий, плечистый и с лицом как у Линкольна. Подкачал только голос — тонкий и писклявый. С этаким голосом ни юристом, ни хирургом не станешь. Брукс признавал, что это вполне уважаемые, хорошие профессии — для тех, кому они нравятся. Сам он страстно желал стать профессиональным бейсболистом. Он заявил родителям, что поступит в колледж, а потом в Гарвард только в том случае, если не войдет в команду главной лиги. Их это не удовлетворило. Но Брукс держался и против них, и против своей невесты, которая была полностью на их стороне.

В разгар борьбы, в которой Брукс все больше падал духом, но становился все упрямее, его отец вдруг покончил с собой. Причина казалась ясной — крах сети скобяных магазинов и вдобавок к этому неизлечимый рак костного мозга, но на Брукса свалилось чувство вины. Он знал, как разгневал и опечалил родителей его разрыв с иудейской верой и как глубоко потрясена была его невеста. Мать не говорила вслух, что именно переживания за сына привели отца к разорению и болезни, но было ясно, что она так думает.

Поступление в Гарвард отошло в область невозможного, и Брукс этому радовался, чувствуя себя за это еще более виновным. Затем богатый дядюшка из Чикаго предложил оплатить учебу Брукса в любом университете по выбору

племянника. При этом ставилось условие, что Брукс вернется к вере предков и получит диплом либо юриста, либо врача. Мать и невеста всячески давили на Брукса, вынуждая его согласиться. Они напоминали безжалостных голодных волчиц, кружащих вокруг лося, увязшего в снегу.

В одну прекрасную ночь Брукс, по его выражению, осатанел. Вооружившись бейсбольными битами, он переломал мебель, перебил дорогие безделушки и окна. Хуже того, он угрожал размозжить головы матери и невесте. Брукса забрали в полицию. Потерпев неудачу с фрейдовской, юнговской, салливановской терапией, не добившись успеха и с Эстом в Калифорнии, он поступил наконец под опеку доктора Порсены.

Брукс выбрал для воплощения еврейского рыцаря, барона Лейксфалка. Это был персонаж из первой книги фармеровского цикла. Он жил в Дракландском ярусе планеты, имеющей форму Вавилонской башни и управляемой Ядавином. Планету населяли не только существа, созданные Ядавином, но и потомки землян. Ядавин, с присущей тоанам беззастенчивостью, похищал из средневековой Германии немцев и евреев и в массовом порядке переправлял их в свой мир. Они образовали два феодальных государства, устроенные, с одобрения Ядавина, по образу и подобию тех, что описаны в легендах о короле Артуре. В первой книге цикла странствующий рыцарь — фунем — Лейксфалк встречается с Кикахой и Вольфом на поединке. А умирает, храбро сражаясь рядом с Вольфом против дикарей. Но Брукс решил выбрать для своих приключений годы, предшествующие последней битве барона.

Брукс Эпштейн сообщил группе, что тяжелый груз вины и гнева, который он нес на себе, стал как будто немного легче. Это потому, что барон, если бы у него умер отец, не стал бы мучиться сознанием своей вины, не будучи ответственным за его смерть. Это не из-за Брукса Эпштейн-старший разорился, заболел раком и покончил с собой. Следовательно, Бруксу незачем чувствовать себя виновным. Брукс, правда, все еще страдает, несмотря на все доводы рассудка, но знает, что рано или поздно это пройдет.

Что до профессии, то он по-прежнему намерен стать бейсболистом, питчером. Ничего криминального в этом занятии нет, чего нельзя сказать о многих юристах и докторах.

Когда Брукс рассказал о приключениях, которые пережил прошлой ночью, они всей группой поговорили о своем отношении к еврейскому барону и о том, как можно было бы

изменить его судьбу. Джим знал, что доктор Порсена и его помощники по записям, сделанным на этих сеансах, судят о состоянии всей группы. Наверное, позднее те же записи пригодятся уже для оценки состояния отдельных пациентов.

Джиму казалось, что Многоярусный Мир стал для них чем-то вроде религии. У каждого из них свои, очень личные, неконтролируемые бредовые идеи, несовместимые с реальностью желания и галлюцинации различной степени. Но всех их теперь объединяет единая вера. Они ищут встреч, сходятся, их тянет друг к другу, словно мух на мед. И все они бессознательно меняют свои взгляды на миры властителей, приспосабливая их к смутно понимаемому реальному миру. Только на высших стадиях терапии станет ясно, что из этого получилось. Тогда все увидят, что разломали свои лодки и построили из обломков большой корабль.

Что ж, возможно, Джим просто дал волю воображению, не говоря уж о метафорах. Тот мир так же реален, как и этот. Даже реальнее в некоторых отношениях.

Следующим выступил четырнадцатилетний Бен Лайджел. Его посещали галлюцинации и под влиянием наркотиков, и без. У него, одиночки по натуре, главной проблемой была почти паническая растерянность в незнакомых ситуациях или при общении с кем-либо, кроме немногих близких друзей. Теперь он почти не испытывал такого невыносимого стеснения, когда бывал с другими. Когда же он переставал выносить слишком тесное общение, то убегал в иные миры.

При этом он клал себе на голову книгу Фармера, используя ее, как «Гравиврата». И уходил вниз головой в карманную вселенную, которую выбрал. Книга тем временем под действием гравитации опускалась вниз вдоль его тела, пока еще остававшегося на Земле. Когда книга касалась пола, Бен оказывался в ином мире.

Он оставался там, пока «латентная гравитация» не вытягивала его обратно на Землю. Освеженный путешествием, он мог терпеть «социальное давление» еще какое-то время.

Третьей говорила семнадцатилетняя Кэти Майданов. Она, не стесняясь, сообщила группе о своем диагнозе: пограничные расстройства личности, нарушение половой ориентации и нимфомания. В больнице она пока соблюдала воздержание, но получала сексуальную разрядку путем эротических снов. Для этого она клала одну книгу Фармера к голове, а другую на лобок. В результате ей почти всегда снился сексуальный акт с мужчиной или с женщиной. В той стадии терапии, которой она достигла, она как раз обучалась контролировать

свои сны. У Джима хватило смекалки догадаться, что врачи это делают не только ради того, чтобы она получала больше удовольствия, а и для того, чтобы она могла контролировать свои маниакальные идеи. Потом она постепенно избавится от них совсем, с помощью уже других методов.

Джим не сказал, что он и сам способен управлять снами. И книги ему при этом не нужны. Побывав Орком, он научился видеть сны по заказу. И теперь использовал эти заказные мокрые сны, когда хотел облегчиться. Они были гораздо удовлетворительнее мастурбации. «Смотри, ма, руки на одеяле!» Опасность заключалась в том, что к таким снам можно привыкнуть. И живые любовницы станут казаться тебе неуклюжими, не стоящими того, чтобы тратить на них время, и вообще лишними.

Джим заметил, что партнершами Орка в его снах обыкновенно были его тетка Вала и мать Энитармон.

Джим тоже часто вводил этих женщин, более прекрасных, чем Елена Троянская или Вивьен Ли, в свои запрограммированные ночные видения — порой одновременно. То, что это был инцест, хотя и завуалированный, только добавляло остроты блюду.

Вечером Джим принял решение, которое, как он сознавал, могло все испортить. Но он ничего не мог поделать с собой. Аргументы, которые он выдвигал в споре с самим собой, не помогали. Он нарушит приказ Порсены. Он не хочет этого делать и все же сделает.

Без десяти восемь Джим прошел сквозь черную дыру в центре пентры. Несмотря на запрет Порсены, он решил войти в Орка. Не однажды, а много раз в течение этой ночи. Каждую ночь путешествовать он не осмелится — слишком велика опасность быть пойманным — значит, надо утрамбовать как можно больше в одну ночь.

От восьми вечера до шести утра он проживет многие десятилетия.

Как там у этого поэта, Уильяма Блейка? Джим читал это, когда занимался у мистера Лама: «В одном мгновенье видеть вечность, огромный мир — в зерне песка, в единой горсти — бесконечность и небо — в чашечке цветка*».

Джим не взял бы на себя смелость утверждать, что посредством Орка пролетит вечность за одну ночь. Но он попытается втиснуть в эти десять часов как можно больше отрезков вечности.

---

* Пер. С. Маршака.

Уже собравшись читать заклинания, он увидел перед собой лицо Порсены. Оно выражало укор и печаль. Слова заклинания замерли у Джима на языке. Но то, что влекло его, было сильнее. Орк и экзотические миры за стенами Земли лезли в черную дыру, колебля лицо Порсены. Вскоре оно разлетелось на куски, и Джим пролетел сквозь эти осколки в пентру, словно бомбардировщик времен второй мировой сквозь зенитный огонь.

Он тут же ощутил сильную боль и беззвучно закричал. Орк же сцепил зубы и не издал даже стона. Он не хотел доставлять отцу удовольствия слышать его крики.

Орк был распят на кресте. Ноги стояли на земле, но руки были прибиты к горизонтальной перекладине. Ему казалось, что он не в силах больше ни секунды терпеть эти муки — и все-таки он терпел.

ГЛАВА 28

Иное дело Джим. Он и так уже достаточно намучился из-за Орка. Хватит, сколько можно. И все-таки он продержался еще минуту. Крест Орка стоял высоко на склоне горы. Далеко-далеко внизу, у подножия, расстилалось озеро, питаемое рекой. А у озера вставала Голгонооза, новый дворец Лоса, Город Искусств. Река обтекала его с дальней стороны. Здания мягких очертаний, построенные из разноцветного металла, подымались от земли под небольшим углом, постепенно становясь все круче, чтобы на высоте примерно тысячи футов стремиться вертикально вверх, а еще несколькими сотнями ярдов выше — распуститься огромным букетом. На разных уровнях они будто сливались друг с другом. Их покрывала зеленая, алая, оранжевая и лимонная растительность. Много было деревьев — некоторые росли под прямым углом к вертикальным стенам зданий.

Лос работал над этим городом-дворцом урывками в течение нескольких веков. Он задумал его как самую великолепную из тоанских построек, превосходящую даже Бесплотный Дворец Уризена.

Лос поймал Орка, как только тот прошел во врата его мира. А вчера — распял сына на кресте, несмотря на отчаянные мольбы Энитармон. Лос уже собирался собственноручно вогнать в Орка второй гвоздь, когда она бросилась на него. Прежде чем он сбил ее с ног, она исцарапала его лицо в кровь. Теперь мать Орка держали под стражей где-то в Голгоноозе.

Не в силах больше выносить боль, Джим прочел мантру возврата и оказался в своей комнате. На часах по-прежнему было без десяти восемь — минутная стрелка едва-едва сдвинулась с места. Весь дрожа от перенесенного испытания, Джим попил воды в ванной и немного посидел на стуле. Затем, остро осознав, что теряет время и впереди у него еще множество странствий, он начал повторять «АТА МАТУМА М'МАТА». На сей раз заклинание не пришлось твердить долго. Семи повторений оказалось достаточно, чтобы Джима втянуло в черную дыру. В следующий раз, Джим был уверен, потребуется только пять повторений. Через раз — только три, и для всех последующих полетов тоже три. Джим не знал, почему это так — но так будет.

Джим настроился вернуться год спустя и попал в Орка при обстоятельствах, которые в былые времена смутили бы его. Но он уже пережил вместе с молодым властителем слишком много подобных ситуаций, чтобы стесняться. Орк занимался любовью со своей теткой Валой, неистово и яростно. Она, как видно, сама того хотела — нежный любовник не устроил бы ее. У Джима, подхваченного мощным потоком страсти, не было ни времени, ни охоты замечать окружающее. Только когда любовники насытились, получил он возможность мыслить самостоятельно. Хотя Джим тоже страдал от «малой смерти», как принято называть депрессию после сношения, в нем осталось достаточно сил, чтобы разглядеть обстановку.

Двое властителей находились в роскошной спальне, громадной, словно целый дворец. Стены и колонны переливались всеми цветами радуги. Окна были размером с два футбольных поля. Они тоже поминутно меняли цвет и оттенок, время от времени делаясь прозрачными. Тогда Джим видел в них черное небо, усыпанное звездами. Потом в поле зрения появилась верхушка планеты. Из беседы Орка и Валы Джим вскоре узнал, что они сейчас на спутнике, орбита которого представляет собой восьмерку.

Они спасались бегством через множество вселенных после того, как Вала сняла Орка с креста. Мир Луваха, мужа Валы, они оставили в стороне, потому что Лувах и Вала расстались. В отличие от многих властителей, Лувах не убил свою супругу, но позволил ей попытать удачи в завоевании чужих миров.

Лос, точно мстительный посланник небес, преследовал сына и свояченицу через все врата. Потом влюбленные расстались — почему, осталось неясным — и Орк продолжал

путь один. Но после многих приключений они вновь обрели друг друга. Мир, в котором они находились сейчас, принадлежал раньше Эллайолю. Пройдя через несколько врат, снабженных множеством ловушек, Орк и Вала убили Эллайоля, его жену и детей.

Эта новость всколыхнула Джима. Какие звери эти властители! Орк, похоже, утратил все человеческие чувства, которые у него имелись.

На спутник Орк и Вала удалились, чтобы насладиться медовым месяцем. Узнав об этом, Джим вскоре вновь воспылал тем же огнем, который горел в тех двоих. Потом снова отдых, и снова любовь. Они все продолжали и продолжали, почти не разговаривая в перерывах и почти не думая о прошлом. Когда они начали терзать друг друга ногтями и слизывать кровь, Джим освободился — но не прежде, чем «потрогал» мозг-призрак. Джим так и не знал, захватил ли уже пришелец разум Орка или присваивает его себе так же медленно, как некоторые раковые опухоли поглощают здоровые клетки. Джима «бросило в дрожь» — не оттого, что он «дотронулся» сам, а оттого, что мозг-призрак в ответ тоже «тронул» его. Прикосновение «пальца» было явным, хотя и мимолетным. Джим в порыве отвращения вылетел из Орка, но у него осталось ощущение чего-то смутно знакомого.

Вернувшись в свою комнату, Джим немного отдохнул. За стеной слышался девичий плач, с другой стороны Джим Моррисон орал «Лошадиные широты», а «Дорз» гремели, гудели и дребезжали. Это была одна из любимых песен Джима Гримсона, настоящая поэзия, как он считал. Он давно уже не слышал этот хит 1967 года, но Моника Брэгг часто настраивалась на «Золотое ретро».

Джим вздохнул. Ему не хотелось тянуть с возвращением, но сексуальная горячка слишком выбила его из колеи, чтобы он мог читать заклинания. Хотя физически он, в прямом смысле, не напрягался, роль не столь уж невинного наблюдателя тоже прилично вымотала его. Джим уже узнал все, что стоило знать, о нежном сексе, когда Орк сходился с туземками. А теперь узнал от Орка и Валы о жестоком сексе — больше, чем ему было нужно. Хотя эротические похождения Джима на Земле были немногочисленны, в качестве Орка он испытал столько, что Казанова и Генри Миллер* ему в подметки не годились.

---

* Автор эротического романа «Тропик Рака». (*Примеч. ред.*)

Прошло еще несколько минут — и Джим влетел в черный круг. Его целью было время шесть лет спустя. Может, уж на этот-то раз он застанет Орка в благополучных обстоятельствах. Бывают же такие, согласно статистике.

О, Рог Шамбаримена! Орк снова был в старом дворце своего отца. Больше с ним в покоях никого не было, и ни звука не доносилось через открытое, загороженное крепкой решеткой окно. Лос снова схватил сына, когда тот явился в Голгоноозу с целью убить отца. Вала скрылась в каком-то другом мире. Произошло это семь месяцев назад, и Орка заключили в доме его детства, в заоблачном дворце.

Джим, к своему потрясению, открыл, что Лос на этом не остановился. В теле Орка появилось нечто странное. Прибавились новые мускулы, которых раньше не было, а ног не чувствовалось совсем, и передвигался Орк каким-то новым, пугающим образом.

Потом Джим увидел отражение Орка в громадном зеркале и пришел в такое удивление и ужас, что чуть было не вырвался и не вернулся на Землю. Нагое тело Орка вплоть до половых органов было таким же, как прежде. Но нижняя часть была туловищем змеи. Ноги исчезли. Орка врастили в гигантское змеиное тело пятьдесят футов длиной, покрытое ярко-зеленой чешуей. На зеленом фоне через равные промежутки располагались алые пятиугольники. Мощная верхняя часть змеиного тела поддерживала торс Орка в вертикальном положении. По полу он двигался, как питон.

Его превратили в змеечеловека, получеловека-полузмея.

Джим достаточно разбирался в тоанской науке и истории, чтобы сообразить, кто произвел эту метаморфозу. Лос, вместо того чтобы убить сына, придумал для него новую пытку. Использовав свое знание биологии и технику, пока еще доступную властителям, он превратил Орка в чудовище. Молодому человеку ампутировали ноги и срастили его с обезглавленной змеей.

Иногда Лос являлся в свой покинутый ныне дворец, чтобы поиздеваться над Орком. Он сказал сыну, что Энитармон вернулась к нему, и после воссоединения у них родилось еще трое детей: Вала, названная в честь тетки по желанию Энитармон, Паламаброн и Теотормон. Все они родились от суррогатных матерей. Орк был единственный, кого Энитармон выносила сама. Она хотела хотя бы раз в жизни испытать естественные роды. Но, испытав их однажды, больше этот опыт повторять не пожелала.

— Но теперь-то я усвоил свой урок, — сказал Лос. — Впредь, когда мои дети вырастут, я буду отправлять их в другие миры. Одни миры будут свободны — те, чьи владельцы уже убиты. В других же мирах моим детям придется помериться умом и хитростью с их правителями.

Энитармон не знала, ни что ее сына держат в заточении, ни что его превратили в чудовище. Лос сказал ей, что ему стало известно — Орк благополучно проживает в мире Манату Ворсион. Эта почтенная женщина усыновила его, и Орк продолжает свое образование в ее мирной вселенной. Когда-нибудь Лос разрешит, мол, Энитармон навестить сына — но нескоро еще, тогда лишь, когда неистовая взаимная ненависть между Лосом и Орком утихнет.

Тем временем Лос позаботился занять Энитармон воспитанием детей — с помощью множества слуг.

Орк не знал, правду ли говорит отец. Возможно, мать все еще томится в заточении или убита.

Джим коснулся мозга-призрака и ощутил ответное прикосновение.

Призрак определенно стал больше.

Джим решил побыть с Орком еще немного, чтобы понаблюдать за этим захватывающим гибридом человека и змеи. Первое, на что он обратил внимание, — это совмещение кровеносных систем обоих тел. Рептилия была теплокровная, а следовательно, не настоящая змея. Ее изготовили в лаборатории Лоса специально, чтобы подсоединить к телу Орка — а для этого и в том, и в другом теле должна была циркулировать та же самая кровь. В змеиной половине было свое сердце — одно лишь человеческое не справилось бы с перекачкой крови по всей огромной туше.

Змеиная половина соединялась с человеческой чуть пониже заднего прохода и гениталий Орка. Но Орк был избавлен от унизительной необходимости испражняться на спину змеи, пачкая себя при этом. Пища, которую он ел, переваривалась в его желудке, а потом поступала в желудок змеи. Моча частично выходила через его собственный канал, но большей частью через змеиный.

Для поддержания жизни и здоровья Орк был вынужден поглощать еду и питье в огромных количествах. Если бы он попытался уморить себя голодом, он бы мучился и за себя, и за змею.

— Образно говоря, ты всегда был змей, — сказал ему Лос. — А теперь метафора стала реальностью.

— Я змей, который кусается! — рыкнул Орк. — Змей, который может удушить тебя!

Лос, посмеявшись, продолжал:

— Когда я поймаю Валу, я сделаю из нее достойную подругу для тебя. Очень хочется посмотреть, как вы совьетесь, чтобы заняться змеиной любовью. И как это у вас получится. Такого никто еще не видал!

Орк не ответил — не хотел, чтобы Лос знал, как его сын томится по человеческому обществу, особенно женскому, особенно — обществу Валы.

Бегство казалось невозможным. Врата, снабженные ловушкой, были установлены сразу за единственной дверью и четырьмя окнами. Лос никогда не входил в комнату, хотя открывал иногда дверь, чтобы посмеяться над сыном. Обычно он общался с Орком через телеэкран на стене. И любил будить Орка среди ночи. За это Орк на него не злился. Время дня или ночи мало что значило для узника, и он был рад случаю увидеть человека и поговорить с ним — даже если это был его отец. Лосу он, конечно, этого не показывал.

Через три месяца после помещения в тюрьму из сдвоенного тела Орка посыпались драгоценности.

ГЛАВА 29

Сначала Орк решил, что покрылся нарывами вследствие какой-то инфекции. На обеих его половинах быстро, как грибы, появились твердые вздутия — только лицо и шея остались чистыми. Они ужасно чесались, и тонкая кожица над ними лопалась при малейшем прикосновении. Из трещин иногда сочилась кровь, но гноя не было. Внутри просматривались какие-то многогранники, на ранней стадии эластичные, как резина. Позже они стали твердыми, как камень. Цвета и оттенки этих образований были самыми разнообразными.

Орк понимал, что обыкновенной болезнью заразиться не мог. Тоаны обладали иммунитетом к прыщам, нарывам и любой кожной инфекции. В его хвори, должно быть, повинен Лос.

Через неделю вздутия увеличились. Величиной они были с грецкий орех, но гораздо тверже, чем его скорлупа. Кожа над ними уже не лопалась, а зуд после первых трех дней прекратился. Орк перестал скрестись, и все расчесы зажили часов за пять.

К счастью, на змеином брюхе выросты отсутствовали. Иначе двигаться по гладкому полу было бы и болезненно, и затруднительно. Даже теперь, хотя Орк перемещался боком, его извивающийся хвост то и дело скользил.

Лос, когда появлялся в дверях или на экране, отказывался отвечать на вопросы Орка, сказав только:

— Это не болезнь.

Кожа над всеми опухолями лопнула в один и тот же час, и их содержимое с грохотом посыпалось на пол. Это были граненые камни — они походили на драгоценные и блестели на свету.

Вскоре после этого в дверях появился Лос. Он долго смеялся, потом сказал:

— Ты у нас ходячая сокровищница, Орк, сам себе прииск и ювелир. Скоро ты будешь по самую задницу, человеческую задницу, в бриллиантах, изумрудах, гранатах, рубинах, сапфирах, аметистах и хризобериллах. Может, даже утонешь в них. Благодари меня, сын мой. Твой отец осыпает тебя драгоценностями, хотя ты не заслуживаешь ничего, кроме навоза и пепла. История о твоем роковом богатстве и твоей странной смерти разойдется по всем мирам — я уж прослежу за этим, — и ты станешь такой же легендой, как Шамбаримен и Манату Ворсион.

Вместо ответа Орк нагнулся к полу, зачерпнул пригоршню еще влажных самоцветов, выпрямился и швырнул камни в дверь. Лос сделал лишь небольшой шаг назад и тут же вернулся на прежнее место.

Камни, вылетевшие за дверь, исчезли.

Орк убедился, что врата находятся именно там.

— Теперь ты будешь видеть меня только на экране, — сказал Лос. — А от камней избавиться тебе не удастся. Тони в своем море красоты!

Он закрыл дверь. Вскоре круглый плафон на потолке скользнул вбок, и в отверстие один за другим высыпались камни, которыми Орк швырнул в Лоса. Орк собрал их вместе с другими и бросил в уборную. Через десять минут все они вернулись к нему с потолка.

Джим снялся с якоря и вернулся на Землю. Он тут же начал читать заклинания и вернулся к Орку через четыре тоанских месяца. Орк брал блюда с едой из вращающейся ниши в стене. Он должен был есть и пить в огромных количествах, чтобы обеспечить энергию для созревания самоцветов. Почти все его время уходило на переваривание пищи

и освобождение от нее. Жажда и голод будили его каждые два часа, так что спал он урывками. Если бы он попытался ограничиться нормальной диетой, то меньше чем через сутки подвергся бы обезвоживанию, а через трое суток умер бы с голоду.

Драгоценности лежали на полу слоем в три дюйма. Ползая по ним, Орк скользил, терял равновесие, и ему стоило большого труда перемещаться с одного места на другое. Пришлось ему приспособиться к новому способу передвижения. Свое человеческое туловище он держал теперь не вертикально, а на одной линии с туловищем змеи, и руками отгребал с дороги самоцветы.

Но вскоре их обещало стать так много, что Орку больше не удастся расчищать себе путь.

Теперь вопрос заключался в том, от чего он умрет раньше: от слабости или от удушья. Придет время — и он уже не сможет добраться до подноса с едой и до водопроводного крана: камни завалят и то, и другое.

Впервые в жизни Орк пришел в отчаяние. Казалось, что смерть — единственный выход из этой комнаты. Джим тоже, как и Орк, пал духом и потерял всякую надежду. А тут еще мозг-призрак разрастается. Впрочем, если Орк умрет, то эта угроза исчезнет. Похоже, только так и можно решить обе проблемы.

Пропутешествовав туда-сюда двенадцать раз, Джим вернулся к Орку в ночь, когда перед властителем встал выбор: бежать или погибнуть. Между самоцветами и потолком осталось всего несколько футов. Орк раскопал два широких и глубоких колодца — к пище и крану с водой. Ямы постоянно заваливало, и каждый день их приходилось расчищать заново. Добраться до уборной Орк больше и не пытался, и в комнате стояло зловоние, напомнившее Джиму о сортире старого Думского.

Комната просматривалась через мониторы на стене — были, возможно, и другие датчики. Лос, скорее всего, наблюдал за сыном лишь урывками, если только не носил с собой приемник. Впрочем, он мог приставить кого-нибудь вести наблюдение круглые сутки. И уж конечно, Лоса сразу предупредят — либо автоматика, либо живой оператор, — если узник вздумает сделать что-нибудь неподобающее. Хотя все стены, за исключением нескольких футов под потолком, теперь завалены драгоценностями, замаскированные мониторы могут быть и на потолке.

Орк уже думал, не замазать ли оставшиеся стены и потолок своими экскрементами — но если мониторы ослепнут, об этом доложат Лосу.

Он разгреб заново яму над краном. Это не вызовет тревоги у мониторов: Орк делает это каждый раз, когда хочет пить. Докопавшись до крана, Орк крепко ухватился за него, надеясь, что кран не оторвется от увеличивающейся нагрузки. Змеиное тулово было вытянуто вдоль комнаты. Попеременно хватаясь руками за металлический кран, Орк начал усиленно извиваться.

Живые наблюдатели могли бы подумать, что у него какой-то припадок, и сообщить Лосу. Но вряд ли им пришло бы в голову, что Орк таким образом подготавливает побег. Скорее всего они подождут и посмотрят, как будут развиваться события.

От усиленных движений камни вскоре засыпали весь торс Орка. Змеиная часть тоже скрылась под ними, хотя находилась ближе к поверхности, чем человеческая. Тогда Орк стал шарить хвостом, пока не зацепился им за вертикальную ванадиевую перекладину оконной рамы. Сделав это, он обмотал хвост в несколько витков вокруг бруса.

Если рама приварена к металлической стене, она устоит против самых мощных его усилий. Притом Орк сейчас находился не в лучшей своей форме. Однако, когда он напрягся так, что пот проступил по всему телу и начал есть глаза, а вены вздулись до величины маленьких змеек, рама отошла от окна, издав скрип, который могли засечь мониторы.

Кран погнулся, хотя и был сделан из очень толстого и прочного металла.

Орк выбрался из-под тяжелой, но рыхлой груды камней. Горизонтально вытянув торс, хватаясь руками за камни и бешено работая хвостом, он быстро добрался до окна. Потом продвинулся на несколько футов вдоль стены и начал бить хвостом по окну. Сначала минеральные наросты под кожей смягчали боль от ударов. Зато почти нестерпимые мучения доставляли Орку трещины, возникающие над незрелыми камнями. Но после каких-то двадцати ударов все камни вылетели, от чего стало еще больнее. Продолжая молотить хвостом, уже незащищенным, Орк сцепил зубы. Окно покрылось кровью.

Когда Орк уже думал, что больше не выдержит, и его удары стали слабеть, окно вывалилось наружу. В отверстие тут же хлынул град самоцветов. Орк скользнул к окну и

высунул хвост наружу и вверх. Водя им по стене над окном, Орк нащупал какую-то вертикальную опору, стоящую в нише. Он обмотал хвост вокруг ее основания и просунул в окно голову и плечи.

Единственным источником света была луна, но Орк разглядел, что хвостом он держится за металлическую статую. Теперь он точно знал, в каком месте огромного, запутанного города-дворца находится. Это северная сторона одного из первых зданий, построенных на самом нижнем уровне. Этому строению было около двух тысяч лет, и родители Орка давно поговаривали о том, чтобы снести его и поставить новое. Стиль рококо, слишком вычурный, их больше не устраивал.

Во дворце зажегся свет, но никаких признаков жизни не появилось. Возможно, здесь остались только теледатчики — все обитатели переехали в Голгоноозу. Лоса уже наверняка разбудили, и он, возможно, уже прошел через врата — в этом здании или в соседнем.

Орк покрепче стиснул хвостом ноги статуи и вылез из окна. Какой-то миг он висел вниз головой, вытянувшись в свою полную длину. Потом мощные змеиные мускулы подняли его и он изгибал свое змеиное тело, пока не переместился вверх головой. Вскоре он уже ухватился за плечи статуи и отцепил хвост от опоры. Пальцы едва выдержали вес оставшегося на миг без опоры змеиного туловища, но Орк тут же поднял его вверх и зацепился за статую у себя над головой. Так, передвигаясь от статуи к статуе, он вылез на крышу.

Как он и предвидел, там стояли несколько летательных аппаратов разного типа и размера. Орк выбрал себе белую машину класса «Скакун II». Она была достаточно велика, чтобы вместить его огромное тело. Расположиться на пилотском сиденье так, чтобы иметь возможность вести машину, было нелегким делом. Верхнюю часть змеиной половины пришлось втиснуть в промежуток между двумя сиденьями, а потом изогнуть ее так, чтобы дотянуться руками до панели управления. За неимением ног на педали придется нажимать тоже руками. Лететь будет не слишком удобно, если не включать автоматику, но опасности нет — надо только соблюдать осторожность при некоторых маневрах.

Орк надеялся, что голосовой код, включающий двигатель, не изменился. Код остался прежним, но это еще не означало, что в механизме не спрятан прибор самоуничтожения, позволяющий взорвать аппарат. Такой прибор может сработать и

автоматически, и по радиосигналу Лоса. Машина также может взять управление на себя, опознав в пилоте незнакомца. Тогда Лос посадит ее, где захочет сам.

Приходилось идти на риск — у Орка не было другого выбора.

Ни одна из машин не была вооружена и не имела оружия на борту.

С обеих сторон «Скакуна» возникли световые веера десяти футов длиной. Послушные Орку, они начали ходить вверх и вниз быстро-быстро, как крылья колибри. Машина медленно оторвалась от площадки, и вспышки сефи-двигателя преобразились в ровное свечение. Орк включил радар, инфракрасный детектор и головные огни. Яркий свет «Скакуна» заметят с любого встречного аппарата, так что лучше видеть, что у тебя впереди.

Понадобилось шесть минут головокружительного ускорения, чтобы покрыть сто пятьдесят миль. Когда Орк сбросил скорость, впереди сверкали, становясь все ярче, огни Голгоноозы. Лос, должно быть, уже побывал в старом дворце, узнал, что там случилось, включая и похищение «Скакуна», а теперь вернулся обратно сюда. Или вот-вот вернется. Он должен догадаться, что сын, пока остается полузмеем, не станет спасаться бегством, а явится в Голгоноозу, к нему.

То ли Лос действительно успел вернуться, то ли вообще никуда не уходил, но был он здесь, в новом городе. Орк направил машину круто вниз, чтобы посадить ее на площади перед башней с витым куполом — резиденцией Лоса, — и увидел отца. Лос бежал через площадь, нетвердо держась на ногах. На нем был только короткий кильт с поясом, где висел в кобуре лучемет. Рукой Лос зажимал бок, словно там что-то болело.

Впереди него, в облаке прозрачного белого ночного одеяния, бежала мать Орка. Стройные ноги Энитармон быстро мелькали, лицо выражало отчаяние. Лос, хотя мог оглушить или убить ее из лучемета, был так взбешен, а возможно, так тяжело ранен, что забыл об оружии. Или же берег его на самый крайний случай.

Выворачивая «Скакуна» так, чтобы оказаться позади Лоса, Орк увидел, что у того между пальцами торчит рукоять кинжала и часть лезвия. Видимо, это Энитармон нанесла мужу удар между ребер, хотя и неглубокий. Значит, ее не держали под замком — или недавно освободили. А возможно, отец лгал, что заточил ее в тюрьму. Как бы там ни было, мать узнала, что сделал Лос с их сыном. И остановила мужа,

чтобы тот не успел предпринять что-то против Орка. У них завязалась борьба, и она вонзила кинжал ему в бок. А потом убежала.

Сефи-крылья работали бесшумно. Их блеска Лос не видел — или был слишком увлечен погоней за женой, чтобы обращать внимание. Орк, ведя машину футах в шести над светящейся разными цветами мостовой, направил ее нос в спину Лоса. Энитармон споткнулась и упала на одно колено Лосу хватило этого мгновения, чтобы с криком настичь ее Схватив ее обеими руками за горло, он не дал ей встать. Она опустилась на оба колена, отклонившись назад и вцепившись в запястья Лоса.

За миг перед тем, как нос «Скакуна» ударил Лоса между лопаток, Энитармон, отняв правую руку, выдернула кинжал из раны в боку супруга. Лос взвыл от боли. Она хотела вонзить лезвие мужу в живот, но летучая машина уже сбила того с ног, и кинжал скользнул по грудине, а Лос, упав, придавил жену. Кинжал лег рядом с ее рукой. Однако удар был совсем не таким сильным, каким мог бы сделать его Орк. Даже переполненный яростью, окончательно он рассудка не утратил. Он не хотел причинить вред матери, обрушив на нее Лоса со слишком большой силой. И не хотел убивать Лоса — пока.

Даже и теперь Лос тяжело придавил Энитармон. Он лежал на ней ничком, раскинув руки, оглушенный или потерявший сознание. Энитармон не пыталась сбросить его с себя. Должно быть, ее тоже оглушило, когда она ударилась затылком о мостовую.

Орк откинул верх летательного аппарата и выполз наружу. Энитармон, увидев его через плечо Лоса, закричала. Даже если Лос рассказал ей, что он сделал с Орком, наяву это зрелище превосходило все, что она могла вообразить. А кровь, покрывавшая Орка, еще усугубляла ужас от его чудовищного облика.

— Это я, мать! — прохрипел он. И, наклонившись, подобрал кинжал. Она умолкла, и глаза ее раскрылись до самых пределов возможного. Орк сбросил с нее неподвижное тело отца и сорвал с него кильт и набедренную повязку. Через несколько мгновений Энитармон вновь закричала, и крик ее не прекращался долго.

Орк отрезал Лосу мошонку Потом выпрямился, вылущил оба яичка из оболочки, сунул их себе в рот — и начал медленно, с набитым ртом, жевать.

Ярость и легенды о властителях былых времен, поступавших так со своими врагами, толкнули Орка на это. А могло быть и так, что его змеиная половина пересилила человеческое отвращение к подобному действию. Орк стал полуживотным не только по внешнему облику.

Что бы ни толкнуло Орка на это, для Джима Гримсона это было слишком. Ему не пришлось читать заклинания, чтобы освободиться из властителя. Шок и отвращение порвали умственную связь, и Джим очутился в своей комнате. Он трясся и испытывал рвотные позывы.

ГЛАВА 30

— Конечно, доктор, нельзя надеяться, чтобы вы были мной довольны, — говорил Джим. — Вы запретили мне возвращаться к Орку, а я вот не устоял. Орк — это наркотик не хуже «ангельской пыли». Клянусь, я больше никогда не стану в него входить! Никогда! До тех пор, пока вы сами мне не велите — да и тогда мне не захочется, точно вам говорю. Все, я от него очистился! Рыжий Орк мне противен! Должен вам сознаться, я испытал очень странное ощущение, когда он жрал яйца своего отца. На какую-то пару секунд это даже доставило мне удовольствие. Это потому, что я так сжился с Орком, что почти стал им! А потом меня сразу замутило! Да так, что я мигом стал самим собой и вылез из Орка. А не случись этого, я и посейчас мог бы сидеть в нем!

Лицо Порсены было непроницаемо. Джим предполагал, что доктор по-настоящему зол на него — только виду не подает. Зато все слова, которые доктор произнес до этого момента, были остры, как стрелы, и так же глубоко ранили. Теперь он заговорил помягче.

— Тебе было велено обратиться ко мне или к другому врачу, если ты почувствуешь, что желание вернуться становится неодолимым. Так и нужно было поступить. Надеюсь, что впредь ты так и станешь делать. Сейчас ты, с точки зрения психологии, находишься в водах, полных акул. Точнее, ты на переломе. С этого места возможны два пути: вперед и назад. Понимаешь?

Джим кивнул:

— Бог свидетель, я долго держался! Я знаю, что сам ничего не смогу. Теперь буду делать все так, как вы говорите.

— Не раньше, чем я тебе объясню, зачем предлагаю или приказываю сделать то или иное. Пациент должен четко сознавать все «почему» и «отчего» своей терапии.

— Я знаю. Вы мне это говорите каждый раз, когда мы готовимся перейти в следующую фазу терапии.

— Кое в чем ты очень проницателен, — улыбнулся доктор. — Из-за этого, в частности, ты и продвинулся быстрее, хотя и несколько иным путем, чем остальные. По моей оценке, ты созрел для фазы расставания.

— Но ведь... но ведь есть вещи, которые мне просто необходимо выяснить! Например, о мозге-призраке! И я хотел бы быть с Орком, когда он создаст земную вселенную и ее двойник! Господи, да это же все равно что видеть, как Бог создает мир! Нет — все равно что самому быть Богом, потому что это будет делать Орк, а я буду Орком! А еще я хочу знать, как Орк получил назад свое человеческое тело! И еще Лос. Когда я уходил, то думал, что ему конец, но Фармер-то пишет, что Лос еще был жив, когда Кикаха явился в миры властителей!

— Может быть, Фармер напишет шестую книгу цикла и просветит тебя на этот счет. Но это его забота, а нам с тобой нужно проделать некоторые абсолютно необходимые процедуры. Представь, что было бы, если бы ты сидел на героине и умолял бы меня позволить тебе и дальше колоться, потому что тебе, мол, будет недоставать привычного кайфа, если ты бросишь? Улавливаешь параллель?

— Ну ладно, — медленно сказал Джим. — Только вам легко говорить.

— Потому что я объективен.

— Да знаю, знаю.

— Вспомни, как Орк попал на остров наркоманов, в страну вкушающих лотос. Хочешь оказаться в таком же положении? Он-то определенно не испытывал желания вернуться к наркотикам, после того как перемучился и завязал с ними. Ты страдал вместе с ним. Вспоминай об этих муках всякий раз, как тебе захочется попробовать наркотик. — Доктор подался вперед и сложил вместе кончики пальцев. — Я хочу, чтобы ты как следует обдумал вопросы, которые я сейчас тебе задам. Рассмотри их со всех возможных сторон. Итак, Орк оказался на Антеме, в Нежеланном мире. Его поместил туда отец. Какие мысли возникают у тебя в связи с этим?

Джим задумался, скривив от усердия рот и закатив глаза. Потом сказал:

— Меня, то есть Орка, отправил туда отец. Вы думаете, я назвал Антему Нежеланным миром из-за того, что не нужен своему отцу? И он отправил меня, то есть Орка, туда, как нежеланного. Это хорошо звучит, только я слово «Антема» не выдумал. Это не сверхурочная работа моего подсознания.

У Джима, непонятно почему, участилось сердцебиение, и он слегка вспотел.

— Лос любил Орка, когда Орк был ребенком, — сказал доктор, — или, во всяком случае, был очень к нему привязан. Тогда он относился к сыну с теплом и заботой, хотя временами был с ним груб. Когда же Орк стал подростком и перестал быть милым, очаровательным малышом, отец, казалось бы, его возненавидел.

— Не «казалось бы». Возненавидел по-настоящему.

— Из этого следует?

— Что мои отношения с отцом такие же, как у Орка, так? Порсена, не отвечая, продолжал:

— Что ты думаешь о своих детских видениях?

— Галлюцинациях, что ли?

— Назовем их видениями. Стигматы впервые появились у тебя в пятилетнем возрасте. Ты пришел с матерью в церковь, и изображение распятого Христа потрясло тебя. Ты вдруг увидел его как живого человека, не просто деревянную фигуру, прибитую к кресту, а краску принял за настоящую кровь. И закричал.

— До сих пор не знаю, что меня так напугало.

— Это не так уж важно. Важно то, что ты закричал и у тебя пошла кровь из рук, ног и лба. Ты впал в истерику, твоя мать тоже. Еще...

— Еще был человек, который парил за окном моей спальни, когда мне было четыре! И голый зеленый человек, которого я увидел у нас в саду полгода спустя. Он ел кукурузные листья! Я стал звать маму, но когда она пришла, зеленый человек уже ушел! А отец выпорол меня за то, что я вру! Но я видел того человека! Видел!

— А какого ты мнения о видении, которое имел перед тем, как тебя вынесли из горящего дома? Ты был прикован, обнаженный, к дереву, и гигантский серп готов был вот-вот опуститься, чтобы кастрировать тебя. Что скажешь также о видении человека-змеи?

— Они были пророческими. Предсказывали, что случится со мной, когда я буду в Орке. В каком-то смысле. Видения были путаные, но кое-что в них было правдой. Все это случилось на самом деле.

— Я не спрашивал тебя, верны они или нет и как ты их толкуешь с точки зрения психологии. Я хочу знать, что ты чувствуешь, когда думаешь о них.

— О Господи, доктор! — взорвался Джим. — Да ничего я не чувствую! Я вижу, куда вы клоните. Вы думаете, я выдумал, что из Орка сделали полузмея, потому что такой человекозмей мне приснился!

— Я не пытаюсь обесценить твои переживания. Просто обращаю твое внимание на некоторые параллели. Объясняй их сам, как хочешь. Однако позволь тебе заметить — ты отрицаешь, что чувствуешь что-либо на этот счет, однако отвечаешь весьма запальчиво. Пока мы не станем больше в это углубляться. Подумай как следует и потом сообщи мне о своих выводах.

Джим подался вперед, вцепившись в подлокотники кресла. Сердце у него билось еще сильнее, чем раньше, и он еще обильнее потел. Если он что и чувствовал, так это острое желание уйти из кабинета — и немедленно.

— Слушайте, док! — сказал Джим хрипло, но даже он сам мог расслышать в своем голосе умоляющие нотки. — Где я был, что я видел и делал, то есть что делал Орк — это все не фантазия! Это правда, и меня не волнует, какие там имеются параллели с моей жизнью на Земле и в мирах властителей! Черт, да я могу найти параллели между собой и тысячью других жителей Земли! Существует еще и такая вещь, как совпадение! Какое бы ни было у меня буйное воображение, я теперь знаю кое-что такое, чему никакое воображение не научит! Например, тоанский язык. Хотите послушать беглую тоанскую речь? Самон-ке фатх? Это значит: «Куда я сейчас пойду?» Орк-там Орк ман-ким. (Орка когда-то звали просто Орком.) Йем татх Орк-тха. (Теперь его зовут Рыжим Орком.) Если хотите, я расскажу вам длинную историю по-тоански. И грамматические правила объясню! А где я мог научиться делать из кремня ножи, наконечники для стрел и копий, скребки, зубила, да мало ли что еще? Дайте мне необработанный кремень, и я изготовлю из него любое орудие, которое только можно сделать из камня! Откуда бы я знал, как это делать, если бы не побывал по-настоящему в Орке и не видел, как они с Иаджимом обрабатывают кремень, и это не отложилось бы у меня в памяти? Потом эти рубцы от кнута, которые я принес с собой, когда Орка хлестал надсмотрщик! Ну да, я знаю, у меня уже бывали стигматы, и все это сплошная психосоматика! Но на этот раз у меня не просто шла кровь из спины! На ней были и рубцы! Они чертовски болели, они были настоящие! И еще эти мокрые сны по заказу, которым я научился от Орка. Вы

учите пациентов контролировать сны и бредовые представления, но куда им до меня и по умению контролировать, и по реализму? Так откуда же это у меня? Само собой пришло? Нет, меня научил Орк! Я мог бы продолжать, но у вас уже и так масса причин задуматься, не вру ли я часом — верно? И вы, наверно, думаете, что если Орк отрезал яйца у своего отца, то и я бы хотел проделать это со своим?

— А ты не хотел бы? — спросил доктор.

— Иногда такой стих найдет, что думаешь — хорошо бы! Но клянусь вам, как бы я ни злился на отца, такое мне ни разу в голову не приходило. Подвесить его за то самое место — это да, но чтобы отрезать их и съесть, прямо так, сырыми — нет! Так разве стал бы Орк, если он существует только в моем воображении, делать то, о чем я никогда и не думал?

— Ответь мне сам.

— Ну, ясное дело, все это сотворило мое подсознание!

— И?

— И что еще, вы хотите сказать? Воображение, само собой. Это же природный экстраполятор, как говорил мистер Лам. Дай ему только предпосылку, факт или идею, и оно воздвигнет целое здание, следуя правилам логики. Может, насчет этого вы и правы. Но насчет другого — нет. Этим вы не объясните мое знание тоанского, умение обрабатывать кремень, и еще — я забыл сказать — мои познания в биологии и химии, которые мне неоткуда было получить, кроме как из мозга Орка. — Джим откинулся назад и попытался расслабиться. — А знаете, доктор, это можно проверить! Допросите меня на детекторе лжи — и вы увидите, что я не вру!

— Ты мой пациент, а не преступник. Кроме того, если ты веришь, что действительно побывал во вселенной Орка, то детектор, конечно, покажет, что ты говоришь правду. Только я не инквизитор, и ты не на дыбе. Истинно или вымышленно то, что пережил мой пациент, меня не касается. Меня не волнует, произошло это на самом деле или нет. Я считаю, что событие произошло постольку, поскольку это имеет отношение к терапии. Насколько уместно это событие в плане терапии? Какой прогресс или регресс проистекает из него? Вот единственные вопросы, имеющие значение. Это тебе понятно?

— Конечно! Но... разве не следует науке, да и всем вообще, знать, что другие миры все-таки существуют? Параллельные вселенные? И по крайней мере один человек, я, —

ну, может, еще Кикаха и Вольф — там побывал! Разве вам нисколько не интересно? Если мы трое сумели туда проникнуть, это всем должно быть интересно!

— Да, это верно, если смотреть с твоей точки зрения. Меня, как я уже сказал, в данный момент интересует только твой прогресс в терапии. И тебя тоже больше ничего не должно интересовать. Я слышал, Джим, твои родители придут сюда завтра проститься с тобой, а на следующий день уедут в Техас. Твой отец наконец-то решился встретиться с тобой. Эта встреча послужит прекрасной проверкой твоей реакции на стресс. Сможешь ли ты сдержать свой гнев и не наброситься на отца? Как поведешь себя, если он набросится на тебя сам? Сумеешь ли удержаться от провокационного поведения? И как будешь реагировать, когда встреча закончится?

Доктор с Джимом обсудили разные варианты беседы и то, как Джиму при этом справляться с ситуацией. Психиатр не ждал от Джима, что тот не будет злиться. Он хотел только, чтобы Джим выказывал свою злость, в какой бы форме она ни проявлялась, в адекватных пределах.

— Как тебе известно, я, вскоре после твоего поступления к нам, посоветовал твоему отцу и матери тоже пройти курс терапии. Семье пациента следует пройти тот же курс лечения, что и он. Они отказались. Главным их доводом было, что они не могут себе этого позволить. Но...

— Настоящая причина в том, что я, по их мнению, единственный сумасшедший в семье! — выпалил Джим. — А им терапия ни к чему! Ха!

— Значит, это тебе придется научиться относиться к ним адекватно и позитивно. — Доктор взглянул на часы. — Еще один вопрос, Джим. Я тебе его уже задавал, но хочу услышать, каким будет твой ответ сейчас. Что из того, что ты узнал об Орке, самое главное?

Джим, нахмурясь, сгорбился на стуле, потом выпрямился.

— Ночь, в которую я совершил все эти путешествия... это была целая жизнь. Главное, пожалуй, вот что. У Орка много хороших качеств: мужество, выносливость, изобретательность, желание узнавать новое. Он вносит страсть во все, что делает. Еще какую! Но его страсть не имеет ничего общего с любовью. Не думаю, чтобы он по-настоящему любил кого-нибудь, кроме матери и тетки. Да и это его чувство, по-моему, замешано на похоти. А страсть без любви до добра не доводит. Неплохо для восемнадцатилетнего психа из семьи работяг, а?

— Неплохо. Не знаю только, искренне ты назвал себя психом или нет. Но нам предстоит еще много работать над твоей самооценкой.

— Вот еще тоаны эти. Господи! Им всем по многу тысяч лет, и в некоторых отношениях они словно боги. А чем занимаются? Войнами, завоеваниями, ревностью, убийствами, пытками и прочей мерзостью. За все эти тысячи лет они нисколько не продвинулись ни в духовном, ни в эмоциональном отношении. Они застыли раз и навсегда, и нет надежды, что они хоть как-то переменятся. Прямо как большинство людей у нас на Земле. Сплошная косность!

Психиатр кивнул:

— Хочу обратить твое внимание еще вот на что. Орк достоин восхищения за изобретательность и остроумие, с которыми он преодолевает множество преград на своем пути и выходит целым из расставленных на него ловушек. Что под силу Орку, под силу и тебе. На Земле множество препятствий и множество ловушек — экономических, социальных и психологических. Вот и пользуйся, как Орк, своей изобретательностью и остроумием, чтобы все их преодолеть. И вовсе не надо для этого быть занудой-конформистом, как ты выражался на прошлых сеансах. Ты боишься стать винтиком, частью системы, если будешь вести себя согласно определенным морально-этическим нормам. Но можно быть заядлым индивидуалистом, не будучи при этом асоциальным элементом.

— Да, — сказал Джим, но было заметно, что он не до конца в этом уверен. — И все-таки есть вещи, которые я хотел бы выяснить. Мозг-призрак, к примеру. Что же это все-таки такое? Я не думаю, что будут какие-то перемены, если он овладеет Орком. Он ведь будет вести себя в точности как Орк. В каком-то смысле он и будет Орком. Так я, по крайней мере, думал. Но...

— Что но?

— Перед тем как я расстался с Орком в последний раз, мне было так паршиво, что я не очень-то обращал внимание на мозг-призрак. Мне показалось, что он потеснил меня. То ли придвинулся, то ли разросся — смотря как на это смотреть. Он будто бы окружил меня или взял в клещи, что ли. Как гигантская черная амеба, которая окружает и поглощает более мелкую клетку. Не уйди я прямо тогда — не знаю, что было бы. Я думал об этом на днях. Как вам такая идея? Я напрасно думал, что он завелся от этих голубых хлопьев на Антеме. А что, если он — смотрите не упадите, — если мозг-

призрак совсем не пришелец какой-то, угрожающий Орку? Если это просто теневая сторона мозга Орка? И это мозг Орка вознамерился меня поглотить, а я-то принимал его за какую-то зловещую враждебную тень? И пугал себя мыслями, что он опасен для Орка. Но если в мозгу Орка не было иных чужаков, кроме меня? И что-то в Орке почуяло меня и собралось истребить? Сам Орк этого не сознавал. Но какой-то механизм в его нервной системе автоматически отреагировал на меня, как на врага. Если все это правда, то зря я боялся из-за силы, которая будто бы вот-вот одолеет Орка и вышвырнет его вон. Но все-таки у меня был хороший повод для боязни. Ведь это я должен был стать жертвой, побежденным, или, скажем лучше, съеденным! Только съел бы меня не кто иной, как Орк.

— Превосходная гипотеза. Вполне вероятно, даже вероятнее всего, что так и было дело. Поздравляю тебя с блестящим решением этой задачи.

— Спасибо. Только вы не сказали, правильно я решил или нет.

— Нет, не сказал — но очень возможно, что правильно. Если ты считаешь, что правильно, значит так и есть. Кому и знать, как не тебе. — Доктор улыбнулся и встал. — Время наше вышло, Джим. До следующего сеанса. — Он включил интерком. — Винни, пригласите, пожалуйста, Санди Мелтон.

Джим неохотно, чувствуя, что они далеко не обо всем поговорили, вышел в приемную, кивнул Винни и открыл дверь в коридор. В тот момент там никого не было. Из-за чьей-то полуоткрытой двери слышалась музыка. Подойдя поближе к комнате Сью Бинкер, он узнал песню Филипа Гласса «Эйнштейн на пляже» в записи «Томато Мьюзик», единственной фирмы, которая не боялась выпускать нечто нестандартное.

Проходя мимо двери, Джим заглянул в щель. На стенке он увидел мантру Сью Бинкер. Это был петельчатый крест, древнеегипетский анкх, сделанный из обложек фармеровского цикла. Картинка на обложке британского издания «Личного космоса» привлекла внимание Джима. Там, на фоне фантастического пейзажа, были изображены Кикаха с Рогом Шамбаримена и искусственно созданная гарпия, Подарга. Она то ли атаковала Кикаху, то ли намеревалась его трахнуть.

Вушш!

Звук за пределами слышимости.

Джима тянуло в верхнюю петлю креста.

Ушко раскрылось и пропустило его.

Он и ахнуть не успел, как очутился в Орке.

Позади, или как бы позади, раздался другой неслышный звук. Это с лязгом захлопнулась железная дверь.

Откуда-то Джим уже знал, что юного властителя теперь называют уже не Рыжим Орком, а Кровавым. Этот титул он заслужил многочисленными убийствами — как властителей, так и леблябиев. Он стоял на краю горного плато в отблесках мерцающего багрового света, который шел откуда-то из-за горизонта, застилая синее небо. Вокруг стояли воины, все леблябии, в зеленых доспехах, с алыми перьями и густо татуированными лицами. Из лучевых орудий размером с гаубицу они обстреливали войско на равнине. Пурпурные лучи поджигали лес, землю и людей; огромные деревья и человеческие тела взлетали на воздух в черном, с примесью красного, дыму.

То, что туземцев допустили к столь совершенному оружию, означало, что война между Орком и Лосом перешла в последнюю, отчаянную фазу. Раньше леблябиям не разрешалось пользоваться ничем, кроме самого примитивного оружия. Стоявшие на равнине войска (армия Лоса) в свою очередь вели обстрел, откалывая куски от скал, и воины Орка падали, увлекаемые обломками, в пропасть глубиной четыре тысячи футов.

Рыжего Орка очень беспокоил мерцающий багровый свет на горизонте. Он предполагал, что это дает о себе знать давно забытое, еще дотоанское оружие, секретом которого Лос овладел во время своих долгих странствий, убегая от Орка. Сейчас Орк больше чем когда-либо, жалел, что не убил Лоса тогда, в Голгоноозе, кастрировав его. Пока Орк хлопотал возле матери, Лос бежал.

Орк видел в дыму, как надвигается на плато стена, грозная, как око разгневанного бога. В ней клубились оранжевые сгустки, которые, падая, оставляли за собой огромные кратеры (такие же, как на земной Луне, по прикидке Джима). Эта сила уничтожит и властителей-союзников Лоса, и солдат-леблябиев еще прежде, чем доберется до армии Орка. Лосу, который, как видно, управлял этим апокалиптическим оружием издалека, до этого дела не было. Он был готов расколоть планету пополам, лишь бы погубить сына.

Орк повернулся и бросился к вратам, которые установил поблизости на всякий случай.

Когда Рыжий Орк проскочил в них, Джим сумел освободиться, пропев заклинание сибирского шамана. При этом он почувствовал боль, словно был привязан к Орку пуповиной, которую оторвали от него вместе с мясом.

Боль эта быстро прошла. Джим снова услышал два беззвучных звука: шорох и лязг. Он уже достаточно времени находился в переходной фазе, чтобы надеяться, что вернется в свое тело.

Не тут-то было. Он снова оказался в Орке — правда, в другое время и в другом месте. Этот мир ранее принадлежал Увет, прозванной Буря, одной из жестокосердных дочерей Уризена, союзнице Лоса в его апокалиптической борьбе с Орком. Орк, после подобающих пыток, убил ее. Прошло уже много лет как Орк бежал с расколотой пополам планеты.

Джим застал Орка в пылу любовного акта с собственной дочерью Валой, названной в честь его тетки. Его экстаз был так велик, что казалось, будто огненные шелковые нити опутывают его чресла. Вокруг звучал хор голосов, слишком прекрасных, чтобы быть реальными.

Джим нащупал тень мозга-призрака, но тот если и приближался, то очень медленно. Потому, сообразил позднее Джим, что Орк был почти без остатка поглощен наслаждением. Огненные шелковые нити опутали и Джима, но он сделал самое отчаянное в своей жизни усилие — и ускользнул.

Он стоял в больничном коридоре на половине шага, который сделал, увидев мантру Сью. На путешествие у него ушло всего полсекунды по земному времени.

Джим замер, повернулся, закрыв один глаз, чтобы не видеть мантру, и устремился обратно к доктору Порсене. Нет, к нему нельзя: у него сеанс с Санди Мелтон. Но ведь он сам велел Джиму тут же обратиться к нему или к другому врачу, если Джима потянет назад. И Джим обещал, что так и сделает, хотя тогда его позабавила мысль о том, что он может не устоять перед зовом сирен Многоярусного мира.

Дрожа, весь в поту, с тревогой, сидящей в нем, как черная наседка на черных яйцах, Джим побежал к доктору Тархуне.

Джим верил теперь, что ад существует. И помещается он в Рыжем Орке, в мирах властителей. Там же помещается и рай — одно не может существовать без другого.

Джим ни того ни другого не хотел.

— Матерь Божия! — завопил он, врываясь в кабинет. — Помогите мне! Помогите!

ГЛАВА 31

Доктор Порсена сидел у себя в кабинете и обдумывал свой следующий сеанс с Джимом Гримсоном. Это будет последний сеанс Джима в качестве стационарного пациента. В этот же день он перейдет на житье к Вайзакам. Расставание с больничной обстановкой будет для него пугающим. Выписка порой травмирует не меньше, чем помещение в больницу. Однако Джим сейчас гораздо лучше оснащен духовно и эмоционально против потрясений и забот «внешнего мира», чем в ту ночь, когда его доставили сюда.

Джим подвергался большой опасности навсегда застрять в коконе своих фантазий. Он мог бы, полностью ушедший в себя, не реагирующий ни на какие стимулы за пределами своего мозга, до конца дней разыгрывать у себя в голове приключения Рыжего Орка. При этом он перестал бы быть Джимом Гримсоном, сотоварищем Орка в умственной и физической жизни. Джим весь ушел бы в Орка, как вода в сухую губку, и от него не осталось бы и следа.

После спонтанного возвращения Джима в иной мир его оставили в больнице еще на неделю. Интенсивное лечение начали только после того, как продержали Джима несколько дней на транквилизаторах. Потом ему прекратили давать торазин, но предоставили столько индивидуальных сеансов, сколько ему потребуется. И Джим, и психиатр в этот период почти не знали сна. Порсене, кроме занятий с Джимом, приходилось выполнять свое обычное расписание.

Тем временем застукали Алого Буквовщика — он как раз прикреплял к стенке очередное сортирное изречение. На сей раз, однако, он целил выше и проделывал это в кабинете доктора Сцеволы. Преступником оказался калека, Младшенький Вуниер, и Порсену это не удивило. Вуниер всегда держался очень вызывающе.

Хотя он обещал отказаться от расклейки своих эпиграмм, его в виде наказания лишили некоторых льгот. Вуниер не возражал. На какое-то время он стал героем среди больных.

Из последнего визита родителей Джима в назначенный день ничего не вышло. Порсена не мог разрешить Джиму с ними увидеться — пациент был не в том состоянии, чтобы подвергнуться травмирующим впечатлениям. Психиатра приятно удивило, что Гримсоны согласились отложить отъезд в Техас до тех пор, пока не поговорят с сыном. Теперь эта встреча наконец состоялась — и с результатом, которого Порсена не ожидал.

Кое-что в рассказах Джима озадачивало и тревожило доктора. Это побудило Порсену провести некоторые исследования, хотя он и чувствовал себя при этом немного глупо. Джиму он об этом не сказал и не собирался говорить. Долго еще — а возможно, и никогда.

Похождения Джима задели некий колокол в уме Порсены. По волнам волшебного моря пронесся слабый звон. Желая удостовериться, что беспокоится он напрасно, доктор позвонил своей знакомой, доктору Мэри Брицци. Она была не только профессором английской литературы, но и заядлой читательницей фантастики всякого рода. Порсена назвал ей имена властителей, места и события, о которых упоминал Джим, не сказав, что почерпнул все это у своего пациента.

— Это все из «Дидактических и символических трудов» Уильяма Блейка, — сказала Брицци. — Но кое-что упоминается и в цикле Фармера, как тебе известно. А некоторых властителей, о которых пишет Фармер, нет у Блейка. Это уже вопрос творческого воображения. И родственные отношения между властителями у Фармера тоже несколько отличаются от блейковских.

А сведения Джима отличаются и от фармеровских, и от блейковских, подумал Порсена.

— Блейковский город Голгонооза и некоторые властители, например, Манату Ворсион, Иаджим и Зазель из Мира Пещер, у Фармера не упоминаются. Фармер также пока нигде не писал, что Рыжий Орк был некогда человекозмеем. У Блейка Рыжий Орк действительно был превращен на время в подобие змеечеловека. Но это сделал не Лос, его отец. Я проверю, но, по-моему, это был другой властитель, Уризен. То, что из тела Орка выделяются драгоценности, — это тоже есть у Блейка. В последней книге Фармера имеется любопытная интерлюдия. Кикаха видит вдали старика в странных одеждах, явно не властителя. Я думаю, что этот старик — Уильям Блейк, и это будет открыто в следующем романе, если он будет написан. Но как мог Блейк, умерший в 1827 году, явиться живым в карманных вселенных властителей, мне неясно. Возможно, Фармер объяснит это в следующей книге. Можно спросить, что заинтересовало тебя, как психиатра, в этих двух мифотворцах?

— Они фигурируют в работе, которую я пишу, — сказал Порсена. — Если опубликуют, пошлю тебе экземпляр.

Повесив трубку, доктор надолго задумался. Допустим, говорил он себе, что параллельные миры и искусственные карманные вселенные действительно существуют. Допустим,

что существуют властители. Допустим также, что Блейк каким-то образом получил информацию о них. Теория Джима о том, что Фармер узнал о карманных вселенных через «щели» или «вибрацию» в их смежных с Землей стенах, возможно, не лишена основания — если не лишена его сама предпосылка. Допустим на минуту, что и Блейк получил какие-то образы или иные сведения через те же щели. И эти образы легли в основу его «Дидактических и символических трудов».

Блейк, признанный гений и, возможно, сумасшедший, перемешал сведения о тоанских мирах с иудейско-христианской теологией и прочими концепциями. Результатом этого явились «Труды» — смесь истины, поэзии, мистики и аллегорий.

Но как мог Фармер, американский писатель, родившийся через девяносто один год после смерти Блейка, настроиться на волну практически той же самой информации? Следует отметить некоторое сходство между биографиями Блейка, Фармера и Гримсона. Всех троих посещали яркие видения или устойчивые галлюцинации. Блейк и Гримсон впервые испытали их в раннем возрасте. Фармер — будучи взрослым человеком. Он утверждает, что два раза видел привидения и наблюдал два мистических явления. Ни один из троих во время этих видений не находился под действием наркотиков.

Имеет ли какое-то значение эта непрочная связь между тремя людьми? Существуют ли параллельные вселенные, с которыми эти трое каким-то образом вступили в контакт?

Нет, нет, нет! Не может он, доктор Порсена, считать обоснованными ни эту предпосылку, ни вытекающие из нее рассуждения. Наиболее рациональное объяснение — это то, что фантастическая поэзия Блейка не имеет ничего общего с вибрацией, утечкой и щелями в стенах. Фармер частично использовал в своей работе произведения Блейка. А Джим Гримсон определенно читал что-то из Блейка, хотя и не помнит этого. Впрочем, он сам признавался, что часто читал в состоянии наркотического или алкогольного опьянения.

Ну а рубцы от кнута? Но ведь встречаются же стигматы, сопровождаемые повреждениями кожи.

Джим утверждает, что стал специалистом по обработке кремня и обладает обширными познаниями в химии. Это можно проверить.

Утверждает он также, что бегло владеет тоанским языком. Это проверить еще легче. Ни один восемнадцатилетний парень, ничего не смыслящий в лингвистике, не выдумает язык

как систему — с синтаксисом, словарем и правилами произношения. Не будет у него и такого словарного запаса, как у властителей.

Порсену настораживал один факт. Его чуткое ухо уловило, что Джим, выпаливая тоанские фразы, произносит «р» в слове «Орк» самым неанглийским образом. Звук напоминал японское «р», хотя и не в точности. А все «т», за которыми следовала гласная, Джим произносил без придыхания. Отсутствовал легкий выдох после согласной, хотя обычно Джим выговаривал «т» с ним.

Доктор не допускал мысли, что Джим выдумывает. Парень искренне верил в то, что рассказывал. Однако человеческий мозг способен на самые неожиданные и самые невероятные выверты. Кому и знать об этом, как не психиатру.

Если проводить какие-то тесты, то делать это надо в секрете. Хороша будет репутация психиатра, коллеги которого решат, что он принимает заявления Джима всерьез. Впрочем, если откроется, что такие тесты все же проводились, можно будет подобрать какое-нибудь удовлетворительное объяснение. Например, исследование психологической базы бредовых идей пациента, их истории и тому подобное. Это уже законно.

Но этот проект придется отложить на будущее. Сейчас следует сосредоточиться на том, чтобы добиться излечения пациента или хотя бы ремиссии.

Винни сказала по селектору:

— Мистер Гримсон пришел, доктор.

— Пожалуйста, пусть войдет.

Джим вошел, поздоровался и сел. Вид у него был достаточно здоровый и уверенный. Темные круги вокруг глаз исчезли. Он улыбался. Но Порсена знал умение Джима делать хорошую мину при плохой игре. С другой стороны, мальчишке как будто нечего бояться. Возможно, ему даже не терпится уйти к Вайзакам и зажить почти что нормальной жизнью. Во время сеанса выяснится, что он там испытывает на самом деле.

— До сих пор опомниться не могу! — воскликнул Джим. — Кому бы в голову пришло, что мой папаша вдруг станет просить прощения за то, что он сделал со мной? Я вообразить себе не мог, что он расплачется, как ребенок, упадет на колени и будет умолять, чтобы я его простил! Никак мне не верится, что он это от души. В следующий раз он опять будет тем же старым сукиным сыном, что и всегда!

Но я и сам расчувствовался — и простил его, правда простил. Тогда. Но нельзя сказать, что я больше не держу на него зла.

— Я твоего отца не лечил, поэтому имею только поверхностное понятие о его характере и мотивах. Но из собственной практики и из историй болезни чужих пациентов мне известно, что подобные повороты в поведении случаются.

Доктор подумал о том, что раскаяние Эрика и его мольба о прощении имеют свою параллель в «Трудах» Блейка. Доктор Брицци сказала ему, что Лос и Энитармон раскаялись во всем зле, которое причинили сыну. И поспешили загладить свою вину, в точности как Эрик.

Брицци была заинтригована, когда Порсена стал спрашивать ее, действительно ли Рыжий Орк кастрировал своего отца и съел его яйца.

— У Блейка ничего подобного нет. У Фармера тоже. Откуда ты это взял?

— Из фантазий моего пациента.

— Вот как? Ну что ж, яйца Лоса все равно должны были регенерировать, отрасти заново, если верить тому, что пишет Фармер о биологических возможностях тоанов. Твой пациент занимается Блейком или Фармером?

— И тем, и другим. Это все, что я могу тебе сказать о нем.

Порсена решил, что кастрация и каннибализм проистекают целиком и полностью из желаний-фантазий Джима. Ни Блейк, ни Фармер ответственности за это не несут. И это, конечно, только совпадение, что и отец Джима в реальности, и родители Орка у Блейка просили прощения у своих сыновей.

— Извини, Джим, — сказал доктор. — Я задумался. Ты твердо решил жить у Вайзаков? Не привлекло тебя предложение родителей переехать к ним, как только они встанут на ноги?

— Нет уж. Я останусь тут, даже когда закончу терапию. Отец, может, и был откровенен в тот момент, но боюсь, что вскорости все вернется в то же гнусное старое русло. Как-нибудь съезжу их навестить. Только не сейчас и вообще не скоро.

В последующей беседе Порсена подчеркнул трудности и опасности, с которыми сталкивается амбулаторный пациент

— Думаю, миссис Вайзак окажет на тебя стабилизирующее влияние. Ты говорил мне, что она сторонница строгой дисциплины — именно такой человек тебе и нужен. Но она

может начать относиться к тебе как к приемному ребенку, как к замене покойному сыну. Начнет душить тебя любовью и будет с тобой не так строга, как была с Сэмом. Иначе говоря, сделает из тебя баловня, боясь потерять и тебя тоже. Есть также возможность, что ты станешь относиться к ней, как к матери. Поосторожнее с этим. Она не твоя мать, которую ты упрекал за то, что она не заступается за тебя перед отцом. Она просто миссис Вайзак, великодушная женщина, принявшая тебя в свой дом. Помни об этом и сообщай мне обо всем, что будет у вас происходить.

— Хорошо. Думаю, все будет в порядке.

Они поговорили о джимовой процедуре «расставания», которая уже началась. Джим пользовался методикой, разработанной другими пациентами. На соответствующей стадии терапии отрываешь обложку от первой книги цикла, а потом начинаешь отрывать страницы одну за другой, и так до конца. Потом берешься за вторую книгу — и так до последней. Джим решил, что пойдет дальше других и поместит вырванные страницы в дробилку для мусора.

Джим согласился с доктором в том, что не станет перечитывать ни одну из книг цикла. Судя по словам Джима, Порсена мог не беспокоиться на этот счет. Джим даже на их обложки не мог смотреть спокойно, так он боялся второго спонтанного возвращения.

— Никогда больше не хочу возвращаться в этого злобного сукина сына! — говорил он.

Потом они поговорили о средствах, которыми пользовались пациенты для входа в иные миры. Многие считали мантры и заклинания магическими приемами. Одной из задач терапии на последних стадиях было убедить пациентов, что все эти средства относятся к области психологии, а не магии.

— Такого явления, как магия, не существует, — сказал Порсена. — Но если пациенту удобнее считать, что он входит в другой мир с помощью магии, мы его не разубеждаем. Лишь бы получалось — это для нас главное. Но нежелательно, чтобы пациенты в стадии ремиссии или излеченные полностью продолжали верить в магию. Только, пожалуйста, не говори это тем, кто еще не достиг твоей стадии.

Когда Джиму пришло время уходить, он встал и они с доктором обменялись рукопожатием.

— Я ведь не насовсем ухожу, мы с вами будем видеться раз или два в неделю, — сказал Джим. — И все-таки это как прощание. — Он подошел к двери, но остановился на

пороге. — В мирах властителей мне встречалось много тайн. Почти все я разрешил или, по крайней мере, нашел им хорошее объяснение. Но в тайну тайн так и не проник.

— Что за тайна тайн?

— Если все вселенные, кроме первоначальной, были созданы властителями, то кто создал первоначальную? И зачем?

— Только молодые способны всерьез заниматься вопросами мироздания. Когда ты достаточно подрастешь, чтобы понять, что ответов на эти вопросы нет, ты перестанешь спрашивать.

— Надеюсь, что никогда не вырасту настолько.

Порсена улыбнулся. Эта улыбка, наверное, кажется Джиму столь же загадочной, как у сфинкса. Парень, возможно, считает, что за этой гранитной египетской улыбкой скрывается мудрость веков.

И точно, скрывается. Потому что доктор знает о тайнах бытия столько же, сколько и сфинкс, а именно — ничего.

Тайны тайн неразрешимы и в этом мире, и во всех других.

Самое большее, что может сделать человек, — это попытаться решить «мелкие» тайны. Они достаточно велики для нас.

ПОСЛЕСЛОВИЕ
Д-РА Э. ДЖЕЙМСА ДЖАННИНИ

I

Однажды, в ничем не примечательный день, одна замечательная английская девочка по имени Алиса прошла сквозь зеркало — и очутилась в причудливом фантастическом мире. Алиса была единственной в своем роде, поскольку ей удалось войти в фантазию, созданную другим человеком, а затем вернуться в альтернативный «реальный» мир. Возьмем для сравнения шизофреников и прочих психотиков — они обитают в своих собственных бредовых мирах и испытывают трудности с возвращением в реальный мир — в систему, общую для человечества. Дети тоже часто живут в тайном мире своей фантазии. Они почти не знают проблем, лавируя между двумя этими планами — фантазии и реальности, — но не умеют ввести взрослых в свой тайный мир.

Потому так и трудна работа психиатров, что им недостает волшебного дара Алисы. Каждый пациент с бредовыми идеями — истинный властелин своей собственной вселенной. Каждая такая вселенная уникальна и присуща лишь данному индивидууму. У нее своя территория, своя база памяти и свой символический язык. Если психотерапевт проникнет в такой мир, он получит возможность найти корни изначальной травмы и добиться желаемого результата. К несчастью, пациент оставляет за собой право менять свою персональную реальность, когда только захочет. У одних такие перемены происходят хаотически, у других, видимо, лишь тогда, когда им грозит неизбежное вторжение в их мир.

Знаменитый английский психотерапевт Р. Д. Лэнг создал школу, согласно которой шизофренический психоз предлагается считать альтернативным, полноценным вариантом реальности. Эта модель представляется полезной, по крайней мере, на ранней стадии терапии. Однако попытка проникнуть в суть психоза требует высокого профессионализма и большой затраты усилий. Эти затраты часто пропадали втуне. Пациент, единственный владелец своей бредовой системы, контролировал доступ в нее и менял ее форму.

Отчаявшись проникнуть за железный занавес, многие психиатры предпочитают полагаться на особый класс лекарственных средств, называемых нейролептиками, и с помощью этих средств борются с психозами. Мне всегда казалось, что это решает классическую проблему врача лишь наполовину. Нейролептики, используемые без применения других методов, снимают симптомы, но не устраняют причину расстройства. А с исчезновением бредовых симптомов может исчезнуть и ключ к причине, собственно и вызвавшей подобный бред.

Алисе удалось пройти сквозь альтернативный мир невредимой. Этому миру была присуща некоторая стабильность. Если некоторые персонажи в нем и меняли форму, например, ребенок Герцогини, основа шахматно-зазеркального мира оставалась незыблемой. Именно доступность и стабильность делает этот мир столь привлекательной альтернативой запертой наглухо зыбкой трясине, которую являет нам бредовая субреальность отдельного пациента. Бальзамом для психотерапевта, следовательно, мог бы стать мир с некими твердыми точками опоры и дверью, обеспечивающей свободный вход и выход.

За время моего пребывания в Йейле в качестве психиатра я встречался со многими пациентами, чьи миры были для меня закрыты. Их страхи и мои нейролептические средства казались мне двойной печатью, навсегда преграждающей мне доступ к тем коренным источникам страха, что отталкивали пациентов от реальности. В Йейле я и пришел к мысли использовать научную фантастику или «фэнтэзи» в качестве альтернативной реальности, которую мы с пациентом могли бы исследовать вместе.

К счастью для себя, я открыл цикл Филипа Хосе Фармера «Многоярусный мир». Он показался мне идеальным средством для исследования и лечения психических расстройств. «Врата» обеспечивают легкий доступ в его миры. Характеры привели бы в восторг Юнга: это целый набор архетипов, прямо-таки созданных для ретроспективного анализа. Разнообразие карманных вселенных предоставляет богатый, но ограниченный строгими рамками выбор реальностей.

На подступах к «многоярусной терапии» я попросил нескольких пациентов с психотическими симптомами прочесть серию Фармера. Далее в процессе терапии мы стали обсуждать не поступки самих пациентов, а сюжеты книг. Затем эти беседы приобрели более четкую фокусировку, чтобы пациент мог соотнести свой жизненный опыт с опытом персонажей

Фармера. Теперь, когда пациент в промежутке между нашими сеансами испытывал стресс и, соответственно, срыв, в его психотическую реакцию все больше вклинивался «Многоярусный мир». По мере того как книжная вселенная вытесняла сугубо идиосинкразические формы альтернативной реальности, я получил возможность проникнуть в укромный мир своего пациента. Я чувствовал себя астрономом, который долго наблюдал Марс в кривом зеркале и наконец получил возможность ступить на красные пески этой планеты собственными ногами. И поскольку мы с пациентом встречались на общей планете, терапия быстро двинулась вперед.

Я отметил, что этот способ дает наилучшие результаты с подростками и молодыми людьми. И самыми большими энтузиастами были любители чтения. Особенно больших успехов добивались юноши и девушки, считавшие себя непригодными для жизни в нашем времени. Некоторые из них страдали психозами, другие слишком глубоко ушли в свой вымышленный мир. Переехав в Огайо, я нашел целый отряд желающих (и сочувствующих им родителей), которые быстро усвоили принципы «многоярусной терапии». Поскольку пациенты не стеснялись высказывать свои мысли, я использовал мощный фактор групповой терапии и тем обеспечил участие в проекте врачей.

В обычной групповой терапии предмет обсуждения (содержание) не столь важен, сколько сам процесс. В конце концов, лицо реки создает течение, а не химический состав воды. Но поскольку каждый наш пациент испытывал в многоярусных мирах нечто уникальное, мы вернули содержанию его роль — и получили хорошие результаты. Все члены нашей группы пользовались теми же основными символами и архетипами, что давало им возможность свободно общаться, ускоряя тем процесс терапии. В общении пациенты получали возможность постепенно разрешить свои изначальные конфликты и вернуться в реальный мир. Пользуясь «многоярусным миром» как промежуточной станцией, они двигались от своей особой реальности к реальности, разделенной с другими, а от нее — к общей для всех человеческой реальности.

II

Рассказ Фармера о том, как проводят многоярусную терапию в Веллингтоновской больнице, очень верно отражает суть нашей деятельности. Наша терапия — живой процесс и постоянно подвергается эволюции. Мы много раз прерывали ее и продолжали вновь. Каждый новый этап приносил с собой

множество усовершенствований. Как подчеркивает странно знакомый мне доктор Порсена, вся штука в том, чтобы терапия служила введением в реальность, а не заменяла ее. Как правило, наши пациенты были способны отличать свои бредовые идеи и фантазии от реальности — реальность их просто не устраивала. В тяжелых случаях многоярусная терапия пока не применялась. Шизофреникам не подходит терапевтическая система с использованием развивающихся реальностей.

Читая описание групповых сеансов и индивидуальной реакции на них, я чувствовал себя так, будто наблюдаю одну из моих собственных групп. Хотя Филип Фармер ни на одной из них не присутствовал, воссоздал он это очень точно. Все лица и события у него полностью вымышлены, но любой из моих бывших пациентов или коллег найдет в них нечто знакомое.

Сейчас готовится работа о многоярусной терапии, где будут проанализированы все компоненты нашего метода. Можно надеяться, что мои коллеги по профессии пожелают внедрить этот метод в свою практику. Однако научный труд, будучи необходимым для распространения знаний, строится по иному образцу, чем сама исследовательская работа с ее этапами: эксперимент, анализ и разработка. А вот роман, хотя и опускает множество деталей, верно воспроизводит весь жар и пот научного поиска. Автор «Гнева Рыжего Орка» интуитивно чувствует суть психотерапии. Читая эту книгу, мы вместе с Джимом вступаем в реальный мир и берем жизнь в свои руки.

III

Алиса научилась бегать в два раза быстрее и стала королевой. Тогда она смогла выйти с обратной стороны зеркала и вернуться в Англию.

Содержание

От издательства 5

МНОГОЯРУСНЫЙ МИР

Лавалитовый мир, роман,
перевод С. Трофимова 7

Гнев Рыжего Орка, роман,
перевод Н. Виленской 211

МИРЫ ФИЛИПА ФАРМЕРА

Собрание фантастических произведений

Том третий

Составитель *Д. Смушкович*
Редакторы *М. Проворова, А. Александрова, Д. Смушкович*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *И. Лаздина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Оформление обложки: *И. Леонтьев*
Оформление шмуцтитулов: *М. Ермаков*

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

ЛР № 062455 от 23.03.83.
Подписано в печать 7.03.96. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Гарнитура Антиква. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 1729. С 141.

Издательство «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Лавалитовый мир

Заброшенные на постоянно меняющуюся планету Кикаха-Ловкач и его подруга Анана Светлая пытаются найти врата в иные вселенные, прежде чем Лавалитовый мир сведет их с ума. Но Уртона и Рыжий Орк, их невольные спутники, неспособны прекратить вражду даже под страхом гибели...

Гнев Рыжего Орка

Джим Гримсон никогда не хотел кастрировать отца и стать мужем собственной сестры. Но это не представляло трудностей для Рыжего Орка, самого жестокого из властителей. Вначале курс психотерапии казался Джиму глупой игрой. Но, когда он вошел в тело и разум Орка, все изменилось. И теперь Джиму приходится отстаивать собственную независимость, в то время как черты безжалостного властителя начинают проявляться в нем самом...

ПОЛАРИС